Н.М.ЯЗЫКОВ

СОЧИНЕНИЯ

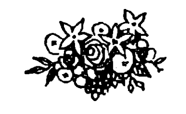
Н.М.ЯЗЫКОВ

Н.М.ЯЗЫКОВ

СОЧИНЕНИЯ

ЛЕНИНГРАД
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1982

ББК 84.Р1

Поэтические тексты печатаются по изданию:
Языков Н. М. Полное собрание стихотворений. М.—Л., «Советский писатель», 1964 («Библиотека поэта», большая серия, 2-е издание)

Составление, вступительная статья, примечания *А. А. Карпова*

Оформление художника
Э. Капелюша

Я $\frac{4702010100-078}{028(01)-82}$ 37-82

СУДЬБА НИКОЛАЯ ЯЗЫКОВА

«Языков пользуется у нас завидною участию ⟨...⟩ кто не знает Языкова? Возьмите любого молодого человека, который читал что-либо, начните читать ему некоторые из стихов Языкова, и он наверное доскажет вам остальное. И мудрено ли? У многих ли из наших поэтов найдете вы эту возвышенность, благородство чувствований, эту любовь к картинам родной истории, ко всему русскому, это обилие кипучих мыслей, выраженных языком сильным, оригинальным, гармоническим?»[1] Так писал в 1833 году, откликаясь на выход сборника стихотворений Николая Михайловича Языкова (1803—1846), один из критиков. В его восторженном отзыве не было преувеличения. В конце 1820-х — начале 1830-х годов, в период расцвета своего дарования и наибольшей творческой продуктивности, Языков сопоставим по популярности с самим Пушкиным, имя его не тускнеет даже среди наиболее ярких имен той эпохи, вошедшей в историю как «золотой век» русской поэзии.

Высокая литературная репутация Языкова утверждалась легко и стремительно. Он дебютирует в печати в 1819 году, когда журнал «Соревнователь просвещения и благотворения» публикует — «в поощрение возникающих дарований молодого поэта» — стихотворение шестнадцатилетнего воспитанника петербургского Горного корпуса «К Ал. Кулибину». В 1822 году известный писатель и журналист А. Ф. Воейков предсказывает начинающему автору «блистательные успехи на поприще словесности», а годом позднее А. А. Дельвиг в сонете «Н. М. Языкову» уверенно предрекает: «Младой певец, дорогою прекрасной Тебе идти к парнасским высотам...». «Здесь нашел я стихи Языкова. Ты изумишься, как он развернулся и что из него будет. Если уж завидывать, так вот кому я должен бы завидывать ⟨...⟩ Он всех нас, стариков, за пояс заткнет»[2], — эти слова, вызванные стихотворением

[1] Северная пчела, 1833, № 74.
[2] Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 13. М. — Л., изд-во АН СССР, 1937, с. 305.

«Тригорское», относятся к 1826 году и принадлежат Пушкину (письмо к П. А. Вяземскому от 9 сентября). Число подобных суждений легко может быть умножено. И важно отметить, что во всех них, наряду с признанием значительности уже созданного писателем, постоянно звучит и другой мотив — восприятие сегодняшнего дня языковской поэзии как залога еще более прекрасного будущего, отношение к нему как к блестящей надежде отечественной литературы. Светлые творческие ожидания ярко окрашивают в ту пору мысли и чувства и самого молодого поэта.

Становление Языкова-художника приходится на 1820-е годы — так называемый «дерптский» период его жизни и творчества. В Дерпт (ныне Тарту) поэт приезжает в конце 1822 года, с тем чтобы продолжить образование в здешнем университете. Оставит он этот город лишь спустя шесть с половиной лет. Выбор места учебы не был случаен. В годы усилившейся реакции в области просвещения Дерптский университет — лучший в России. В нем сохраняются тесные связи с передовой европейской наукой, поддерживаются дух и традиции «академической» вольности.

Поступив на философский факультет, Языков с присущей ему горячностью принимается за учебу. Круг его интересов широк — может быть, чрезмерно широк. Он слушает лекции по различным разделам истории, эстетики и философии, по истории искусства, физике, географии, русской словесности, праву и т. д., изучает древние и новые языки, следит за новинками русской и западноевропейской науки и литературы. Причем эти интенсивные занятия не воспринимаются Языковым как подготовка к будущей профессии (состоятельный помещик, он не задумывался о приобретении средств к существованию), но и не превращаются в бесцельное накопление знаний. Рано осознав свое литературное призвание, поэт и на учебу в университете смотрит как на приготовление к этому главному делу своей жизни. Желание подкрепить талант всесторонней и глубокой ученостью — характерная черта молодого Языкова, готовящегося занять высокое место на «русском Парнасе».

Обстановка, в которой оказывается в Дерпте начинающий писатель, стимулирует быстрый процесс его идейного и художнического самоопределения. «Не только университетские лекции и книги образуют человека, но самая студенческая жизнь; даже сходки и пирушки некоторым образом способствуют его развитию, дают крепкую веру в просвещение, в прогресс человечества и на деле убеждают в ненужности, вреде излишних помочей и так называемого отеческого попечения о подданных,— напишет много позже в своих воспоминаниях о Языкове его дерптский товарищ А. Н. Татаринов.— Вообще говоря, человек, бывший в университете, дышит вольнее и действует независимее и благороднее, не-

жели тот, кто воспитывался в разного рода казармах»[1]. Неопределенное, но искреннее и горячее стремление к патриотическому подвигу, культ дружбы как благородного союза духовно независимых людей и, в первую очередь, романтическая жажда неограниченной свободы личности в любой области жизни — искусстве, любви, политике или повседневном поведении — вот что определяет тематику и пафос языковской поэзии дерптских лет.

Еще в раннем, незрелом и подражательном, творчестве поэта наметилось важное для его сознания контрастное сопоставление «обманчивого света», «где скука обитает, Где искренности нет», и мира простых радостей, «дружества», добродетельной жизни, отданной наукам и искусству. Такое противопоставление, бывшее одним из общих мест русской предромантической и раннеромантической литературы первых десятилетий века, не заключало в себе ничего оригинального. Однако в нем, как и в умеренном (и также лишенном своеобразия) эпикуреизме молодого Языкова, заключались истоки образов и тем, отличающих его произведения лучшей поры. Признаки преображения традиционного появляются уже в самом начале дерптской жизни. Новизна обнаруживается в том, что в центре произведений оказывается теперь не наслаждающийся природой и покоем условно-литературный «юноша-мудрец», а обостренно переживающий каждое мгновение бытия молодой герой, в том, что идеал личной независимости, естественности не рисуется больше вяло-идиллически, а утверждается энергично, настойчиво. Создаваемый образ «мира свободы» конкретизируется, оказывается тесно связанным с подлинной обстановкой жизни поэта-студента и его реальной личностью.

Биографизм поэзии Языкова очевиден на всем протяжении его литературного пути. Так, свойственная молодому писателю в дерптские годы постоянная творческая «заряженность», мгновенность поэтической реакции на события внешней и внутренней жизни обусловили не просто значительную художественную продуктивность, но также пестроту входящих в его поэтический мир жизненных явлений. Не только привычные темы — исторические события, размышления о призвании художника или перипетии любовных отношений — ложатся в основу его сочинений. Поводом для их создания становятся студенческие пирушки, перемены в жизни товарищей, приглашения на обед. В стихотворную форму облекаются отчет о совершенном путешествии, благодарность за присланный табак, просьба денег взаймы и даже жалобы на отсутствие

[1] Языковский архив, вып. 1. Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822—1829). СПб., 1913, с. 397. (Далее при ссылках в тексте на это издание принято сокращение — ЯА, с указанием номера страницы.)

вдохновения. Эта особенность рождала у читателей языковских произведений впечатление тесной связи его творчества с жизнью, естественности, непроизвольности поэтического отклика на большие и малые ее события:

...ты, Языков вдохновенный,
В порывах сердца своего,
Поешь, бог ведает, кого,
И свод элегий драгоценный
Представит некогда тебе
Всю повесть о твоей судьбе, —

писал в четвертой главе «Евгения Онегина» Пушкин. «Материалами для истории состояния моего духа в Дерпте» называл свои стихотворения той поры и сам поэт.

И вместе с тем биографизм творчества писателя не означал стремления к полноте и точности воспроизведения подлинных характеров и отношений. Глядя на мир сквозь призму своего романтического идеала, Языков изменяет и перестраивает его реальный облик. Конкретные характеры окружающих поэта людей, связывающие его с ними неоднозначные отношения преображаются, и перед нами возникают то отвлеченный образ возвышенного художника (таков Дельвиг в посвященных его памяти стихотворениях), то идеальная возлюбленная — вдохновительница поэта (А. А. Воейкова), то его пылкая любовница («цыганка Таня» московского цикла 1831 года). Гармоническим миром молодости и свободы предстает в языковской поэзии и студенческий Дерпт.

«Жизнь университетская есть единственный уголок нашего *тягостного мира телесных мыслей и забот*, куда еще укрылась и где еще таится поэзия бытия ⟨...⟩ Это героический век в жизни современной — гомеровский...» [1] Слова современника Языкова весьма точно выразили впечатление от произведений поэта дерптского периода, открывших русскому читателю новую область действительности. «Жизнь университетская» в изображении Языкова — праздничный мир сильных чувств и высоких помыслов, мир, в котором реализуется идеал полнокровного, не знающего запретов бытия («Мы здесь *творим* свою судьбу...»). Но именно поэтому он оказывается противопоставлен казенному духу самодержавной России. Отталкиваясь от ее реального облика, Языков строит образ студенческого Дерпта как его антитезу, характеризует его как край, где «нет ни скиптра, ни оков», где «поп и государь не оковали муз». Официальная система ценностей пародийно снижается поэтом. Клятве, данной монарху, в «Присяге» и «Второй

---

[1] Письмо В. Д. Комовского к Н. М. Языкову от 17. XI. 1831. — Литературное наследство, 1935, т. 19—21, с. 54. (С исправлением по автографу.)

присяге» противопоставляются шутливые обеты верности в любви. В одном из наиболее смелых произведений двадцатых годов — стихотворении «Гимн» («Боже! Вина, вина..») одновременно пародируются и гимн империи («Боже! Царя храни..»), и форма молитвы. Так созданный в языковской поэзии «студенческий комплекс», гармонически сочетавший в себе удальство и разгульную широту натуры с любовью к искусству и просвещению, а гедонизм — с жаждой славы, естественно дополняло и политическое вольномыслие.

Свободолюбивый характер творчества Языкова делает его в литературной жизни 1820-х годов естественным союзником писателей-декабристов. Поэт разделяет их эстетические лозунги создания общественно значимого искусства, национально самобытного по духу и форме. Он сотрудничает в «Полярной звезде» и других связанных с декабристским движением изданиях, а в конце 1824 года по рекомендации К. Ф. Рылеева избирается в действительные члены «Вольного общества любителей российской словесности», руководящее положение в котором также занимали будущие участники восстания. Среди немногих современных авторов, сочинения которых вызывали симпатии Языкова,— П. А. Катенин, К. Ф. Рылеев, В. К. Кюхельбекер. С мнениями писателей-декабристов перекликаются и некоторые из его критических суждений — восторженная оценка «Горя от ума», резкие отзывы о «незначительности» содержания первых глав «Евгения Онегина». Но, конечно, особенно важна близость к гражданской поэзии декабризма самих произведений Языкова. Это, в первую очередь, стихотворения на национально-историческую тему — «Песнь барда во время владычества татар в России», «Баян к русскому воину...», «Евпатий», «Новгородская песня» и др. Русская старина привлекает молодого писателя как эпоха, «когда люди сражались за свободу и отличались собственным характером» (ЯА, 29). Подобно литераторам-декабристам, он обращается в своем творчестве к векам русской славы и периодам борьбы против порабощения, разрабатывает тему Новгорода и Пскова как тему исконно русской «вечевой» вольности. Осмысленная таким образом, отечественная история оказывалась обращенной к сегодняшнему дню. В контексте русской действительности 1820-х годов призывно звучали, например, такие «либеральные» строки поэта:

Рука свободного сильнее
Руки, измученной ярмом, —
Так с неба падающий гром
Подземных грохотов звучнее,
Так песнь победная громчей
Глухого скрежета цепей!

«Баян к русскому воину...»

Остро актуален оказывался и созданный Языковым замечательный образ древнерусского певца-гражданина, возбуждающего в сердцах соотечественников жажду славы и свободы.

Декабристскими по духу были и вольнолюбивые стихотворения поэта, посвященные современности. Не случайно они были обнаружены в бумагах заговорщиков в ходе последовавших за подавлением восстания обысков, многие годы распространялись в составе сборников запрещенных произведений. Выразительно характеризует близость Языкову декабристских идеалов и настроений и тот факт, что его «Элегия» («Свободы гордой вдохновенье...») и отрывок из стихотворения «Не вы ль убранство наших дней...» долгое время воспринимались как произведения Рылеева.

В отличие от поверхностного либерализма многих современников Языкова, оказавшихся в начале 1820-х годов в сфере влияния декабристских идей, но быстро отошедших от них сразу после поражения восстания, вольнолюбивые настроения поэта были более глубоки и органичны. События 14 декабря он переживает как личную драму, называя те дни в одном из писем к брату «днями плача России» (ЯА, 253). «Дело заговорщиков, говорят, скоро кончится. Скоро услышу, может быть, что моим литературным товарищам головы отрубят»,— с горечью говорит он в другом письме (ЯА, 255). Поэзия самого Языкова, продолжающая заявленные в прежнем творчестве темы, сохраняет свой вольнолюбивый характер вплоть до начала 1830-х годов.

Однако, несмотря на значительную близость многих стихотворений Языкова к произведениям писателей-декабристов, общий пафос его творчества даже в предшествующие восстанию годы иной, чем у них. Ненависть к деспотизму, жажда политического освобождения — лишь одна из граней облика языковского лирического героя, подлинный идеал которого — безграничная и самодовлеющая свобода личности. Не случайным поэтому выглядит появление среди наиболее радикальных произведений поэта и таких стихотворений, где независимость «мыслящего студента» противопоставляется не только суете официального мира, но и «кинжалам Занда и Лувеля» — символам революционного деяния.

Стремление к освобождению личности, к ее яркому самовыявлению проявляется в поэзии молодого Языкова то в резкости политических суждений, то в религиозном вольномыслии, то в прославлении студенческого разгула, противопоставленного официальной морали. Своеобразно окрашивает оно и языковскую трактовку любовной темы — одной из главных в творчестве поэта в 1820-е и в начале 1830-х годов. В этот период в его лирике противоречиво соседствуют произведения, в которых тема любви раскрывается как тема облагораживающего духовного общения, и стихотворения, в которых она решена подчеркнуто сниженно,

огрубленно, а также характерные для той эпохи многочисленные стихотворения эротического характера[1]. Своеобразие любовной лирики Языкова более всего, пожалуй, проявляется в его многократном возвращении к одной психологической ситуации — моменту утраты чувства. Языковский лирический герой переживает эту ситуацию легко и даже оптимистично («Мечты любви — не стоят горя...»). Объявляя предмет страсти недостойным поэта, он радуется уходу любви как минуте раскрепощения, возвращающего его к истинным и неизменным ценностям — к свободе и искусству.

Идея независимости, многообразно реализующаяся в творчестве Языкова, определяет и его литературную позицию. Литературный фрондер, «парнасский демагог» («революционер» в тогдашнем значении слова), как он себя называет, Языков стремится к разрушению поэтических шаблонов, высмеивает вялость чувств и незначительность мыслей, свойственную произведениям многих предшественников. Однако и его отношение к вождю новой русской литературы — Пушкину — оказывается неровным и противоречивым.

Пушкин рано замечает произведения юного дерптского студента и уже в 1824 году обращается к нему с посланием: «Издревле сладостный союз Поэтов меж собой связует...». Эти строки не случайны. И в те годы, и позднее великий писатель видит в Языкове своего литературного соратника, одного из наиболее одаренных русских лириков. (По словам биографа, «три поэта составляли для него плеяду, поставленную им почти вне всякой возможности суда, а еще менее, какого-либо осуждения: Дельвиг, Баратынский и Языков»[2].) Молодой поэт отзывается на пушкинское обращение стихотворением «А. С. Пушкину» («Не вовсе чуя бога света...»), комплиментарный характер которого не передает, однако, всей сложности его восприятия творчества великого современника. Широко известны негативные отзывы Языкова о «южных поэмах», первых главах «Евгения Онегина»... После того как в 1826 году произошло знакомство поэтов, кажется, что их личное и творческое сближение состоялось,— меняется характер высказываний Языкова о Пушкине, воспоминания о встрече с ним в Тригорском становятся одной из его любимых поэтических тем. Но со временем отчуждение вновь усиливается. Языков полностью не принимает «Повестей Белкина», сказок в народном стиле, некоторых пушкинских стихотворений. Дело здесь не только в характерной для него желчности критических суждений. Причину

[1] Во второй половине 1830-х и в 1840-е годы любовная тема разрабатывается Языковым преимущественно в чисто эстетическом плане — как тема преклонения перед красотой.

[2] Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. — В кн.: Сочинения Пушкина, т. 1. СПб., 1855, с. 163.

следует видеть и в постоянном эстетическом отставании от стремительной эволюции Пушкина-художника, и в литературной амбиции Языкова, и в своеобразном инстинкте творческого самосохранения. Внешне поэт готов признать авторитет Пушкина, но одушевляет его мысль об особом, независимом литературном пути.

Сознание самобытности принадлежащих ему произведений — главное, что питает авторскую гордость Языкова:

Спокоен я: мои стихи
Живит не ложная свобода,
Им не закон — чужая мода,
В них нет заемной чепухи
И перевода с перевода;
В них неподдельная природа,
Свое добро, свои грехи! —

пишет поэт в 1825 году («Н. Д. Киселеву. Отчет о...»). Не менее примечательны в этом смысле и постоянные у Языкова эпитеты, выделяющие важные для писателя черты его собственного литературного облика («открытый», «самолюбивый», «свободный», «простосердечный», «заносчивый») и характера его музы («юная», «своенравная», «вольная», «откровенная»). Мотив искренности чувства, сознание собственной оригинальности, заключающее в себе даже долю вызова, — вот что определяет их родство.

Яркая самобытность языковского дарования была быстро замечена читающей публикой. «Из поэтов времени Пушкина более всех отделился Языков,— писал впоследствии Н. В. Гоголь.— С появлением первых стихов его всем послышалась новая лира, разгул и буйство сил, удаль всякого выражения, свет молодого восторга и язык, который в такой силе, совершенстве и строгой подчиненности господину еще не являлся дотоле ни в ком» [1]. В этой хрестоматийной характеристике сфокусированы основные особенности поэтической манеры Языкова. «Стремление к душевному простору», в котором критик И. В. Киреевский видел «господствующий идеал» писателя, стало одновременно и ведущим стилеобразующим принципом его лирики.

Языков относится к поэтам, в произведениях которых установка на эмоциональное воздействие явно преобладает над логическим началом. Дифирамбическая увлеченность поэта предметом своих стихотворений, характерная языковская «опьяненность» искусством и пирами, студенческой независимостью, красотой природы и женщины заражают читателя и слушателя. Воспоминания и письма современников сохранили множество свидетельств о впечатлении, вызванном языковскими сочинениями: слезы Пушкина

[1] В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность. — Гоголь Н. В. Полн. собр. соч., т. 8. [Л.], изд-во АН СССР, 1952, с. 387. (Далее ссылки на это издание в тексте.)

при чтении патриотических строф стихотворения «Д. В. Давыдову» («Жизни баловень счастливый...»), воинственный порыв друга писателя А. Н. Вульфа, получившего при отправлении в армию поэтическое напутствие «Прощай! Неси на поле чести...»... «Никто более вас, любезнейший по уму и почтеннейший по возвышенным чувствам Николай Михайлович, не имеет дара волновать мою душу и владычествовать над нею своевольно, деспотически. ⟨...⟩ В обеих последних войнах стихи ваши (песнь короля Регнера ⟨...⟩) возились мною за пазухой, как волшебная ладонка, имеющая свойство возвышать душу и умножать бодрость духа и жажду к битвам и славе» [1],— пишет поэту в 1833 году Д. В. Давыдов. Стремление к максимальному эмоциональному воздействию формирует и систему выразительных средств языковской лирики.

В эпоху 1820—1830-х годов, когда завоеванная великими мастерами «гладкость» стиха грозит в руках эпигонов превратиться в одну из бед русской литературы, Языков неожиданным столкновением понятий, оригинальностью словоупотребления или созданием неологизмов возвращает художественному слову его эстетическую действенность. Таковы характерные для него сложные («золотоцветный», «чернокудрявый», «многогромная») и составные («грозно-тихие», «бурно-величавая») эпитеты, знаменитые «мужествовать», «таинственник», «истаевать в любви». Поэт не любит полутонов, предпочитая яркие определения, динамичные глаголы. Экспрессию его стиха усиливает прием насыщения текста словами, ярко окрашенными стилистически и сходными по своему эмоциональному тону, как, например, в начальных строках послания «К Вульфу, Тютчеву и Шепелеву», создающих специфически-языковский образ ослепительной, стремительно мчащейся молодости:

Те дни *летели*, как стрела,
Могучим кинутая луком;
Они звучали *ярким* звуком
Разгульных песен и стекла;
Как *искры, брызжущие* с стали
На поединке роковом,
Как очи, *светлые* вином,
Они *пленительно* блистали.

(В послании «К Пельцеру» еще неистовей: «В *обгон летели* наши дни, Светились ярко наши ночи...». Курсив мой. — *А. К.*).

Живость словесного образа подкрепляется удивительно выразительной звуковой организацией стиха, способного создать почти физическое ощущение движения волн («Волги вал белоголовый»), передать «звучание» тишины («...тропинка потайная Зашепчет

[1] Русская старина, 1884, т. 43, с. 134.

шорохом шагов») или усилить поэтическую идею воинственной громкостью стиха:

Да вновь страшилищу Стамбула
Напомнят наши торжества
Пожар Чесмы, чугун Кагула (!)
И Руси грозные права!

Внимание читателей и исследователей поэзии Языкова не раз останавливало ее интонационное и ритмическое совершенство. Чаще других лириков той поры прибегая к пропуску метрических ударений, писатель избегает монотонности и ускоряет движение стиха. Роднящая Языкова с поэтами XVIII века патетичность достигается частым использованием восклицательной интонации, риторических обращений и вопросов, императивных предложений разных типов («Блистай, красуйся, Рейн! Да ни грозы военной, Ни песен радостных врага Не слышишь вечно ты...»). Экспрессивность резко повышают и разного рода повторы, обычное у Языкова нагнетание параллельных ритмико-синтаксических конструкций:

Громче буря истребленья,
Крепче смелый ей отпор!
Это жертвенник спасенья,
Это пламень очищенья,
Это фениксов костер!

«Д. В. Давыдову» («Жизни баловень счастливый...»)

Поэт предпочитает разветвленные синтаксические построения, дающие простор интонационному движению. Для него характерны видимая неупорядоченность строфической организации, варьирование схемы рифмовки — приемы, разрушающие инерцию ритмического движения, создающие иллюзию мгновенно рождающейся взволнованной поэтической речи. Так возникает впечатление удивительной свободы стихового «поведения» автора. Оно естественно довершает образ вдохновенного поэта, который рождается из совокупности лирических произведений Языкова.

Мастерство владения поэтическим словом оказалось наиболее ценимой современниками Языкова стороной его творчества. Будущее его поэзии в 1820—1830-х годах рисуется им как соединение уже достигнутой мощи «выражения» с глубиной проблематики. Примерно так же представляет свой завтрашний день и сам писатель. Связанные со студенческой жизнью стихотворения (песни, послания и т. п.), составляющие в дерптский период основную поэтическую продукцию Языкова, он рассматривает как пробу пера перед предстоящим ему «богатырским» делом. «Только дай мне бог здоровья, а я наделаю чудес в мире литературном» (ЯА, 290), — пишет он брату в конце 1826 года. Воодушевленный созна-

нием собственной силы, полный радостных планов относительно своего литературного будущего, Языков в январе 1827 года выходит из числа студентов и начинает готовиться к кандидатскому экзамену. Однако усилившаяся тоска по дому, мысль о том, что годы, которые могли бы быть полностью отданы творчеству, уходят напрасно, в это время начинают все сильнее мучить его. Весной 1829 года поэт резко порывает с тяготящим его положением и, так и не сдав экзамена, уезжает из Дерпта.

* * *

Период 1829—1832 годов (в это время Языков живет преимущественно в Москве) исключительно важен в его литературной судьбе. Стремление к пересмотру своего творческого пути укрепляется теперь окончательно. Несомненно, важную роль в этом, как и в дальнейшей эволюции Языкова, сыграло сближение с братьями И. В. и П. В. Киреевскими, М. П. Погодиным, А. С. Хомяковым, объединявшимися тогда вокруг журнала «Московский вестник» — активного пропагандиста в России немецкой идеалистической философии и литературы. Основное содержание намеченного поворота, как оно рисуется Языкову, сводится к отказу от «лирики чувства», являющейся откликом на минутные события жизни, в пользу поэзии программной, возвышенной, философски значимой. Мысль о подобной перемене, вероятно, подсказывалась как угрозой исчерпанности тематической основы «студенческой» поэзии, так и тем обстоятельством, что автобиографический образ его лирического героя носил (в отличие, например, от поэта-гусара произведений Дениса Давыдова) «возрастной» характер, а потому неизбежно должен был отступить при возмужании автора. Однако еще более значительными были причины внеиндивидуального характера. Поиски Языкова шли в русле общих устремлений русской литературы, выдвинувшей в новой исторической ситуации лозунг создания «поэзии мысли». Вот почему языковские планы «торжественного перехода» его лирики были встречены с пониманием и сочувствием. «Твои студенческие элегии дойдут до потомства, но ты прав, что хочешь избрать другую дорогу. С возмужалостью поэта должна мужать и его поэзия, без того не будет истины и настоящего вдохновения...» [1] — писал Языкову в начале 1832 года Е. А. Баратынский, призывая его «явить» свою музу «в достойном блеске»:

Наперснице души твоей
Дай диадиму и порфиру;
Державный сан ее открой...

«Языкову» («Бывало, свет позабывая...»)

---

[1] Литературно-библиологический сборник. Пг., 1918, с. 70.

Некоторые из созданных на рубеже 1820—1830-х годов произведений позволяют говорить об осуществлении новой творческой программы писателя. Это знаменитый «Пловец» («Нелюдимо наше море...»), предполагающий философски углубленное истолкование текста, ярко воплотивший в себе пафос жизненной активности и борьбы. Это стихотворение «Поэту» с его романтической идеей исключительности поэта-пророка и новой для Языкова трактовкой искусства как силы, примиряющей жизненные противоречия. Это «Стансы» с их неглубокой, но примечательной рефлексией и т. д.

Характерно, что заметное место среди языковских произведений этого периода занимает псалмодическая лирика. В создании идеологически насыщенной поэзии, в формировании нового этического идеала Языков, вслед за русскими писателями XVIII — начала XIX века, опирается на определенным образом переосмысленную религиозную литературу (Библия, жития святых и т. п.). Однако сочинения такого рода интересуют поэта не только в качестве традиционных источников высоких тем, образов, средств художественной выразительности. Языков ищет в них ответа и на вопрос о своеобразии русского национального характера, одной из определяющих черт которого начиная с 1830-х годов он считает глубокую религиозность. В этом причина характерного для Языкова в тридцатые — сороковые годы переплетения интереса к религиозной литературе с интересом к русской истории и фольклору, одним из инициаторов научного собирания и изучения которого он явился.

В целом поэзия Языкова тех лет носит переходный характер. Но это и время наивысшего расцвета дарования писателя. Особенно плодотворным оказывается 1831 год, в течение которого создаются такие лирические шедевры, как «Весенняя ночь», «Элегия» («Блажен, кто мог на ложе ночи...»), «Перстень», «Пожар», «Воспоминание об А. А. Воейковой», «Кубок», «Конь», «Камби» и др. Тогда же у Языкова возникает план отдельного издания своих стихотворений.

Сборник задумывается как прощание с поэтической молодостью. Согласно замыслу автора, он должен дать целостное представление о творчестве дерптской поры, подвести его итоги и одновременно начать иную полосу. Не случайно открывало его программное стихотворение «Поэту», а одним из завершающих было помещено «Ау!», декларирующее поворот к новой тематике:

Да, я покинул наконец
Пиры, беспечность кочевую,
Я, голосистый их певец!
Святых восторгов просит лира —
Она чужда тех буйных лет,
И вновь из прелести сует
Не сотворит себе кумира!

Появление «Стихотворений Н. Языкова» (СПб., 1833) стало вершиной литературного признания поэта. Холодный отзыв Кс. Полевого в журнале «Московский телеграф» теряется среди восторженных откликов Пушкина, Д. Давыдова, Вяземского, Баратынского, рецензий И. В. Киреевского, А. Ф. Воейкова, выдающегося немецкого переводчика К. фон дер Борга. Выражая общую мысль поклонников поэта, Киреевский писал в связи со сборником Языкова: «...надежда принадлежит к числу тех чувств, которые всего сильнее возбуждаются его стихотворениями», «кажется, что для поэзии его уже занялась заря новой эпохи» [1].

В действительности судьба писателя складывалась, однако, сложнее. В 1832 году Языков, осуществляя свою многолетнюю мечту, уезжает на родину — в Симбирскую губернию. Сельское уединение, прекращение «всяких сношений с суетами мира сего» издавна представлялось ему необходимым условием успешной литературной работы. Но творческая активность поэта в это время заметно падает. После тридцати стихотворений, созданных в 1831 году, на 1832 год приходятся лишь два-три. Незначительно число произведений, написанных и в дальнейшем. И хотя художественное достоинство большинства стихотворений симбирского периода велико (достаточно назвать оба послания к Д. В. Давыдову, «Молитву», послания П. В. Киреевскому, П. Н. Шепелеву), очевидно, что поэзия Языкова переживает кризис. Его причины нельзя объяснить однозначно. Несомненно, одна из важнейших — серьезное расстройство здоровья писателя, прежде всего — заболевание спинного мозга, симптомы которого появились еще в 1831 году. Отрицательную роль играют и новые условия жизни: упорно стремившийся к тишине и покою, Языков тем не менее активнее работал в иной обстановке — в гуще московских событий, дерптском шуме и суете. Ему необходимо ощущение аудитории, внимание читателя и слушателя, внешние творческие импульсы. Нелегкими оказывались и поиски нового пути в литературе — преодоление прежнего субъективизма, освоение нового круга тем, расширение жанрового диапазона. Тем примечательнее создание в симбирские годы двух стихотворных сказок, как бы венчающих многолетние мечты Языкова о выходе за пределы чистой лирики.

Литературная сказка — один из популярнейших в России в 1830-е годы жанров. Ее расцвет связан с обострением интереса к проблеме национального своеобразия искусства, к фольклору как форме эстетического самовыражения народа. Однако в принципах литературного освоения народной поэзии обнаруживается заметное расхождение между разными авторами. Пушкинской манере бережного воссоздания поэтики и самого «духа» источника противостоит

---

[1] О стихотворениях г. Языкова. — Телескоп, 1834, ч. 19, с. 241.

путь его активного переосмысления, характерный для писателей-романтиков[1]. Именно этот метод оказывается наиболее близок Языкову. Взгляды поэта выражает пародийная «Сказка о пастухе и диком вепре» (1835), в которой принцип точного следования фольклорной основе доводится до крайности и обессмысливается. Полемическую направленность имеет и наиболее крупное по объему сочинение Языкова — драматическая сказка «Жар-Птица» (1836). Однако общий ее замысел значительно более широк. Сохраняя нравственный пафос источника, поэт кардинально перерабатывает широко известную сказку «Иван-царевич и серый волк», создавая на основе ее сюжета многоплановое, разноречивое произведение. «Жар-Птица» насыщена литературными намеками, ассоциациями, реминисценциями, имеющими прежде всего пародийный смысл. Яркий художественный эффект производит использованный Языковым прием модернизации фольклорных ситуаций и персонажей. Сближение, взаимопроникновение сказки и реальности одинаково деформирует обе эти области. И на мир чудесного, и на различимую за условной сказочностью современность падает иронический отсвет: царь Долмат грозится ославить Ивана в газетах, серый волк философски рассуждает о всесилии судьбы или же поэтически изысканно и пылко воспевает прелести Елены. (Доведение до абсурда фольклорного антропоморфизма вообще становится в «Жар-Птице» одним из основных источников комизма.)

Шутливое в языковской сказке сливается с серьезным. В монологе царя Выслава поднимается тема взаимоотношений власти и народа. Рядом с анекдотическими фигурами сказочных правителей возникает образ Петра I, монарха-труженика и преобразователя. В образе Ивана-царевича поэтизируются дорогие Языкову черты молодого героя — решительность, пылкость, вдохновенность, удальство. Однако иронический контекст всего произведения накладывает отпечаток и на такого рода темы и образы, разрушает возможность их однозначного истолкования. В языковской сказке рождается атмосфера литературной игры.

«Жар-Птица» многое говорит об эстетической позиции писателя в середине 1830-х годов. И все же это произведение в большей степени интересно как замысел, нежели как художественная реальность. Несмотря на свои частные достоинства, драматическая сказка в целом не удалась Языкову. Она статична, многословна и лишний раз обнаруживает, что дарование ее автора было сугубо лирическим по своей природе.

После 1836 года в литературной деятельности Языкова наступает двухлетний перерыв. Он вызван дальнейшим ухудшением

---

[1] Подробнее об этом см.: Азадовский М. К. Н. М. Языков. — В кн.: Языков Н. М. Полное собрание стихотворений. М. — Л., «Academia», 1934, с. 69—72.

здоровья писателя. В 1838 году, после безуспешного лечения на родине, Языков уезжает за границу. Начинается томительное пятилетие скитаний по курортам Германии, Чехии, Италии. Страдальческий облик поэта в ту пору рисуют воспоминания П. А. Вяземского: «В 1838 году встретился я с Языковым в Ганау. Я знал его в Москве полным, румяным, что называется, кровь с молоком. Тут ужаснулся я перемене, которую нашел. Передо мною был старик согбенный, иссохший; с трудом передвигал он ноги, с трудом переводил дыхание» [1].

Физическое страдание, тоска по дому, сожаление об ушедшей молодости — преобладающие темы произведений поэта заграничного периода. На фоне мажорной, увлекающей своей силой и стремительностью лирики молодого Языкова эти стихотворения выглядят неожиданными. В большинстве своем они неторопливы, подчас намеренно прозаичны. Их наполняет не радостное предчувствие будущего, а воспоминания о минувшем. Однако в лучших произведениях конца 1830-х — начала 1840-х годов по-прежнему покоряет присущая поэту душевная открытость, подлинность чувства, по-новому — его глубина и проникновенность:

Бог весть, не втуне ли скитался
В чужих страна́х я много лет!
Мой черный день не разгулялся,
Мне утешенья нет как нет.
Печальный, трепетный и томный
Назад, в отеческий мой дом,
Спешу, как птица в куст укромный
Спешит, забитая дождем.

«Элегия» («Бог весть, не втуне ли скитался...»)

Мысль о «малой» родине — «отеческом доме» — соединяется в поэзии Языкова с мыслью о России. Пребывание на чужбине обострило чувство патриотизма писателя. Тема родной земли пронизывает самые разные его произведения. Она возникает в сопоставлении своего и чужого, нынешнего и минувшего, в жажде широты и простора, так необходимых русскому человеку («И тесно и душно мне в области гор...»). Впечатляющий образ России создается Языковым в замечательном стихотворении «К Рейну», где красота чужой страны отступает перед величием родины.

В небогатой событиями заграничной жизни Языкова выделяется его знакомство (1839) и сближение с Н. В. Гоголем. Дружеское общение писателей на протяжении последующих лет оставило заметный след в их творческих судьбах. В особенности же существен-

---

[1] Вяземский П. А. Языков и Гоголь. — В кн.: Вяземский П. А. Полн. собр. соч., т. 2. СПб., 1879, с. 308—309.

лое воздействие оно оказало на мировоззрение и поэзию Языкова. Секрет этого влияния находит несколько объяснений.

Затянувшиеся и не приносящие ощутимого результата творческие поиски, несбывшиеся литературные планы, постепенное сужение круга читателей обостряют в ту пору чувство неудовлетворенности и растерянности, зародившееся у Языкова еще в середине 1830-х годов. «Я сам чувствую, что я уже не тот, каков был прежде некогда — и еще дальше не тот, каким бы я должен быть в мои теперешние годы...»[1] — с горечью пишет он брату в 1842 году. Вот почему поэт, прежде столь ревниво относившийся к своей творческой независимости, с готовностью и надеждой воспринимает гоголевские уроки.

Не менее существенно и идейное родство обоих художников («Наши мысли и вкусы были почти сходны» (13, 213), — вспоминал Гоголь после смерти поэта). Языкову оказывается близка владеющая Гоголем в тот период идея религиозно-нравственного воспитания общества силой искусства. Подкрепленные гоголевским авторитетом, приобретают особую весомость уже жившие в сознании Языкова представления об учительской миссии художника, его ответственности перед современностью. Ободрение великого писателя, исключительно высоко оценивавшего масштабы его литературного дарования («Бог да хранит тебя для разума и для вразумления многих из нас» (12, 455), — обращался Гоголь к поэту в одном из писем в феврале 1845 года), вновь придавало Языкову веру в свои силы и призвание. Все это сказывается на характере его творчества последних лет.

Летом 1843 года Языков возвращается на родину. С этого момента и до самой смерти (в декабре 1846 года) поэт живет в Москве. То было время горячих споров между представителями двух основных течений тогдашней русской общественной мысли — так называемыми «западниками» и «славянофилами». Среди последних друзья Языкова — братья Киреевские, А. С. Хомяков, К. С. Аксаков и др. Со славянофилами писателя роднят и его взгляды — убежденность в духовно-нравственном превосходстве русского человека (в ту пору нередко переходящая у Языкова в националистическую нетерпимость), патриархальный национальный идеал, а также резко критическое отношение к николаевской бюрократии (яркий пример тому — сатирическая поэма «Липы»). Стержневой в творчестве Языкова последних лет становится тема защиты национально-самобытного начала. Она разрабатывается поэтом с предельной остротой, перерастая для него в вопрос о судьбе России. Не случайно в программном для своего творчества последних лет стихотворении «Землетрясенье» (1844) Языков обращается к пре-

---

[1] Литературное наследство, 1950, т. 56, ч. 2. М., с. 156.

данию о страшном бедствии, постигшем Византию, — ощущением кризиса пронизано и его отношение к сегодняшнему дню. Отсюда следует представление об особой миссии поэта — глашатая высшей истины:

..ты, поэт, в годину страха
И колебания земли
Носись душой превыше праха
И ликам ангельским внемли,
И приноси дрожащим людям
Молитвы с горней вышины,
Да в сердце примем их и будем
Мы нашей верой спасены.

Тот же метод исторических параллелей лежит в основе другого программного стихотворения Языкова — «Самсон» (1846). Посвящение одному из активнейших бойцов славянофильской партии — А. С. Хомякову — служит ключом к его истолкованию. Библейский сюжет наводит поэта на мысль о современной России, образ плененного богатыря ассоциируется в его сознании с окованной, но способной к освобождению русской «своенародностью».

С «Землетрясением» непосредственно связаны языковские «полемические послания» (прежде всего «К ненашим», «Константину Аксакову», «К Чаадаеву»), переводящие программные установки этого стихотворения в практическую область. Именно этим произведениям, в которых воскрешались и экспрессивность, и максимализм ранней лирики Языкова, суждено было сыграть наиболее роковую роль в его творческой биографии. Отталкиваясь от конкретных поводов (споры вокруг лекций Грановского, некоторые высказывания Чаадаева и т. п.), Языков адресует свои страстные инвективы не столько этим малознакомым ему людям, сколько тем явлениям, течениям общественной мысли, в которых он видит зло современной жизни. (Вероятно, именно в таком отвлеченном плане и воспринял стихотворение «К ненашим» далекий от московских споров Гоголь.) Отсюда и свойственная этим посланиям преувеличенность обвинений, необычайная резкость характеристик. Но эти особенности имеют в языковских произведениях и другое обоснование. Они становятся как бы проявлением искренности («простосердечный мой возгла́с») и бескомпромиссности поэта-обличителя. Религиозная окраска, витийственная организация, архаичность лексики и синтаксиса призваны были подчеркнуть связь этих сочинений с жанрами церковной проповеди и обличения, придать им тем самым особую весомость.

Послания Языкова вызвали широкий общественный резонанс, на который надеялся автор. Но прозвучали они не так, как он рассчитывал. Не только резкость тона, но и реакционность высказанных убеждений, направленность их против людей, преследуемых властью, предопределили восприятие полемических стихотворений

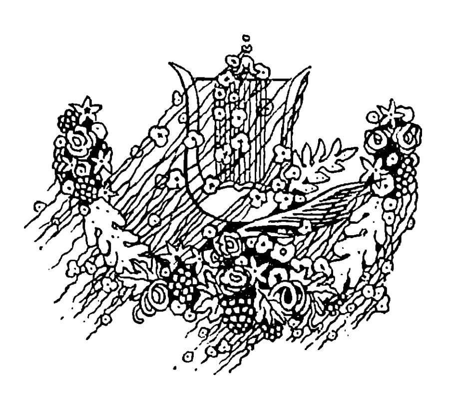
Языкова как стихотворных «доносов» (Герцен). Демократический лагерь ответил на них уничтожающими отзывами Белинского и Герцена, пародией Некрасова. Репутации Языкова «полемические послания» нанесли непоправимый ущерб: последний из литературных «поступков» поэта надолго наложил отпечаток на восприятие всего его творчества.

Языков разделил судьбу многих писателей пушкинской поры (Вяземского, Д. Давыдова, Жуковского и др.), не сумевших понять изменений в искусстве и общественной жизни, к сороковым годам превратившихся из оппозиционеров в консерваторов, из литературных революционеров — в защитников отмирающих традиций. Он не принимает произведений молодого Тургенева, лермонтовского «Героя нашего времени», с предубеждением относится к творчеству Достоевского. Так, в конфликте с новой эпохой, заканчивает поэт свою жизнь. Вместе с читателями его поколения постепенно уходит интерес к его творчеству, еще значительный в 1840—1850-х годах.

К началу нового столетия поэзия Языкова полузабыта. Филологической наукой он рассматривается как один из второстепенных писателей, чьи стихотворения интересны лишь в историко-литературном отношении. Но именно в это время начинается и процесс возрождения интереса к творчеству Языкова, связанный с общим усилением внимания к культуре пушкинской поры. Произведения Языкова с увлечением читает А. Блок, смелостью его выражений восхищается В. Брюсов, специфику его стиха изучает А. Белый. Особенно близок оказывается Языков поэтической молодежи 1910-х годов, ищущей новых путей в литературе. Увлеченные свежестью мироощущения, новаторством языковской литературной формы, поэты этого поколения пропагандируют сочинения вновь открытого писателя. Его художественные завоевания оказывают непосредственное воздействие на Н. Асеева и Б. Пастернака. С этого момента внимание к лирике Языкова больше не угасает. Не сумевший разрешить тех масштабных задач, которые он ставил перед собой в молодости или в 1840-е годы, Языков тем не менее занял прочное место в нашей поэзии как один из наиболее даровитых, искренних и смелых ее мастеров.

А. А. Карпов

СТИХОТВОРЕНИЯ

МОЯ РОДИНА

«Где твоя родина, певец молодой?
Там ли, где льется лазурная Рона;
Там ли, где пели певцы Альбиона;
Там ли, где бился Арминий-герой?» —
«Не там, где сражался герой Туискона
За честь и свободу отчизны драгой;
Не там, где носился глас барда живой;
Не там, где струится лазурная Рона».

«Где твоя родина, певец молодой?» —
«Где берег уставлен рядами курганов;
Где бились славяне при песнях баянов;
Где Волга, как море, волнами шумит...
Там память героев, там край вдохновений,
Там всё, что мне мило, чем сердце горит;
Туда горделивый певец полетит,
И струны пробудят минувшего гений!»

«Кого же прославит певец молодой?» —
«Певца восхищают могучие деды;
Он любит славянских героев победы,
Их нравы простые, их жар боевой;
Он любит долины, где бились народы,
Пылая к отчизне любовью святой;
Где падали силы Орды Золотой;
Где пелися песни войны и свободы».

«Кого же прославит певец молодой?» —
«От звука родного, с их бранною славой,
Как звезды, блистая красой величавой,
Восстанут герои из мрака теней:
Вы, страшные грекам, и ты, наш Арминий,
Младый, но ужасный средь вражьих мечей,

И ты, сокрушитель татарских цепей,
И ты, победивший врагов и пустыни!»

«Но кто ж молодого певца наградит?» —
«Пылает он жаждой награды высокой,
Он борется смело с судьбою жестокой,
И, гордый, всесильной судьбы не винит...
Так бурей гонимый, средь мрака ночного,
Пловец по ревущим пучинам летит,
На грозное небо спокойно глядит
И взорами ищет светила родного!»

«Но кто же младого певца наградит?» —
«Потомок героев, как предки, свободный,
Певец не унизит души благородной
От почестей света и пышных даров.
Он славит отчизну — и в гордости смелой
Не занят молвою, не терпит оков:
Он ждет себе славы — за далью веков...
И взоры сверкают надеждой веселой!»

Ноябрь 1822

ПЕСНЯ КОРОЛЯ РЕГНЕРА

Мы бились мечами на чуждых полях,
Когда, горделивый и смелый как деды,
С дружиной героев искал я победы
И чести жить славой в грядущих веках.
Мы бились жестоко: враги перед нами,
Как нива пред бурей, ложилися в прах;
Мы грады и села губили огнями,
И скальды нас пели на чуждых полях.

Мы бились мечами в тот день роковой,
Когда, победивши морские пучины,
Мы вышли на берег Гензинской долины,
И, встречены грозной, нежданной войной,
Мы бились жестоко: как мы, удалые,
Враги к нам летели толпа за толпой;
Их кровью намокли поля боевые,
И мы победили в тот день роковой.

Мы бились мечами, полночи сыны,
Когда я, отважный потомок Одина,

Принес ему в жертву врага-исполина,
При громе оружий, при свете луны.
Мы бились жестоко: секирой стальною
Разил меня дикий питомец войны;
Но я разрубил ему шлем с головою,—
И мы победили, полночи сыны!

Мы бились мечами. На память сынам
Оставил я бро́ню и щит мой широкий,
И бранное знамя, и шлем мой высокий,
И меч мой, ужасный далеким странам.
Мы бились жестоко — и гордые нами
Потомки, отвагой подобные нам,
Развесят кольчуги с щитами, с мечами
В чертогах отцовских на память сынам.

Октябрь или ноябрь 1822

ЯЗЫКОВУ А. М.,
ПРИ ПОСВЯЩЕНИИ ЕМУ ТЕТРАДИ СТИХОВ МОИХ

Faciam ut mei memineris[1].

Тебе, который с юных дней
Меня хранил от бури света,
Тебе усердный дар беспечного поэта —
Певца забавы и друзей;
Тобою жизни наученный,
Питомец сладкой тишины,
Я пел на лире вдохновенной
Мои прелестнейшие сны,—
И дружба кроткая с улыбкою внимала
Струнам, настроенным свободною мечтой;
Умом разборчивым их звуки поверяла
И просвещала гений мой.
Она мне мир очарованья
В живых восторгах создала,
К свободе вечный огнь в душе моей зажгла,
Облагородила желанья,
Учила презирать завистный суд невежд
И лести суд несправедливый;
Смиряла пылкий жар надежд
И сердца ранние порывы.

---

[1] Сделаю так, чтобы ты обо мне помнил (*лат.*).

И я душой не изменил
Ее спасительным стараньям:
Мой гений чести верен был
И цену знал благодеяньям!

Быть может, некогда твой счастливый поэт,
Беседуя мечтой с протекшими веками,
Расскажет стройными стихами
Златые были давних лет;
И, вольный друг воспоминаний,
Он станет петь дела отцов:
Неутомимые их брани
И гибель греческих полков;
Святые битвы за свободу
И первый родины удар
Ее громившему народу,
И казнь ужасную татар.
И оживит он — в песнях славы —
Славян пленительные нравы:
Их доблесть на полях войны,
Их добродушные забавы
И гений русской старины
Торжественный и величавый!

А ныне — песни юных лет,
Богини скромной и веселой,
Тебе дарит рукой несмелой
Тобой воспитанный поэт.
Пускай сии листы, в часы уединенья,
Представят памяти твоей
Живую радость прежних дней,
Неверной жизни обольщенья
И страсти ветреных друзей.
Здесь всё, чем занят был счастливый дар поэта,
Когда он тишину боготворил душой,
Не рабствовал молве обманчивого света
И пел для дружбы молодой!

1822

ЧУЖБИНА

Там, где в блеске горделивом
Меж зеленых берегов

Волга вторит их отзывом
Песни радостных пловцов
И, как Нил-благотворитель,
На поля богатство льет,—
Там отцов моих обитель,
Там любовь моя живет!

Я давно простился с вами,
Незабвенные края!
Под чужими небесами
Отцветет весна моя;
Но ни в громком шуме света,
Ни под бурей роковой
Не слетит со струн поэта
Голос родине чужой.

Радость жизни, друг свободы,
Муза любит мой приют.
Здесь, когда брега и воды
Под туманами заснут,
И, как щит перед сраженьем,
Светел месяц золотой,—
С благотворным вдохновеньем,
Легкокрылою толпой,

Из страны очарованья,
В их эфирной тишине,
Утешители-мечтанья
Ниспускаются ко мне;
Пред очами оживает
Красота минувших дней,
Сладко грудь моя вздыхает,
Сердце бьется, взор ясней!

Это ты, страна родная,
Где весенние цветы
Мне дарила жизнь младая!
Край прелестный — это ты,
Где видением игривым
Каждый день мой пролетал,
Каждый день меня счастливым
Находил и оставлял!

Вы, холмы, леса, поляны,
Скаты злачных берегов
И старинные курганы —

Память смелых праотцов,—
Сохраненные веками
Как свидетели побед,
Непритворными струнами
Вас приветствует поэт!

Ваш певец в чужбине дышит
И один, во цвете дней,
Долго, долго не услышит
Песен волжских рыбарей.
Долго грустный проблуждает
Он по дальным сторонам;
Долго арфа не сыграет
Песни радостным друзьям.

Ты, которая вливаешь
Огнь божественный в сердца
И цветами убираешь
Кудри юного певца,
Радость жизни, друг свободы,
Муза лиры! прилетай
И утраченные годы
Мне в мечтах напоминай!

Муза лиры! ты прекрасна,
Ты мила душе моей;
Мне с тобою не ужасна
Буря света и страстей.
Я горжусь твоим участьем;
Ты чаруешь жизнь мою,—
И забытый рано счастьем,
Я утешен: я пою!

Начало 1823

В. М. КНЯЖЕВИЧУ

Они прошли и не придут,
Лета неверных наслаждений,
Когда, презрев высокий труд,
Искал я счастия во мраке заблуждений.
Младый поклонник суеты,
На лире, дружбой ободренной,
Чуть знаемый молвой и славою забвенный,

Я пел беспечность и мечты;
Но гордость пламенного нрава
На новый путь меня звала,
Чего-то лучшего душа моя ждала:
Хвалы друзей — еще не слава!

Я здесь, я променял на сей безвестный кров
Безумной младости забавы,
Веселый света шум на тишину трудов
И жажду нег — на жажду славы.
Моих желаний не займут
Толпы невежд рукоплесканья,
Оракулы веков душе передадут
И жар отважных дум, и смелость упованья.

Когда на своде голубом
Выходит месяц величавый
И вечер пасмурным крылом
Оденет дерптские дубравы,
Один, под кровом тишины,
Я здесь беседую с минувшими веками;
Героев призраки из мрака старины
Встают передо мной шумящими рядами,
И я приветствую родных богатырей,
И слышу силу их ударов;
Пред взорами — холмы разорванных цепей
И море бурное пожаров!
Какой роскошный пир восторгам и мечтам!
Как быстро грудь моя трепещет,
В очах огонь поэта блещет,
И рвется длань моя к струнам!

Очистив юный ум в горниле просвещенья,
Я стану петь дела воинственных славян,
И яркие лучи святого вдохновенья
Прорежут древности туман.
Ты, радуясь душой, услышишь песнь свободы
В живой гармонии стихов,
Как с горной высоты внимает сын природы
Победоносный крик орлов.

11 мая 1823

ПЕСНЬ БАРДА
ВО ВРЕМЯ ВЛАДЫЧЕСТВА ТАТАР В РОССИИ

О, стонати Рускои земли,
помянувше пръвую годину
и пръвых князеи!

Слово о полку Игореве

Где вы, краса минувших лет,
Баянов струны золотые,
Певицы вольности, и славы, и побед,
Народу русскому родные?

Бывало: ратники лежат вокруг огней
По брегу светлого Дуная,
Когда тревога боевая
Молчит до утренних лучей.
Вдали — туманом покровенный
Стан греков, и над ним, грозна
Как щит, в бою окровавленный,
Восходит полная луна!

И тихий сон во вражьем стане;
Но там, где вы, сыны снегов,
Там вдохновенный на кургане
Поет деянья праотцов —
И пéрсты вещие летают
По звонким пламенным струнам,
И взоры воинов сверкают,
И рвутся длани их к мечам!

Наутро солнце лишь восстало —
Проснулся дерзостный булат:
Валятся греки — ряд на ряд,
И их полков — как не бывало!
И вы сокрылися, века полночной славы,
Побед и вольности века!
Так сокрывается лик солнца величавый
За громовые облака.
Но завтра солнце вновь восстанет...
А мы... нам долго цепи влечь;
Столетья протекут — и русский меч не грянет
Тиранства гордого о меч.
Неутомимые страданья
Погубят память об отцах,

И гений рабского молчанья
Воссядет, вечный, на гробах.
Теперь вотще младый баян
На голос предков запевает:
Жестоких бедствий ураган
Рабов полмертвых оглушает;
И он, дрожащею рукой
Подняв холодные железы,
Молчит, смотря на них сквозь слезы,
С неисцелимою тоской!

Конец июля — начало августа 1823

БАЯН К РУССКОМУ ВОИНУ
ПРИ ДИМИТРИИ ДОНСКОМ, ПРЕЖДЕ ЗНАМЕНИТОГО СРАЖЕНИЯ ПРИ НЕПРЯДВЕ

Посвящено А. А. Воейковой

Стоит — за олтари святые,
За богом венчанных царей,
За гробы праотцев родные,
За жен, отцов и за детей.
Лобанов

О бранный витязь! ты печален,
Один, с поникшею главой,
Ты бродишь, мрачный и немой,
Среди могил, среди развалин;
Ты видишь в родине своей
Следы пожаров и мечей.

И неужель трава забвенья
Успеет вырость на гробах,
Пока не вспыхнет в сих полях
Война решительного мщенья?
Или замолкла навсегда
Твоя за родину вражда?

Твои отцы славяне были,
Железом страшные врагам;
Чужие руки их рукам
Не цепи — злато приносили.
И не свобода ль им дала
Их знаменитые дела?

Когда с толпой отважных братий
Ты грозно кинешься на бой,—
Кто сильный сдержит пред тобой
Врагов тьмочисленные рати?
Кто сгонит бледность с их лица
При виде гневного бойца?

Рука свободного сильнее
Руки, измученной ярмом,—
Так с неба падающий гром
Подземных грохотов звучнее,
Так песнь победная громчей
Глухого скрежета цепей!

Не гордый дух завоеваний
Зовет булат твой из ножон:
За честь, за веру грянет он
В твоей опомнившейся длани —
И перед челами татар
Не промахнется твой удар!

На бой, на бой! — И жар баянов
С народной славой оживет,
И арфа смелых пропоет:
«Конец владычеству тиранов:
Ужасен хан татарский был,
Но русский меч его убил!»

20 августа 1823

ПЕСНИ

1

Полней стаканы, пейте в лад!
Перед вином — благоговенье:
Ему торжественный виват!
Ему — коленопреклоненье!

Герой, вином разгорячен,
На смерть отважнее стремится;
Певец поет, как Аполлон,
Умея Бахусу молиться.

Любовник, глядя на стакан,
Измену милой забывает,
И счастлив он, покуда пьян,
Затем что трезвый он страдает.

Скажу короче: в жизни сей
Без Вакха людям всё досада:
Анакреон твердит нам: пей!
А мы прибавим: до упада.

Полней стаканы, пейте в лад,
Перед вином благоговенье;
Ему торжественный виват!
Ему — коленопреклоненье!

2

Страшна дорога через свет;
Непьяный вижу я дорогу,
А пьян — до ней мне дела нет,
Я как слепой — и слава богу!

Мечта и сон — наш век земной;
Мечта? — Я с Бахусом мечтаю,
И сон? — За чашей круговой
Я не скорее ль засыпаю?

Что шаг — то грех: как не почтить
Совета веры неподложной?
Напьемся так, чтобы ходить
Нам было вовсе невозможно.

Известно всем, что в наши дни
За речи многие страдали:
Напьемся так, чтобы они
Во рту же нашем умирали.

Что было, есть, что впереди,
Об этом трезвый рассуждает,
А пьяный — мир хоть пропади,
Его ничто не занимает.

Собой довольному — не страх
Ему судьбы непостоянство,

И он в чувствительных слезах
Благодарит за это пьянство.

3

Кто за бокалом не поет,
Тому не полная отрада:
Бог песен богу винограда
Восторги новые дает.

Слова святые: пей и пой!
Необходимы для пирушки.
Друзья! где арфа подле кружки,
Там бога два — и пир двойной!

Так ночью краше небеса
При ярком месяца сияньи;
Так в миловидном одеяньи
Очаровательней краса.

Кто за бокалом не поет,
Тому не полная отрада:
Бог песен богу винограда
Восторги новые дает!

4

Душа героев и певцов,
Вино любезно и студенту:
Оно его между цветов
Ведет к ученому патенту.

Проснувшись вместе с петухом,
Он в тишине читает Канта;
Но день прошел — и вечерком
Он за вино от фолианта.

И каждый день его, как сон,
Пленяя чувства, пролетает:
За книгой не скучает он,
А за бокалом кто ж скучает?

Свободой жизнь его красна,
Ее питомец просвещенный —

Он капли милого вина
Не даст за скипетры вселенной!

5

Мы пьем — так рыцари пивали,
Поем — они так не певали:
Их бранный дух, их грубый вкус
От чаши гнали милых муз.

Веселость пасынков Рорбаха [1]
Была безумна и неряха:
Бывало, в замке за столом
Сидят в бронях перед вином.

И всякий в буйности природной
Кричит, что пьяному угодно,
И непристойность глупых слов
Слетает нагло с языков.

Но мы, друзья, не то, что деды:
Мы песни призвали в беседы,
Когда веселье — наш кумир —
Сзывает нас на шумный пир.

Великолепными рядами
Сидим за длинными столами,
И всякий, глядя на бокал,
Поет, как Гете приказал.

Слова: отрада и свобода
В устах у пьяного народа
При звуке чоканья гремят,
И всяк друг другу — друг и брат!

Мы пьем — так рыцари пивали,
Поем — они не так певали.

---

[1] Винно фон Рорбах, первый гроссмейстер лифляндских рыцарей. *(Примеч. Н. Языкова.)*

6

Мы любим шумные пиры,
Вино и радости мы любим
И пылкой вольности дары
Заботой светскою не губим
Мы любим шумные пиры,
Вино и радости мы любим.

Наш Август смотрит сентябрем —
Нам до него какое дело!
Мы пьем, пируем и поем
Беспечно, радостно и смело.
Наш Август смотрит сентябрем —
Нам до него какое дело?

Здесь нет ни скиптра, ни оков,
Мы все равны, мы все свободны,
Наш ум — не раб чужих умов,
И чувства наши благородны.
Здесь нет ни скиптра, ни оков,
Мы все равны, мы все свободны.

Приди сюда хоть русский царь,
Мы от бокалов не привстанем.
Хоть громом бог в наш стол ударь,
Мы пировать не перестанем.
Приди сюда хоть русский царь,
Мы от бокалов не привстанем.

Друзья! бокалы к небесам!
Обет правителю природы:
«Печаль и радость — пополам,
Сердца — на жертвенник свободы!»
Друзья! бокалы к небесам!
Обет правителю природы:

«Да будут наши божества
Вино, свобода и веселье!
Им наши мысли и слова!
Им и занятье и безделье!»
Да будут наши божества
Вино, свобода и веселье!

7

Счастли́в, кому судьбою дан
Неиссякаемый стакан:
Он бога ни о чем не просит,
Не поклоняется молве
И думы тягостной не носит
В своей нетрезвой голове.

С утра до вечера ему
Не скучно — даже одному:
Не занятый газетной скукой,
Сидя с вином, не знает он,
Как царь, политик близорукий,
Или осмеян, иль смешон.

Пускай святой триумвират
Европу судит невпопад,
Пускай в Испании воюют
За гордой вольности права —
Виновных дел не критикуют
Его невинные слова.

Вином и весел и счастлив,
Он — для одних восторгов жив.
И меж его и царской долей
Не много разницы найдем:
Царь почивает на престоле,
А он — забывшись — под столом.

8

Налей и мне, товарищ мой,
И я, как ты, студент лихой,
Я пью вино не заикаясь,
И верен Вакху мой обет:
Пройду беспечно через свет,
От хмеля радости качаясь.

Свобода, песни и вино —
Вот что на радость нам дано,
Вот наша троица святая!
Любовь — но что любовь? Она
Без Вакха слишком холодна,
А с Вакхом слишком удалая.

Вчера я знал с Лилетой рай,
Сегодня та и тот — прощай,
Она другого полюбила;
Но я не раб любви моей,
Налейте мой стакан полней!
Не за твое здоровье, Лила!

А то ли Бахус, о друзья,
Он усладитель бытия,
Он никогда не изменяет:
Вчера, сегодня, завтра — наш!
Любите звон веселых чаш:
Он глас печали заглушает!

9

От сердца дружные с вином,
Мы вольно, весело живем:
Указов царских не читаем,
Права студентские поем,
Права людские твердо знаем;
И, жадны радости земной,
Мы ей — и телом и душой!

Когда рогатая луна
На тверди пасмурной видна,—
Обнявши деву молодую,
Лежим — и чувствует она
Студента бодрость удалую.
И, суеверие людей,
Не ожидай от нас мощей!

Наш ум свободен; и когда
Как не гремит карет езда
И молчаливо пешеходы
Глядят, как вечера звезда
Сребрит стихающие воды,—
Бродя по городу гурьбой,
Поем и вольность и покой!

От сердца дружные с вином,
Мы шумно, весело живем,
Добро и славу обожаем,
Чинов мы ищем не ползком,

О том, что будет, не мечтаем;
Но радость верную любя,
Пока мы живы — для себя!

10. ГИМН

Боже! вина, вина!
Трезвому жизнь скучна,
Пьяному рай!
Жизнь мне прелестную
И неизвестную,
Чашу ж не тесную,
Боже, подай!

Пьянства любителей,
Мира презрителей,
Боже, храни!
Души свободные,
С Вакховой сходные,
Вина безводные
Ты помяни!

Чаши высокие
И преширокие,
Боже, храни!
Вина им цельные
И неподдельные!
Вина ж не хмельные
Прочь отжени!

Пиры полуночные,
Зато непорочные,
Боже, спасай!
Студентам гуляющим,
Вино обожающим,
Тебе не мешающим
Ты не мешай!

Август — начало сентября 1823

* * *

13 октября 1823

Скучает воин — без войны,
Скучает дева — без наряда,

Супруг счастливый — без жены
И государь — без вахт-парада.

А я, презритель суеты,
Питомец музы, что скучаю?
Веселой нет со мной мечты,
И вдохновенье забываю.

Как без души — без табаку
Студент, его любитель верный,
За часом час едва влеку
С моей тоской нелицемерной.

Как часто, в грустной тишине,
Хожу в карман рукой несмелой:
Там пусто, пусто — как в стране,
Где пламя брани пролетело.

Бывало, с трубки дым летит,
Свиваясь кольцами густыми,
И муза пылкая дарит
Меня стихами золотыми.

Но все прошло — и все не так!
Восторги — были сон приятный.
Ох! не призвать мне, о табак,
Твоей отрады ароматной!

Сижу один — и вслух дышу,
Собой и всеми недоволен,
Я не читаю, не пишу,
Вполне здоровый, будто болен.

Так, вечно жадная забав,
Давно прошедшая Леила
Сидит печально, потеряв
Свои румяна и белила.

Ничто ее не веселит,
Не милы пышные наряды,
И взор потупленный блестит
Слезами горькими досады.

Н. Д. КИСЕЛЕВУ

В стране, где я забыл мирские наслажденья,
Где улыбается мне дева песнопенья,
Где немец поселил свой просвещенный вкус,
Где поп и государь не оковали муз;
Где вовсе не видать позора чести русской,
Где доктор и студент обедают закуской,
Желудок приучив за книгами говеть;
Где часто, не любя всегда благоговеть
Перед законами железа и державы,
Младый воспитанник науки и забавы,
Бродя в ночной тиши, торжественно поет
И вольность и покой, которыми живет,—
Ты первый подал мне приятельскую руку,
Внимал моих стихов студенческому звуку,
Делил со мной мечты надежды золотой
И в просвещении мне был пример живой.
Ты удивил меня: ты и богат и знатен,
А вовсе не дурак, не подл и не развратен!
Порода — первый чин в отечестве твоем —
Тебе позволила б остаться и глупцом:
Она дала тебе вельможеское право
По-царски век прожить, не занимаясь славой,
На лоне роскоши для одного себя;
Или, занятия державных полюбя,
Стеснивши юный стан ливреею тирана,
Ходить и действовать по звуку барабана,
И мыслить, как велит, рассудка не спросясь,
Иль невеликий царь или великий князь,
Которым у людей отеческого края
По сердцу лишь ружье да голова пустая.
Ты мог бы, с двадцать лет помучивши солдат,
Блистать и мишурой воинственных наград,
И, даже азбуки не зная просвещенья,
Потом принять бразды верховного правленья,
Которых на Руси, как почтовых коней,
Скорее тем дают, кто чаще бьет людей.
Но ты, не веруя неправедному праву,
Очами не раба взираешь на державу,
Ты мыслишь, что одни б достоинства должны
Давать не только скиптр, но самые чины,
Что некогда наук животворящий гений —
Отец народных благ и царских огорчений —

Поставит, разумом обезоружив трон,
Под наши небеса свой истинный закон...

Мы вместе, милый мой, о родине судили,
Царя и русское правительство бранили,—
И дни веселые мелькали предо мной.
Но вот — тебя судьба зовет на путь иной,
И скоро будут мне, в тиши уединенья,
Отрадою одни былые наслажденья.
Дай руку! Да тебе на поприще сует
Не встретится удар обыкновенных бед!

А я — останусь здесь, и в тишине свободной
Научится летать мой гений благородный,
Научится богов высоким языком
Презрительно шутить над знатью и царем:
Не уважающий дурачеств и в короне,
Он, верно, их найдет близ трона и на троне!

Пускай пугливого тиранства приговор
Готовит мне в удел изгнания позор
За смелые стихи, внушенные поэту
Делами низкими и вредными полсвету,—
Я не унижуся нерабскою душой
Перед могущею — но глупою рукой.
Служитель алтарей богини вдохновенья
Умеет презирать неправые гоненья,—
И все усилия цензуры и попов
Не сильны истребить возвышенных стихов.
Прошли те времена, как верила Россия,
Что головы царей не могут быть пустые
И будто создала благая дань творца
Народа тысячи — для одного глупца;
У нас свободный ум, у нас другие нравы:
Поэзия не льстит правительству без славы;
Для нас закон царя — не есть закон судьбы,
Прошли те времена — и мы уж не рабы!

20 октября 1823

УСЛАД

Не стонет дол от топота коней,
Не брызжет кровь от русского удара:
По берегу Дуная, близ огней

Лежат бойцы — смирители болгара;
Там юноша, соратник их мечей,
Исполненный божественного дара,
Пленяет слух дружины удалой
Военных струн волшебною игрой.

Баян поет могучих праотцов,
Их смелый нрав, их бурные сраженья,
И силу рук, не знающих оков,
И быстроту их пламенного мщенья.
Как звук щита, и ратным, и вождям
Отрадна песнь любимца вдохновенья:
Их взор горит, их мысль блуждает там,
Где билась рать отважного Олега,
Где Игорев булат торжествовал —
И гордый грек бледнел и трепетал,
Послыша гром славянского набега.

Баян воспел минувших лет дела:
Баян умолк,— но рать еще внимает.
Так плаватель, когда ночная мгла
Лазурь небес и море застилает,
Еще глядит на сумрачный закат,
Где скрылося великое светило;
Так сладостно расставшемуся с милой
Издалека еще взирать назад!
Луна плывет в спокойных небесах;
Молчит Дунай, чернеет лес дремучий,
И тень его, как тень широкой тучи,
Мрачна лежит на стихнувших водах.

ПЕСНЬ БАЯНА

О ночь, о ночь, лети стрелой!
Несносен отдых Святославу:
Он жаждет битвы роковой.
О ночь, о ночь, лети стрелой!
Несносен отдых Святославу!

Цимиский! крепок ли твой щит?
Не тонки ль кованые латы?
Наш князь убийственно разит.
Цимиский! крепок ли твой щит?
Не тонки ль кованые латы?

Дружине борзых дай коней;
Не то — мечи ее нагонят,
И не ускачет от мечей.
Дружине борзых дай коней;
Не то мечи ее нагонят.

Ты рать обширную привел;
Не много нас, но мы славяне:
Удар наш меток и тяжел.
Ты рать обширную привел;
Не много нас, но мы славяне.

О ночь, о ночь, лети стрелой!
Поля, откройтесь для победы,
Проснися, ужас боевой!
О ночь, о ночь, лети стрелой!
Поля, откройтесь для победы!

Но кто, певец, любви не воспевал?
Какой баян, плененный красотою,
Мечты бойца с прекрасною мечтою
О родине и милой не сливал?

Двойной огонь в душе певца младого,
Когда поет он деву и войну,—
Так две струи Дуная голубого
Блестят живей, сливаяся в одну.

ПЕСНЬ БАЯНА

Бойцы садятся на коней,
Баяна дева обнимает:
Она молчит, она вздыхает,
И слезы градом из очей.

«Прощай, прощай! Иду на битву —
Люби меня, моя краса!
Молись — услышат небеса
Твою невинную молитву!

Щита, врученного тобой,
Булат врага не перерубит;

Тебя певец твой не разлюбит
И не изменится душой».

Они расстались. Пыль густая
Поля покрыла, как туман.
Враги! вам полно ждать славян!
Вам полно спать, брега Дуная!

Взошла денница; вспыхнул бой;
Дрожит широкая долина.
О грек! страшна твоя судьбина:
Ты не воротишься домой!

Валятся всадники и кони,
Булат дробится о булат —
И пал ужасный сопостат
При шуме яростной погони!

Баян отцам не изменил
На поле гибели и чести:
Могучий враг ударом мести
Его щита не сокрушил.

Гордыня сильного смирилась;
Ему не праздновать войны...
И сталь победная в ножны
По вражьей крови опустилась!

И рать на родину пришла;
Баяна дева обнимает,
Отрадно грудь ее вздыхает,
И девы радость ожила.

———

Не сталь в груди Услада трепетала,
Не дикий огнь сверкал в его очах:
Он знал любовь; душа его питала
Ее восторг, ее безвестный страх.
Он твой, он твой, красавица Сияна!
Ты помнишь ли его златые дни,
Когда лесов отеческих в тени
Ласкала ты влюбленного баяна?
Ты помнишь ли, как, бросив меч и щит,
Презрев войны высокие награды,

Он пел твои божественные взгляды
И красоту застенчивых ланит?
Ты помнишь ли, как, песнь его внимая,
Молчала ты? — Но как любовь молчит?
То, свеж и чист, как роза молодая,
Твое лицо румянец оживлял;
То вспыхивал твой взор, то угасал,
Как в облаке зарница золотая.
Баян Услад любви не изменял:
С чужих полей, где рыщет ужас битвы,
К тебе его надежды и мечты
И за тебя сердечные молитвы;
Он всюду твой! А ты — верна ли ты?

Первая половина декабря 1823

К ХАЛАТУ

Как я люблю тебя, халат!
Одежда праздности и лени,
Товарищ тайных наслаждений
И поэтических отрад!
Пускай служителям Арея
Мила их тесная ливрея;
Я волен телом, как душой.
От века нашего заразы,
От жизни бранной и пустой
Я исцелен — и мир со мной!
Царей проказы и приказы
Не портят юности моей —
И дни мои, как я в халате,
Стократ пленительнее дней
Царя, живущего некстате.

Ночного неба президент,
Луна сияет золотая;
Уснула суетность мирская —
Не дремлет мыслящий студент:
Окутан авторским халатом,
Презрев слепого света шум,
Смеется он, в восторге дум,
Над современным Геростратом;
Ему не видятся в мечтах
Кинжалы Занда и Лувеля,
И наша слава-пустомеля

Душе возвышенной — не страх.
Простой чубук в его устах,
Пред ним, уныло догорая,
Стоит свеча невосковая;
Небрежно, гордо он сидит
С мечтами гения живого —
И терпеливого портного
За свой халат благодарит!

Декабрь 1823

ЗИМА ПРИШЛА

Как рада де́вица-краса
Зимы веселому приходу,
Как ей любезны небеса
За их замерзнувшую воду!
С какою радостью она,
Сквозь потемневшего окна,
Глядит на снежную погоду!
И вдруг жива и весела
Бежит к своей подруге бальной
И говорит ей триумфально:
«Зима пришла! зима пришла!»

Воспитанник лесной Дианы,
Душою радуясь, глядит,
Как помертвелые поляны
Зима роскошно серебрит;
Порою осени унылой
Ходить с ружьем совсем не мило:
И льется дождь, и ветр шумит,
Но выпал снег, прощай терпенье!
Его охота ожила,
И говорит он в восхищеньи:
«Зима пришла! зима пришла!»

Казны служитель не безвинный,
Как рая, зимней ждет поры:
Плохой барыш с продажи винной
Весной и в летние жары:
Крестьяне заняты работой;
Он зрит с печальною зевотой
Цереры добрые дары;

Но вот зима — и непрестанно
Торговля ездить начала,
И он кричит, восторгом пьяный:
«Зима пришла! зима пришла!»

Питомцу музы не отрада
И пылкой музе не сладка
Зимы суровая прохлада:
В лесу мороз, стоит река,
Повсюду мрачное молчанье —
И где ж певцу очарованье,
Восторг и мирты для венка?
Он взглянет на землю — пустыня,
На небо взглянет — небо спит;
Но если юноше велит
Душой и разумом богиня
Прославить зимние дела,—
В поэте радость оживает
И, вдохновенный, восклицает:
«Зима пришла! зима пришла!»

Декабрь 1823 — январь 1824

ЭЛЕГИЯ

Свободы гордой вдохновенье!
Тебя не слушает народ:
Оно молчит, святое мщенье,
И на царя не восстает.

Пред адской силой самовластья,
Покорны вечному ярму,
Сердца не чувствуют несчастья
И ум не верует уму.

Я видел рабскую Россию:
Перед святыней алтаря,
Гремя цепьми, склонивши выю,
Она молилась за царя.

24 января 1824

СЛАВА БОГУ

О, слава богу, слава богу!
Я не влюблен, свободен я;
Я выбрал лучшую дорогу
На скучной степи бытия:
Не занят светом и молвою,
Я знаю тихие мечты,
И не поклонник красоты,
И не обманут красотою!

Февраль 1824

Н. Д. КИСЕЛЕВУ

Скажи, как жить мне без тебя?
Чем врачеваться мне от скуки?
Любя немецкие науки
И немцев вовсе не любя,
Кому, собою недовольный,
Поверю я мои стихи,
Мечты души небогомольной
И запрещенные грехи?
В стране, где юность странным жаром
Невольной вольности кипит,
Где жизнь идет, а не летит,
Где любят в долг, дарят не даром,
Где редки русские умы,
Где редки искры вдохновенья,—
Где царь и глупость — две чумы —
Еще не портят просвещенья,—
Любили вместе мы делить
Веселой младости досуги
И страсть правительство бранить
За всероссийские недуги. —
Мелькали быстро дни мои:
Я знал не купленное счастье
В раю мечтательной любви
И в идеальном сладострастье;
Но я предвижу, милый мой,
Что́ скоро сбудется со мной.
Живя одним воспоминаньем,
Я лучших дней не призову,—
И отягчит мою главу
Тоска с несбыточным желаньем.

Мои свободные мечты
И песни музы горделивой
Заменит мне покой сонливый,
И жизни глупой суеты
Меня прельстят утехой лживой,—
И прочь прекрасное! Но ты —
Свидетель милой наготы
Моей поэзии шутливой...
Пускай тебе сии мечты
В веселый час представят живо
Лихие шалости любви...
О! вспомни вольного собрата
И важной дланью дипломата
Моих стихов не изорви!

18 февраля 1824

МУЗА

Богиня струн пережила
Богов и грома и булата;
Она прекрасных рук в оковы не дала
Векам тиранства и разврата.
Они пришли; повсюду смерть и брань,
В венце раскованная сила,
Ее бессовестная длань
Алтарь изящного разбила;
Но с праха рушенных громад,
Из тишины опустошенья,
Восстал — величествен и млад —
Бессмертный ангел вдохновенья.

Февраль 1824

ЛИВОНИЯ

Не встанешь ты из векового праха,
Ты не блеснешь под знаменем креста,
Тяжелый меч наследников Рорбаха,
Ливонии прекрасной красота!
Прошла пора твоих завоеваний,
Когда в огнях тревоги боевой
Вожди побед, смирители Казани,
Смирялися, бледнея, пред тобой!

Но тишина постыдного забвенья
Не всё, не всё у славы отняла:
И черные дела опустошенья,
И доблести возвышенной дела...
Они живут для музы песнопенья,
Для гордости поэтова чела!

Рукою лет разбитые громады,
Где бранная воспитывалась честь,
Где торжество не ведало пощады
И грозную разгорячало месть,—
Несмелый внук ливонца удалого
Глядит на ваш красноречивый прах...
И нет в груди волнения живого,
И нет огня в бессмысленных очах!

Таков ли взор любимца вдохновенья,
В душе его такая ль тишина,
Когда ему, под рубищем забвенья,
Является святая старина?
Исполненный божественной отрады,
Он зрит в мечтах минувшие века;
Душа кипит; горят, яснеют взгляды...
И падает к струнам его рука.

2 апреля 1824

ЕВПАТИЙ

«Ты знаешь ли, витязь, ужасную весть? —
В рязанские стены вломились татары!
Там сильные долго сшибались удары,
Там долго сражалась с насилием честь,
Но всё победили Батыевы рати:
Наш град — пепелище, и князь наш убит!» —
Евпатию бледный гонец говорит,
И, страшно бледнея, внимает Евпатий.

«О витязь! я видел сей день роковой:
Багровое пламя весь град обхватило,
Как башня, спрямилось, как буря, завыло;
На стогнах смертельный свирепствовал бой,
И крики последних молитв и проклятий
В дыму заглушали звенящий булат —

Всё пало... и небо стерпело сей ад!»
Ужасно бледнея, внимает Евпатий.

Где-где по широкой долине огонь
Сверкает во мраке ночного тумана,—
То грозная рать победителя хана
Покоится; тихи воитель и конь;
Лишь изредка, черной тревожимый грезой,
Татарин впросонках с собой говорит,
То, вздрогнув, безмолвный, поднимет свой щит,
То схватит свое боевое железо.

Вдруг... что там за топот в ночной тишине?
«На битву, на битву!» — взывают татары.
Откуда ж свершитель отчаянной кары?
Не всё ли погибло в крови и в огне?
Отчизна, отчизна! под латами чести
Есть сильное чувство, живое, одно...
Полмертвую руку подъемлет оно
С последним ударом решительной мести.

Не синее море кипит и шумит,
Почуя незапный набег урагана,—
Шумят и волнуются ратники хана;
Оружие блещет, труба дребезжит,
Толпы за толпами, как тучи густые,
Дружину отважных стесняют кругом;
Сто копий сражаются с русским копьем...
И пало геройство под силой Батыя.

Редеет ночного тумана покров,
Утихла долина убийства и славы.
Кто сей на долине убийства и славы
Лежит, окруженный телами врагов?
Уста уж не кличут бестрепетных братий,
Уж кровь запеклася в отверстиях лат,
А длань еще держит кровавый булат:
Сей падший воитель свободы — Евпатий!

11 апреля 1824

ЭЛЕГИЯ

Поэту радости и хмеля,
И мне судил могучий рок
Нравоучительного Леля
Полезный вытвердить урок:
Я испытал любви желанье,
Ее я пел, ее я ждал;
Безумно было ожиданье,
Бездушен был мой идеал.
Моей тоски, моих приветов
Не понял слепок божества —
И все пропали без ответов
Мои влюбленные слова.

Но был во мне — и слава богу! —
Избыток мужественных сил:
Я на прекрасную дорогу
Опять свой ум поворотил;
Я разгулялся понемногу —
И глупость страсти роковой
В душе исчезла молодой...
Так с пробудившейся поляны
Слетают темные туманы;
Так, слыша выстрел, кулики
На воздух мечутся с реки.

1824

ЭЛЕГИЯ

Еще молчит гроза народа,
Еще окован русский ум,
И угнетенная свобода
Таит порывы смелых дум.
О! долго цепи вековые
С рамен отчизны не спадут,
Столетья грозно протекут,—
И не пробудится Россия!

1824

ЭЛЕГИЯ

Зачем божественной хариты
В ней расцветает красота?
Зачем так пурпурны ланиты?
Зачем так сладостны уста?
Она в душе не пробуждает
Святых желаний, светлых дум;
При ней безумье не скучает
И пламенный хладеет ум.
Стихов гармония живая
Невнятно, дико ей звучит:
Она очами не сверкая
Поэта имя говорит.
Кто хочет, жди ее награды...
Но, гордый славою своей,
Поэт не склонит перед ней
Свои возвышенные взгляды!
Так след убогого челна
Струя бессильная лобзает,
Когда могучая волна
Через него перелетает.

1824

АЛА

(Отрывок)

В стране, любимой небесами,
Где величавая река
Между цветущими брегами
Играет ясными струями;
Там, где в минувшие века
Сражались воины Христовы,
Отважны, буйны и суровы;
Где наш свирепый Иоанн,
Пылая местью кровожадной,
Казнил за Магнуса граждан
Неутомимо, беспощадно;
Где добрый гений старины
Над чистым зеркалом Двины
Хранит доселе как святыню
Остатки каменной стены
И кавалерскую твердыню,—

В дому отцовском, в тишине,
Как цвет эдема, расцветала
Очаровательная Ала.—
Меж тем в соседней стороне,
Устами Паткуля, к войне
Свобода смелых вызывала
И удалого короля
Им угнетенная земля
С валов балтийских принимала.
Когда, прославившись мечом,
Он шел с полуночным царем
Изведать силы боевые,
Не зная, дерзкий, как бодра
Железной волею Петра
Преображенная Россия!

Родитель Алы доходил
К пределу жизненной дороги.
Он долго родине служил,
Видал кровавые тревоги,
Бывал решителем побед;
Потом покинул шумный свет,
И, безмятежно догорая,
Прекрасен был, как вечер мая,
Закат его почтенных лет.
Но вдруг... и кто не молодеет,
Своим годам кто помнит счет,
Чей дух не крепнет, не смелеет
Чья длань железа не берет
И взор весельем не сверкает,
И грудь восторгом не полна,
Когда знамена развевает
За честь и родину война?
Он вновь надел одежду брани,
Стальную саблю наточил,
Казалось, старца оживил
Священный жар его желаний;
Он призвал дочь и говорил:
«Уже лишен я прежних сил
Неумолимыми годами;
Прошла пора, как твой отец
Был знаменитейший боец
Между ливонскими бойцами,
Свершал геройские дела,—
Всё старость жадная взяла...

Не всё взяла!.. еще волнует
Мою хладеющую кровь
К добру и вольности любовь,
Еще отрадно сердце чует
Их благодетельный призыв;
Ему, как юноша, внимаю,
И снова смел и снова жив
Служить родительскому краю.
Гремите ж, бранные поля,
Пируйте, мужество и мщенье!
Что нам судьбы определенье?
Опять ли силы короля
Подавят милую свободу,
Или торжественно она
Отдаст ливонскому народу
Ее златые времена,—
Победа — смерть ли? Будь что будет,
Лишь бы не стыд! Пускай же нас
К мечам, хотя в последний раз,
Глас родины, как неба глас,
От сна позорного пробудит!»
Сказал, и взоры старика
Мятежным пламенем сверкали,
И быстро падала рука
На рукоять военной стали...
Так в туче реется огонь,
Когда с готовыми громами
Она плывет под небесами,
Так, слыша битву, ярый конь
Кипит и топает ногами.

1824

⟨ПРИПИСКА К ОТРЫВКУ «АЛА»⟩

Так незастенчивый для вас
Давно я начал мой рассказ,
Давно мечтою вдохновенной
Его я создал в голове,
Ему длина тетради в две,
Предмет — девица, шум военный,
Любовь и редкости людей;
Наш Петр, гигант между царей,
Один великий, несравненный,

И Карл, венчанный дуралей —
Неугомонный, неизменный,
С бродяжной славою своей.

Высоким даром управляя
По вдохновенью, по уму
И ничему и никому
На поле муз не подражая,
Певец лихих и страшных дел,
Я буду пламенен и смел,
Как наша юность удалая,
Как песнь торжественно живая
Свободна будет и ясна,
Как безмятежная луна,
Как чистый пурпур небосклона,
Стройна, как пальма Ливанона,
И как душа моя — скромна!

Вчера, как грохот колокольный
Спокойный воздух оглашал
В священный час,— не богомольный,
Я долг церковный забывал!
Мечты сменялися мечтами,
Я музу радостную звал
С ее прекрасными дарами —
И не послушалась она!
А я — невольно молчаливый —
Смирил душевные порывы
И сел печально у окна.
Придет пора, и недалеко!
Я для Парнаса оживу,
Я песнью нежной и высокой
Утешу русскую молву;
Вам с умилительным поклоном
Представлю важную тетрадь
Стихов, внушенных Аполлоном,
И стану сердцем ликовать!

1824

КАТЕНЬКЕ МОЙЕР

Как очаровывает взоры
Востока чистая краса,
Сияя розами Авроры!

Быть может, эти небеса
Не целый день проторжествуют;
Быть может, мрак застигнет их
И ураганы добушуют
До сводов, вечно голубых!
Но любит тихое мечтанье
В цветы надежду убирать
И неба в утреннем сиянье
Прекрасный день предузнавать.

Твои младенческие годы
Полетом ангела летят:
Твои мечты — мечты свободы,
Твоя свобода — мир отрад;
В твоих понятиях нет рока...
Несильной жертвы не губя,
Еще завистливого ока
Не обратил он на тебя;
Но будет час, он неизбежен,
Твоим очам откроет он
Сей мир, где разум безнадежен,
Где счастье — сон, беда — не сон.

Пусть веры кроткое сиянье
Тебе осветит жизни путь;
Ее даров очарованье
Покоит страждущую грудь;
Она с надеждою отрадной
Велит без ропота сносить
Удары силы непощадной,
Терпеть, смиряться и любить.

1824

РАЗБОЙНИКИ

(Отрывок)

Синее влажного ветрила
Над Волгой туча проходила;
Ревела буря; ночь была
В пучине зыбкого стекла;
Порой огонь воспламенялся
Во тьме потопленных небес;
Шумел, трещал прибрежный лес
И, словно Волга, волновался.

«Гремят и блещут небеса;
Кипит отвага в сердце нашем!
Расправим, други, паруса
И бодро веслами замашем!

Не чуя страха средь зыбей,
Душой не слушаясь природы,
Мы бьемся как-то веселей
При диком вое непогоды!

В лесах, в ущельях наши дни
Всегда свободны, беззаботны;
Как туча, сумрачны они,
Зато, как туча, быстролетны!

Гремят и блещут небеса;
Кипит отвага в сердце нашем!
Расправим, други, паруса
И бодро веслами замашем!»

Такая песня раздавалась
На скате волжских берегов,
Где своевольных удальцов
Станица буйная скрывалась.
Заране радуясь душой,
Они сбирались на разбой;
Как пчелы, шумно окружали
Продолговатые ладьи
И на ревущие струи
Их дружно с берега сдвигали.

Могучи духом и рукой,
Закон и казни презирая,
Они пленительного края
Давнишний рушили покой:
Не раз пожары зажигала
В соседних селах их рука;
Не раз бурливая река
Погонь за ними не пускала
И жертвы мести роковой
Непобедимою волной
На дно песчаное бросала.
Многоречивая молва
Об них далеко говорила;

Уму несмелому их сила
Казалась даром волшебства;
Их злочестивые слова,
Их непонятные деянья,
Угрозы, битвы, предсказанья
Пугали старцев и младых;
Им жены с трепетом дивились,
И прослезались, и крестились,
Рассказы слушая о них.

1824

А. С. ПУШКИНУ

Не вовсе чуя бога света
В моей неполной голове,
Не веря ветреной молве,
Я благосклонного привета —
Клянусь парнасским божеством,
Клянуся юности дарами:
Наукой, честью и вином
И вдохновенными стихами —
В тиши безвестности не ждал
От сына музы своенравной,
Равно — торжественной и славной
И высшей рока и похвал.
Певец единственной забавы,
Певец вакхических картин,
И ...ских дев и ...ских вин,
И прозелит журнальной славы,
. . . .
. . . .
. . . .
Так я тебя благодарю.
Бог весть, что́ в мире ожидает
Мои стихи, что́ буду я
На темном поле бытия,
Куда неопытность моя
Меня зачем-то порывает;
Но будь что будет — не боюсь;
В бытописаньи русских муз
Меня твое благоволенье
Предаст в другое поколенье,
И сталь плешивого косца,

Всему ужасная, не скосит
Тобой хранимого певца.
Так камень с низменных полей
Носитель Зевсовых огней,
Играя, на гору заносит.

Конец 1824 или начало 1825

РОДИНА

Краса полуночной природы,
Любовь очей, моя страна!
Твоя живая тишина,
Твои лихие непогоды,
Твои леса, твои луга,
И Волги пышные брега,
И Волги радостные воды —
Всё мило мне, как жар стихов,
Как жажда пламенная славы,
Как шум прибережной дубравы
И разыгравшихся валов.

Всегда люблю я, вечно живы
На крепкой памяти моей
Предметы юношеских дней
И сердца первые порывы;
Когда волшебница-мечта
Красноречивые места
Мне оживляет и рисует,
Она свежа, она чиста,
Она блестит, она ликует.

Но там, где русская природа,
Как наших дедов времена,
И величава, и грозна,
И благодатна, как свобода,—
Там вяло дни мои лились,
Там не внимают вдохновенью,
И люди мирно обреклись
Непринужденному забвенью.

Целуй меня, моя Лилета,
Целуй, целуй! Опять с тобой
Восторги вольного поэта,

И сила страсти молодой,
И голос лиры вдохновенной!
Покинув край непросвещенный,
Душой высокое любя,
Опять тобой воспламененный,
Я стану петь и шум военный,
И меченосцев, и тебя!

Январь 1825

А. А. ВОЕЙКОВОЙ

На петербургскую дорогу
С надеждой милою смотрю
И путешественников богу
Свои молитвы говорю:
Пускай от холода и вора
Он днем и ночью вас хранит;
Пускай пленительного взора
Вьюга́ лихая не гневит!
Пускай зима крутые враги
Засыплет бисером своим,
И кони, полные отваги,
По гладким долам снеговым,
Под голубыми небесами,
Быстрей поэтовой мечты,
Служа богине красоты,
Летят с уютными санями...

Клянусь моими божествами:
Я непритворно вас зову!
Уж долго грешными стихами
Я занимал свою молву!
Вы сильны дать огонь и живость
Певцу, молящемуся вам,
И благородство и стыдливость
Его уму, его мечтам.
Приму с улыбкой ваши узы;
Не буду петь моих проказ:
Я, видя вас,— любимец музы,
Я только трубадур без вас.

Февраль 1825

НАСТОЯЩЕЕ

6 апреля 1825

Элегия

Вчера гуляла непогода,
Сегодня то же, что вчера,—
И я от утра до утра
Уныл и мрачен, как природа.
Не то, не то в душе моей,
Что восхитительно и мило,
Что сердце юноше сулило
Для головы и для очей:
Болезнь встревоженного духа
Мне дум высоких не дает,
И, как сибирская пищуха,
Моя поэзия поет.

ДЕРПТ

Моя любимая страна,
Где ожил я, где я впервые
Узнал восторги удалые
И музы песен и вина!
Мне милы юности прекрасной
Разнообразные дары,
Студентов шумные пиры,
Веселость жизни самовластной,
Свобода мнений, удаль рук,
Умов небрежное волненье
И благородное стремленье
На поле славы и наук,
И филистимлянам гоненье.
Мы здесь *творим* свою судьбу,
Здесь гений жаться не обязан
И Христа ради не привязан
К самодержавному столбу!
Приветы вольные, живые
Тебе, любимая страна,
Где ожил я, где я впервые
Узнал восторги удалые
И музы песен и вина!

7 апреля 1825

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Ich kann mich auch verstellen.

Ramler.

Недолго на небе горела
Мне благосклонная звезда,
Моя любовь мне надоела —
Я не влюблюся никогда!
Ну к черту сны воображенья!
Не раз полночною порой
Вы нестерпимые волненья
В душе будили молодой;
Не раз надеждою неясной
Страдал доверчивый певец —
Я зарекаюсь наконец
Служить волшебнице прекрасной;
Я прогоню мою тоску,
Я задушу мой жар безумный
И снова музе вольнодумной
Стихи и сердце обреку.
Уже божественная лира
Почти молчит, почти мертва
Для безответного кумира
И не кипят ее слова;
Так после Бахусова пира
Немеют грудь и голова.

7 апреля 1825

СОН

Всё негой сладостной объемлет
Царица сумрака и сна —
Зачем душа моя не дремлет,
Зачем тревожится она?
Я сам себя не понимаю:
Чего-то жажду, что-то есть,
В чем сердце я разуверяю,
Чего ему не перенесть.
Опять тоска, опять волненье!
Надолго взор ее очей

---

[1] И я могу притворяться. Рамлер (*нем.*).

Зажег мое воображенье
И погасил в груди моей
К любви давнишнее презренье.

Морфей! Слети на Трубадура,
Дай мне спасительную ночь,
И богородицу Амура,
И думы тягостные прочь.

NB. Не всякому слуху веруйте; но испытуйте духи; есть бо дух божий и дух льстечь.

Сибирская летопись

8 апреля 1825

ЭЛЕГИЯ

Счастлив, кто с юношеских дней,
Живыми чувствами убогой,
Идет проселочной дорогой
К мете таинственной своей!
Кто рассудительной душою
Без горьких опытов узнал
Всю бедность жизни под луною,
И ничему не доверял!
Зачем не мне такую долю
Определили небеса?
Идя по жизненному полю,
Твержу: мой рай, моя краса,
А вижу лишь мою неволю!

8 апреля 1825

МОЛИТВА

Молю святое провиденье:
Оставь мне тягостные дни,
Но дай железное терпенье,
Но сердце мне окамени.
Пусть, неизменен, жизни новой
Приду к таинственным вратам,
Как Волги вал белоголовый
Доходит целый к берегам.

12 апреля 1825

ПРОЩАНИЕ С ЭЛЕГИЯМИ

Прощайте, миленькие бредни
И мой почтенный идеал!
Не первый я, не я последний
Вас и творил и прославлял,
Но первый я вас разгадал.
Мне будет сладко и утешно
В другие годы вас читать,
Мой жар безумный и безгрешный —
Мою любовь воспоминать;
Тогда с улыбкою унылой
На ваши строки посмотрю
И молвлю: господи помилуй!
И тихо книгу затворю.

24 апреля 1825

ЭЛЕГИИ

1

Свободен я; уже не трачу
Ни дня, ни ночи, ни стихов
За милый взгляд, за пару слов,
Мне подаренных наудачу
В часы бездушных вечеров;
Мои светлеют упованья,
Печаль от сердца отошла,
И с ней любовь: так пар дыханья
Слетает с чистого стекла!

2

Я знал живое заблужденье,
Любовь певал я; были дни —
Теперь умчалися они,
Теперь кляну ее волненье,
Ее блудящие огни.
Я понял ветреность прекрасной,
Пустые взгляды и слова —
И в сердце стихнул жар опасный,
И не кружится голова:

Гляжу с улыбкою, как прежде,
В глаза кумиру моему;
Но я не верую надежде,
Но я молюся не ему!

3

Моя камена ей певала,
Но сила взоров красоты
Не мучила, не услаждала
Моей надежды и мечты;
Но чувства пылкого, живого,
Любви, не знал я,— так волна
В лучах светила золотого
Блестит, кипит,— но холодна!

Апрель 1825

НОВГОРОДСКАЯ ПЕСНЬ

1-я

1170 г.

Свободно, высоко взлетает орел,
Свободно волнуется море,—
Замедли орлиный полет,
Сдержи своенравное море!

Не так ли, о други, к отчизне любовь,
Краса благородного сердца,
На битве за вольность и честь
Смела, и сильна, и победна?

Смотрите, как пышен, блистателен день
Как наши играют знамена!
Не даром красуется день,
Не даром играют знамена!

Виднее сражаться при свете небес;
Отважней душа и десница,
Когда перед бодрым полком
Хоругви заветные плещут.

Гремите же, трубы! На битву, друзья,
Потомки бойцов Ярослава!
Не выдадим чести родной —
Свободы наследного права.

Что вольным соседей завистных вражда
И темные рати Андрея?
К отчизне святая любовь
Смела, и сильна, и победна!

Свободно, высоко взлетает орел,
Свободно волнуется море,—
Замедли орлиный полет,
Сдержи своенравное море!

Начало 1825

* * *

Поэт свободен. Что награда
Его высокого труда?
Не милость царственного взгляда,
Не золото и не звезда!
Служа несозданному богу,
Он даст ли нашим божествам
Назначить мету и дорогу
Своим торжественным мечтам?
Он даст ли творческий свой гений
В земные цепи заковать,
Его ль на подвиг вдохновений
Коварной лаской вызывать?

Начало 1825

МЕЧЕНОСЕЦ АРАН

(Отрывок)

Не раз, не два Ливония видала,
Как, ратуя за веру христиан,
Могучая рука твоя, Аран!
Из вражьих рук победу вырывала;
Не раз, не два тебя благословлял
Приветный крик воинственного схода,

Когда тобой хвалился воевода
И смелого, как сына, обнимал.

. . . .

. . . .

Но мнилося — любовь и наслажденье,
А не войну и славу на войне
Арановой пленительной весне
Назначило уделом провиденье.
Аран! твои ланиты и уста,
Румяные, как пурпуры денницы,
Твоих очей лазурь и быстрота,
Их милый взор, их длинные ресницы,
Твой гибкий стан и черные власы —
Как сладостно, и пламенно, и живо
Мечталися в полночные часы
Красавице надменной и стыдливой
В стране, где ты как радость расцветал,
Где Везер льет серебряные воды;
В стране, где сын отчизны и свободы,
Возвышенный Арминий побеждал.

Как яркий луч божественного света,
Как мощного воителя стрела,
Как творческий и смелый дух поэта
И горний лет победного орла —
Дни юноши легки и быстротечны,
Когда, пленен высоким и благим,
Мечтательный, живой, простосердечный,
Он весь дался надеждам золотым,
И новый мир яснеет перед ним,
Для подвигов прекрасных бесконечный!
Так молодость Аранова текла:
Уж полон чувств и бодрых упований,
Он был готов десницею для брани,
Готов душой на славные дела.
Его мечта туда переносила,
Где божий свет крестом преображен;
Где Иордан, Голгофа и Кедрон,
Где высоты́ Ермона и Кармила;
Там юноша, при ратных знаменах,
Наместником Петра благословенных,
Горел, алкал прославиться в боях
Красою дел отважных и священных.

. . . .

. . . .

На синеве безоблачного свода
Светило дня прекрасное горит;
Труба на сбор воителей манит;
Надел броню их старец-воевода...
Они стеклись — наточенный булат
Звучит, блестит; геройские воззванья,
Веселые текут из ряда в ряд;
У всех одни надежды и желанья,
Все бранными восторгами кипят!
Закрыв лицо решеткою забральной,
На рукоять поникнув головой,
Один Аран, безмолвный и печальный,
Не веселел, не ликовал душой...
Когда магистр, готовяся на битву,
Сложив шелом пернатый и стальной,
Произносил сердечную молитву
Спасителю и деве пресвятой;
Когда, подняв трепещущие длани
И слезный взор к бессмертным небесам,
Он призывал внимающим полкам
Великую защиту бога брани;
Когда клялся не холодеть в боях,
Блюсти мечом апостолов державу
И возвещать в языческих странах
Всевышнего трисолнечную славу,—
Что чувствовал ты, воин молодой,
Вождя побед глазами озирая,
То яркими, как пламень громовой,
То мрачными, как туча громовая?
. . . .
. . . .
Простертые на бархате полян,
В безмолвии окрестность наблюдая,
Ливонцы ждут прихода христиан;
Они без лат: меч, стрелы и чекан,
Копье и щит — их сбруя боевая...
Блеснула рать знакомая вдали;
Трескучий зык сзывающего рога
Их взволновал: столпились, потекли —
И началась кровавая тревога!

Не облака ль сверкают и гремят,
Не озеро ль Чудское расшумелось?
Не облака сверкают и гремят,

Не озеро Чудское расшумелось —
Враги Христа с Винандовым полком
Сшибаются . . . .
. . . .
. . . .

Там общий бой: толпа толпу теснит,
Пирует смерть, кровь брызжет, сталь звенит.
Тот меч занес и, не свершив удара,
Оцепенел, разрубленный мечом;
Тот в ярости губительного жара
Не слышит ран и рубится с врагом;
Иной копье из тела вырывает
И в судоргах влачится по земле;
Тот навзничь пал — и язва на челе;
Тот, жалостно стоная, издыхает,
Подавленный израненным конем;
Кто смерть зовет, кто битву проклинает:
Обширный ад на поле боевом!

Уж месяц встал блестящий и багряный
Над зеркалом балтийской глубины;
Уж потекли росистые туманы
По берегам лазоревой Двины...
. . . .

И тьма легла на поприще мечей.
Бой перестал. Огни в долине стана;
Воители на рыцарских щитах
Несут в шатер полмертвого Арана;
Он весь в крови; мерцание в очах,
И широка запекшаяся рана.

1825

В АЛЬБОМ Ш. К.

Доверчивый, простосердечный,
Безумно следуя мечте,
Дается юноша беспечно
В неволю хитрой красоте;
Кипит, ликует, возвышается
Его надежда; перед ним
Мир очарованный является
Безбрежным, ясным и святым.

Он долго рабствует прекрасной,
Он богом идола зовет;
Но сон проходит сладострастный
И в то же сердце не придет!
Счастлив, когда любви волнение
Он своевольно усмирил
И стыд, и гордость, и презрение
Для ней во нраве сохранил.

1 мая 1825

ЭПИЛОГ

Когда-нибудь, порою скуки,
Бродя очами по листам,
Где сердца радости и муки
Я бескорыстно славил вам,
Где жаром страсти небывалой
Я песни сонные живил,
Когда мне чувств недоставало,
А ум и в ум не приходил,—

Над безобразными строками
Вы бегло вспомните о мне,
Поэте, созданном лишь вами
В непоэтической стране.
Прошу стихи мои улыбкой,
Их не читая, наградить:
В них музы нет, не может быть,
Они написаны ошибкой.

———

Теперь прощайте — бог дороги
Пусть вас покоит и хранит
И лошадей чухонских ноги
Проворным бегом одарит;
Не видя туч, не слыша грома,
Стрелой неситесь по полям
И будьте веселы, как дома,—
А впрочем, как угодно вам!

3 мая 1825

ГЕНИЙ

Когда, гремя и пламенея,
Пророк на небо улетал —
Огонь могучий проникал
Живую душу Елисея:
Святыми чувствами полна,
Мужала, крепла, возвышалась,
И вдохновеньем озарялась,
И бога слышала она!

Так гений радостно трепещет,
Свое величье познает,
Когда пред ним гремит и блещет
Иного гения полет;
Его воскреснувшая сила
Мгновенно зреет для чудес...
И миру новые светила —
Дела избранника небес!

Между 10 и 19 мая 1825

ДВЕ КАРТИНЫ

Прекрасно озеро Чудское,
Когда над ним светило дня
Из синих вод, как шар огня,
Встает в торжественном покое:
Его красой озарена,
Цветами радуги играя,
Лежит равнина водяная,
Необозрима и пышна;
Прохлада утренняя веет,
Едва колышутся леса;
Как блестки золота, светлеет
Их переливная роса;
У пробудившегося брега
Стоят, готовые для бега,
И тихо плещут паруса;
На лодку мрежи собирая,
Рыбак взывает и поет,
И песня русская, живая
Разносится по глади вод.

Прекрасно озеро Чудское,
Когда блистательным столбом
Светило искрится ночное
В его кристалле голубом:
Как тень, отброшенная тучей,
Вдоль искривленных берегов
Чернеют образы лесов,
И кое-где огонь плавучий
Горит на челнах рыбаков;
Безмолвна синяя пучина,
В дубровах мрак и тишина,
Небес далекая равнина
Сиянья мирного полна;
Лишь изредка, с богатым ловом
Подъемля сети из воды,
Рыбак живит веселым словом
Своих товарищей труды;
Или путем дугообразным
С небесных падая высот,
Звезда над озером блеснет,
Огнем рассыплется алмазным
И в отдаленьи пропадет.

Между 2 и 16 августа 1825

ЭЛЕГИЯ

Меня любовь преобразила:
Я стал задумчив и уныл;
Я ночи бледные светила,
Я сумрак ночи полюбил.
Когда веселая зарница
Горит за дальнею горой,
И пар густеет над водой,
И смолкла вечера певица,
По скату сонных берегов
Брожу, тоскуя и мечтая,
И жду, когда между кустов
Мелькнет условленный покров
Или тропинка потайная
Зашепчет шорохом шагов.
Гори, прелестное светило,
Помедли, мрак, на лоне вод:

Она придет, мой ангел милый,
Любовь моя,— она придет!

Ноябрь или начало декабря 1825

ПОЭТ

«Искать ли славного венца
На поле рабских состязаний,
Тревожа слабые сердца,
Сбирая нищенские дани?
Сия народная хвала,
Сей говор близкого забвенья,
Вознаградит ли музе пенья
Ее священные дела?
Кто их постигнет? Гений вспыхнет —
Толпа любуется на свет,
Шумит, шумит, шумит — затихнет;
И это слава наших лет!»

Так мыслит юноша-поэт,
Пока в душе его желанья
Мелькают, темные, как сон,
И твердый глас самосознанья
Не возвестил ему, кто он.
И вдруг, надеждой величавой
Свои предвидя торжества,
Беспечный — право иль не право
Его приветствует молва —
За независимою славой
Пойдет любимец божества;
В нем гордость смелая проснется:
Свободен, весел, полон сил,
Орел великий встрепенется,
Расширит крылья и взовьется
К бессмертной области светил!

6 ноября 1825

К А. Н. ВУЛЬФУ

Скажу ль тебе, кого люблю я,
Куда летят мои мечты,
То занывая, то ликуя

Среди полночной темноты?
Она — души моей царица —
И своенравна и горда;
Но при очах ее денница —
Обыкновенная звезда.
На взоры страстные, на слезы
Она бесчувственно глядит;
Но пламенны младые розы
Ее застенчивых ланит.
Ее жестоко осуждают:
Она проста, она пуста;
Но эти перси и уста,—
Чего ж они не заменяют?

Начало ноября 1825

К А. А. ВОЕЙКОВОЙ

Забуду ль вас когда-нибудь
Я, вами созданный? Не вы ли
Мне песни первые внушили,
Мне светлый указали путь
И сердце биться научили?
Я берегу в душе моей
Неизъяснимые, живые
Воспоминанья прошлых дней,
Воспоминанья золотые.
Тогда для вас я призывал,
Для вас любил богиню пенья,
Для вас делами вдохновенья
Я возвеличиться желал;
И ярко — вами пробужденный,
Прекрасный, сильный и священный —
Во мне огонь его пылал.
Как волны, высились, мешались,
Играли быстрые мечты;
Как образ волн, их красоты́,
Их рост и силы изменялись —
И был я полон божества,
Могуч восстать до идеала,
И сладкозвучные слова,
Как перлы, память набирала.
Тогда я ждал... но где ж они,
Мои пленительные дни,

Восторгов пламенная сила
И жажда славного труда?
Исчезло всё,— меня забыла
Моя высокая звезда.
Взываю к вам: без вдохновений
Мне скучно в поле бытия;
Пускай пробудится мой гений,
Пускай почувствую, кто я!

14 ноября 1825

А. Н. ВУЛЬФУ

Мой брат по вольности и хмелю!
С тобой согласен я: годна
В усладу пламенному Лелю
Твоя Мария Дирина.
Порой горят ее ланиты,
Порой цветут ее уста,
И грудь роскошна и чиста,
И томен взор полузакрытый!
В ней много жизни и огня;
В игре заманчивого танца
Она пленяет и меня,
И белобрысого лифляндца;
Она чувствительна, добра
И знает бога песнопений;
Ей не годится и для тени
Вся молодая немчура.
Всё хорошо, мой друг, но то ли
Моя красавица? Она —
Завоевательница воли
И для поэтов создана!
Она меня обворожила:
Какая сладость на устах,
Какая царственная сила
В ее блистательных очах!
Она мне всё. Ее творенья —
Мои живые вдохновенья,
Мой пламень в сердце и стихах.
И я ль один, ездок Пегаса,
Скачу и жду ее наград?
Разнобоярщина Парнаса
Ее поет наперехват —

И тайный Глинка, и Евгений,
И много всяческих имен...
О! слава богу! я влюблен
В звезду любви и вдохновений!

16 декабря 1825

ИЗВИНЕНЬЕ

Я не исполнил обещанья:
Не всё и плохо написал;
Но я прекрасного желал,
Но я имею оправданья
Во глубине моей души,
Они довольно хороши.
Я жажду славы и свободы,
А что пророчат мне мечты?
Предвижу царство пустоты
И прозаические годы...
Во имя бога и природы,
Не веря сердцу и уму,
Уже сбегаются народы
К позолоченному ярму;
Награда вам — и корм и ласки,
А служба скромная легка:
Не беспокоить седока
И верно слушаться указки!
Жестоки наши времена,
На троне глупость боевая!
Прощай, поэзия святая,
И здравствуй, рабства тишина!

20 декабря 1825

ВТОРАЯ ПРИСЯГА

Когда, печальная от страха,
Моляся господу-отцу,
Россия шапку Мономаха
Давала князю-удальцу,
И, в тишине красноречивой,
Всё, кроме женщин и детей,
Клялось хранить благочестиво

Самодержавие царей,—
Тогда, отчизне подражая,
Моя богиня молодая,
Тоской невольною мила,
Беспечна к собственному благу,
Простосердечную присягу
Своей звезде произнесла.
Во мне проснулась жажда неги,
Я стал задумчив, я мечтал,
И нежным именем элегий
Я прозу сердца называл.
Мне было скучно: бог зевоты
Мне заменил и бога сна,
И бога светлого вина,
И духа гордые полеты,
И то, и то. Я был готов
Восстановить моих богов.
Что вдохновенье, что свобода,
В часы неволи помнил я;
Но скромность милая моя,
Но заразительная мода
Присягу рабства исполнять
И лень, сотрудница поэтов,
Меня успели задержать
В границах низменных предметов;
И я — неявный либерал —
Моей торжественной присяге
Ни на словах, ни на бумаге,
И вообще не изменял.

Когда ж к ушам россиянина
Дошла разительная весть,
Что непонятная судьбина
Не допустила Константина
С седла на царство пересесть;
Когда, не много рассуждая,
Сената русского собор
Царем поставил Николая,
А прежняя присяга — вздор,—
Благоговейно подражаю
Престола верному столбу:
Я радостно мою судьбу
Другой харите поверяю,
В душе чувствительной об ней
Молюсь всевидящему богу —

И на житейскую дорогу
Смотрю гораздо веселей.

14 февраля 1826

К А. Н. ВУЛЬФУ

Мой друг, учи меня рубиться:
Быть может, некогда и мне,
Во славу Руси, пригодится
Рука, привычная к войне.
Питомец скромных наслаждений,
Доселе в мире ведал я
Одни безделки бытия:
Приволье Бахуса и лени,
Утехи вялой тишины,
Амура приторную сладость,
Да усыпительную радость,
Да незаманчивые сны.
Теперь служу иному чувству,
Пылаю жаждою иной:
Учи ж меня, товарищ мой,
Головоломному искусству!

27 февраля 1826

ВОСПОМИНАНИЕ

Я не забуду никогда
Мои студенческие годы,
Раздолье Вакха и свободы
И благодатного труда!
В стране умеренным блаженной,
Вдали блистательных невежд,
Они питали жар священный
Моих желаний и надежд.
Здесь муза песен полюбила
Мои словесные дела;
Здесь духа творческая сила
Во мне мужала и росла.
И слава ей! Не ласки света,
Не взор любви, не блеск наград,
Какими светского поэта

Князья и жены их дарят,—
Мечты могучие живили
Певца чувствительную грудь,
И мне яснел высокий путь
Для поэтических усилий.

Но помню я: была пора,
Я обожал уста и очи,
Чего-то ждал с утра до ночи,
О чем-то бредил до утра
И, страсти веруя залетной,
Впервые лаком до похвал,
Я мой талант словоохотный
Чужим причудам посвящал.
Стихов гармония и сила
Пленяла душу красоты;
Казалось мне — она любила
Мои весенние цветы.
Разнообразные надежды
Я расточительно питал,
Я их в мишурные одежды
И по-заморски одевал.
Она улыбкой награждала
Благовоспитанный мой бред,
Где громким словом идеала
Знаменовал ее поэт.
Любовь возвышенная! ты ли
Давала жизнь моим стихам,
Когда мечты мои служили
Обыкновенным божествам?
Твоя ли действовала воля,
Тобой ли полон был певец,
Когда с общественного поля
Он набирал себе венец?

Теперь не то,— я славлю бога!
Она прошла и не придет,
Пора томительных забот,
Моя сердечная тревога.
Как нечто странное, об ней
Хранится в памяти моей
Нравоучительная повесть,—
Она в стихах и не мала;
Но поэтическая совесть
Ее безумством назвала.

И правда, верю, я некстати
Дары-таланты расточал;
Да, впрочем, ea tempestate [1]
Я был влюблен — и так не знал,
Что бредил я, когда писал...
И говорю: любви обеты,
Любви надежды и мечты
Или живые пустоцветы,
Или поддельные цветы!

24 апреля 1826

ЭЛЕГИЯ

Любовь, любовь! веселым днем
И мне, я помню, ты светила;
Ты мне восторги окрилила,
Ты назвала меня певцом.

Волшебна ты, когда впервые
В груди ликуешь молодой;
Стихи, внушенные тобой,
Звучат и блещут золотые!

Светлее зе́ркальных зыбей,
Звезды прелестнее рассветной,
Пышнее ленты огнецветной,
Повязки сладостных дождей,

Твои надежды; но умчится
Очаровательный их сон;
Зови его — не внемлет он,
И сердцу снова не приснится.

2 мая 1826

К ШЕПЕЛЕВУ

В делах вина и просвещенья,
В делах Амура мой Орест,
Прощай! Защите провиденья

---

[1] В ту пору (*лат.*).

Я поручаю твой отъезд.
В России, ради Аполлона,
Поэта-друга вспомяни.
Туда с тобою два поклона
Я посылаю, вот они:
Один Москве перводержавной —
Она поэзии мила;
В ней слава Руси благонравной
И прозябала, и цвела;
Другой поклон иного рода —
Куда?.. Ты можешь угадать,
Кому работала полгода
Моей камены благодать;
Кем, незлопамятный, доселе
Я восхищаюсь и горжусь;
О ком три раза на неделе
Святому образу молюсь;
Чья победительная сила
Давно, и въяве и во сне,
Меня мертвила и живила
И воцарялася во мне.
Ты помнишь, друг, ее певали
Мои элегии: она
Мила, как ангел, но едва ли
Так непритворна и скромна.
Ее чело, ее ланиты,
Ее власы, ее уста
И очи — словно у хариты,
Всё хорошо, всё красота...
Ей поклонись, скажи два слова
И мне в усладу напиши,
Как поживает, как здорова
Сия звезда моей души?

15 мая 1826

* * *

Не вы ль убранство наших дней,
Свободы искры огневые,—
Рылеев умер, как злодей! —
О, вспомяни о нем, Россия,
Когда восстанешь от цепей

И силы двинешь громовые
На самовластие царей!

7 августа 1826

ВИЛЕНСКОМУ

Не робко пей, товарищ мой!
Так наши прадеды пивали,
В боях, за чашей круговой
Они и немцев побеждали.
Счастли́в, кто верует в вино
Сердечно, слепо и надежно!
Как утешительно, как нежно,
Как упоительно оно!
Что краше, слаще наслажденья,
Когда играет голова,
Отважны, пламенны движенья,
Отважны, пламенны слова?
Так ум кипит в гражданской смуте,
Так жажда вольности пылка.
О! рай тому, кто pro virtute [1]
Достоин Вакхова венка!

16 августа 1826

А. С. ПУШКИНУ

О ты, чья дружба мне дороже
Приветов ласковой молвы,
Милее девицы пригожей,
Святее царской головы!
Огнем стихов ознаменую
Те достохвальные края
И ту годину золотую,
Где и когда мы — ты да я,
Два сына Руси православной,
Два первенца полночных муз —
Постановили своенравно
Наш поэтический союз.
Пророк изящного! забуду ль,

---

[1] За доблесть (*лат.*).

Как волновалася во мне,
На самой сердца глубине,
Восторгов пламенная удаль,
Когда могущественный ром
С плодами сладостной Мессины,
С немного сахара, с вином,
Переработанный огнем,
Лился в стаканы-исполины?
Как мы, бывало, пьем да пьем,
Творим обеты нашей Гебе,
Зовем свободу в нашу Русь,
И я на вече, я на небе!
И славой прадедов горжусь!
Мне утешительно доселе,
Мне весело воспоминать
Сию поэзию во хмеле,
Ума и сердца благодать.
Теперь, когда Парнаса воды
Хвостовы черпают на оды
И простодушная Москва,
Полна святого упованья,
Приготовляет торжества
На светлый день царевенчанья,—
С челом возвышенным стою
Перед скрижалью вдохновений [1]
И вольность наших наслаждений
И берег Сороти пою!

16 августа 1826

К ВУЛЬФУ, ТЮТЧЕВУ И ШЕПЕЛЕВУ

Нам было весело, друзья,
Когда мы лихо пировали
Свободу нашего житья,
И целый мир позабывали!
Те дни летели, как стрела,
Могучим кинутая луком;
Они звучали ярким звуком
Разгульных песен и стекла;
Как искры, брызжущие с стали

[1] Аспидная доска, на которой стихи пишу. *(Примеч. Н. М. Языкова.)*

На поединке роковом,
Как очи, светлые вином,
Они пленительно блистали.

В те дни, мила, явилась мне
Надежда творческая славы,
Манила думы величавы
К браннолюбивой старине:
На веча Новграда и Пскова,
На шум народных мятежей,
В походы воинства Христова
Противу северных князей;
В те дни, мечтательно-счастливый,
Искал я взглядов красоты,
Ей посвящал я горделиво
Моей поэзии цветы.

Вы помните беседы наши,
Как мы, бывало, за столом
Роскошно нежимся втроем,
И быстро чокаются чаши,
И пьем, и спорим, и поем?
Тогда, восторжен, перед вами
Чью душу я боготворил,
Чье имя я произносил
Благоуханными устами?
Она — мой ангел. Где ж она?
Теперь, друзья, иное время:
Не пьяной сладостью вина
Мы услаждаем жизни бремя;
Теперь не праздничаем мы,—
Богаты важными трудами,
Не долго спим порою тьмы,
Встаем поутру с петухами:
Минувших лет во глубине
Следим великие державы,
Дела их в мире и войне,
Их образованность, их нравы,
Их управление, уставы,
Волненья бурные умов,
Торговлю, силу и богов,
Причины бед, причины славы;
Мы по науке мудрецов
Свободно хвалим, порицаем,
Не любим, любим, и порой

Скрижали древности седой
О настоящем вопрошаем.
Работа здравая! На ней
Душа прямится, крепнет воля,
И наша собственная доля
Определяется видней!

Так мы готовимся, о други,
На достохвальные заслуги
Великой родине своей!
Нам поле светлое открыто
Для дум и подвигов благих:
Желаний полны мы живых;
В стране мы дышим знаменитой,
Мы ей гордимся; покажи
В листах чужих бытописаний
Ряд благороднейших деяний!
Жестоки наши мятежи,
Кровавы, долги наши брани;
Но в них является везде
Народ и смелый и могучий,
Неукротимый во вражде,
В любви и твердый и кипучий.
Так с той годины, как царям
Покорна северная сила,
Веков по льдяным степеням
Россия бодро восходила;
И днесь красуется она
Добром и честию военной:
Давно ли наши знамена
Освободили полвселенной?

О! разучись моя рука
Владеть струнами вдохновений,
Не удостойся я венка
В алмазном храме песнопений,
Холодный ветер суеты
Надуй и мчи мои ветрила
Под океаном темноты
По ходу бледного светила,
Когда умалится во мне
Сей неба дар благословенный,
Сей пламень чистый и священный —
Любовь к родимой стороне!

Во прах, надежды мелочные
И дел и мыслей мишура!
У нас надежды золотые
Сердца насытить молодые
Делами чести и добра!
Что им обычная тревога
В известном море бытия?
Во имя родины и бога
Они исполнятся, друзья!
Ладьи, гонимые ветрами,
Безвестны гибнут средь зыбей,
Когда станица кораблей,
Шумя широкими крылами,
Ряды бушующих валов
Высокой грудью раздвигает
И в край родимый прилетает
С богатством дальних берегов!

27 августа 1826

АДЕЛАИДЕ

Ланит и персей жар и нега
И томный блеск твоих очей...
О друг! ты Альфа и Омега
Любви возвышенной моей —
Ты вся полна очарованья!
Я твой! мои живые сны,
Мои кипучие желанья
Все на тебя устремлены.
Предайся ж мне: любви забавы
Я сладкозвучно воспою
И окружу лучами славы
Младую голову твою!

12 сентября 1826

ТРИГОРСКОЕ

Посвящается П. А. Осиповой

В стране, где вольные живали
Сыны воинственных славян,
Где сладким именем граждан

Они друг друга называли;
Куда великая Ганза
Добро возила издалеча,
Пока московская гроза
Не пересиливала веча;
В стране, которую война
Кровопролитно пустошила,
Когда ливонски знамена
Душа геройская водила;
Где побеждающий Стефан
В один могущественный стан
Уже сдвигал толпы густые,
Да уничтожит псковитян,
Да ниспровергнется Россия!
Но ты, к отечеству любовь,
Ты, чем гордились наши деды,
Ты ополчилась... Кровь за кровь...
И он не праздновал победы!
В стране, где славной старины
Не все следы истреблены,
Где сердцу русскому доныне
Красноречиво говорят:
То стен полуразбитых ряд
И вал на каменной вершине,
То одинокий древний храм
Среди беспажитной поляны,
То благородные курганы
По зеленеющим брегам.
В стране, где Сороть голубая,
Подруга зеркальных озер,
Разнообразно между гор
Свои изгибы расстилая,
Водами ясными поит
Поля, украшенные нивой,—
Там, у раздолья, горделиво
Гора трихолмная стоит;
На той горе, среди лощины,
Перед лазоревым прудом,
Белеется веселый дом
И сада темные картины,
Село и пажити кругом.

Приют свободного поэта,
Не побежденного судьбой!
Благоговею пред тобой,—

И дар божественного света,
Краса и радость лучших лет,
Моя надежда и забава,
Моя любовь и честь и слава —
Мои стихи — тебе привет!

Как сна отрадные виденья,
Как утро пышное весны,
Волшебны, свежи наслажденья
На верном лоне тишины,
Когда душе, не утомленной
Житейских бременем трудов,
Доступен жертвенник священный
Богинь кастальских берегов;
Когда родимая природа
Ее лелеет и хранит
И ей, роскошная, дарит
Всё, чем возвышена свобода.

Душе пленительна моей
Такая райская година:
Камены пламенного сына
Она утешила; об ней
Воспоминание живое
И ныне радует меня.
Бывало, в царственном покое,
Великое светило дня,
Вослед за раннею денницей,
Шаром восходит огневым
И небеса, как багряницей,
Окинет заревом своим;
Его лучами заиграют
Озер живые зеркала;
Поля, холмы благоухают;
С них белой скатертью слетают
И сон и утренняя мгла;
Росой перловой и зернистой
Дерев одежда убрана;
Пернатых песнью голосистой
Звучит лесная глубина.

Тогда, один, восторга полный,
Горы прибережной с высот,
Я озирал сей неба свод,

Великолепный и безмолвный,
Сии круги и ленты вод,
Сии ликующие нивы,
Где серп мелькал трудолюбивый
По золотистым полосам;
Скирды желтелись, там и там
Жнецы к товарищам взывали,
И на дороге, вдалеке,
С холмов бегущие к реке
Стада пылили и блеяли.

Бывало, солнце без лучей
Стоит и рдеет в бездне пара,
Тяжелый воздух полон жара;
Вода чуть движется; над ней
Склонилась томными ветвями
Дерев безжизненная тень;
На поле жатвы, меж скирдами,
Невольная почиет лень,
И кони спутанные бродят,
И псы валяются; молчат
Село и хо́лмы; душен сад,
И птицы песен не заводят...

Туда, туда, друзья мои!
На скат горы, на брег зеленый,
Где дремлют Сороти студеной
Гостеприимные струи;
Где под кустарником тенистым
Дугою выдалась она
По глади вогнутого дна,
Песком усыпанной сребристым.
Одежду прочь! перед челом
Протянем руки удалые
И бух! — блистательным дождем
Взлетают брызги водяные.
Какая сильная волна!
Какая свежесть и прохлада!
Как сладострастна, как нежна
Меня обнявшая наяда!
Дышу вольнее, светел взор,
В холодной неге оживаю,
И бодр и весел выбегаю
Травы на бархатный ковер.

Что восхитительнее, краше
Свободных, дружеских бесед,
Когда за пенистою чашей
С поэтом говорит поэт?
Жрецы высокого искусства,
Пророки воли божества!
Как независимы их чувства,
Как полновесны их слова!
Как быстро, мыслью вдохновенной,
Мечты на радужных крылах,
Они летают по вселенной
В былых и будущих веках!
Прекрасно радуясь, играя,
Надежды смелые кипят,
И грудь трепещет молодая,
И гордый вспыхивает взгляд!

Певец Руслана и Людмилы!
Была счастливая пора,
Когда так веселы, так милы
Неслися наши вечера
Там на горе, под мирным кровом
Старейшин сада вековых,
На дерне свежем и шелковом,
В виду окрестностей живых;
Или в тиши благословенной
Жилища граций, где цветут
Каменами хранимый труд
И ум, изящно просвещенный;
В часы, как сладостные там
Дары Эвтерпы нас пленяли,
Как персты легкие мелькали
По очарованным ладам,—
С них звуки стройно подымались,
И в трелях чистых и густых
Они свивались, развивались —
И сердце чувствовало их!

Вот за далекими горами
Скрывается прекрасный день;
От сеней леса над водами
Волнообразными рядами
Длиннеет трепетная тень;
В реке сверкает блеск зарницы,
Пустеют холмы, дол и брег;

В село въезжают вереницы
Поля покинувших телег;
Где-где залает пес домовый,
Иль ветерок зашелестит
В листах темнеющей дубровы,
Иль птица робко пролетит,
Иль воз тяжелый и скрыпучий,
Усталым движимый конем,
Считая бревна колесом,
Переступает мост плавучий;
И вдруг отрывный и глухой
Промчится грохот над рекой,
Уже спокойной и дремучей,—
И вдруг замолкнет... Но вдали,
На крае неба, месяц полный
Со всех сторон заволокли
Большие, облачные волны;
Вон расступились, вон сошлись,
Вон, грозно-тихие, слились
В одну громаду непогоды —
И на лазоревые своды,
Молниеносна и черна,
С востока крадется она.

Уже безмолвие лесное
Налетом ветра смущено;
Уже не мирно и темно
Реки течение ночное;
Широко зыблются на нем
Теней раскидистые чащи,
Как парус, в воздухе дрожащий,
Почти упущенный пловцом,
Когда внезапно буря встанет,
Покатит шумные струи,
Рванет крыло его ладьи
И над пучиною растянет.

Тьма потопила небеса;
Пустился дождь; гроза волнует,
Взрывает воды и леса,
Гремит, и блещет, и бушует.
Мгновенья дивные! Когда
С конца в конец по тучам бурным
Зубчатой молнии бразда
Огнем рассыплется пурпурным,

Всё видно: цепь далеких гор,
И разноцветные картины
Извивов Сороти, озер,
Села, и брега, и долины!
Вдруг тьма угрюмей и черней,
Удары громче громовые,
Шумнее, гуще и быстрей
Дождя потоки проливные.

Но завтра, в пышной тишине,
На небо ярко-голубое
Светило явится дневное
Восставить утро золотое
Грозой омытой стороне.

Придут ли дни? Увижу ль снова
Твои холмы, твои поля,
О православная земля
Священных памятников Пскова?
Твои родные красоты
Во имя муз благословляю
И верным счастьем называю
Всё, чем меня ласкала ты.

Как сладко узнику младому,
Покинув тьму и груз цепей,
Взглянуть на день, на блеск зыбей,
Пройти по брегу луговому,
Упиться воздухом полей!
Как утешительно поэту
От мира хладной суеты,
Где многочисленные в Лету
Бегут надежды и мечты,
Где в сердце, музою любимом,
Порой, как пламени струя,
Густым задавленная дымом,
Страстей при шуме нестерпимом,
Слабеют силы бытия,—
В прекрасный мир, в сады природы
Себя, свободного, укрыть,
И вдруг и гордо позабыть
Свои потерянные годы!

Осень 1826

К ПЕЛЬЦЕРУ

Свободны, млады, в цвете сил,
Мы весело, мы шумно жили;
Нас Бахус пламенный любил,
Нас девы хищные любили;
В обгон летели наши дни,
Светились ярко наши ночи...
Так в туче реются огни,
Так блещут радостные очи!
И где ж она, товарищ мой,
Сия волшебная година;
Где наши песни, наши вина
И праздник жизни удалой?
Всё миновалось!.. На разлуку,
Задумчив, тих, твоей руке
Мою протягиваю руку;
Предвижу сон, предвижу скуку
В моем пустынном уголке,
Где мы, надежд могучих полны,
Пивали сладость бытия
И где вчера еще, как волны,
Шумели бурные друзья.
Но, милый мой, пройдет ненастье:
Когда-нибудь и где-нибудь,
Хотя на миг, земное счастье
Украсит жизненный наш путь;
Я обниму тебя, как брата,
Под кровом доброго пената
С твоим сольется мой досуг;
Тогда, мой друг, тогда, мой друг,
Последний грош ребром поставлю,
Упьюсь во имя прошлых дней
И поэтически отправлю
Поминки юности моей!

23 декабря 1826

ВЕЧЕР

Прохладен воздух был; в стекле спокойных вод
Звездами убранный лазурный неба свод
Светился; темные покровы ночи сонной
Струились по коврам долины благовонной;

Над берегом, в тени раскидистых ветвей,
И трелил, и вздыхал, и щелкал соловей.

Тогда между кустов, как призраки мелькая,
Влюбленный юноша и дева молодая
Бродили вдоль реки; казалося, для них
Сей вечер нежился, так сладостен и тих;
Для них лучами звезд играла вод равнина,
Для них туманами окрестная долина
Скрывалась,— и в тени раскидистых ветвей
И трелил, и вздыхал, и щелкал соловей.

1826

СОМНЕНИЕ

Когда зовут меня поэтом
Уста ровесницы харит
И соблазнительным приветом
Она мечты мои живит;
Когда душе моей опасен
Любви могущественный жар,—
Я молчалив, я не согласен,
Я берегу небесный дар...
Избранник бога песнопенья,
Надменно чувствуя, кто я,
Означу ль светом вдохновенья
Простую жажду наслажденья,
Безумный навык бытия?
Сей мир поэзии обычной —
Он тесен славе: мир иной,
Свободный, светлый, безграничный,
Как рай, лежит передо мной!

1826

ОЛЕГ

Не лес завывает, не волны кипят
Под сильным крылом непогоды;
То люди выходят из киевских врат:
Князь Игорь, его воеводы,
Дружина, свои и чужие народы
На берег днепровский, в долину спешат,

Могильным общественным пиром
Отправить Олегу почетный обряд,
Великому бранью и миром.

Пришли — и широко бойцов и граждан
Толпы́ обступили густыя
То место, где черный восстанет курган,
Да Вещего помнит Россия;
Где князь бездыханный, в доспехах златых,
Лежал средь зеленого луга,
И бурный товарищ трудов боевых —
Конь белый — стоял изукрашен и тих
У ног своего господина и друга.

Все, малый и старый, отрадой своей,
Отцом опочившего звали;
Горючие слезы текли из очей,
Носилися вопли печали;
И долго, и долго вопил и стенал
Народ, покрывавший долину;
Но вот на средине булат засверкал,
И бранному в честь властелину
Конь белый, булатом сраженный, упал
Без жизни к ногам своему господину.
Всё стихло... руками бойцов и граждан
Подвигнулись глыбы земныя...
И вон на долине огромный курган,
Да Вещего помнит Россия!

Волнуясь, могилу народ окружал,
Как волны морские несметный;
Там праздник надгробный сам князь начинал:
В стакан золотой и заветный
Он мед наливал искрометный,
Он в память Олегу его выпивал;
И вновь наполняемый медом,
Из рук молодого владыки славян,
С конца до конца, меж народом
Ходил золотой и заветный стакан.

Тогда торопливо, по данному знаку,
Откинув доспех боевой,
Свершить на могиле потешную драку
Воители строятся в строй;

Могучи, отваги исполнены жаром,
От разных выходят сторон,
Сошлися — и бьются... удар за ударом.
Ударом удар отражен!
Сверкают их очи; десницы высокой
И ловок и меток размах;
Увертливы станом и грудью широкой
И тверды бойцы на ногах!
Расходятся, сходятся... сшибка другая —
И пала одна сторона!
И громко народ зашумел, повторяя
Счастливых бойцов имена.

Тут с поприща боя их речью приветной
Князь Игорь к себе подзывал;
В стакан золотой и заветный
Он мед наливал искрометный,
Он сам его бодрым борцам подавал;
И вновь наполняемый медом,
Из рук молодого владыки славян,
С конца до конца, меж народом
Ходил золотой и заветный стакан.

Вдруг,— словно мятеж усмиряется шумный
И чинно дорогу дает,
Когда поседелый в добре и разумный
Боярин на вече идет,—
Толпы́ расступились, и стал среди схода
С гусля́ми в руках славянин.
Кто он? Он не князь и не княжеский сын,
Не старец, советник народа,
Не славный дружин воевода,
Не славный соратник дружин;
Но все его знают, он людя́м знаком
Красой вдохновенного гласа...
Он стал среди схода — молчанье кругом,
И звучная песнь раздалася!

Он пел, как премудр и как мужествен был
Правитель полночной державы;
Как первый он громом войны огласил
Древлян вековые дубравы;
Как дружно сбирались в далекий поход
Народы по слову Олега;
Как шли чрез пороги, под грохотом вод,
По высям днепровского брега;

Как по морю бурному ветер носил
Проворные русские челны;
Летела, шумела станица ветрил,
И прыгали челны чрез волны!
Как после, водима любимым вождем,
Сражалась, гуляла дружина
По градам и селам, с мечом и с огнем
До града царя Константина;
Как там победитель к воротам прибил
Свой щит, знаменитый во брани,
И как он дружину свою оделил
Богатствами греческой дани!

Умолк он — и радостным криком похвал
Народ отзывался несметный,
И братски баяна сам князь обнимал;
В стакан золотой и заветный
Он мед наливал искрометный
И с ласковым словом ему подавал;
И вновь наполняемый медом,
Из рук молодого владыки славян,
С конца до конца, меж народом
Ходил золотой и заветный стакан.

1826

НРАВОУЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

1. РАВНОВЕСИЕ

О мирный селянин! в твоем жилище нет
Ни злата, ни сребра; но ты счастли́в стократно:
С любовью, с дружбой ты проводишь дни приятно,
А в городе и шум, и пыль, и стук карет!

2. УДЕЛ ГЕНИЯ

Змея увидела подснежник, ранний цвет,
И ядом облила прелестное растенье.
Так гений, наглости завистника предмет,
Страдает без вины и терпит угнетенье.

3. ВЕРНОЕ ПРЕДСКАЗАНИЕ

«Пройдет ли мой недуг?» — лев у осла спросил;
Осел ответствовал: «О царь, сильнейший в мире!
Когда ты не умрешь, то будешь жив, как был».
Два раза два — четыре.

4. СПРАВЕДЛИВОСТЬ ПОСЛОВИЦЫ

Одна свеча избу лишь слабо освещала;
Зажгли другую — что ж? изба светлее стала.
Правдивы древнего речения слова:
Ум хорошо, а лучше два.

5. МСТИТЕЛЬНОСТЬ

Пчела ужалила медведя в лоб.
Она за соты мстить обидчику желала;
Но что же? умерла сама, лишившись жала.
Какой удел того, кто жаждет мести? — Гроб.

6. НЕПОКОЛЕБИМОСТЬ

«Познай, светлейший лев, смятения вину,—
Рек слон.— В народе бунт! повсюду шум и клики!» —
«Смирятся,— лев сказал,— лишь гривой я тряхну».
Опасность не страшна для мощного владыки.

7. СИЛА И СЛАБОСТЬ

Орел бьет сокола, а сокол бьет гусей;
Страшатся щуки крокодила;
От тигра гибнет волк, а кошка ест мышей.
Всегда имеет верх над слабостию сила.

8. ЛЕБЕДЬ И ГУСЬ

Над лебедем желая посмеяться,
Гусь тиною его однажды замарал;
Но лебедь вымылся и снова белым стал.
Что делать, если кто замаран?.. Умываться.

9. МАРТЫШКА

Мартышка, с юных лет прыжки свои любя,
И дряхлая еще сквозь обручи скакала;
Что ж вышло из того? — лишь ноги изломала.
Поэт! на старости побереги себя!

Лето — осень 1826

10. ОБЩАЯ СУДЬБА

Во ржи был василек прекрасный,
Он взрос весною, летом цвел
И наконец увял в дни осени ненастной,
Вот смертного удел!

11. БЕЗВРЕДНАЯ ССОРА

За кость поссорились собаки,
Но, поворчавши, унялись
И по домам спокойно разошлись.
Бывают ссоры и без драки.

12. ЗАКОН ПРИРОДЫ

Фиалка в воздухе свой аромат лила,
А волк злодействовал в пасущемся народе;
Он кровожаден был, фиалочка мила:
Всяк следует своей природе

1826 или 1827

К МУЗЕ

Мой ангел милый и прекрасный,
Богиня мужественных дум!
Ты занимала сладострастно,
Ты нежила мой юный ум.
Служа тебе, тобою полный,
Не видел я, не слышал я,
Как на пучине бытия
Росли, текли, шумели волны.

Ты мне открыла в тишине
Великий мир уединенья,
Благообразные ко мне
Твои слетали вдохновенья;
Твоей прекрасна красотой,
Твоим величьем величава,
Сама любовь передо мной
Являлась пышная, как слава...
И весело мои мечты,
Тобой водимые, играли;
Тебе стихи мои звучали
Живые, светлые, как ты.
Так разноцветными огнями
Блестит речная глубина,
Когда, торжественно мирна,
В одежде, убранной звездами,
По поднебесью ночь идет
И смотрится в лазури вод

Январь 1827

ПЕСНЯ

Всему человечеству
 Заздравный стакан,
Два полных — отечеству
 И славе славян,
Свободе божественной,
 Лелеющей нас,
Кругом и торжественно
 По троице в раз!

Поэзии сладостной
 И миру наук,
И буйности радостной,
 И удали рук,
Труду и безделию,
 Любви пировать,
Вину и веселию
 Четыре да пять!

Очам возмутительным
 И персям живым,

Красоткам чувствительным,
Красоткам лихим,
С природою пылкою,
С дешевой красой,
Последней бутылкою —
И всё из одной!

Кружится, склоняется
Моя голова,
Но дух возвышается,
Но громки слова!
Восторгами пьяными
Разнежился я.
Стучите стаканами
И пойте, друзья!

Январь или февраль 1827

К П. А. ОСИПОВОЙ

Благодарю вас за цветы:
Они священны мне; порою
На них задумчиво покою
Мои любимые мечты;
Они пленительно и живо
Те дни напоминают мне,
Когда на воле, в тишине,
С моей каменою ленивой,
Я своенравно отдыхал
Вдали удушливого света,
И вдохновенного поэта
К груди кипучей прижимал!
И ныне с грустью безутешной,
Мои желания летят
В тот край возвышенных отрад
Свободы милой и безгрешной.
И часто вижу я во сне:
И три горы, и дом красивый,
И светлой Сороти извивы
Златого месяца в огне,
И там, у берега, тень ивы —
Приют прохлады в летний зной,
Наяды полог продувной;
И те отлогости, те нивы,
Из-за которых вдалеке,

На вороном аргамаке,
Заморской шляпою покрытый,
Спеша в Тригорское, один —
Вольтер, и Гете, и Расин —
Являлся Пушкин знаменитый;
И ту площадку, где в тиши
Нас нежила, нас веселила
Вина чарующая сила —
Оселок сердца и души;
И всё божественное лето,
Которое из рода в род,
Как драгоценность, перейдет,
Зане Языковым воспето!
Златые дни! златые дни!
Взываю к вам и где ж они?
Теперь не то: с утра до ночи
Мир политических сует
Мне утомляет ум и очи,
А пользы нет, и славы нет!
Скучаю горько, и едва ли
К поре, ко времени, пройдут
Мои учебные печали
И прозаический мой труд.
Но что бы ни было, оставлю
Незанимательную травлю
За дичью суетных наук,—
И, друг природы, лени друг,—
Беспечной жизнью позабавлю
Давно ожиданный досуг.
Итак, вперед! молюся богу,
Да он меня благословит,
Во имя Феба и харит,
На православную дорогу;
Да мой обрадованный взор
Увидит вновь, восторга полный,
Верхи и скаты ваших гор,
И темный сад, и дом, и волны!

1 мая 1827

КАТЕНЬКЕ МОЙЕР

Благословенны те мгновенья,
Когда, в виду грядущих лет,
Пред фимиамом вдохновенья

Священнодействует поэт:
Как мысль о небе, величавы,
Торжественны его слова;
Их принимают крылья славы,
Им изумляется молва!
Но и тогда, как он играет
Своим возвышенным умом,
Он преисполнен, он сияет
Его хранящим божеством,
И часто даром прорицанья —
Творящей прихоти сыны —
Его небрежные созданья,
Его мечты одарены.

Быстрее, легче сновиденья
Пройдут твои младые дни,
Но благодетельно: они,
Служа богине просвещенья,
Игривый ум твой разовьют
И сердца с чувством безмятежным,
Как яркий звук со звуком нежным,
В одну гармонию сольют.

Тебя полюбят мир и счастье;
Не возмутят груди твоей
Порывы буйные страстей,
Не охладит ее бесстрастье;
Прекрасна будет жизнь твоя:
Светла, свободна и спокойна,
Души божественной достойна,
Достойна чести бытия.

15 мая 1827

К НЯНЕ А. С. ПУШКИНА

Свет Родионовна, забуду ли тебя?
В те дни, как сельскую свободу возлюбя,
Я покидал для ней и славу, и науки,
И немцев, и сей град профессоров и скуки,
Ты, благодатная хозяйка сени той,
Где Пушкин, не сражен суровою судьбой,
Презрев людей, молву, их ласки, их измены,
Священнодействовал при алтаре камены,—

Всегда приветами сердечной доброты
Встречала ты меня, мне здравствовала ты,
Когда чрез длинный ряд полей, под зноем лета,
Ходил я навещать изгнанника-поэта
И мне сопутствовал приятель давний твой,
Ареевых наук питомец молодой.
Как сладостно твое святое хлебосольство
Нам баловало вкус и жажды своевольство;
С каким радушием — красою древних лет —
Ты набирала нам затейливый обед!
Сама и водку нам, и брашна подавала,
И соты, и плоды, и вина уставляла
На милой тесноте старинного стола!
Ты занимала нас — добра и весела —
Про стародавних бар пленительным рассказом:
Мы удивлялися почтенным их проказам,
Мы верили тебе — и смех не прерывал
Твоих бесхитростных суждений и похвал;
Свободно говорил язык словоохотный,
И легкие часы летали беззаботно!

17 мая 1827

НОЧЬ

Померкла неба синева,
Безмолвны рощи и поляны;
Там, под горой, едва-едва
Бежит, журчит ручей стеклянный.
Царица сна и темноты,
Царица дивных сновидений!
Как сладостно ласкаешь ты
Уединенные мечты
И негу вольных вдохновений!

Он отдыхает, грешный свет:
Главу страдальца утомило
Однообразие сует,
Страстей и чувственности милой.
О ночь! пошли ему покой,
Даруй виденья золотые,
Да, улелеянный тобой,
Забудет он и шум дневной,
И страхи, и надежды злые.

Но ты лампады не туши,
Не водворяй успокоенья
Там, где поэт своей души
Свершает стройные творенья;
Пускай торжественный восход
Великолепного светила
Его бессонного найдет,
И снова дум его полет
Подымет божеская сила!

15 августа 1827

РУЧЕЙ

Под склоном сетчатых ветвей
Чрез груды камней и корней
Играют, скачут, силы полны,
Твои серебряные волны;
Светло и пышно луч дневной,
Скользя на грани водяные,
На быстрине твоей живой
Дробится в искры огневые.

Лежу — дерев нагорных тень
Мою задумчивую лень
Своей прохладой осеняет;
В вершинах леса, там и там,
По шепотливым их листам
Мгновенный шорох пробегает —
И смолкнет вдруг, и вдруг сильней
Зашевелится мрак ветвей,
И лес пробудится дремучий,
И в чаще ходит шум глухой —
Здесь и тогда, ручей гремучий,
Твой говор слышен волновой!

Люблю его; ему внимая,
Я наслаждаюсь — и во мне
Мечта яснеет золотая
О незабвенной стороне...
Бегите, дни, как эти воды,
Бегите, дни, быстрей, быстрей,
Да вновь священный луч свободы
В душе заискрится моей!

Лето 1827

ПЕСНЯ

Из страны, страны далекой,
С Волги-матушки широкой,
Ради сладкого труда,
Ради вольности высокой
Собралися мы сюда.
Помним холмы, помним долы,
Наши храмы, наши села,
И в краю, краю чужом
Мы пируем пир веселый
И за родину мы пьем.
Благодетельною силой
С нами немцев подружило
Откровенное вино;
Шумно, пламенно и мило
Мы гуляем заодно.
Но с надеждою чудесной
Мы стакан, и полновесный,
Нашей Руси — будь она
Первым царством в поднебесной,
И счастлива и славна!

1827

К А. Н. ВУЛЬФУ

Помнишь ли, мой друг застольный,
Как в лесу, порою тьмы,
Праздник молодости вольной
Вместе праздновали мы?
Мы лежали, хмеля полны;
Возле нас горел костер;
Выли огненные волны
И кипели; братский хор
Песни пел; мы любовались
На товарищей,— они
Веселые разбегались
И скакали чрез огни!
В нас торжественно бурлила
Чародейственная сила
Первой, девственной любви,—
Мы друг другу объясняли

Сердца тайные печали
И желания свои.
Помнишь ли, как, нежно-пылки,
В честь Воейковой потом
Пили, били мы бутылки
У пруда, перед костром?

Так я жил во время оно,
Здесь, в немецкой стороне,
Рассудительной, ученой
И когда-то милой мне;
А теперь тоске да лени
Хладнокровно предаю
Утро светлых вдохновений,
Юность добрую мою:
Не шумят мои досуги,
Не торопится мой труд...
И порой, как в мой приют
Загулявшиеся други
Ненароком забредут,
Молодцов любезных шайка
Станет в круг, середь двора,
Нашу праздность тешит свайка...
Православная игра!
Тяжкий гвоздь, стойком и плотно,
Бьет в кольцо; кольцо бренчит;
Вешний вечер беззаботно
И невидимо летит...
Поздно... Молча круг удалый
Разойдется ради сна...
Помнишь ты? Ну, то ль бывало
Прежде, в наши времена!

Апрель 1828

А. М. ЯЗЫКОВУ

Ты прав, мой брат: давно пора
Проститься мне с ученым краем,
Где мы ленимся да зеваем,
Где веселится немчура!
Я помню, здесь надежда славы
Меня пророком назвала,

Мне буйной младости забавы
Во блеск живой и величавый
Она волшебно облекла;
Здесь мне пленительно светила
Любовь, звезда счастливых дней,
И поэтическая сила
Огнем могущественным била
Из глубины души моей!
И где ж она и всё былое?
Теперь в томительном покое
Текут мои немые дни;
Несносно-тяжки мне они —
Сии подарки жизни шумной,
Летучей, пьяной, удалой,
Высокоумной, полоумной,
Вольнолюбивой и пустой!
Сии широкие досуги,
Где празднословящие други,
Нещадные, как божий гнев,
Кипят и губят, *яко пруги*,
Трудов возвышенных посев!
Досадно мне! Теперь напрасно
Даюсь чарующим мечтам;
Они кружатся несогласно,
Им недоступен вечный храм
Моей владычицы прекрасной,—
Так точно, в зимние часы,
Младой студент, окутан ромом,
Вотще кочует перед домом
Недосягаемой красы!

Но — всё проходит, всё проходит!
Блажен божественный поэт:
Ему в науку мир сует
Разнообразный колобродит!
Надеюсь, жду: мою главу
Покинет лени сон печальный,
И снова жизнью достохвальной
Для музы песен оживу!

Конец апреля или май 1828

А. Н. ВУЛЬФУ

...au moindre revers funeste
Le masque tombe, l'homme reste
Et le héros s'évanouit![1]

Не называй меня поэтом!
Что было — было, милый мой,
Теперь спасительным обетом
Хочу проститься я с молвой,
С моей каменой молодой,
С бутылкой, чаркой, «Телеграфом»,
С Р. А., канастером, вакштафом
И просвещенной суетой;
Хочу в моем Киммерионе,
В святой, семейственной глуши,
Найти счастливый мир души
Родного дружества на лоне!
Не веришь? Знай же: твой певец
Теперь совсем преобразован,
Простыл, смирен, разочарован,
Всему конец, всему конец!

Я помню, милый мой, когда-то
Мы веселились заодно,
Любили жизни тороватой
Прохлады, песни и вино;
Я помню, пламенной душою
Ты восхищался, как тогда
Воссиявала надо мною
Надежд возвышенных звезда;
Как, рано славою замечен,
В раздольи вольного житья,
Гулял студенчески беспечен
И с лирой мужествовал я!
Ты поверял мои желанья,
Путеводил моей мечты
Первоначальные созданья,
Мою любовь лелеял ты...
Но где ж она, восторгов сладость,
Моя звезда, печаль и радость,
Мой светлый ангел чистоты?

---

[1] Но только наступит несчастье, спадает маска, человек остается, но исчезает герой *(фр.)*.

Предмет поэтов самохвальных,
Благопрославленная мной,
Она теперь, товарищ мой,
Одна, одна в пределах дальных,
Мила афинскою красой...
Прошел, прошел мой сон приятный!
— А мир стихов? — Но мир стихов,
Как всё земное, коловратный,
Наскучил мне и нездоров!
Его покину я подавно,
Недаром прежний доброхот
Моей богини своенравной
Середь Москвы перводержавной
Меня бранил во весь народ
И возгласил правдиво-смело,
Что муза юности моей
Скучна, блудлива: то и дело
Поет вино, табак, друзей;
Свое, чужое повторяет;
Разнообразна лишь в словах
И мерной прозой восклицает
О выписных профессорах!
Помилуй бог, его я трушу!
Отворотил он навсегда
От вдохновенного труда
Мою заносчивую душу!
Дерзну ли снова я играть
Богов священными дарами?
Кто осенит меня хвалами?
Стихи — куда их мне девать?
Везде им горькая судьбина!
Теперь ведь будут тяжелы
Они заплечью «Славянина»
И крыльям «Северной пчелы».
— Что ж? В Белокаменную с богом!
— В «Московский вестник»? — Трудно, брат,
Он выступает в чине строгом,
Разборчив, горд, аристократ,
Так и приязнь ему не в лад
Со мной, парнасским демагогом.
— Ну в «Афеней»? — Что «Афеней»?
Журнал мудрено-философский,
Отступник Пушкина, злодей,
«Благонамеренный» московский.

Что ж делать мне, товарищ мой?
Итак — в пустыню удаляюсь,
В проказах жизни удалой
Я сознаюсь, сердечно каюсь,
Не возвращуся к ним. И вот
Моей надежды перемена,
Моей судьбы переворот!
Прощай же, русская камена,
И здравствуй, милая моя!
Расти, цвети! Желаю я:
Да буйный дух высокомерья
Твоих поклонников бежит;
Да благо родины острит
Их здравосмыслящие перья;
Да утвердишь ты правый суд;
Да с Норда, Юга и Востока,
Отвсюду, быстротой потока,
К тебе сокровища текут;
Да сядешь ты с величьем мирным
На свой могущественный трон —
И будет красен твой виссон
Разнообразием всемирным!!!

Начало июня 1828

А. Н. ВУЛЬФУ

Прощай! Неси на поле чести
Отваги юношеской жар,
Сердечный глас вражды и мести
И неизбежный твой удар!
За Русь, товарищ, за свободу
Геллады пламенных сынов,
На гром бойниц, в огонь и в воду
Пойдешь ты, си́лен и суров!

Блажен, кто, гневом упоенный,
Гулял на празднике мечей
И вырвал дланью вдохновенной
Победу родине своей.
Светла кончина боевая;
Блажен, кто очи затворил,
Последним взором провожая
Побег и казнь противных сил!

Уже зарделась величаво
Высоких подвигов заря,
Шумят Суворовскою славой
Знамена русского царя,
Да вновь страшилищу Стамбула
Напомнят наши торжества
Пожар Чесмы, чугун Кагула
И Руси грозные права!

Дай руку мне; во дни былые,
В кругу внимательных друзей,
Я воспевал пиры лихие
Кипучей младости твоей,—
Я стану петь твои победы,
Восторгом весел огневым,
И бурной юности беседы
Наполню именем твоим!

Сентябрь 1828

БАРОНУ ДЕЛЬВИГУ

Иные дни — иное дело!
Бывало, помнишь ты, барон,
Самонадеянно и смело
Я посещал наш Геликон:
Молва стихи мои хвалила,
Я непритворно верил ей,
И поэтическая сила
Огнем могущественным била
Из глубины души моей!
А ныне? — Миру вдохновений
Далеко-недоступен я:
На лоне скуки, сна и лени
Томится молодость моя!
Моей камены сын ослушный,
Я чужд возвышенных трудов,
Пугаюсь их — и равнодушно
Гляжу на поприще стихов.
Блажен, кто им не соблазнялся!
Блажен, кто от его сует,
Его опасностей и бед
Ушел в себя — и там остался!..

Завидна славы благодать,
Привет завиден многолюдный!
Но часто ль сей наградой чудной
Ласкают нас? И то сказать —
Непроходимо-беспокойно
Служенье Фебу в наши дни:
В раздольи буйной толкотни
Кричат, бранятся непристойно
Жрецы поэзии святой.
Так точно праздничной порой
Кипит торговля площадна́я;
Так говорливо вторит ей
Разноголосица живая
Старух, индеек и гусей!
Туда ль душе честолюбивой
Нести плоды священных дум?
Да увлекут они счастливо
Простонародный крик и шум!
А ты, прихвостница талантов
И повивальница стихов,
Толпа словесных дур и франтов,
Нецензурованных глупцов,—
Не ты ль на подвиг православный
Поэта-юношу зовешь
И вдруг рукой самоуправной
Его же ставишь на правеж?
Не ты ль в судью и господина
Даешь Парнасу кой-кого,
И долго, долго твой детина,
Прищурясь, смотрит на него?

Вот так-то ныне область Феба
Мне представляется, барон.
Ты мирно скажешь: «Это сон,
Дар испытующего неба;
Он легким лётом пролетит!
Так иногда в жару недуга
Страдалец сердится на друга
И задушевного бранит!»
Ну так, барон. Поэтов богу
Поставь усердную свечу,
Да вновь на прежнюю дорогу
Мои труды поворочу,
Да снова песнью сладкогласной
Я возвещу, что я поэт —

И оправдается прекрасно
Мне вдохновенный твой привет!

Осень 1828

РАЗВАЛИНЫ

Ночь; тихи небеса; с восточного их края
Луна, красивый блеск на землю рассыпая,
В пучине воздуха лазурной восстает;
Безмолвен горный лес; чуть льются зыби вод;
Вон там, господствуя над брегом и холмами,
Две башни и стена с высокими зубцами —
Остатки подвигов могучей старины —
Как снег белеются, луной озарены;
Далеко, голых скал чрез каменны ступени
Сошли на свежий луг пробитые их тени,
И тёмны, как молва давно минувших дней,
Лежат пред новыми жилищами людей.
Вон ряд обломков! Там на вышины́ крутые
Отчаянно толпы́ взбегали боевые,
И гибли!.. Радостный приют моей мечты,
Чернокудрявая красавица, где ты?
Приди; на этот холм, ветвями осененный,
Воссядем; твой певец, младый и вдохновенный,
Поведаю тебе сказанья старины
Про гордых витязей свободы и войны;
И сладостны, как шум таинственный дубравы,
Звучны, как говор волн пустынных, песни славы
Польются... Ясная улыбка оживит
Твои уста и жар на пурпуре ланит,
Светло заискрятся божественные очи;
Приди!.. но я один; спокойно царство ночи;
Высоко шар луны серебряной встает;
Безмолвен горный лес; чуть льются зыби вод.

1828

ПЕСНЯ

Пусть свободны и легки
Мчатся юности досуги!

Пейте, братья, пейте, други,
Удалые бурсаки.

В честь учености спесивой,
И тяжелой и пустой,
Сидя мирной чередой,
Пейте шрамовское пиво.

Вся беседа гордо встань:
Бурсе нашей знаменитой
Слава! Лейте пунш сердитый
В богатырскую гортань!

⟨За разгульную красотку,
За свободу наших дней!⟩
Улыбнись, бурсак, и пей
Сокрушительную водку.

Други-братья! вот оно —
Волхов, Тибр и Иппокрена:
В нем огонь, и шум, и пена —
Благодатное вино!

И струи его живые
В честь красавицы своей
Всякий прямо в сердце лей,
И да здравствует Со́фия!

2 марта 1829

ПЕСНЯ

Когда умру, смиренно совершите
По мне обряд печальный и святой,
И мне стихов надгробных не пишите,
И мрамора не ставьте надо мной.

Но здесь, друзья, где ныне сходка наша
Беседует разгульна и вольна;
Где весела, как праздничная чаша,
Душа кипит студенчески-шумна,—

Во славу мне вы чашу круговую
Наполните блистательным вином,

Торжественно пропойте песнь родную
И пьянствуйте о имени моем.

Всё тлен и миг! Блажен, кому с друзьями
Свою весну пропировать дано;
Кто видит мир туманными глазами
И любит жизнь за песни и вино!..

22 марта 1829

ПЕСНЯ

Дороже почестей и злата
Цени свободу бурсака!
Не бойся вражьего булата,
Отважно стой и мсти за брата
И презирай клеветника!

Люби трудов благую сладость,
Науки, песни и вино;
Одной красавице — всю младость:
С ней мрак и свет, печаль и радость,
Уста и сердце заодно!

Но бодро кинь сей мир прекрасный,
Когда зовет родимый край:
За Русь святую в бой ужасный,
Под меч судьбины самовластной
Иди и живо умирай!

Цвети же, Русь! Добро и слава
Тебе, отчизне бурсака!
Будь честью первая держава,
Всегда грозна и величава,
И просвещенна, и крепка!

23 марта 1829

ПЕСНЯ

Разгульна, светла и любовна
Душа веселится моя;
Да здравствует М⟨арья⟩ П⟨етровна⟩,
И ножка, и ручка ея!

Как розы денницы живые,
Как ранние снеги полей —
Ланиты ее молодые
И девственный бархат грудей.

Как звезды задумчивой ночи,
Как вешняя песнь соловья —
Ее восхитительны очи
И сладостен голос ея.

Блажен, кто, роскошно мечтая,
Зовет ее девой своей;
Блаженней избранников рая
Студент, полюбившийся ей!

23 марта 1829

ОТЪЕЗД

Недолго мне под этим небом,
По здешним долам и горам
Скитаться, брошенному Фебом
Тоске и скуке и друзьям!
Теперь священные желанья
Законно царствуют во мне;
Но я, в сердечной глубине,
Возьму с собой воспоминанья
О сей немецкой стороне.
Здесь я когда-то жизни сладость
И вдохновенье находил,
Играл избытком юных сил
И воспевал любовь и радость.
Как сновиденье день за днем
И ночь за ночью пролетали...
. . . .
. . . .
Вон лес и дремлющие воды,
И луг прибрежный, и кругом
Старинных лип густые своды,
И яркий месяц над прудом.
Туда, веселые, бывало,
Ватаги вольницы удалой
Сходились, дружным торжеством
Знаменовать свой день великой:

Кипели звуки песни дикой,
Стекло сшибалось со стеклом,
Костер бурлил и разливался,
И лес угрюмый пробуждался,
Хмельным испуганный огнем!
Вон площадь: там, пышна, явилась
Ученых юношей гульба,
Когда в порфиру облачилась
России новая судьба.
Бренчали бубны боевые,
Свистал пронзительный гобой;
Под лад их бурный и живой
На удивленной мостовой
Вертелись пляски круговые;
Подобно лону гневных вод
Пир волновался громогласный,
И любознательный народ
Смотрел с улыбкой сладострастной,
Как Бахус потчевал прекрасный
Свой разгулявшийся приход.

О юность, юность! сон летучий,
Роскошно светлая пора!
Приволье радости могучей,
Свободы, шума и добра!..
Мои товарищи и други!
Где вы, мне милые всегда?
Как наслаждаетесь? Куда
Перенесли свои досуги?

Я помню вас. Тебя, герой
Любви, рапиры и бутылки,
Самонадеянный и пылкий,
В потехах неги молодой!
С твоим прекрасным идеалом
Тебя Киприда не свела;
Полна любви, чиста была
Твоя душа, но в теле малом
Она, великая, жила!
Теперь волшебницу иную
Боготворишь беспечно ты,
На жизнь решительно пустую
Ты променял свои мечты
Про славу, Русь и дев Ирана!
И где ж? В Козельске наконец

Блуждаешь, дружбы и стакана
И сладкой вольности беглец!..

. .   . .

. . . .

И ты!.. Тебя благословляю,
Мой добрый друг, воспетый мной,
Лихой гусар, родному краю
Слуга мечом и головой.
Христолюбивого поэта
Надежду грудью оправдай,
Рубись — и царство Магомета
Неумолимо добивай!

А ты, страдалец скуки томной,
Невольник здешнего житья,
Ты, изленившийся, как я,
Как я, свободно-бездипломный!
Люблю тебя, проказник мой,
В тиши поющего ночной;
Люблю на празднике за ромом,
В раздумье, в пламенных мечтах,
В ученых спорах и трудах,
С мечом, цевницею и ломом.
Что медлишь ты? Спасайся, брат!
Не здесь твое предназначенье;
Уже нам вреден чуждый град,
И задушает вдохновенье.
Покинь стаканов хмель и стук!
Беги, ищи иной судьбины!
Но да цветут они, мой друг,
Сии ливонские Афины!
Не здесь ли некогда, мила,
Нас юность резвая ласкала,
И наша дружба возросла,
И грудь живая возмужала
На правоверные дела!
О, будь же вам благодаренье,
Вы, коих знанья, вкус и ум
Блюли порядок наших дум,
В нас водворяли просвещенье!
Всем вам! Тебе ж, κατ'ἐξοχήν [1]
Наставник наш, хвала и слава,
Душой воспитанник камен,

[1] По преимуществу *(греч.)*.

А телом ровня Болеслава,
Муж государственных наук!
Не удалося мне с тобою
Прощальный праздновать досуг
Вином и песнью круговою!
Там, там, где шумно облегли
Эстонский град морские волны,
В песчаном береге, вдали
Твоей отеческой земли,
Твой прах покоится безмолвный;
Но я как благо лучших дней
Тебя доныне вспоминаю
И здесь, с богинею моей,
Тебе, учитель, воздвигаю
Нерукотворный мавзолей!..
. . . .
. . . .
Так вот мои воспоминанья,
Без торгу купленные мной!
Святого полный упованья,
С преобразившейся душой,
Бегу надолго в край родной,
Спасаю божьи дарованья.
Там, вольный родины певец,
Я просветлею жизнью новой,
И гордо брошу мой лавровый,
Вином обрызганный венец!

Начало 1829

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

В последний раз приволье жизни братской,
Друзья мои, вкушаю среди вас;
Сей говор чаш — свободной дружбы глас —
Сей крик и шум — разлив души бурсацкой —
Приветствуют меня в последний раз.

Заутро день засветится мне новый;
Свежо вздохнет младая грудь моя;
Веселыми очами встречу я
Родимые долины и дубровы...
Где ж вы, мои разгульные друзья?

Могучий бог ведет меня далече
От вас, моих сограждан-бурсаков!
Найду ли где поэзию трудов,
Наш дивный быт и пламенное вече,
Живую жизнь и мысли без оков?

О! будь же вам звездою путеводной,
Друзья мои, свобода юных лет.
Да радостно, средь удалых бесед,
Она хранит ваш дух своенародный
И сумрачный вас озаряет свет.

А мне, друзья, отрадою священной
Останется счастливая мечта
Про вас и Дерпт, про милые места,
Где я гулял, младой и вдохновенный,
И с вами пел: всё миг и суета!

10 мая 1829

К. К. ЯНИШ

В былые дни от музы песнопений
В кругу друзей я смело принимал
Игривых снов, веселых вдохновений
Живительный и сладостный фиал.

Тогда, не знав боязни осуждений
И прелести взыскательных похвал,
Сын вольных дум и ясных впечатлений,
Мой гордый стих торжественно стоял.

Здесь, окружен великих именами,
Он трепетен, падущий перед вами,
Так, с торжища сует возведена
Пред клиросы молебного чертога,
Душа дрожит, таинственно полна
Присутствием созвавшего их бога!

Май или июнь 1829

ЭЛЕГИЯ

Язык души красноречивый,
Восторга пламенный полет,
Стихов и мыслей переливы
И силу их — она поймет;
Но велика ль ее награда
За вдохновение любви...
Порой два-три небесных взгляда,
И то при вас, друзья мои!

1829

ЭЛЕГИЯ

Ты восхитительна! Ты пышно расцветаешь —
И это чувствуешь — и гордо щеголяешь
Сапфирами твоих возвышенных очей,
И пурпуром ланит, и золотом кудрей,
И перлами зубов, и грудью лебединой,
И стана полнотой, и поступью павлиной.
Отчаянье подруг и чудо красоты!
Скажи, кого зовешь, чего желаешь ты
Порой, как в тишине благословеньем ночи
Смежаются твои лазоревые очи,
Как тайные мечты не дремлют — и любовь
Воспламеняет их и гасит вновь и вновь?
Я знаю: это он, младый и чернобровый,
Прекрасный девственник, надменный и суровый;
Им соблазнилась ты. Он манием руки
Смиряет конские разбеги и прыжки;
Он метко боевым булатом управляет,
И в час, как хладными лучами осыпает
Полночная луна недвижимый залив,
Он, смелые стопы железом окрилив,
Один, на звонком льду, меж сонными брегами,
Летает с края в край проворными кругами.
О нем мечтаешь ты; твой небезгрешный сон
То нежно скрашен им, то жарко возмущен:
Чело твое горит, и вздохи грудь волнуют,
И воздух — медленно уста твои целуют!

1829

А. И.

Влюблен я, дева-красота!
В твой разговор живый и страстный,
В твой голос ангельски-прекрасный,
В твои румяные уста!

Дай мне тобой налюбоваться,
Твоих наслушаться речей,
Упиться песнию твоей,
Твоим дыханьем надышаться!

1829

ПЛОВЕЦ

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумит оно;
В роковом его просторе
Много бед погребено.

Смело, братья! Ветром полный
Парус мой направил я:
Полетит на скользки волны
Быстрокрылая ладья!

Облака бегут над морем,
Крепнет ветер, зыбь черней,
Будет буря: мы поспорим
И помужествуем с ней.

Смело, братья! Туча грянет,
Закипит громада вод,
Выше вал сердитый встанет,
Глубже бездна упадет!

Там, за далью непогоды,
Есть блаженная страна:
Не темнеют неба своды,
Не проходит тишина.

Но туда выносят волны
Только сильного душой!..

Смело, братья, бурей полный
Прям и крепок парус мой.

1829

ЭЛЕГИЯ

Мне ль позабыть огонь и живость
Твоих лазоревых очей,
Златистый шелк твоих кудрей
И беззаботную игривость
Души лирической твоей?

Всегда красой воспоминаний,
Предметом грусти, сладких снов
И гармонических стихов
Мне будет жар твоих лобзаний
И странный смысл прощальных слов.

Но я поэт — благоговею
Пред этим именем святым,
Пусть буду век тобой любим,
Пусть я зову тебя своею,
Ты назови меня своим!

⟨1830⟩

А. Н. ТАТАРИНОВУ

Здорово, брат! Поставь сюда две чаши;
Наполним их и вместе вознесем
За Дерпт, и муз, и наслажденья наши,
Свободные, кипевшие вином!
В моей груди есть сердце молодое
Воспоминать и чувствовать былое.
Мне ль разлюбить безоблачные дни
Отважных дум, разгульных вдохновений,
Живых трудов и просвещенной лени?
Волшебные, зачем прошли они?

Так — за него, за этот мир прекрасный!
Всё, чем судьба возвышена моя,
Что в ней земным оковам не подвластно,

Всё чистое, святое бытия,
Чем радостно пылают мысли юны,
Чем движутся божественные струны,
Всё, чем живет и действует поэт,—
Моей душе явил он, светозарный...
И здесь, его питомец благодарный,
Творю ему заздравный мой привет!

Да никогда его очарованье,
Счастливое, не оставляет нас;
Будь радостен, ему в воспоминанье,
Меня с тобой соединивший час —
И, яркими увенчана мечтами,
Та райская надежда перед нами
Заблещет вновь — и вновь поверим ей,
Что для всего земного перехода
Нам станет чувств, которые свобода
В нас развила по милости своей.
Таков булат в браннолюбивой длани —
Несокрушим, однажды закален!

Свершилися плоды моих желаний,
Сбылся души благословенный сон!
И вот они, места мои родные...
Кругом леса и горы меловые;
По скатам их разбросано село;
Вон божий храм, и барский дом, и нивы,
Луга, реки подгорные извивы,
И двух прудов спокойное стекло.

Где ж вы, мои товарищи и други?
По-прежнему ль увеселяют вас
И тихий труд, и шумные досуги,
И родины красноречивый глас?
Наш лучший друг, пирует ли он с вами,
Он, видевший учеными глазами
Златой Иран и патриарха гор,
И над его священной головою,
Ночных светил блистающий красою,
Торжественный, лазоревый шатер?

Дай руку, брат! в виду страны родимой
Мы повторим отрадный свой обет
Еще узреть тот край, всегда любимый,
Привольное гульбище юных лет,

Рассадник чувств и помыслов высоких!
Обнимем вновь своих друзей далеких,
Их в бурную беседу соберем —
И чокнутся приветственные чаши
За Дерпт, и муз, и наслажденья наши,
Свободные, кипевшие вином!

30 января 1830

К А. Н. ТАТАРИНОВУ

Не вспоминай мне, бога ради,
Веселых юности годов
И не развертывай тетради
Моих студенческих стихов!
Ну, да! судьбою благосклонной
Во здравье было мне дано
Той жизни мило-забубенной
Изведать крепкое вино!
Успех трудов и песнопенье
Младое, полное огня,
На знаменитое служенье
Тогда готовили меня;
Тогда мои пленяла взгляды,
Мои тревожила мечты
Душа, одетая в черты
Богинь божественной Геллады.
Как гордо радовался я!
Как вдохновенно сердце билось!
А ныне!.. Всё переменилось,
Жизнь и поэзия моя! —
Гляжу печальными глазами
На вялый ход мне новых дней
И славлю смертными стихами
Красавиц родины моей!
Не так ли сын богатырей,
Им изменивший богохульно,
Недужен телом и душой,
Из чаши прадеда разгульной
Пьет охладительный настой?

Начало 1830

⟨ДОРОЖНЫЕ ЭКСПРОМТЫ⟩

1

НА ГРОМОВЫЕ КОЛОДЦЫ В МЫТИЩАХ

Отобедав сытной пищей,
Град Москва, водою нищий,
Знойной жаждой был томим:
Боги сжалились над ним:
Над долиной, где Мытищи,
Смеркла неба синева;
Вдруг удар громовой тучи
Грянул в дол — и ключ кипучий
Покатился... Пей, Москва!

2

⟨СЕЛО ВОЗДВИЖЕНСКОЕ⟩

Чем эта весь славна, вы знаете ль друзья?
Здесь сердце русское дрожит невольным страхом:
Здесь Софьей казнены Хованские князья,
Убитые потом у немцев Раупахом.

3

⟨ПРИ ПОСЫЛКЕ К. К. ЯНИШ ЛОЖКИ ДЕРЕВЯННОЙ НА КОЛЕСЦАХ ИЗ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЫ⟩

В день чудотворца Николая —
Сей день святее мне всего! —
Будь ложка вам колесовая
Симво́лом сердца моего:
Ей управляйте как хотите!
Играйте ею, в добрый час!
А как наскучит, лишь толкните —
И убежит она от вас.

7—9 мая 1830

ПОДРАЖАНИЕ ПСАЛМУ XIV

Кому, о господи! доступны
Твои Сионски высоты?
Тому, чьи мысли неподкупны,

Чьи целомудренны мечты;
Кто дел своих ценою злата
Не взвешивал, не продавал,
Не ухищрялся против брата
И на врага не клеветал;
Но верой в бога укреплялся,
Но сердцем чистым и живым
Ему со страхом поклонялся,
С любовью плакал перед ним!

И свят, о боже, твой избранник!
Мечом ли руку ополчит?
Велений господа посланник,
Он исполина сокрушит!
В венце ли он — его народы
Возлюбят правду; весь и град
Взыграют радостью свободы,
И нивы златом закипят!
Возьмет ли арфу — дивной силой
Дух преисполнится его,
И, как орел ширококрылый,
Взлетит до неба твоего!

3 сентября 1830

ПОДРАЖАНИЕ ПСАЛМУ CXXXVI

В дни плена, полные печали,
На Вавилонских берегах,
Среди врагов мы восседали
В молчанье горьком и слезах;

Там вопрошали нас тираны,
Почто мы плачем и грустим.
«Возьмите гусли и тимпаны
И пойте ваш Ерусалим».

Нет! Свято нам воспоминанье
О славной родине своей;
Мы не дадим на посмеянье
Высоких песен прошлых дней!

Твои, Сион, они прекрасны!
В них ум и звук любимых стран!

Порвитесь струны сладкогласны,
Разбейся звонкий мой тимпан!

Окаменей язык лукавый,
Когда забуду грусть мою
И песнь отечественной славы
Ее губителям спою.

А ты, среди огней и грома
Нам даровавший свой закон,
Напомяни сынам Эдома
День, опозоривший Сион,

Когда они в весельи диком
Убийства, шумные вином,
Нас оглушали грозным криком:
«Всё истребим, всех поженем!»

Блажен, кто смелою десницей
Оковы плена сокрушит,
Кто плач Израиля сторицей
На притеснителях отмстит!

Кто в дом тирана меч и пламень
И смерть ужасную внесет!
И с ярким хохотом о камень
Его младенцев разобьет!

⟨1830⟩

РАССВЕТ

Не полон наш разгул, не кончен пир ночной:
Не всех нас обошел звук песни круговой,
Не всем поднесены приветственные чаши!
Смелей и радостней заблещут взоры наши,
Смелей и радостней воспламенится ум,
Шумнее закипят избытком чувств и дум
И разбушуются живые наши речи.
Но вот, златого дня воздушные предтечи,
Краснеют облаков прозрачные струи,—
Покинем шум сует, товарищи мои!
Прервем бренчанье чаш и песни удалые!

Туда, где небеса просторней голубые
И солнечный восход пышнее из-за гор
Над скатами лесов и купами озер,
Туда, на высь холма! Там утренней прохлады
В живительных волнах омоем наши взгляды,
Горячие уста и груди освежим.
Пойдем, товарищи! Оттоле мы узрим,
Как с розовым лицом, с веселыми очами,
Перед широкими своими зеркалами,
Восточной роскошью и негой убрана,
Красуется земля, восставшая от сна.

1830

НА СМЕРТЬ НЯНИ А. С. ПУШКИНА

Я отыщу тот крест смиренный,
Под коим, меж чужих гробов,
Твой прах улегся, изнуренный
Трудом и бременем годов.
Ты не умрешь в воспоминаньях
О светлой юности моей
И в поучительных преданьях
Про жизнь поэтов наших дней.

Там, где на дол с горы отлогой
Разнообразно сходит бор
В виду реки и двух озер
И нив с извилистой дорогой,
Где, древним садом окружен,
Господский дом уединенный
Дряхлеет, памятник почтенный
Елисаветиных времен,—

Нас, полных юности и вольных,
Там было трое: два певца
И он, краса ночей застольных,
Кипевший силами бойца;
Он, после кинувший забавы,
Себе избравший ратный путь
И освятивший в поле славы
Свою студенческую грудь.

Вон там — обоями худыми
Где-где прикрытая стена,

Пол нечинёный, два окна
И дверь стеклянная меж ними;
Диван под образом в углу
Да пара стульев; стол украшен
Богатством вин и сельских брашен,
И ты, пришедшая к столу!

Мы пировали. Не дичилась
Ты нашей доли — и порой
К своей весне переносилась
Разгоряченною мечтой;
Любила слушать наши хоры,
Живые звуки чуждых стран,
Речей напоры и отпоры
И звон стакана об стакан!

Уж гасит ночь свои светила,
Зарей алеет небосклон;
Я помню, что-то нам про сон
Давным-давно ты говорила.
Напрасно! взял свое токай,
Шумней удалая пирушка.
Садись-ка, добрая старушка,
И с нами бражничать давай!

Ты расскажи нам: в дни былые,
Не правда ль, не на эту стать
Твои бояре молодые
Любили ночи коротать?
Не так бывало! Слава богу,
Земля вертится. У людей
Всё коловратно; понемногу
Всё мудреней и мудреней.

И мы... Как детство шаловлива,
Как наша молодость вольна,
Как полнолетие умна
И как вино красноречива,
Со мной беседовала ты,
Влекла мое воображенье...
И вот тебе поминовенье,
На гроб твой свежие цветы!

Я отыщу тот крест смиренный,
Под коим, меж чужих гробов,
Твой прах улегся, изнуренный

Трудом и бременем годов.
Пред ним печальной головою
Склонюся; много вспомню я —
И умиленною мечтою
Душа разнежится моя!

1830

ВОДОПАД

Море блеска, гул, удары,
И земля потрясена;
То стеклянная стена
О скалы раздроблена,
То бегут чрез крутояры
Многоводной Ниагары
Ширина и глубина!

Вон пловец! Его от брега
Быстриною унесло;
В синий сумрак водобега
Упирает он весло...
Тщетно! бурную стремнину
Он не силен оттолкнуть;
Далеко его в пучину
Бросит каменная круть!

Мирно гибели послушный,
Убрал он свое весло;
Он потупил равнодушно
Безнадежное чело;
Он глядит спокойным оком...
И к пучине волн и скал
Роковым своим потоком
Водопад его помчал.

Море блеска, гул, удары,
И земля потрясена;
То стеклянная стена
О скалы раздроблена,
То бегут чрез крутояры
Многоводной Ниагары
Ширина и глубина!

1830

ВЕСЕННЯЯ НОЧЬ

В прозрачной мгле безмолвствует столица;
Лишь изредка на шум и глас ночной
Откликнется дремавший часовой,
Иль топнет конь, и быстро колесница
Продребезжит по звонкой мостовой.

Как я люблю приют мой одинокий!
Как здесь мила весенняя луна:
Сребристыми узорами она
Рассыпалась на пол его широкий
Во весь объем трехрамного окна!

Сей лунный свет, таинственный и нежный,
Сей полумрак, лелеющий мечты,
Исполнены соблазнов... Где же ты,
Как поцелуй насильный и мятежный
Разгульная и чудо красоты?

Во мне душа трепещет и пылает,
Когда, к тебе склоняясь головой,
Я слушаю, как дивный голос твой,
Томительный — журчит и замирает,
Как он кипит — веселый и живой!

Или когда твои родные звуки
Тебя зовут — и, буйная, летишь,
Крутишь главой, сверкаешь и дрожишь,
И прыгаешь, и вскидываешь руки,
И топаешь, и свищешь, и визжишь!

Приди! Тебя улыбкой задушевной,
Объятьями восторга встречу я,
Желанная и добрая моя,
Мой лучший сон, мой ангел сладкопевный,
Поэзия московского житья!

Приди, утешь мое уединенье,
Счастливою рукой благослови
Труды и дни грядущие мои
На светлое, святое вдохновенье,
На праздники и шалости любви!

25 марта 1831

ЭЛЕГИЯ

Т. Д.

Блажен, кто мог на ложе ночи
Тебя руками обогнуть;
Челом в чело, очами в очи,
Уста в уста и грудь на грудь!
Кто соблазнительный твой лепет
Лобзаньем пылким прерывал
И смуглых персей дикий трепет
То усыплял, то пробуждал!..
Но тот блаженней, дева ночи,
Кто в упоении любви
Глядит на огненные очи,
На брови дивные твои,
На свежесть уст твоих пурпурных,
На черноту младых кудрей,
Забыв и жар восторгов бурных,
И силы юности своей!

26 марта 1831

ПЕРСТЕНЬ

Татьяне Дмитриевне

Да! как святыню берегу я
Сей перстень, данный мне тобой
За жар и силу поцелуя,
Тебя сливавшего со мной;
В тот час (забудь меня камена,
Когда его забуду я!),
Как на твои склонясь колена,
Глава покоилась моя,
Ты улыбалась мне и пела,
Ласкала сладостно меня;
Ты прямо в очи мне глядела
Очами, полными огня;
Но что ж? Так пылко, так глубоко,
Так вдохновенно полюбя
Тебя, мой ангел черноокой,
Одну тебя, одну тебя,—
Один ли я твой взор умильный
К себе привлек? На мне ль одном

Твои объятия так сильно
Живым свиваются кольцом?
Ах, нет! Но свято берегу я
Сей перстень, данный мне тобой,
Воспоминанье поцелуя,
Тебя сливавшего со мной!

26 марта 1831

* * *

Поэт, вхожу я горделиво
В твой достопамятный альбом;
В нем становлюсь красноречиво:
Тепло и весело мне в нем!
И вот тебе привет заздравный
На много лет, ночей и дней!
Живи и действуй православно
Во славу родины своей:
Ты взор и ум трудолюбивый
В дела минувшие вперишь,
И пересмотришь их архивы,
И старину разговоришь,
И дашь нам вести не чужие
И думы верные об ней:
Да чисто русская Россия
Пред нами явится видней!
Иди, трудись — и дай мне руку!
Не в том вся жизнь и честь моя,
Что проповедую науку
Свободно-шумного житья
И сильно-пьяного веселья —
Ученье младости былой.
Близка пора: мечты похмелья
Моей камены удалой
Пройдут; на новую дорогу
Она свой глас перенесет
И гимн отеческому богу
Благоговейно запоет,
И древность русскую, быть может,
Начнет она провозглашать.
Тогда — не правда ль? — мне поможет
Твоей приязни благодать!

21 ноября 1831

М. А. МАКСИМОВИЧУ

Свобода странно воспитала
Мою поэзию: она
Ее пристрастно поливала
Струями славного вина;
Сама, нетрезвыми руками,
Ее прямила — и порой
Благоуханными устами
С нее сдувала прах земной.
Я благодарен горделиво
Ей за радушные труды;
И сам я вижу — и не диво,
Что пьяны вызрели плоды.

29 ноября 1831

ПОЖАР

А. П. Петерсону

Ты помнишь ли, как мы на празднике ночном,
Уже веселые и шумные вином,
Уже певучие и светлые, кругами
Сидели у стола, построенного нами?
Уже в торжественный и дружеский наш хор
Порой заносчивый врывался разговор;
Уже, осушены за Русь и сходки наши,
Высоко над столом состукивались чаши,
И, разом кинуты всей силою плеча,
Скакали по полу, дробяся и бренча;
Восторг, приветы, спор, и крик, и рукожатья!
Разгуливались мы, товарищи и братья!
Вдруг — осветило нас; тревожные встаем:
Так, это не заря. Восток не там! Идем.
Картина пышная и грозная пред нами:
Под громоносными ночными облаками,
Полнеба заревом багровым охватив,
Шумел и выл огня блистательный разлив.
В тот час, дрожащая на резком ветре ночи,
Она, красавица — лазоревые очи,—
Чье имя уж давно, по стогнам и садам,
В припевах удалых сопутствовало нам,—
Глядела, как ее светлицу охраняя,

Друг другу хладную волну передавая,
Усердно юноши работали. В тот час
Могущество любви познал я в первый раз.
Как быстро все мои надежды закипели!
Как весело мечты взвились и полетели,
Младые, вольные, бог ведает куда!

О, будь пленительна и радостна всегда
Та, чей небесный взор меня во дни былые
Соблазнами любви очаровал впервые!
Как прежде, будь ясна лазурь ее очей!
Как прежде, белизну возвышенных грудей
Струями, локоны, златыми осыпайте!
Ланиты и уста, цветите и пылайте!
Пусть девственник ее полюбит молодой,
Цветущий здравием, и силой, и красой,—
И нежная падет могучему в объятья,
И всех забудет нас, товарищи и братья!..

1831

НА СМЕРТЬ БАРОНА А. А. ДЕЛЬВИГА

Там, где картинно обгибая
Брега, одетые в гранит,
Нева, как небо голубая,
Широководная шумит,
Жил-был поэт. В соблазны мира
Не увлеклась душа его;
Шелом и царская порфира
Пред ним сияли: он кумира
Не замечал ни одного:
Свободомыслящая лира
Ничем не жертвовала им,
Звуча наитием святым.

Любовь он пел: его напевы
Блистали стройностью живой,
Как резвый стан и перси девы,
Олимпа чашницы младой.
Он пел вино: простой и ясный
Стихи восторг одушевлял;
Они звенели сладкогласно,
Как в шуме вольницы прекрасной
Фиал, целующий фиал;

И девы русские пристрастно
Их повторяют — и поэт
Счастли́в на много, много лет.

Таков он был, хранимый Фебом,
Душой и лирой древний грек.
Тогда гулял под чуждым небом
Студент и русский человек;
Там быстро жизнь его младая,
Разнообразна и светла,
Лилась; там дружба удалая,
Его уча и ободряя,
Своим пророком назвала
И, на добро благословляя,
Цветущим хмелем убрала
Веселость гордого чела.

Ей гимны пел он. Громки были!
На берег царственной Невы
Не раз, не два их приносили
Уста кочующей молвы.
И там поэт чистосердечно
Их гимном здравствовал своим.
Уж нет его. Главой беспечной
От шума жизни скоротечной,
Из мира, где всё прах и дым,
В мир лучший, в лоно жизни вечной
Он перелег; но лиры звон
Нам навсегда оставил он.

Внемли же ныне, тень поэта,
Певцу, чью лиру он любил,
Кому щедроты бога света
Он в добрый час предвозвестил.
Я счастлив ими! Вдохновенья
Уж стали жизнию моей!
Прими сей глас благодаренья!
О! пусть мои стихотворенья
Из милой памяти людей
Уйдут в несносный мрак забвенья
Все, все!.. Но лучшее, одно
Да не погибнет: вот оно!

1831

ПЕСНЯ

Он был поэт: беспечными глазами
Глядел на мир и миру был чужой;
Он сладостно беседовал с друзьями;
Он красоту боготворил душой;
Он воспевал счастливыми стихами
Харит, вино, и дружбу, и покой.

Блажен, кто знал разумное веселье!
Чья жизнь была свободна и чиста,
Кто с музами делил свое безделье,
Кому любви прохладные уста
Свевали с вежд недолгое похмелье,
И с ним — его довольная мечта!

И в честь ему на будущие лета
Не худо бы сей учредить обряд:
Порою звезд и месячного света
Мы сходимся в благоуханный сад
И там поем любимый гимн поэта,
И до утра фиалы прозвенят!

Пусть видит мир, как наших поминают,
Как иногда свирели звук простой
Да скромный хмель и мирт переживают
Победный гром и памятник златой,
И многие, уж заодно, познают,
Что называть мирскою суетой.

1831

ИМ

Много вашими устами
Пил я меду и вина;
Вдохновенными стихами
Пел я ваши имена!
И в разгульном хоре звуков,
Целы, счастливы, они
Будут жить у дальних внуков,
Прославляя наши дни:
Там на юношеском пире
Слово молвится подчас

В похвалу и гордой лире,
Веселившейся о вас,—
И при громе восклицаний
В честь увенчанных имен,
Сбереженных без прозваний
Умной людскостью времен,
Кстати вместе возгласится
Имя доброе мое
И поэту наградится
Всё подлунное житье!

1831

БЕССОННИЦА

Что мечты мои волнует
На привычном ложе сна?
На лицо и грудь мне дует
Свежим воздухом весна,
Тихо очи мне целует
Полуночная луна.

Ты ль, приют восторгам нежным,
Радость юности моей,
Ангел взором безмятежным,
Ангел прелестью очей,
Персей блеском белоснежным,
Мягких золотом кудрей!

Ты ли мне любви мечтами
Прогоняешь мирны сны?
Ты ли свежими устами
Навеваешь свет луны,
Скрыта легкими тенями
Соблазнительной весны?

Благодатное виденье,
Тихий ангел! успокой,
Усыпи души волненье,
Чувства жаркие напой
И даруй мне утомленье,
Освященное тобой!

1831

К. К. ЯНИШ

Вы, чьей душе во цвете лучших лет
Небесные знакомы откровенья,
Всё, чем высок полет воображенья,
Чем горд и пламенен поэт,—

И два венка, один другого краше,
На голове свилися молодой,
Зеленый лавр поэзии чужой
И бриллианты музы вашей!

Вы силою волшебной дум своих
Прекрасную торжественность мне дали,
Вы на златых струнах переиграли
Простые звуки струн моих.

И снова мне и ярче воссияла
Минувших дней счастливая звезда,
И жаждою священною труда
Живее грудь затрепетала.

Я чувствую: завиден жребий мой,
Есть и во мне благословенье бога,
И праведна житейская дорога,
Беспечно выбранная мной.

Не кланяюсь пустому блеску мира,
Не слушаю слепой его молвы:
Я выше их... Да здравствуйте же вы
И ваша творческая лира!

1831

И. В. КИРЕЕВСКОМУ

Щеки нежно пурпуро́вы
У прелестницы моей;
Золотисты и шелковы
Пряди легкие кудрей;
Взор приветливо сияет,
Разговорчивы уста;
В ней красуется, играет
Юной жизни полнота!

Но ее на ложе ночи,
Мой товарищ, не зови!
Не целуй в лазурны очи
Поцелуями любви:
В них огонь очарований
Носит дева-красота;
Упоительных лобзаний
Не впивай в свои уста:
Ими негу в сердце вдует,
Мглу на разум наведет,
Зацелует, околдует
И далеко унесет!

1831

АУ!

Голубоокая, младая,
Мой чернобровый ангел рая!
Ты, мной воспетая давно,
Еще в те дни, как пел я радость
И жизни праздничную сладость,
Искрокипучее вино,—
Тебе привет мой издалеча,
От москворецких берегов
Туда, где звонких звоном веча
Моих пугалась ты стихов;
Где странно юность мной играла,
Где в одинокий мой приют
То заходил бессонный труд,
То ночь с гремушкой забегала!

Пестро, неправильно я жил!
Там всё, чем бог добра и света
Благословляет многи лета
Тот край, всё: бодрость чувств и сил,
Ученье, дружбу, вольность нашу,
Гульбу, шум, праздность, лень — я слил
В одну торжественную чашу,
И пил да пел... я долго пил!

Голубоокая, младая,
Мой чернобровый ангел рая!

Тебя, звезду мою, найдет
Поэта вестник расторопный,
Мой бойкий ямб четверостопный,
Мой говорливый скороход:
Тебе он скажет весть благую.
Да, я покинул наконец
Пиры, беспечность кочевую,
Я, голосистый их певец!
Святых восторгов просит лира —
Она чужда тех буйных лет,
И вновь из прелести сует
Не сотворит себе кумира!

Я здесь! — Да здравствует Москва!
Вот небеса мои родные!
Здесь наша матушка-Россия
Семисотлетняя жива!
Здесь всё бывало: плен, свобода,
Орда, и Польша, и Литва,
Французы, лавр и хмель народа,
Всё, всё!.. Да здравствует Москва!

Какими думами украшен
Сей холм давнишних стен и башен,
Бойниц, соборов и палат!
Здесь наших бед и нашей славы
Хранится повесть! Эти главы
Святым сиянием горят!
О! проклят будь, кто потревожит
Великолепье старины,
Кто на нее печать наложит
Мимоходящей новизны!
Сюда! на дело песнопений,
Поэты наши! Для стихов
В Москве ищите русских слов,
Своенародных вдохновений!

Как много мне судьба дала!
Денницей ярко-пурпуро́вой
Как ясно, тихо жизни новой
Она восток мне убрала!
Не пьян полет моих желаний;
Свобода сердца весела;
И стихотворческие длани
К струнам — и лира ожила!

Мой чернобровый ангел рая!
Моли судьбу, да всеблагая
Не отнимает у меня:
Ни одиночества дневного,
Ни одиночества ночного,
Ни дум деятельного дня,
Ни тихих снов ленивой ночи!
И скромной песнию любви
Я воспою лазурны очи,
Ланиты свежие твои,
Уста сахáрны, груди полны,
И белизну твоих грудей,
И черных девственных кудрей
На ней блистающие волны!

Твоя мольба всегда верна;
И мой обет — он совершится!
Мечта любовью раскипится,
И в звуки выльется она!
И будут звуки те прекрасны,
И будет сладость их нежна,
Как сон пленительный и ясный,
Тебя поднявший с ложа сна.

1831

ВОСПОМИНАНИЕ ОБ А. А. ВОЕЙКОВОЙ

Ее уж нет, но рай воспоминаний
Священных мне оставила она:
Вон чуждый брег и мирный храм познаний,
Каменами любимая страна;
Там, смелый гость свободы просвещенной,
Певец вина, и дружбы, и прохлад,
Настроил я, младый и вдохновенный,
Мои стихи на самобытный лад —
И вторились напевы удалые
При говоре фиалов круговых!
Там грудь моя наполнилась впервые
Волненьем чувств заветных и живых
И трепетом, томительным и страстным,
Божественной и сладостной любви.
Я счастлив был: мелькали дни мои
Летучим сном, заманчивым и ясным,

А вы, певца внимательные други,
Товарищи, как думаете вы?
Для вас я пел немецкие досуги,
Спесивый хмель ученой головы,
И праздник тот, шумящий ежегодно,
Там у пруда, на бархате лугов,
Где обогнул залив голубоводный
Зеленый скат лесистых берегов?
Луна взошла, древа благоухали,
Зефир весны струил ночную тень,
Костер пылал — мы долго пировали
И, бурные, приветствовали день!
Товарищи! не правда ли, на пире
Не рознил вам лирический поэт?
А этот пир не наобум воспет,
И вы моей порадовались лире!

Нет, не для вас! — Она меня хвалила,
Ей нравились: разгульный мой венок,
И младости заносчивая сила,
И пламенных восторгов кипяток;
Когда она игривыми мечтами,
Радушная, преследовала их;
Когда она веселыми устами
Мой счастливый произносила стих —
Торжественна, полна очарованья,
Свежа,— и где была душа моя!
О! прочь мои грядущие созданья,
О! горе мне, когда забуду я
Огонь ее приветливого взора,
И на челе избыток стройных дум,
И сладкий звук речей, и светлый ум
В льющемся кристалле разговора.

Ее уж нет! Всё было в ней прекрасно!
И тайна в ней великая жила,
Что юношу стремило самовластно
На видный путь и чистые дела;
Он чувствовал: возвышенные блага
Есть на земле! Есть целый мир труда,
И в нем надежд и помыслов отвага,
И бытие привольное всегда!
Блажен, кого любовь ее ласкала,
Кто пел ее под небом лучших лет...
Она всегда поэта понимала —

И горд, и тих, и трепетен, поэт
Ей приносил свое боготворенье;
И радостно во имя божества
Сбирались в хор созвучные слова:
Как фимиам, горело вдохновенье!

1831

КОНЬ

Жадно, весело он дышит
Свежим воздухом полей:
Сизый пар кипит и пышет
Из пылающих ноздрей.
Полон сил, удал на воле,
Громким голосом заржал,
Встрепенулся конь — и в поле
Бурноногий поскакал!
Скачет, блещущий глазами,
Дико голову склонил;
Вдоль по ветру он волнами
Черну гриву распустил.

Сам как ветер: круть ли встанет
На пути? Отважный прянет —
И на ней уж! Ляжет ров
И поток клубится? — Мигом
Он широким перепрыгом
Через них — и был таков!

Веселися, конь ретивый!
Щеголяй избытком сил!
Ненадолго волны гривы
Вдоль по ветру ты пустил!
Ненадолго жизнь и воля
Разом бурному даны,
И холодный воздух поля,
И отважны крутизны,
И стремнины роковые,—
Скоро, скоро под замок!
Тешь копыта удалые,
Свой могучий бег и скок!

Снова в дело, конь ретивый!
В сбруе легкой и красивой,
И блистающий седлом,
И бренчащий поводами,
Стройно-верными шагами
Ты пойдешь под седоком.

1831

ПОЭТ

Радушно рабствует поэту
Животворящая мечта:
Его любовному привету
Не веруй, дева-красота!
Раздумье лени или скуки,
Пустую смесь обычных снов
Он рядит в сладостные звуки,
В музыку мыслей и стихов;
А ты, мой чистый ангел рая,
Ты примешь, очи потупляя,
Их гармоническую ложь;
Поверишь слепо чувствам ясным,
И сердца трепетом прекрасным
Сердечный голос ты поймешь;
Как мило взор его смиренный
Дичится взора твоего!
Кипят, тобою вдохновенны,
Восторги нежные его!

Уже давно под небесами
Ночная тень и тишина,—
Не спишь, красавица! мечтами
Ты беспокойными полна:
Чуть видны блестки огневые
Твоих лазоревых очей,
Блуждают кудри золотые
По скатам девственных грудей,
Ланиты рдеют пурпуро́вы,
Упали жаркие покровы
С младого стана и колен...
Вот день! — и бледная ты встала...
Ты не спала, ты всё мечтала...
А он, таинственник камен?

Им не играли грезы ночи,
И бодр и свеж проснулся он,
И про любовь и черны очи
Уже выдумывает сон.

1831

КУБОК

Восхитительно играет
Драгоценное вино!
Снежной пеною вскипает,
Златом искрится оно!
Услаждающая влага
Оживит тебя всего:
Вспыхнут радость и отвага
Блеском взора твоего;
Самобытными мечтами
Загуляет голова,
И, как волны за волнами,
Из души польются сами
Вдохновенные слова;
Строен, пышен мир житейской
Развернется пред тобой...
Много силы чародейской
В этой влаге золотой!

И любовь развеселяет
Человека, и она
Животворно в нем играет,
Столь же сладостно-сильна:
В дни прекрасного расцвета
Поэтических забот
Ей деятельность поэта
Дани дивные несет;
Молодое сердце бьется,
То притихнет и дрожит,
То проснется, встрепенется,
Словно выпорхнет, взовьется
И куда-то улетит!
И послушно имя девы
Станет в лики звучных слов,
И сроднятся с ним напевы
Вечно-памятных стихов!

Дева-радость, величайся
Редкой славою любви,
Настоящему вверяйся
И мгновения лови!
Горделивый и свободный,
Чудно пьянствует поэт!
Кубок взял: душе угодны
Этот образ, этот цвет;
Сел и налил; их ласкает
Взором, словом и рукой;
Сразу кубок выпивает
И высоко подымает,
И над буйной головой
Держит. Речь его струится
Безмятежно весела,
А в руке еще таится
Жребий бренного стекла!

1831

КАМБИ

Там, где внизу горы извивистый ручей
Бежит и пенится меж грудами корней;
Где горных берегов с песчаного уступа
Склонилася к нему берез и елей купа
И зыбким пологом, широким и густым,
Многоветвистая раскинулась над ним;
Там, в те часы, когда притихнут лес и воды,
Когда на ясные, лазоревые своды
Серебряным шаром покатится луна,
И ночь весенняя, прохладна и нежна,
Оденет берега в свой сумрак сладострастный
И юноша пойдет к любовнице прекрасной
По чуткому пути на тайный счастья миг,
Неся ей бурный жар объятий молодых,
Горячие уста и огненные очи,—
Там, в безмятежное, святое царство ночи,
Похитивший себя у множества сует,
У братий и вина, у праздничных бесед,
У шума вольницы и лени просвещенной,
Я, полон сладких дум, бродил, уединенный;
Там часто я вверял безмолвию лесов
Гармонию тобой настроенных стихов,

Тобой, красавица, хранительный мой гений,
Светило ясных дней, приволье вдохновений!
Ты первая меня поэтом назвала:
Как сильно грудь моя твой голос поняла,
Твой голос творческий: младые силы встали,
Преобразился я, и очи засверкали!..
Но юные лета — прелестный, дивный сон,
Мой быстрый сон — прошли. Пред новый небосклон
Я перенес права студентского досуга;
Могу, сжимая длань товарища и друга,
Восторгом оживить беспечное чело —
И разом светлую надежду наголо!
Могу возобновлять пиры мои ночные...
Придут, усядутся гуляки удалые,
Вино заискрится в стакане круговом,
Беседа запоет, веселая вином...
Но та минувших лет божественная доля,
Та радость и печаль, та вольность и неволя,
Чем сердце и кипит и стынет вновь и вновь,
Ликует, нежится, беснуется — любовь
Не даст мне прежних дум и чистых наслаждений.
Благословляю ж вас, развесистые тени,
Вас, мирны берега подгорного ручья,
Где, под звездой любви, поэзия моя
В уединении счастливом развивалась,
Дышала свежестью, цвела и красовалась;
Тебя, кем полон сей признательный мой глас,
Вы, добрые мои,— благословляю вас!

1831

ПЛОВЕЦ

Воют волны, скачут волны!
Под тяжелым плеском волн
Прям стоит наш парус полный,
Быстро мчится легкий челн,
И расталкивает волны,
И скользит по склонам волн!

Их, порывами вздувая,
Буря гонит ряд на ряд;
Разгулялась волновая;
Буйны головы шумят,

Друг на друга набегая,
Отшибаяся назад!

Но глядите: перед нами,
Вдоль по темным облакам,
Разноцветными зарями
Отливаясь там и там,
Золотыми полосами
День и небо светят нам.

Пронесися, мрак ненастный!
Воссияй, лазурный свод!
Разверни свой день прекрасный
Надо всем простором вод:
Смолкнут бездны громогласны,
Их волнение падет!

Блещут волны, плещут волны!
Под стеклянным брызгом волн
Прям стоит наш парус полный
Быстро мчится легкий челн,
Раздвигая сини волны
И скользя по склонам волн!

1831

МЕЧТАНИЯ

Поэта пламенных созданий
Не бойся, дева; сила их
Не отучнит твоих желаний
И не понизит дум твоих.
Когда в воздушные соблазны
И безграничные мечты,
В тот мир, всегда разнообразный
И полный свежей красоты,
Тебя, из тягостного мира
Телесных мыслей и забот,
Его пророческая лира
На крыльях звуков унесет,
Ты беззаботно предавайся
Очарованью твоему,
Им сладострастно упивайся
И гордо радуйся ему:

В тот час, как ты вполне забылась
Сим творческим, высоким сном,
Ты в божество преобразилась,
Живешь небесным бытием!

1831

ВИНО

Голосистая, живая
Чародейка молодая,
Удалая красота,
Как вино, вольнолюбива,
Как вино, она игрива
И блистательно чиста;
Как вино, ее люблю я,
Прославляемое мной:
Умиляя и волнуя
Душу, полную тоской,
Всю тоску она отгонит
И меня на ложе склонит
Беззаботной головой;
Сладки песни распевает
О былых, веселых днях,
И стихи мои читает,
И блестит в моих очах.

1831

ПОЭТУ

Когда с тобой сроднилось вдохновенье,
И сильно им твоя трепещет грудь,
И видишь ты свое предназначенье,
И знаешь свой благословенный путь;
Когда тебе на подвиг всё готово,
В чем на земле небесный явен дар,
Могучей мысли свет и жар
И огнедышащее слово,—

Иди ты в мир: да слышит он пророка,
Но в мире будь величествен и свят:
Не лобызай сахáрных уст порока
И не проси и не бери наград.

Приветно ли сияет багряница?
Ужасен ли венчанный произвол?
Невинен будь, как голубица,
Смел и отважен, как орел!

И стройные, и сладостные звуки
Поднимутся с гремящих струн твоих;
В тех звуках раб свои забудет муки,
И царь Саул заслушается их;
И жизнию торжественно-высокой
Ты процветешь — и будет век светло
Твое открытое чело
И зорко пламенное око!

Но если ты похвал и наслаждений
Исполнился желанием земным,—
Не собирай богатых приношений
На жертвенник пред господом твоим:
Он на тебя немилосердно взглянет,
Не примет жертв лукавых; дым и гром
Размечут их — и жрец отпрянет,
Дрожащий страхом и стыдом!

1831

УТРО

Пурпуро́во-золотое
На лазурный неба свод
Солнце в царственном покое
Лучезарно восстает;
Ночь сняла свои туманы
С пробудившейся земли;
Блеском утренним поляны,
Лес и холмы расцвели.
Чу! как ярко и проворно,
Вон за этою рекой,
Повторяет отзыв горный
Звук волынки полевой!
Чу! скрыпят уж воротами,
Выезжая из села,
И дробится над водами
Плеск рыбачьего весла.

Ранний свет луча дневного
Озарил мой тайный путь;
Сладко воздуха лесного
Холод мне струится в грудь:
Молодая трепетала,
Новым пламенем полна,
Нежно, быстро замирала —
Утомилася она!
Скоро ль в царственном покое
За далекий синий лес
Пурпуро́во-золотое
Солнце скатится с небес?
Серебристыми лучами
Изукрасит их луна,
И в селе, и над водами
Снова тень и тишина!

1831

СТАНСЫ

В час, как деву молодую
Я зову на ложе сна
И ночному поцелую
Не противится она,
Грусть нежданного сомненья
Вдруг находит на меня —
И боюсь я пробужденья
И божественного дня.

Он сияет, день прекрасный,
В блеске розовых лучей;
В сенях леса сладкогласный
Свищет песню соловей;
Резвым плеском льются воды,
И цветут ковры долин...
То любовница природы,
То красавица годин.

О! счастлив, чья грудь младая
Силой чувств еще полна;
Жизнь ведет его, играя,
Как влюбленная, нежна;
И, веселая, ласкает,

И, пристрастная к нему,
И дарит и обещает
Все красавцу своему!

Есть любовь и наслажденья,
Небо есть и на земле;
Но могущество мгновенья,
Но грядущее во мгле.
О! друзья, что наша младость?
Чарка славного вина;
А забывчивая радость
Сразу пьет ее до дна!

1831

В. А. ЕЛАГИНУ

Светло блестит на глади неба ясной
Живая ткань лазури и огня,
Симво́л души, проснувшейся прекрасно,
Заря безоблачного дня;
Так ты мечту мне сладкую внушаешь;
Пленителен, завиден твой удел:
Среди наук ты гордо возмужаешь
Для стройных дум и светлых дел;
От ранних лет полюбишь наслажденья,
Привольные и добрые всегда:
Деятельный покой уединенья
И независимость труда;
Младая грудь надежно укрепится
Волненьем чувств свободных и святых,
И весело, высоко разгорится
Отвага помыслов твоих,
И, гражданин торжественного мира,
Где не слышна земная суета,
Где ни оков, ни злата, ни кумира,
Душа открыта и чиста;
Где в тишине растут ее созданья,
Которым нет простора меж людей,—
Ты совершишь заветные желанья
Счастливой юности твоей.
О! вспомни ты в те сладостные лета,
Что я твою судьбу предугадал,

И слепо верь в пророчества поэта
    И в правоту его похвал!

1831

А. П. ЕЛАГИНОЙ

(При поднесении ей своего портрета)

Таков я был в минувши лета
В той знаменитой стороне,
Где развивалися во мне
Две добродетели поэта:
Хмель и свобода. Слава им!
Их чудотворной благодати,
Их вдохновеньям удалым
Обязан я житьем лихим
Среди товарищей и братий,
И неподкупностью трудов,
И независимостью лени,
И чистым буйством помышлений,
И молодечеством стихов.

Как шум и звон пирушки вольной,
Как про любовь счастливый сон,
Волшебный шум, волшебный звон,
Сон упоительно-раздольный,—
Моя беспечная весна
Промчалась. Чувствую и знаю,
Не целомудренна она
Была — и радостно встречаю
Мои другие времена!
Но святы мне лета былые!
Доселе блещут силой их
Мои восторги веселы́е,
Звучит заносчивый мой стих...
И вот на память и храненье,
В виду России и Москвы —
Я вам дарю изображенье
Моей студентской головы!

Конец апреля — 1 мая 1832

Е. А. ТИМАШЕВОЙ

Молодая ученица
Беззаботного житья,
Буйных праздников певица,
Муза резвая моя,
Ярки очи потупляя,
Вольны кудри поправляя,
Чинно кланяется вам:
Это дар ее заздравный
Вашей музе благонравной,
Вашим сладостным стихам!

Прелесть ваших песнопений
В неземное бытие,
В рай чистейших вдохновений
Заманила вновь ее.
Этот мир восторгов дивных,
Тихих, тайных, заунывных,
Независимо живой,
Вами пламенно воспетый,
Мир, где нежатся поэты,
Недовольные землей.

И она его знавала
Там, под небом прошлых дней,
И она его певала
Ради братий и друзей,
Громко ей рукоплескавших,
Ей радушно поверявших
Чувства юные свои,
Томны сны и сладки муки
Умилительной разлуки
И несбыточной любви.

Этот мир полней и краше,
Чем житейский; но его
Утопил я в шумной чаше
Просвещенья моего!
И в раздольи наших оргий
Молодецкие восторги
Муза резвая моя
Непритворно полюбила:
Молодую соблазнила
Вольность братского житья!

С той поры она гуляла,
Наслаждаясь наобум,
Словно прежде не знавала
Скромных чувств и лучших дум...
Прелесть ваших песнопений
Жажду чистых вдохновений
Пробудила снова в ней —
И красавице удалой
На гульбище грустно стало:
Жаль невинности своей!

1832

К...

Милы очи ваши ясны
И огнем души полны,
Вы божественно прекрасны,
Вы умно просвещены;
Всеобъемлющего Гете
Понимаете вполне,
А не в пору вы цветете
В этой бедной стороне.
Ни ко вздохам вещей груди,
Ни к словам разумных уст
Нечувствительны здесь люди —
Человек здесь груб и пуст:
Много вам тоски и скуки.
Дай же бог вам долго жить —
Мир умнеет: наши внуки
Будут вас боготворить.

Между 1829 и 1833

Д. В. ДАВЫДОВУ

Давным-давно люблю я страстно
Созданья вольные твои,
Певец лихой и сладкогласный
Меча, фиала и любви!
Могучи, бурно-удалыя,
Они мне милы, святы мне,—
Твои, которого Россия,

В свои годины роковыя,
Радушно видит на коне,
В кровавом зареве пожаров,
В дыму и прахе боевом,
Отвагe пламенных гусаров
Живым примером и вождем;
И на скрижалях нашей Клии
Твои дела уже блестят:
Ты кровью всех врагов России
Омыл свой доблестный булат!
Прими рукою благосклонной
Мой дерзкий дар: сии стихи —
Души студентски-забубенной
Разнообразные грехи.
Там, в той стране полунемецкой,
Где безмятежные живут
Веселый шум, ученый труд
И чувства груди молодецкой,
Моя поэзия росла
Самостоятельно и живо,
При звонком говоре стекла,
При песнях младости гульливой,
И возросла она счастливо —
Резва, свободна и смела,
Певица братского веселья,
Друзей, да хмеля и похмелья
Беспечных юношеских дней;
Не удивляйся же ты в ней
Разливам пенных вдохновений,
Бренчанью резкому стихов,
Хмельному буйству выражений
И незастенчивости слов!

17 апреля 1833

А. Н. ВУЛЬФУ

Прошли младые наши годы!
Ты, проповедник и герой
Академической свободы,
И я — давно мы жребий свой,
Немецки-шумный и живой,
Переменили на иной:

Тебя звала надежда славы
Под гром войны, в поля кровавы;
И вдруг оставил ты меня,
Ученый быт, беседы наши,
Застольны песни, пенны чаши —
И вспрянул гордо на коня!
А я — студенческому миру
Сказав задумчиво: прощай,
Я перенес разгульну лиру
На Русь, в отечественный край —
И там, в Москве первопрестольной,
Питомец жизни своевольной,
Беспечно-ветреный поэт,
Терялся я в толпе сует,
Чужд вдохновенных наслаждений
И поэтических забот,
Да пил бездействия и лени
Снотворно действующий мед.
Но вот хвала и слава богу!
На православную дорогу
Я вышел: мил мне божий свет!
Прими ж привет, страна родная,
Моя прекрасная, святая,
Глубокий, полный мой привет!
Отныне вся моя судьбина
Тебе! Люби же и ласкай
И береги меня, как сына,
А как раба не угнетай!
Даруй певцу приют смиренный
В виду отеческих лесов,
Жить самобытно, неизменно
Для дум заветных и стихов!
Крепка нескованная дума,
Блестящ и звонок вольный стих!
Здесь не слыхать градского шума,
Здесь не видать сует градских;
И в сей глуши, всегда спокойной,
К большим трудам и к жизни стройной
Легко мне душу приучить;
Легко навечно разлюбить
Уста и очи дев-красавиц,
Приветы гордых молодиц,
И песни пламенных певиц,
И пляски пламенных плясавиц!
Поклон вам, прежние мои...

Пляшите, пойте, процветайте,
Великолепно оживляйте
Ночные шалости любви!
Довольно чувств и вдохновений
Я прогулял, и мне пора
Познать себя, вкусить добра,
Небуйных, трезвых наслаждений!
Мой друг! поздравь же ты меня
С восходом счастливого дня,
С давно желанной мирной долей,
С веселым сердцем, вольной волей,
С живым трудом наедине!
Я руки в боки упираю
И вдохновенно восклицаю:
Здесь дома я, здесь лучше мне!..

Вот так-то мы остепенились!
Но сладко вспомнить нам подчас
Почтенный град, где мы учились,
Где мы привольно веселились,
Где мы любили в первый раз...
Возьми ж, ему в воспоминанье,
Вот это пестрое собранье
Моих рифмованных проказ:
Тут, как вино в хрустальной чаше,
Знаток, насквозь увидишь ты
Все думы, чувства и мечты,
Игру и блеск свободы нашей —
Красу минувшего житья!
Храни стихи мои, как я
Храню фуражку удалую
С моей студентской головы
Да кудрю темно-золотую
Одной красавицы, увы!
Когда-то милой мне, когда-то
На вешнем воздухе полей
В тени ракитовых ветвей...
Храню торжественно и свято
Трофеи младости моей!

15 мая 1833

Д. В. ДАВЫДОВУ

Жизни баловень счастливый,
Два венка ты заслужил;
Знать, Суворов справедливо
Грудь тебе перекрестил:
Не ошибся он в дитяти,
Вырос ты — и полетел,
Полон всякой благодати,
Под знамена русской рати,
Горд и радостен и смел.

Грудь твоя горит звездами,
Ты геройски добыл их
В жарких схватках со врагами,
В ратоборствах роковых;
Воин смлада знаменитый,
Ты еще под шведом был
И на финские граниты
Твой скакун звучнокопытый
Блеск и топот возносил.

Жизни бурно-величавой
Полюбил ты шум и труд:
Ты ходил с войной кровавой
На Дунай, на Буг и Прут;
Но тогда лишь собиралась
Пряморусская война;
Многогромная скоплялась
Вдалеке — и к нам примчалась
Разрушительно-грозна.

Чу! труба продребезжала!
Русь! тебе надменный зов!
Вспомяни ж, как ты встречала
Все нашествия врагов!
Созови из стран далеких
Ты своих богатырей,
Со степей, с равнин широких,
С рек великих, с гор высоких,
От осьми твоих морей!

Пламень в небо упирая,
Лют пожар Москвы ревет;
Златоглавая, святая,
Ты ли гибнешь? Русь, вперед!

Громче буря истребленья,
Крепче смелый ей отпор!
Это жертвенник спасенья,
Это пламень очищенья,
Это фениксов костер!

Где же вы, незванны гости,
Сильны славой и числом?
Снег засыпал ваши кости!
Вам почетный был прием!
Упилися еле живы
Вы в московских теремах,
Тяжелы домой пошли вы,
Безобразно полегли вы
На холодных пустырях!

Вы отведать русской силы
Шли в Москву: за делом шли!
Иль не стало на могилы
Вам отеческой земли!
Много в этот год кровавый,
В эту смертную борьбу,
У врагов ты отнял славы,
Ты, боец чернокудрявый,
С белым локоном на лбу!

Удальцов твоих налетом
Ты, их честь, пример и вождь,
По лесам и по болотам,
Днем и ночью, в вихрь и дождь,
Сквозь огни и дым пожара
Мчал врагам, с твоей толпой
Вездесущ, как божья кара,
Страх нежданного удара
И нещадный, дикий бой!

Лучезарна слава эта
И конца не будет ей;
Но такие ж многи лета
И поэзии твоей:
Не умрет твой стих могучий,
Достопамятно-живой,
Упоительный, кипучий,
И воинственно-летучий,
И разгульно-удалой.

Ныне ты на лоне мира:
И любовь и тишину
Нам поет златая лира,
Гордо певшая войну.
И как прежде громогласен
Был ее воинский лад,
Так и ныне свеж и ясен,
Так и ныне он прекрасен,
Полный неги и прохлад.

Август 1835

П. В. КИРЕЕВСКОМУ

Где б ни был ты, мой Петр, ты должен знать, где я
Живу и движусь? Как поэзия моя,
Моя любезная, скучает иль играет,
Бездействует иль нет, молчит иль распевает?
Ты должен знать, каков теперешний мой день?
По-прежнему ль его одолевает лень,
И вял он и сердит, влачащийся уныло?
Иль радостен и свеж, блистает бодрой силой,
Подобно жениху, идущему на брак?

Отпел я молодость и бросил кое-как
Потехи жизни той шумливой, беззаботной,
Уда́лой, ветреной, хмельной и быстролетной.
Бог с ними! Лучшего теперь добился я:
Уединенного и мирного житья!
Передо мной моя наследная картина:
Вот горы, подле них широкая долина
И речка, сад, пруды, поля, дорога, лес,
И бледная лазурь отеческих небес!
Здесь благодатное убежище поэта
От пошлости градской и треволнений света!

Моя поэзия — хвала и слава ей! —
Когда-то гордая свободою своей,
Когда-то резвая, гулявшая небрежно,
И загулявшаясь едва не безнадежно,
Теперь уже не та, теперь она тиха:
Не буйная мечта, не резкий звон стиха
И не заносчивость и удаль выраженья
Ей нравятся — о нет! пиры и песнопенья,
Какие некогда любила всей душой,

Теперь несносны ей, степенно-молодой,
И жизнь спокойную гульбе предпочитая,
Смиренно-мудрая и дельно-занятая,
Она готовится явить в ученый свет
Не сотни две стихов во славу юных лет,
Произведение таланта миговое —
Элегию, сонет,— а что-нибудь большое!
И то сказать: ужель судьбой присуждено
Ей весь свой век хвалить и прославлять вино
И шалости любви нескромной? Два предмета,
Не спорю, милые,— да что в них? Солнце лета,
Лучами ранними гоня ночную тень,
Находит весело проснувшимся мой день;
Живу, со мною мир великий, чуждый скуки,
Неистощимые сокровища науки,
Запасы чистого привольного труда
И мыслей творческих, не тяжких никогда!
Как сладостно душе свободно-одинокой
Героя своего обдумывать! Глубоко,
Решительно в него влюбленная, она
Цветет, гордится им, им дышит, им полна;
Везде ему черты родные собирает;
Как нежно, пламенно, как искренно желает,
Да выйдет он, ее любимец, пред людей
В достоинстве своем и в красоте своей,
Таков, как должен быть он весь душой и телом,
И ростом, и лицом; тот самый словом, делом,
Осанкой, поступью, и с тем копьем в руке,
И в том же панцире, и в том же шишаке!

Короток мой обед; нехитрых сельских брашен
Здоровой прелестью мой скромный стол украшен
И не качается от пьяного вина;
Не долог, не спесив мой отдых, тень одна,
И тень стигийская, бывалой крепкой лени,
Я просыпаюся для тех же упражнений,
Иль, предан легкому раздумью и мечтам,
Гуляю наобум по долам и горам.

Но где же ты, мой Петр, скажи? Ужели снова
Оставил тишину родительского крова,
И снова на чужих, далеких берегах
Один, у мыслящей Германии в гостях,
Сидишь, препогружен своей послушной думой
Во глубь премудрости туманной и угрюмой?

Или спешишь в Карлсбад — здоровье освежать
Бездельем, воздухом, движеньем? Иль опять
Своенародности подвижник просвещенный,
С ученым фонарем истории, смиренно
Ты древлерусские обходишь города,
Деятелен и мил и одинак всегда?

О! дозовусь ли я тебя, мой несравненный,
В мои края и в мой приют благословенный?
Со мною ждут тебя свобода и покой —
Две добродетели судьбы моей простой,—
Уединение, ленивки пуховые,
Халат, рабочий стол и книги выписные.
Ты здесь найдешь пруды, болота и леса,
Ружье и умного охотничьего пса.
Здесь благодатное убежище поэта
От пошлости градской и треволнений света:
Мы будем чувствовать и мыслить и мечтать,
Былые, светлые надежды пробуждать,
И, обновленные еще живей и краше,
Они воспламенят воображенье наше,
И снова будет мир пленительный готов
Для розысков твоих и для моих стихов!

1835

МОЛИТВА

Моей лампады одинокой
Не потушай, светило дня!
Пускай продлится сон глубокой
И ночь глухая вкруг меня!
Моей молитвенной лампады
При догорающем огне
Позволь еще забыться мне,
Позволь еще вкусить отрады
Молиться богу за нее,
Его прелестное созданье,
Мое любимое мечтанье
И украшение мое!

Да жизни мирной и надежной
Он даст ей счастье на земле:
И в сердце пламень безмятежный,
И ясность мысли на челе!

И даст ей верного супруга,
Младого, чистого душой,
И с ним семейственный покой,
И в нем приветливого друга;
И даст почтительных детей,
Здоровых, умных и красивых,
И дочерей благочестивых,
И веледушных сыновей!

Но ты взошло. Сияньем чистым
Ты озарило небеса,
И блещет пурпуром златистым
Их величавая краса;
И воды пышно заструились,
Играя отблеском небес,
И свежих звуков полон лес;
Поля и холмы пробудились!
О! будь вся жизнь ее светла,
Как этот свод лазури ясной,
Высокий, тихий и прекрасный,
Живая господу хвала!

1835

* * *

Я помню: был весел и шумен мой день
С утра до зарницы другого...
И было мне вдоволь разгульных гостей,
Им вдоволь вина золотого.

Беседа была своевольна: она
То тихим лилась разговором,
То новую песню, сложённую мной,
Гремела торжественным хором.

И песня пропета во здравье мое,
Высоко возгла́с подымался,
И хлопали пробки, и звонко и в лад
С бокалом бокал целовался!

А ныне... О, где же вы, братья-друзья?
Нам годы иные настали —
Надолго, навечно разрознили нас
Великие русские дали.

Один я, но что же? Вот книги мои,
Вот милое небо родное —
И смело могу в одинокий бокал
Я пенить вино золотое.

Кипит, и шумит, и сверкает оно:
Так молодость наша удала...
Вот стихло, и вновь безмятежно, светло
И равно с краями бокала.

Да здравствует то же, чем полон я был
В мои молодецкие лета;
Чем ныне я счастлив и весел и горд,
Да здравствует вольность поэта!

Здесь бодр и спокоен любезный мой труд,
Его берегут и голубят
Мой правильный день, моя скромная ночь;
Смиренность его они любят.

Здесь жизнь мне легка! И мой тихий приют
Я доброю славой прославлю,
И разом глотаю вино — и на стол
Бокал опрокинутый ставлю.

Между 1834 и 1836

Н. А. ЯЗЫКОВОЙ

Прошла суровая година вьюг и бурь,
Над пробудившейся землею,
Полна теплом и тишиною,
Сияет вешняя лазурь.
Ее растаяны лучами,
Сбежали с гор на дол глубокие снега;
Ручей, усиленный водами,
Сверкает и кипит гремучими волнами
И пеной плещет в берега.

И скоро холм и дол в свои ковры зелены
Роскошно уберет царица красных дней,
И в лиственной тени засвищет соловей
И сладкогласный и влюбленный.

Как хороша весна! Как я люблю ее
Здесь, в стороне моей родимой,
Где льется мирно и незримо
Мое привольное житье;
Где я могу таким покоем наслаждаться,
Какого я не знал нигде и никогда,
И мыслить, и мечтать, и страстно забываться
Перед светильником труда;
Где, озарен его сияньем величавым,
Поникнув на руку безоблачным челом,
Я миру чужд и радостям лукавым,
И суетам, господствующим в нем;
И счастлив: не хочу ни в мраморны палаты,
Ни в шум блистательных пиров!
И вас зову сюда — под мой наследный кров,
Уединением богатый,
В простор и тишь, на злачны скаты
Моих березовых садов,
В лес и поляны за дорогой,
И к речке, шепчущей под сумраком ракит,
И к зыбким берегам, где аист красноногой
Беспечно бродит цел и сыт;
Зову на светлый пруд, туда, где тень густую
Склонил к водам нагорный сад,
Туда — и на мостки, и в лодку удалую,
И весла дружно загремят!
Я вас сюда зову гулять и прохлаждаться,
Пить мед свободного и мирного житья,
Закатом солнца любоваться
И засыпать под трели соловья.

25 марта 1836

П. Н. ШЕПЕЛЕВУ

Он прищурился спесиво,
Он глядит через плечо;
Аргамак его ретивый
Разыгрался горячо,
Чует всадникову волю,
И могуч и резвоног,
Мчится с ним по чисту полю:
То-то топот, то-то скок!

Это твой скакун удалый,
Это ты, когда-то мой
Собеседник запоздалый
Там, у жизни молодой,
На приволье просвещенья!..
Ты оставил мирных муз
И воинские ученья
Полюбил, крутя свой ус.

И досуга полкового
В сизых, дымных облаках
Потонув, ты чужд былого,
Пребывающий в мечтах
Про великие награды
Бога копий и мечей;
А потехи и прохлады
И надежды юных дней,

Книжный быт и Нины милой
Взоры, полные любви,—
Всё, что прежде кипятило
Чувства свежие твои,
Ты забыл. А юность наша,
Хороша была она,—
Хороша была, как чаша
Искрометного вина!

Резвый блеск ее и сладость —
И хвала за то судьбе! —
Я воспел друзьям на радость,
В украшение себе,
И, гульливые, бывало,
Чтят поэта своего!..
Где ж они? Одних не стало,
А другим не до него!

Я ж и ныне, муз поклонник,
Помню молодость мою
И тебе, мой милый конник,
Братски руку подаю!
Будь ты смел перед врагами,
Дорог родине своей
И геройскими делами
Возрастай и просветлей.

1836

Е. А. БАРАТЫНСКОМУ

Покинул лиру ты. В обычном шуме света
Тебе не до нее. Я помню этот шум,
Я знаю этот шум. Он вреден для поэта:
Снотворно действует на ум!

Счастлив, кто убежал от светских наслаждений,
От городских забав, превратностей и смут
Далеко, в тишь и глушь, в приволье вдохновений,
В душеспасительный приют.

Беги же ты в свои родимые долины,
На свежие луга поемных берегов,
Под тень густых ветвей, где трели соловьины
И лепетание ручьев!

Свобода и покой, хранители поэта,
Дадут твоей душе и бодрость и простор,
И вдохновением, как было в прежни лета,
Светло заискрится твой взор.

И лиру ты возьмешь: проснется золотая,
И снова запоет о жизни и любви,
И звуки полетят, красуясь и играя,
Живые, чистые твои!

Не медли, друг и брат! Судьбу твою решила
Поэзия. О, будь же верен ей всегда!
Она одна тебе прибежище и сила,
Она твой крест, твоя звезда!

И что же на земле и сладостней и краше?
Дай руку мне! Восстань с возвышенным челом
И ради наших муз, и ради дружбы нашей
Явись на поприще твоем!

Явись и торжествуй,— и славою своею
Обрадуй вновь Парнас и оживи меня!
Да новый хор певцов исчезнет перед нею,
Как снег перед лицом огня!

1836

ДЕВЯТОЕ МАЯ

То ли дело, как, бывало,
В Дерпте шумно, разудало
Отправлял я в этот день!
Русских нас там было много,
Жили мы тогда не строго,
Собрались мы в сад под тень,
На лугу кружком сидели:
Уж мы пили, уж мы пели!
В удовольствии хмельном
Сам стихи мои читал я,
И читанье запивал я
Сокрушительным питьем;
И друзья меня ласкали:
Мне они рукоплескали,
И за здравие мое
Чаши чокалися звонко,
Чаши, налитые жженкой,—
Бесподобное житье!

Где ж я ныне? Как жестоко,
Как внезапно, одиноко,
От моих счастливых дней
Унесен я в страны дальни,
Путешественник печальный,
Не великий Одиссей!
Рейн увижу! Старец славный,
Он — Дунаю брат державный,
Он студентам доброхот:
На своих конях нерьяных,
На своих волнах стеклянных
Он меня перевезет
В сад веселый и богатый,
На холмы и горны скаты
Виноградников своих;
Там остатки величавы
Веры, мужества и славы
Воевателей былых;
Там в тиши, в виду их дерзких
Стен и башен кавалерских,
Племя смирное цветет,
И поэт из стран далеких,
С вод глубоких и широких,
С вод великих, с волжских вод,

Я тебе, многовенчанный
Старец Рейн, венок нежданный
Из стихов моих совью!
И для гостя дорогого
Из ведра заповедно́го
Рюмку синюю твою
Вековым вином нальешь ты
И поэту поднесешь ты;
Помню я: в твоем вине
Много жизни, много силы;
Но увы мне, старец милый,
Пить его уже не мне!

Май 1839
Висбаден

ЭЛЕГИЯ

Здесь горы с двух сторон стоят, как две стены;
Меж ними тесный дол — и царство тишины,
Однообразие в глуши уединенья;
Градские суеты, градские наслажденья
Здесь редко видятся и слышатся: порой
Пройдет с курантами потешник площадной,
Старик, усердный жрец и музыки и Вакха;
Пройдет комедия: сын Брута или Гракха,
И свищет он в свирель, и бьет он в барабан,
Ведя полдюжины голодных обезьян.
Тоска несносная! Но есть одна отрада:
Между густых ветвей общественного сада
Мелькает легкая, летучая, как тень,
Красавица.— Светла и весела, как день,
Она живительно бодрит и поднимает
Мой падающий дух, она воспламеняет
Во мне желание писать стихи ей в честь,
Стихи любовные. Еще отрада есть:
Вот вечер, воздух свеж, деревья потемнели,
И, чу! поет она; серебряные трели,
Играя и кружась, взвиваясь надо мной,
Манят, зовут меня волшебно в мир иной,
В мои былые дни,— и нега в грудь мне льется,
И сладко, сладко мне, а сердце так и бьется!..

3 июня 1839
Теодорсгалле

К СТИХАМ МОИМ

Небо знойно, воздух мутен,
Горный ключ чуть-чуть журчит,
Сад тенистый бесприютен —
Не шелохнет и молчит.

Попечитель винограда,
Летний жар ко мне суров;
Он противен мне измлада,
Он, томящий до упада,
Рыжий враг моих стихов.

Ну-те, братцы, вольно, смело,
Собирайся, рать моя!
Нам давно пора за дело!
Ну, проворнее, друзья!

Неповертливо и ломко
Слово жмется в мерный строй,
И выходит стих не ёмкой,
Стих растянутый, не громкой,
Сонный, слабый и плохой!

Право, лучше знаменитый
Наш мороз: хоть он порой
И стучится к нам сердито,
Но тогда камин со мной.

Мне тепло и горя мало,
Хорошо душе тогда:
В стих слова идут не вяло,
Строен, крепок он удало
И способен хоть куда.

Лето 1839
Теодорсгалле

ЭЛЕГИЯ

День ненастный, темный; тучи
Низко, низко над горой,
Вялы, тихи и плакучи,
Длинной тянутся грядой;

Сад безлюден, смолкли птицы,
Дерева дождем шумят:
Две красавицы девицы,
Две певуньи, две сестрицы,
Не пойдут сегодня в сад!

А вчера они, при трелях
Соловья и при луне,
Там летали на качелях
Соблазнительно одне;
И качели их качают
Мягко, будто на руках:
Осторожно поднимают,
Осторожно опускают
Быстролетный свой размах!

А вчера поклонник скромный
Граций, медик молодой,
Удовольственно и томно
Любовался их игрой,
И размашисто качалась,
Как они, его мечта,
Поднималась, опускалась:
Ей легко передавалась
Их летаний быстрота.

День ненастный, день враждебный
Очарованным сердцам,
И ходьбе многоцелебной,
И лекарственным водам!
Но зато в нем нет томленья,
Лени, жа́ру, он здоров
Мне, в тиши уединенья,
Для свободы размышленья,
Для писания стихов.

Лето или начало осени 1839
Теодорсгалле

ПЛОВЕЦ

Еще разыгрывались воды,
Не подымался белый вал,
И гром летящей непогоды
Лишь на краю небес чуть видном рокотал;

А он, пловец, он был далеко
На синеве стеклянных волн,
И день сиял еще высоко,
А в пристань уж вбегал его послушный челн.

До разгремевшегося грома,
До бури вод, желанный брег
Увидел он, и вкусит дома
Родной веселый пир и сладостный ночлег.

Хвала ему! Он отплыл рано;
Когда дремали небеса
И в море блеск луны багряной
Еще дрожал, уж он готовил паруса,

И поднял их он, бодр и светел,
Когда едва проснулся день
И в третий раз пропевший петел
К работе приглашал заспавшуюся лень.

Лето или начало осени 1839

НИЦЦА ПРИМОРСКАЯ

Теперь, когда у нас, природный, старый друг
Морозов и снегов и голосистых вьюг,
Господствует зима, когда суровый холод
К нам в домы просится и стукает, как молот,
В их стены мерзлые, когда у нас земля
Сном богатырским спит и блеском хрусталя
Осыпаны дубы и сосны вековые,—
Здесь нет снегов и бурь, здесь ярко-голубые
И по-весеннему сияют небеса;
Лимонные сады, оливные леса,
И роза милая, и пальма величава,
И знаменитый лавр, и пышная агава
Открыто нежатся при шуме вод морских:
Благословенный край! Отрада для больных!
Зимовье, праведно хвалимое врачами!
И много здесь гостей! Их целыми семьями
Сюда из дальних стран сгоняет аквилон;
Здесь и российский князь, здесь и немецкий фон,
И а́нглийский милорд, их жены, дети, слуги
Проводят мирные приморские досуги

На теплом берегу, на ясном свете дня;
Житье здесь хоть куда для самого меня!
Здесь есть и для меня три сладостные блага:
Уединенный сад, вид моря и малага.

10 декабря 1839
Ницца, предместье Мраморного креста

БУРЯ

Громадные тучи нависли широко
Над морем и скрыли блистательный день.
И в синюю бездну спустилась глубоко
И в ней улеглася тяжелая тень;
Но бездна морская уже негодует,
Ей хочется света и ропщет она,
И скоро, могучая, встанет грозна,
Пространно и громко она забушует.

Великую силу уже подымая,
Полки она строит из водных громад,
И вал-великан, головою качая,
Становится в ряд, и ряды говорят;
И вот, свои смуглые лица нахмуря
И белые гребни колебля, они
Идут. В черных тучах блеснули огни,
И гром загудел. Начинается буря.

15 декабря 1839
Ницца приморская, предместье Мраморного креста

МОРСКАЯ ТОНЯ

Море ясно, море блещет;
Но уже, то здесь, то там,
Тень налетная трепещет,
Пробегая по зыбям;
Вдруг поднимутся и хлынут
Темны водные струи,
И высоко волны вскинут
Гребни белые свои;
Буря будет, тучи грянут,
И пучина заревет.
Рыбаки проворно тянут
Невод на берег из вод.

Грузно! Что ты, сине море,
Дало им за тяжкий труд?
Много ты в своем просторе
Водишь рыб и всяких чуд;
Много камней самоцветных,
Жемчугов и янтарей,
Драгоценностей несметных,
Соблазняющих людей,
В роковой твоей пучине
Бережет скупое дно,—
Что ж ты, дало ль, море сине,
Рыбакам хоть на вино?
Невод вытащен. Немного
Обитателей морских.
От сокровищ бездны строгой
Нет подарков дорогих!
Вот лежит, блестя глазами,
Злой, прожорливый мокой
С костоломными зубами;
Вот огромный блин морской,
Красноносый, красногубый,
С отвратительным хвостом;
Да скатавшегося в клубы
На раздолье волновом
Воза с два морского сору,
И один морской паук;
А тащили словно гору,
А трудились сотни рук!
Море стихло, море ясно;
В хрустале его живом
Разыгрался день прекрасный
Златом, пурпуром, огнем;
Видом моря любоваться
Собралась толпа гостей;
Ей мешают наслаждаться
Рыбаки: бегут за ней
И канючат, денег просят:
Беднякам из бездны вод
Сети длинные выносят
Непитательный доход!

17 декабря 1839
Ницца, предместье Мраморного креста

МАЛАГА

В мои былые дни, в дни юности счастливой,
Вино шипучее я пил,
И вкус, и блеск его, и хмель его игривый,
Друзья, немало я хвалил;
Сверкало золотом, кипело пеной белой
Нас развивавшее питье,
Воспламенялось и кипело
Воображение мое;
Надежды и мечты, свободные, живые,
Летали весело, легко,
И заносилися, прекрасно-молодые,
Они далеко, высоко!
Шум, песни, крик и звон в прелестный гул сливались,
Студентский пир порядком шел,
И чаши об пол разбивались,
Разгульный теша произвол!

Остепеняют нас и учат нас заметно
Лета и бремя бытия:
Так ныне буйный хмель струи золотоцветной
Не веселит меня, друзья,
Ни кипяток ее, ни блеск ее мгновенный;
Так ныне мне уже милей
Напиток смирный и беспенный,
Вино густое, как елей,
И черное, как смоль, как очи девы горной,
И мягкосладкое, как мед;
Милей мне тихий пир и разговор неспорный,
Речей и мыслей плавный ход;
Милей почтительно ласкаемая чаша,
Чем песни, крик, и звон, и шум.
Друзья, странна мне юность наша:
У ней всё было наобум!

17 декабря 1839
Ницца, предместье Мраморного креста

КОРАБЛЬ

Люблю смотреть на сине море
В тот час, как с края в край на волновом просторе
Гроза рокочет и ревет;

А победитель волн, громов и непогод,
И смел и горд своею славой,
Корабль в даль бурных вод уходит величаво!

18 декабря 1839
Ницца, предместье Мраморного креста

УНДИНА

Когда невесело осенний день взойдет
И хмурится; когда и дождик ливмя льет,
И снег летит, как пух, и окна залепляет;
Когда камин уже гудит и озаряет
Янтарным пламенем смиренный твой приют,
И у тебя тепло; а твой любимый труд,
От скуки и тоски заступник твой надежный,
А тихая мечта, милее девы нежной,
Привыкшая тебя ласкать и утешать,
Уединения краса и благодать,
Чуждаются тебя; бездейственно и сонно
Идет за часом час, и ты неугомонно
Кручинишься,— тогда будь дома и один,
Стола не уставляй богатством рейнских вин,
И жженки из вина, из сахару да рому
Ты не вари: с нее бывает много грому;
И не зови твоих товарищей-друзей
Пображничать с тобой до утренних лучей:
Друзья, они придут и шумно запируют,
Состукнут чаши в лад, тебя наименуют,
И песню запоют во славу лучших лет;
Развеселишься ты, а может быть и нет:
Случалося, что хмель усиливал кручину!
Их не зови; читай Жуковского «Ундину»:
Она тебя займет и освежит, ты в ней
Отраду верную найдешь себе скорей.
Ты будешь полон сил и тишины высокой,
Каких не даст тебе ни твой разгул широкой,
Ни песня юности, ни чаш заздравный звон,
И был твой грустный день как быстролетный сон!

26 декабря 1839
Ницца, предместье Мраморного креста

МАЯК

Меж морем и небом, на горной вершине,
Отважно поставлен бросать по водам
Отрадный, спасительный свет кораблям,
Застигнутым ночью на бурной пучине,

Ты волю благую достойно творишь:
Встает ли свирепое море волнами,
Волнами хватая тебя, как руками,
Обрушить тебя в глубину: ты стоишь!

И небо в тебя, светоносного, мещет
Свой гром, раздробляющий горы: ты цел;
Он, словно как пыль, по тебе пролетел,
И бурное море тебе рукоплещет!

1839
Ницца, предместье Мраморного креста

МОРСКОЕ КУПАНЬЕ

Из бездны морской белоглавая встала
Волна, и лучами прекрасного дня
Блестит, подвижна́я громада кристалла,
И тихо, качаясь, идет на меня.
Вот, словно в раздумьи, она отступила
Вот берег она под себя покатила
И выше сама поднялась и падет;
И громом, и пеной пучинная сила,
Холодная, бурно меня обхватила,
Кружит, и бросает, и душит, и бьет,
И стихла. Мне любо. Из грома, из пены
И холода — легок и свеж выхожу,
Живее мои выпрямляются члены,
Вольнее дышу, веселее гляжу
На берег, на горы, на светлое море.
Мне чудится, словно прошло мое горе,
И юность такая ж, как прежде была,
Во мне встрепенулась, и жизнь моя снова
Гулять, распевать, красоваться готова
Свободно, беспечно,— резва, удала

17 июня 1840
Ницца, предместье Мраморного креста

К РЕЙНУ

Я видел, как бегут твои зелены волны:
Они, при вешнем свете дня,
Играя и шумя, летучим блеском полны,
Качали ласково меня;
Я видел яркие, роскошные картины:
Твои изгибы, твой простор,
Твои веселые каштаны и раины,
И виноград по склонам гор,
И горы, и на них высокие могилы
Твоих былых богатырей,
Могилы рыцарства, и доблести, и силы
Давно, давно минувших дней!
Я волжанин: тебе приветы Волги нашей
Принес я. Слышал ты об ней?
Велик, прекрасен ты! Но Волга больше, краше,
Великолепнее, пышней,
И глубже, быстрая, и шире, голубая!
Не так, не так она бурлит,
Когда поднимется погодка верховая
И белый вал заговорит!
А какова она, шумящих волн громада,
Весной, как с выси берегов
Через ее разлив не перекинешь взгляда,
Чрез море вод и островов!
По царству и река!.. Тебе привет заздравный
Ее, властительницы вод,
Обширных русских вод, простершей ход свой славный,
Всегда торжественный свой ход,
Между холмов, и гор, и долов многоплодных
До темных Каспия зыбей!
Приветы и ее притоков благородных,
Ее подручниц и князей:
Тверцы, которая безбурными струями
Лелеет тысячи судов,
Идущих пестрыми, красивыми толпами
Под звучным пением пловцов;
Тебе привет Оки поемистой, дубравной,
В раздольи муромских песков
Текущей царственно, блистательно и плавно
В виду почтенных берегов,—
И храмы древние с лучистыми главами
Глядятся в ясны глубины,
И тихий благовест несется над водами,

Заветный голос старины! —
Суры-красавицы, задумчиво бродящей,
То в густоту своих лесов
Скрывающей себя, то на полях блестящей
Под опахалом парусов;
Свияги пажитной, игривой и бессонной,
Среди хозяйственных забот,
Любящей стук колес, и плеск неугомонный,
И гул работающих вод;
Тебе привет из стран Биармии далекой,
Привет царицы хладных рек,
Той Камы сумрачной, широкой и глубокой,
Чей сильный, бурный водобег,
Под кликами орлов свои валы седые
Катя в кремнистых берегах,
Несет железо, лес и горы соляные
На исполинских ладиях;
Привет Самары, чье течение живое
Не слышно в говоре гостей;
Ссыпающих в суда богатство полевое,
Пшеницу — золото полей;
Привет проворного, лихого Черемшана,
И двух Иргизов луговых,
И тихо-струйного, привольного Сызрана,
И всех и бо́льших и меньши́х,
Несметных данников и данниц величавой,
Державной северной реки,
Приветы я принес тебе!.. Теки со славой,
Князь многих рек, светло теки!
Блистай, красуйся, Рейн! Да ни грозы военной,
Ни песен радостных врага
Не слышишь вечно ты; да мир благословенный
Твои покоит берега!
Да сладостно, на них мечтая и гуляя,
В тени раскидистых ветвей,
Целуются любовь и юность удалая
При звоне синих хрусталей!

1 августа 1840
Ницца приморская, предместье Мраморного креста

НИЦЦАРКЕ

Если б ты была Юнона,
А любовник твой Зевес,

Сад твой, милая Миньона,
Походил бы не на лес:
В нем не ландыши простые
Осеняла б тень дубов,
А блистательно-живые
Иакинфы золотые —
Драгоценности садов.

15 декабря 1840
Ницца, предместье Мраморного креста

ВЕЧЕР

Ложатся тени гор на дремлющий залив;
Прибрежные сады лимонов и олив
Пустеют; чуть блестит над морем запад ясный,—
И скоро божий день, веселый и прекрасный,
С огнистым пурпуром и золотом уйдет
Из чистого стекла необозримых вод.

⟨1841⟩

А. А. ЕЛАГИНУ

Была прекрасна, весела
Та живописная картина
Свободной жизни, та година
Достойна-празднична была,
Когда остатки вдохновений
Студентской юности моей
Я допивал в кругу друзей,
В Москве, и, полон песнопений,
Стихом блистая удалым,
Восторжен, выше всякой прозы,
Гулял у вас — и девы-розы
Любили хмель мой, слава им!
А ныне где, каков я ныне?
О! знаю, чувствую: тому
Душецветенью моему,
Той исторической картине
Не повториться никогда;
Но ежели мои печали
Минуют так, как миновали
Мои златые дни, тогда
Грешно бы, право, на досуге

Не помянуть нам за вином
О том гулянии моем,
Как о минувшем, милом друге.
Не так ли? Я почти готов,
Я рад сердечно, я чужбину,
Мою тоску легко покину,
И прямо с майнских берегов
В Москву. Вы ждете — еду, еду,
Скачу, лечу, и вот как раз
Я к вам, сажуся подле вас —
И наливай сосед соседу!

Март 1841

К. К. ПАВЛОВОЙ

В те дни, когда мечты блистательно и живо
В моей кипели голове
И молодость мою поканчивал гульливо
Я в белокаменной Москве,
У Красных у ворот, в республике, привольной
Науке, сердцу и уму,
И упоениям веселости застольной,
И песнопенью моему;
В те дни, когда мою студенческую славу
Я оправдал при звоне чаш,
В те дни поэт я был, по долгу и по праву,
По преимуществу был ваш;
И воспевал я вас, и вы благоволили
Веселым юноши стихам,
Зане тогда сильны и сладкозвучны были
Мои стихи: спасибо вам!
И нынче я, когда прошло, как сновиденье,
Мое былое, всё сполна,
И мне одна тоска, одно долготерпенье,—
В мои крутые времена
Я вас приветствовал стихами; вы прекрасный
Ответ мне дали, и ответ
Восстановительный! Итак, я не напрасно
Еще гляжу на божий свет:
Еще сияет мне любезно, как бывало,
Благословенная звезда,
Звезда поэзии. О, мне и горя мало!
Мне хорошо, я хоть куда!

Март 1841
Ганау

ПЕСНЯ БАЛТИЙСКИМ ВОДАМ

Пою вас, балтийские воды! вы краше
Других, величайших морей;
Лазурно-широкое зеркало ваше
Свободнее, чище, светлей:
На нем не крутятся огромные льдины,
В щепы расшибая суда,
На нем не блуждают холмы и долины
И горы полярного льда,
В нем нет плотоядных и лютых чудовищ
И мерзостных гадов морских;
Но много прелестных и милых сокровищ:
Привол янтарей золотых
И рыбы вкуснейшей! Балтийские воды,
На вольной лазури своей
Носили вы часто, в старинные годы,
Станицы норманских ладей;
Слыхали вы песни победные скальда
И буйные крики войны,
И песню любви удалого Гаральда,
Певца непреклонной княжны;
Носили вы древле и грузы богатства
На Русь из немецкой земли,
Когда сограждáне ганзейского братства,
И Псков и Новгóрод цвели;
И ныне вы носите грозные флоты:
Нередко, в строю боевом,
Гуляют на вас громовые оплоты
Столицы, созданной Петром,
И тысячи, тьмы расписных пароходов
И всяких торговых судов
С людьми и вещами, всех царств и народов,
Из дальних и ближних краев.
О! вы достославны и в новые годы,
Как прежде; но песню мою,
Похвальную песню, балтийские воды,
Теперь я за то вам пою,
Что вы в ту годину, когда бушевала
На вас непогода — она
Ужасна, сурова была: подымала
Пучину с далекого дна,
И, силы пучинной и сумрака полны,
Громады живого стекла,
Качаяся, двигались шумные волны,
И бездна меж ними ползла;

И долго те волны бурлили, и строго
Они разбивали суда,
И долго та бездна зияла, и много
Пловцов поглотила,— тогда,
В те страшные дни роковой непогоды,
Почтенно уважили вы
Елагиных: вы их на невские воды
Примчали, и берег Невы
Счастливо их принял; за то вы мне краше
Всех южных и северных вод
Морских, и за то уважение ваше
Мой стих вам и честь отдает!

20 ноября 1841
Ганау

ЭЛЕГИЯ

Поденщик, тяжело навьюченный дровами,
Идет по улице. Спокойными глазами
Я на него гляжу: он прежних дум моих
Печальных на душу мне боле не наводит;
А были дни — и век я не забуду их —
Я думал: боже мой, как он счастли́в! он ходит!

12 декабря 1841
Ганау

Н. В. ГОГОЛЮ

Благословляю твой возврат
Из этой нехристи немецкой
На Русь, к святыне москворецкой!
Ты, слава богу, счастлив, брат:
Ты дома, ты уже устроил
Себе привольное житье;
Уединение свое
Ты оградил и успокоил
От многочисленных сует
И вредоносных наваждений
Мирских, от праздности и лени,
От празднословящих бесед
Высокой, верною оградой
Любви к труду и тишине;

И своенравно и вполне
Своей работой и прохладой
Ты управляешь, и цветет
Твое житье легко и пышно,
Как милый цвет в тени затишной,
У родника стеклянных вод!
А я по-прежнему в Ганау
Сижу, мне скука и тоска
Среди чужого языка:
И Гальм, и Гейне, и Ленау
Передо мной; усердно их
Читаю я, но толку мало;
Мои часы несносно вяло
Идут, как бесталанный стих;

Отрады нет. Одна отрада,
Когда перед моим окном
Площадку гладким хрусталем
Оледенит година хлада;
Отрада мне тогда глядеть,
Как немец скользкою дорогой
Идет, с подскоком, жидконогой,—
И бац да бац на гололедь!
Красноречивая картина
Для русских глаз! Люблю ее!
Но ведь томление мое
Пройдет же — и меня чужбина
Отпустит на святую Русь!
О! я, как плаватель, спасенный
От бурь и бездны треволненной,
Счастлив и радостен явлюсь
В Москву, что в пристань. Дай мне руку!
Пора мне дома отдохнуть;
Я перекочкал трудный путь,
Перетерпел тоску и скуку
Тяжелых лет в краю чужом!
Зато смотри: гляжу героем;
Давай же, брат, собща устроим
Себе приют и заживем!

1841
Ганау

ЭЛЕГИЯ

Бог весть, не втуне ли скитался
В чужих странáх я много лет!
Мой черный день не разгулялся,
Мне утешенья нет как нет.
Печальный, трепетный и томный
Назад, в отеческий мой дом,
Спешу, как птица в куст укромный
Спешит, забитая дождем.

1841
Швальбах

ЭЛЕГИЯ

На горы и леса легла ночная тень,
Темнеют небеса, блестит лишь запад ясный,—
То улыбается безоблачно-прекрасный
Спокойно, радостно кончающийся день

Конец 1841 или начало 1842

ГОРА

Взойди вон на эту безлесную гору,
Что выше окружных, подоблачных гор;
Душе там отрадно и вольно, а взору
Оттуда великий, чудесный простор.

Увидишь недвижное море громадных
Гранитных, ледяных и снежных вершин,
Отважные беги стремнин водопадных,
Расселины гор; логовища лавин,

Угрюмые пропасти, полные мглою,
И светлые холмы, поляны, леса,
И грады, и села внизу под тобою;
А выше тебя — лишь одни небеса!

Июль 1842

МОРЕ

Струится и блещет, светло как хрусталь,
Лазурное море, огнистая даль
Сверкает багрянцем, и ветер шумит
Попутный: легко твой корабль побежит;
Но, кормчий, пускаяся весело в путь,
Смотри ты, надежна ли медная грудь,
Крепки ль паруса корабля твоего,
Здоровы ль дубовые ребра его?
Ведь море лукаво у нас: неравнó
Смутится и вдруг обуяет оно,
И страшною силой с далекого дна
Угрюмая встанет его глубина,
Расходится, будет кипеть, бушевать
Сердито, свирепо — и даст себя знать!

1842
Венеция

ВЕСНА

Великолепный день! На мягкой мураве
Лежу,— ни облачка в небесной синеве!
Цветет зеленый луг; чистейший воздух горный
Прохладой сладостной и негой животворной
Струится в грудь мою,— и полон я весной!
И вот певец ее летает надо мной,
И звуки надо мной веселые летают!
И чувство дивное те звуки напевают
Мне на душу; даюсь невольно забытью
Волшебному, глаза невольно закрываю:
Легко мне, так легко, как будто я летаю,
Летáю и пою, летаю и пою!

Весна 1843
Рим

ЭЛЕГИЯ

Опять угрюмая, осенняя погода,
Опять расплакалась гаштейнская природа,
И плачет, бедная, она и ночь и день;

На горы налегла ненастной тучи тень,
И нет исходу ей! Душа во мне уныла:
Перед моим окном, бывало, проходила
Одна прекрасная; отколь и как сюда
Она явилася, не ведаю,— звезда
С лазурно-светлыми, веселыми глазами,
С улыбкой сладостной, с лилейными плечами.
Но и ее уж нет! О! я бы рад отсель
Лететь, бежать, идти за тридевять земель,
И хлад, и зной, и дождь, и бурю побеждая,
Туда, скорей туда, где, прелесть молодая,
Она господствует и всякий день видна:
Я думаю, что там всегдашняя весна!

10 июня 1843
Гаштейн

ЭЛЕГИЯ

И. П. Постникову

В тени громад снеговершинных,
Суровых, каменных громад
Мне тяжело от дум кручинных:
Кипит, шумит здесь водопад,
Кипит, шумит он беспрестанно,
Он усыпительно шумит!
Безмолвен лес и постоянно
Пуст, и невесело глядит;
А вон охлопья серой тучи,
Цепляясь зá лес, там и сям
Ползут, пушисты и тягучи,
Вверх к задремавшим небесам.
Ах, горы, горы! Прочь скорее
От них домой! Не их я сын!
На Русь! Там сердцу веселее
В виду смеющихся долин!

10 июня 1843
Вильдбад-Гаштейн

ЭЛЕГИЯ

И тесно и душно мне в области гор —
В глубоких вертепах, в гранитных лощинах;
Я вырос на светлых холмах и равнинах,
Привык побродить, разгуляться мой взор;

Мне своды небес чтоб высоко, высоко
Сияли открыты — туда и сюда,
По краю небес чтоб тянулась гряда
Лесистых пригорков, синеясь далеко,
Далеко; там дышит свободнее грудь!
А горы да горы... они так и давят
Мне душу, суровые: словно заставят
Они мне желанный на родину путь!

Июнь 1843
Вильдбад-Гаштейн

ЗЕМЛЕТРЯСЕНЬЕ

Всевышний граду Константина
Землетрясенье посылал,
И геллеспонтская пучина,
И берег с грудой гор и скал
Дрожали,— и царей палаты,
И храм, и цирк, и гипподром,
И стен градских верхи зубчаты,
И всё поморие кругом.

По всей пространной Византии,
В отверстых храмах, богу сил
Обильно пелися литии,
И дым молитвенных кадил
Клубился; люди, страхом полны,
Текли перед Христов алтарь:
Сенат, синклит, народа волны
И сам благочестивый царь.

Вотще. Их вопли и моленья
Господь во гневе отвергал.
И гул и гром землетрясенья
Не умолкал, не умолкал!
Тогда невидимая сила
С небес на землю низошла
И быстро отрока схватила
И выше облак унесла.

И внял он горнему глаголу
Небесных ликов: свят, свят, свят!
И песню ту принес он долу,

Священным трепетом объят,
И церковь те слова святыя
В свою молитву приняла,
И той молитвой Византия
Себя от гибели спасла.

Так ты, поэт, в годину страха
И колебания земли
Носись душой превыше праха
И ликам ангельским внемли,
И приноси дрожащим людям
Молитвы с горней вышины,
Да в сердце примем их и будем
Мы нашей верой спасены.

18 апреля 1844

А. П. ЕЛАГИНОЙ

Я знаю, в дни мои былые,
В дни жизни радостной и песен удалых,
Вам нравились мои восторги молодые
И мой разгульный, звонкий стих;
И знаю я, что вы и ныне,
Когда та жизнь моя давно уже прошла —
О ней же у меня осталось лишь в помине,
Как хороша она была
И, приголубленная вами
И принятая в ваш благословенный круг,
Полна залетными, веселыми мечтами,
Любя студентский свой досуг,—
И ныне вы, как той порою,
Добры, приветливы и ласковы ко мне,
Так я и думаю, надеюсь всей душою,
Так и уверен я вполне,
Что вы и ныне доброхотно
Принос мой примете, и сердцу моему
То будет сладостно, отрадно и вольготно.
И потому, и потому
Вам подношу и посвящаю
Я новую свою поэзию, цветы
Суровой, сумрачной годины; в них, я знаю,
Нет достодолжной красоты:
Ни бодрой, юношеской силы,

Ни блеска свежести пленительной; но мне
Они и дороги и несказанно милы;
Но в чужедальной стороне
Волшебно ими оживлялось
Мне одиночество туманное мое;
Но, ими скрашено, сноснее мне казалось
Мое печальное житье.

Весна 1844

А. Д. ХРИПКОВУ

Тебе и похвала и слава подобает!
Ты с первых юношеских лет
Не изменял себе: тебя не соблазняет
Мишурный блеск мирских сует;
Однажды навсегда предавшися глубоко
Одной судьбе, одной любви
Прекрасной, творческой, и чистой, и высокой,
Ей верен ты, и дни твои
Свободою она украсила, святая
Любовь к искусству, и всегда
Создания твои пленительны, блистая
Живым изяществом труда;
Любуюсь ими я: вот речка меж кустами
Крутой излучиной бежит,
Светло отражены прозрачными струями
Ряды черемух и ракит,
Лиющийся хрусталь едва-едва колышет
Густоветвистую их тень,
Блестит как золото, тяжелым зноем дышит
Палящий, тихий летний день,
И вот купальницы, вот ясною волною
Игривый обнял водобег
Прелестный, юный стан, вот руки над водою
И груди белые как снег,
И черными на них рассыпалась змеями
Великолепная коса!
Вот горы и Кавказ; сияют над горами
Пышнее наших небеса;
Вот груды голых скал, угрюмые теснины,
Где-где кустарник; вот Дарьял
И тот вертеп, куда с заоблачной вершины
Казбека падает обвал!

Вот Терек! Это он летучей пеной блещет,
Несется, дик и силы полн,
Неистово кипит, высоко в берег хлещет;
Несется буря белых волн,
По звонкому руслу, с глухим, громовым гулом,
Гоня станицу валунов!
Вот хижины, аул и сад перед аулом,
И купы низменных холмов;
За ними, с края в край, синеяся пустынно,
Идет уныло гладь степей
Под яркий небосклон; курган островершинный
Один возвысился над ней,
Давно безмолвный гроб, воздвигнутый герою,
Вождю исчезнувших племен,
Иль памятник войны, сокрывший под собой
Тьму человеческих имен!
Вот двух безлесных гор обрывы полосаты,
И плющ зеленый по скалам
Взвился́; вот чистый лес и луговые скаты
Горы Ермолова! Вон там,
Бывало, отдыхал муж доблести и боя,
Державший в трепете Кавказ...
Вот быстрая Кубань, волнами скалы роя,
Сердито пенясь и клубясь,
Летит клокочущим, широким водопадом
Между утесов и стремнин!
Вот крепость, домики, поставленные рядом,
И строй чинаров и раин,
Воинский частокол с рогаткой и заставой,
Налево холм и мелкий лес,
А дале царство гор громадою стоглавой
Загородило полнебес,
И в солнечных лучах заоблачные льдины,
Как звезды, светятся над ней,
Порфирного кряжа́ алмазные вершины,
Короны каменных царей!
Подробно, медленно созданьями твоими
Любуюсь я, всегда я рад
Хвалить их; весело беседовать мне с ними:
Они живут и говорят!
Но полно рисовать тебе Кавказ!.. Еще ли
Тебя он мало занимал?
Покинь, покинь страну обвалов и ущелий,
Ужасных пропастей и скал,

Где кроется разбой кровавый и проворный
В глуши вертепов и теснин...
Иди ты к нам с твоей палитрой животворной,
В страну раздолий и равнин,
Где, величавые изгибы расстилая
Своих могущественных вод,
Привольно, широко красуясь и сияя,
Лазурно-светлая течет
Царица русских рек, течет, ведя с собою
Красивы, пышны берега
И кипы островов над зёркальной водою,
Холмы, дубравы и луга...
Иди туда, рисуй картины Волги нашей!
И верь мне, будут во сто раз
Они еще живей, пленительней и краше,
Чем распрекрасный твой Кавказ.

4 ноября 1844

ПОДРАЖАНИЕ ПСАЛМУ

Блажен, кто мудрости высокой
Послушен сердцем и умом,
Кто при лампаде одинокой
И при сиянии дневном
Читает книгу ту святую,
Где явен божеский закон:
Он не пойдет в беседу злую,
На путь греха не ступит он.

Ему не нужен пир разврата;
Он лишний гость на том пиру,
Где брат обманывает брата,
Сестра клевещет на сестру;
Ему не нужен праздник шумный,
Куда не входят стыд и честь,
Где суесловят вольнодумно
Хула, злоречие и лесть.

Блажен!.. как древо у потока
Прозрачных, чистых, светлых вод
Стоит,— и тень его широка
Прохладу страннику дает,
И зеленеет величаво
Оно, красуяся плодом,

И своевременно и здраво
Растет и зреет плод на нем!

Таков он, муж боголюбивый;
Всегда, во всех его делах
Ему успех, а злочестивый...
Тот не таков; он словно прах!..
Но злочестивый прав не будет,
Он на суде не устоит,
Зане господь не лестно судит
И беззаконного казнит.

Ноябрь 1844

А. В. КИРЕЕВОЙ

Сильно чувствую и знаю
Силу вашей красоты:
Скромно голову склоняю
И смиренные мечты
Перед ней. Когда б вы жили
Между греков в древни дни,
Греки б вас боготворили,
Вам построили б они
Беломраморные храмы,
Золотые алтари,
Где б горели фимиамы
От зари и до зари;
Вас и царственная Гера
Невзлюбила б и гнала
Непощадно б и Венера
Вам покоя б не дала
За измены и обиды
Олимпийцев и людей...
Нынче Геры и Киприды
Вам не страшны... Но, ей-ей,
Я бы рад краеугольный
Камень храма положить,
И алтарь вам богомольный
Всенародно посвятить,
Где б усердно, непрестанно
Беспокоился я сам,
Соблюдая постоянный
Жаркий, пылкий фимиам.

Ноябрь 1844

К НЕНАШИМ

О вы, которые хотите
Преобразить, испортить нас
И онемечить Русь, внемлите
Простосердечный мой возгла́с!
Кто б ни был ты, одноплеменник
И брат мой: жалкий ли старик,
Ее торжественный изменник,
Ее надменный клеветник;
Иль ты, сладкоречивый книжник,
Оракул юношей-невежд,
Ты, легкомысленный сподвижник
Беспутных мыслей и надежд;
И ты, невинный и любезный,
Поклонник темных книг и слов,
Восприниматель достослезный
Чужих суждений и грехов;
Вы, люд заносчивый и дерзкой,
Вы, опрометчивый оплот
Ученья школы богомерзкой,
Вы все — не русский вы народ!

Не любо вам святое дело
И слава нашей старины;
В вас не живет, в вас помертвело
Родное чувство. Вы полны
Не той высокой и прекрасной
Любовью к родине, не тот
Огонь чистейший, пламень ясный
Вас поднимает; в вас живет
Любовь не к истине и благу!
Народный глас — он божий глас —
Не он рождает в вас отвагу:
Он чужд, он странен, дик для вас.
Вам наши лучшие преданья
Смешно, бессмысленно звучат;
Могучих прадедов деянья
Вам ничего не говорят;
Их презирает гордость ваша.
Святыня древнего Кремля,
Надежда, сила, крепость наша —
Ничто вам! Русская земля
От вас не примет просвещенья,
Вы страшны ей: вы влюблены

В свои предательские мненья
И святотатственные сны!
Хулой и лестию своею
Не вам ее преобразить,
Вы, не умеющие с нею
Ни жить, ни петь, ни говорить!
Умолкнет ваша злость пустая,
Замрет неверный ваш язык:
Крепка, надежна Русь святая,
И русский бог еще велик!

6 декабря 1844

КОНСТАНТИНУ АКСАКОВУ

Ты молодец! В тебе прекрасно
Кипит, бурлит младая кровь,
В тебе возвышенно и ясно
Святая к родине любовь
Пылает. Бойко и почтенно
За Русь и наших ты стоишь;
Об ней поешь ты вдохновенно,
Об ней ты страстно говоришь.
Судьбы великой, жизни славной
На много, много, много дней,
И самобытности державной,
И добродетельных царей,
Могучих силою родною,
Ты ей желаешь. Мил мне ты:
Сияют светлой чистотою
Твои надежды и мечты.
Дай руку мне! Но ту же руку
Ты дружелюбно подаешь
Тому, кто гордую науку
И торжествующую ложь
Глубокомысленно становит
Превыше истины святой,
Тому, кто нашу Русь злословит
И ненавидит всей душой
И кто неметчине лукавой
Передался.— И вслед за ней,
За госпожою величавой,
Идет, блистательный лакей...

А православную царицу
И матерь русских городов
Сменять на пышную блудницу
На вавилонскую готов!
Дай руку мне! Смелей, мужайся,
Святым надеждам и мечтам
Вполне служи, вполне вверяйся,
Но не мирволь своим врагам.

20 декабря 1844

К ЧААДАЕВУ

Вполне чужда тебе Россия,
Твоя родимая страна!
Ее предания святые
Ты ненавидишь все сполна.

Ты их отрекся малодушно,
Ты лобызаешь туфлю пап,—
Почтенных предков сын ослушный,
Всего чужого гордый раб!

Свое ты всё презрел и выдал,
Но ты еще не сокрушен;
Но ты стоишь, плешивый идол
Строптивых душ и слабых жен!

Ты цел еще: тебе доныне
Венки плетет большой наш свет,
Твоей презрительной гордыне
У нас находишь ты привет.

Как не смешно, как не обидно,
Не страшно нам тебя ласкать,
Когда изволишь ты бесстыдно
Свои хуленья изрыгать

На нас, на всё, что нам священно,
В чем наша Русь еще жива.
Тебя мы слушаем смиренно;
Твои преступные слова

Мы осыпаем похвалами,
Друг другу их передаем

Страннопреимными устами
И небрезгливым языком!

А ты тем выше, тем ты краше;
Тебе угоден этот срам,
Тебе любезно рабство наше.
О горе нам, о горе нам!

25 декабря 1844

Я. П. ПОЛОНСКОМУ

Благодарю тебя за твой подарок милый,
Прими радушный мой привет!
Стихи твои блистают силой
И жаром юношеских лет,
И сладостно звучат, и полны мысли ясной;
О! пой, пленительный певец,
Лаская чисто и прекрасно
Мечты задумчивых сердец;
И пой, как соловей поет в затишье сада
Свою весну, свою любовь,
И в пеньи том и вся награда
Ему за пенье вновь и вновь,
И слушают его, и громко раздается,
И гонит сон от ложа дев,
И так и льется, так и льется
Его серебряный напев.

1844

С. П. ШЕВЫРЕВУ

Тебе хвала, и честь, и слава!
В твоих Беседах ожила
Святая Русь — и величава
И православна, как была:
В них самобытная, родная
Заговорила старина,
Нас к новой жизни подымая
От унижения и сна.

Ты добросовестно и смело
И чистой, пламенной душой
Создал свое святое дело,
И, возбужденная тобой,
Красноречиво рукоплещет
Тебе великая Москва!
Так пусть же на тебя клевещет
Мирская, глупая молва!

Твои враги... они чужбине
Отцами проданы с пелен;
Русь неугодна их гордыне,
Им чужд и дик родной закон,
Родной язык им непонятен,
Им безответна и смешна
Своя земля, их ум развратен,
И совесть их прокажена.

Так их не слушай — будь спокоен
И не смущайся их молвой,
Науки жрец и правды воин!
Благословится подвиг твой;
Уже он много дум свободных,
И много чувств, и много сил
Святых, родных, своенародных
Восстановил и укрепил.

Начало 1845

В АЛЬБОМ

Дороже перлов многоценных
Благочестивая жена!
Чувств непорочных, дум смиренных
И всякой тихости полна.
Она достойно мужа любит,
Живет одною с ним душой,
Она труды его голубит,
Она хранит его покой,
И счастье мужа — ей награда
И похвала,— и любо ей,
Что меж старейшинами града
Он знатен мудростью речей,
И что богат он чистой славой
И силен в общине своей;

Она воспитывает здраво
И бережет своих детей:
Она их мирно поучает
Благим и праведным делам,
Святую книгу им читает,
Сама их водит в божий храм;
Она блюдет порядок дома:
Ей мил ее семейный круг,
Мирская праздность незнакома
И чужд бессмысленный досуг.
Не соблазнят ее желаний
Ни шум блистательных пиров,
Ни вихрь полуночных скаканий
И сладки речи плясунов,
Ни говор пусто-величавый
Бездушных, чопорных бесед,
Ни прелесть роскоши лукавой,
Ни прелесть всяческих сует.
И дом ее боголюбивый
Цветет добром и тишиной,
И дни ее мелькают живо
Прекрасной, светлой чередой;
И никогда их не смущает
Обуревание страстей:
Господь ее благословляет,
И люди радуются ей.

1 мая 1845

СТИХИ НА ОБЪЯВЛЕНИЕ ПАМЯТНИКА ИСТОРИОГРАФУ Н. М. КАРАМЗИНУ

Посвящаются А. И. Тургеневу

Он *памятник себе воздвиг чудесный, вечный,*
Достойный праведных похвал,
И краше, чем кумир иль столб каменосечный,
И тверже, чем литой металл!
Тот славный памятник, отчизну украшая,
О нем потомству говорит
И будет говорить, покуда Русь святая
Самой себе не изменит!
Покуда внятны ей родимые преданья
Давно скончавшихся веков

Про светлые дела, про лютые страданья,
Про жизнь и веру праотцов;
Покуда наш язык, могучий и прекрасный,
Их вещий, их заветный глас,
Певучий и живой, звучит нам сладкогласно,
И есть отечество у нас!

Любя отечество душою просвещенной
И славу русскую любя,
Труду высокому обрек он неизменно
Все дни свои, всего себя;
И полон им одним и с ним позабывая
Призыв блистательных честей,
И множество сует, какими жизнь мирская
Манит к себе, влечет людей
В свои объятия, и силу, и отвагу,
И жажду чистого труда,
И пылкую любовь к отечеству и благу
Мертвит и душит навсегда,—
В тиши работал он, почтенный собеседник
Простосердечной старины,
И ей сочувствуя, и правды проповедник,
И не наемник новизны!
Сказанья праотцов судил он нелукаво,
Он прямодушно понимал
Родную нашу Русь,— и совершил со славой
Великий подвиг: написал
Для нас он книгу книг — и ясною картиной
В ней обновилась старина.

Вот первые князья с варяжскою дружиной,
И веют наши знамена́
У цареградских стен! Вот Русь преображает
Владимир — солнце древних лет,
И с киевских высот ей царственно сияет
Креста животворящий свет!
Вот Ярослав, вот век усобицы кровавой,
Раздор и трата бодрых сил;
Вот благодушные и смелые Мстиславы,
И Мономах, и Даниил!
Вот страшный божий гнев: по всей земле тревога
И шумны полчища татар;
Им степь широкая как тесная дорога;
Везде война, везде пожар,

И русские князья с поникшими главами
Идут в безбожную Орду!
Вот рыцарство меча с железными полками
И их побоище на льду;
Великий Новгород с своею бурной волей,
И Псков, Новугороду брат;
Москва, святитель Петр, и Куликово поле;
Вот уничтоженный Ахмат;
Великий Иоанн, всей Руси повелитель,—
И вот наш *Грозный*, внук его,
Трех мусульманских царств счастливый покоритель —
И кровопийца своего!
Неслыханный тиран, мучитель непреклонный,
Природы ужас и позор!
В Москве за казнью казнь; у плахи беззаконной
Весь день мясничает топор.
По земским городам толпа кромешных бродит,
Нося грабеж, губя людей,
И, бешено-свиреп, сам царь ее предводит,
Глава усердных палачей!
И ты, в страданиях смертельных цепенея,
Ты все кровавые дела,
Весь дикий произвол державного злодея,
Спокойно ты перенесла,
Святая Русь! Но суд истории свободно
Свой приговор ему изрек;
Царя-мучителя он проклял всенародно
Из рода в род, из века в век!
Вот сын тирана,— царь-смиренник молчаливый,
Молитва, пост и тишина,
И отдохнул народ под властью незлобивой,
И царству слава отдана.
Правитель Годунов; вот сам он на престоле;
Но тень из гроба восстает,
И гибнет царь Борис: его не любит боле,
Его не хочет свой народ!
Бродяга царствует, воспитанник латинства,
Он презирает наш закон,
В Кремле он поселил соблазны и бесчинства,
Ночных скаканий шум и звон,
И песни буйные, и струнное гуденье...
Но чу! набат и грозен крик!
И бурно в Кремль идет народное волненье...
Долой венчанный еретик!

Вот Шуйский, мятежи — и самозванец новый,
Клеврет строптивых поляков;
Вот Михаил Скопин и братья Ляпуновы!
Вот сотня доблих чернецов,
Противу тьмы врагов громовая твердыня.
В Москве знамена короля...
В плену священный Кремль... поругана святыня.
Мужайся, Русская земля!

Великий подвиг свой он совершил со славой!
О! сколько дум рождает в нас,
И задушевных дум, текущий величаво
Его пленительный рассказ,
И ясный и живой, как волны голубые
Реки, царицы русских вод,
Между холмов и гор, откуда он впервые
Увидел солнечный восход!
Он будит в нас огонь прекрасный и высокой,
Огонь чистейший и святой,
Уже недвижный в нас, заглохший в нас глубоко
От жизни блудной и пустой,—
Любовь к своей земле. Нас, преданных чужбине,
Красноречиво учит он
Не рабствовать ее презрительной гордыне,
Хранить в душе родной закон,
Надежно уважать свои родные силы,
Спасенья чаять только в них,
В себе,— и не плевать на честные могилы
Могучих прадедов своих!
Бессмертен Карамзин! Его бытописанья
Не позабудет русский мир,
И памяти о нем не нужны струн бряцанья,
Не нужен камень иль кумир:
Она без них крепка в отчизне просвещенной...
Но слава времени, когда
И мирный гражданин, подвижник незабвенный
На поле книжного труда,
Венчанный славою, и гордый воевода,
Герой счастливый на войне,
Стоят торжественно перед лицом народа
Уже на ровной вышине!

25 октября 1845

И. С. АКСАКОВУ

Прекрасны твои песнопенья живые,
И сильны, и чисты, и звонки они,—
Да будут же годы твои молодые
Прекрасны, как ясные вешние дни!
Беги ты далече от шумного света,
Не знай вавилонских работ и забот;
Живи ты высокою жизнью поэта
И пой, как дубравная птица поет
На воле; и если тебя очарует
Красавица роза — не бойся любви;
Пускай она нежит, томит и волнует
Глубоко все юные силы твои:
В груди благородной любовь пробуждает
Высокие чувства — и, ею полна,
Светло, сладкозвучно бежит и сверкает
Сердечного слова живая волна.
Беспечно и смело любви предавайся,
Поэт! И без умолку пой ты об ней
Счастливые песни, и весь выпевайся
Красавице розе, певец-соловей!
И бури и грозы чтоб век не взрывали
Тех сеней, где счастье себе ты нашел,
И песням твоим чтобы там не мешали
Ни кошка-цензура, ни критик-осел.

31 октября 1845

К БАРОНЕССЕ Е. Н. ВРЕВСКОЙ

Я помню вас! Вы неизменно
Блестите в памяти моей —
Звезда тех милых, светлых дней,
Когда, гуляка вдохновенный
И полный свежих чувств и сил,
Я в мир прохлады деревенской
Весь свой разгул души студентской
В ваш дом и сад переносил;
Когда прекрасно, достохвально
Вы угощали нас, двоих
Певцов,— и был один из них
Сам Пушкин (в оны дни опальный
Пророк свободы), а другой...

Другой был я, его послушник,
Его избранник и подручник,
И собутыльник молодой.
Как хорошо тогда мы жили!
Какой огонь нам в душу лили
Стаканы жженки ромово́й!
Ее вы сами сочиняли:
Сладка была она, хмельна,
Ее вы сами разливали,
И горячо пилась она!
Стаканы быстро подымались
К веселым юношей устам,
И звонко, звонко целовались,
Сто раз звеня приветы вам!
Другой был я — и мной воспета
Та наша славная гульба!
С тех пор прошли уж многи лета,
И гонит вашего поэта
Бесчеловечная судьба...
Но вас я помню постоянно,
Но вы блестите бестуманно
В счастливой памяти моей —
Звезда тех милых, светлых дней,
Когда меня ласкала радость...
Примите ж ныне мой поклон
За восхитительную сладость
Той жженки пламенной, за звон,
Каким стучали те стаканы
Вам похвалу; за чистый хмель,
Каким в ту пору были пьяны
У вас мы ровно шесть недель;
Поклон за то, что и поныне,
В моей болезненной кручине,
Я верно, живо помню вас,
И взгляд радушный и огнистый
Победоносных ваших глаз,
И ваши кудри золотисты
На пышных склонах белых плеч,
И вашу сладостную речь,
И ваше сладостное пенье
Там у окна, в виду пруда...
Ах, помню, помню и волненье,
Во мне кипевшее тогда...

11 ноября 1845

К. К. ПАВЛОВОЙ

В достопамятные годы
Милой юности моей
Вы меня, певца свободы
И студентских кутежей,
Восхитительно ласкали —
И легко мечты мои
Разгорались и пылали
Вдохновением любви;
И легко и сладкогласно
Мой счастливый стих звучал,
Выговаривая ясно
Много, много вам похвал!
Поэтически-живая
Отцвела весна моя,
И дана мне жизнь иная
И тяжелая — но я...
Тот же я: во мне сохранно
Уцелели той поры
Благодатной, бестуманной
Драгоценные дары:
Сердца чистая любовность
И во всякий день и час
Достохвальная готовность
Воспевать и славить вас
Громко, живо, самозвонно!
И теперь, когда, увы!
Чересчур неблагосклонно
На меня глядите вы —
Потому что за родную
Старину и за своих
На врагов и нехристь злую
Восстает мой русский стих,
Потому что не хочу я
Немчуры и не даюсь
Ей в неволю, и люблю я
Долефортовскую Русь,—
И теперь, когда опалой
Поразили вы меня,
Неприязнью небывалой
Беззащитного гоня,
И теперь я ваш глубокий
Почитатель и готов
Вас по-прежнему высоко
Славить множеством стихов.

Я себе не изменяю,
Потому что с юных лет
Ясно вижу, твердо знаю,
Что тем паче я поэт,
И тем выше, и тем краше
Достославное мое
Песнопенье, что я ваше
Неизменное копье!

28 апреля 1846

САМПСОН

А. С. Хомякову

На праздник стеклися в божницу Дагона
Народ и князья Филистимской земли,
Себе на потеху они — и Сампсона
В оковах туда привели,

И шумно ликуют. Душа в нем уныла,
Он думает думу: давно ли жила,
Кипела в нем дивная, страшная сила,
Израиля честь и хвала!

Давно ли, дрожа и бледнея, толпами
Враги перед ним повергались во прах,
И львиную пасть раздирал он руками,
Ворота носил на плечах!

Его соблазнили Далиды прекрасной
Коварные ласки, сверканье очей,
И пышное лоно, и звук любострастный
Пленительных женских речей;

В объятиях неги его усыпила
Далида и кудри остригла ему,—
Зане в них была его дивная сила,
Какой не дано никому!

И бога забыл он, и падшего взяли
Сампсона враги, и лишился очей,
И грозные руки ему заковали
В медяную тяжесть цепей.

Жестоко поруган и презрен, томился
В темнице и мельницу двигал Сампсон;
Но выросли кудри его, но смирился,
И богу покаялся он.

На праздник Дагона его из темницы
Враги привели,— и потеха он им!
И старый, и малый, и жены-блудницы,
Ликуя, смеются над ним.

Безумные! бросьте свое ликованье!
Не смейтесь, смотрите, душа в нем кипит:
Несносно ему от врагов поруганье,
Он гибельно вам отомстит!

Незрячие очи он к небу возводит,
И зыблется грудь его, гневом полна;
Он слышит: бывалая сила в нем бродит,
Могучи его рамена.

«О, дай мне погибнуть с моими врагами!
Внемли, о мой боже, последней мольбе
Сампсона!» — И крепко схватил он руками
Столбы и позвал их к себе.

И вдруг оглянулись враги на Сампсона,
И страхом и трепетом обдало их,
И пала божница... и праздник Дагона
Под грудой развалин утих...

1 мая 1846

* * *

Сияет яркая полночная луна
На небе голубом; и сон и тишина
Лелеят и хранят мое уединенье.
Люблю я этот час, когда воображенье
Влечет меня в тот край, где светлый мир наук,
Привольное житье и чаш веселый стук,
Свободные труды, разгульные забавы,
И пылкие умы, и рыцарские нравы...
Ах, молодость моя, зачем она прошла!

И ты, которая мне ангелом была
Надежд возвышенных, которая любила
Мои стихи; она, прибежище и сила
И первых нежных чувств и первых смелых дум,
Томивших сердце мне и волновавших ум,
Она — ее уж нет, любви моей прекрасной!
Но помню я тот взор, и сладостный и ясный,
Каким всего меня проникнула она:
Он безмятежен был, как неба глубина,
Светло-спокойная, исполненная бога —
И грудь мою тогда не жаркая тревога
Земных надежд, земных желаний потрясла;
Нет, гармонической тогда она была,
И были чувства в ней высокие, святые,
Каким доступны мы, когда в часы ночные
Задумчиво глядим на звездные поля:
Тогда бесстрастны мы, и нам чужда земля,
На мысль о небесах промененная нами!
О, как бы я желал бессмертными стихами
Воспеть ее, красу счастливых дней моих!
О, как бы я желал, хотя б единый стих
Потомству передать ее животворящий,
Чтоб был он тверд и чист, торжественно звучащий,—
И, словно блеском дня и солнечных лучей,
Играл бы славою и радостью о ней.

1846(?)

СКАЗКИ • ПОЭМА

СКАЗКА О ПАСТУХЕ И ДИКОМ ВЕПРЕ

Дм. Ник. Свербееву

Дай, напишу я сказку! Нынче мода
На этот род поэзии у нас.
И грех ли взять у своего народа
Полузабытый, небольшой рассказ?
Нельзя ль его немного поисправить
И сделать ловким, милым; как-нибудь
Обстричь, переодеть, переобуть
И на Парнас торжественно поставить?
Грех не велик, да не велик и труд!
Но ведь поэт быть должен человеком
Несвоенравным, чтоб не рознить с веком:
Он так же пой, как прочие поют!
Не то его накажут справедливо:
Подобно сфинксу, век пожрет его;
Зачем, дескать, беспутник горделивый,
Не разгадал он духа моего! —
И вечное, тяжелое забвенье...
Уф! не хочу! Скорее соглашусь
Не пить вина, в котором вдохновенье,
И не влюбляться.— Я хочу, чтоб Русь,
Святая Русь, мои стихи читала
И сберегла на много, много лет;
Чтобы сама история сказала,
Что я презнаменитейший поэт.

Какую ж сказку? Выберу смиренно
Не из таких, где грозная вражда
Царей и царств, и гром, и крик военный,
И рушатся престолы, города;
Возьму попроще, где б я беззаботно
Предаться мог фантазии моей
И было б нам спокойно и вольготно,
Как соловью в тени густых ветвей.

Ну, милая! гуляй же, будь как дома,
Свободна будь, не бойся никого;
От критики не будет нам погрома:
Народность ей приятнее всего!
Когда-то мы недурно воспевали
Прелестниц, дружбу, молодость; давно
Те дни прошли; но в этом нет печали,
И это нас тревожить не должно!
Где жизнь, там и поэзия! Не так ли?
Таков закон природы. Мы найдем
Что петь нам: силы наши не иссякли,
И, право, мы едва ли упадем,
Какую бы ни выбрали дорогу;
Робеть не надо — главное же в том,
Чтоб знать себя — и бодро понемногу
Вперед, вперед! — Теперь же и начнем.

Жил-был король; предание забыло
Об имени и прозвище его;
Имел он дочь. Владение же было
Лесистое у короля того.
Король был человек миролюбивый,
И долго жил в своей глуши лесной
И весело, и тихо, и счастливо,
И был доволен этакой судьбой;
Но вот беда: неведомо откуда
Вдруг проявился дикий вепрь и стал
Шалить в лесах и много делал худа;
Проезжих и прохожих пожирал,
Безлюдели торговые дороги,
Все вздорожало; противу него
Король тогда же принял меры строги;
Но не было в них пользы ничего:
Воотще в лесах зык рога раздавался,
И лаял пес, и бухало ружье;
Свирепый зверь, казалось, посмевался
Придворным ловчим, продолжал свое,
И наконец встревожил он ужасно
Все королевство; даже в городах,
На площадях, на улицах опасно;
Повсюду плач, уныние и страх.
Вот, чтоб окончить вепревы проказы
И чтоб людей осмелить на него,
Король послал окружные указы
Во все места владенья своего

И объявил: что, кто вепря́ погубит,
Тому счастливцу даст он дочь свою
В замужство — королевну Илию,
Кто б ни был он, а зятя сам полюбит,
Как сына. Королевна же была,
Как говорят поэты, диво мира:
Кровь с молоком, румяна и бела,
У ней глаза — два светлые сапфира,
Улыбка слаще меда и вина,
Чело как радость, груди молодые
И полные, и кудри золотые,
И, сверх того, красавица умна.
В нее влюблялись юноши душевно;
Ее прозвали кто своей звездой,
Кто идеалом, девой неземной,
Все вообще прекрасной королевной.
Отец ее лелеял и хранил,
И жениха ей выжидал такого
Царевича, красавца молодого,
Чтоб он ее вполне достоин был.
Но королевству гибелью грозил
Ужасный вепрь, и мы уже читали
Указ, каким в своей большой печали
Король судьбу дочернину решил.

Указ его усердно принят был:
Со всех сторон стрелки и собачеи
Пустилися на дикого вепря:
Яснеет ли, темнеет ли заря,
И днем и ночью хлопают фузеи,
Собаки лают и рога ревут;
Ловцы кричат, и свищут, и храбрятся,
Крутят усы, атукают, бранятся,
И хвастают, и ерофеич пьют;
А нет им счастья.— Месяц гарцевали
В отъезжем поле, здесь и тут и там,
Лугов и нив довольно потоптали
И разошлись угрюмо по домам —
Опохмеляться. Вепрь не унимался.
Но вот судьба: шел по лесу пастух,
И невзначай с тем зверем повстречался;
Сначала он весьма перепугался
И побежал от зверя во весь дух;
«Но ведь мой бег не то, что бег звериный!» —
Подумал он и поскорее взлез

На дерево, которое вершиной
Кудрявою касалося небес,
И виноград пурпурными кистями
Зелены ветви пышно обвивал.
Озлился вепрь — и дерево клыками
Ну подрывать, и крепкий ствол дрожал.
Пастух смутился: «Ежели подроет
Он дерево, что делать мне тогда?»
И пастуха мысль эта беспокоит:
С ним лишь топор, а с топором куда
Против вепря́! Постой же. Ухитрился
Пастух, и начал спелы ветви рвать,
И с дерева на зверя их бросать,
И ждал, что́ будет? Что же? Соблазнился
Свирепый зверь — стал кушать виноград.
И столько он покушал винограду,
Что с ног свалился, пьяный до упаду,
Да и заснул.— Пастух сердечно рад,
И мигом он оправился от страха
И с дерева на землю соскочил,
Занес топор и с одного размаха
Он шеищу вепрю́ перерубил.
И в тот же день он во дворец явился
И притащил убитого вепря́
С собой. Король победе удивился
И пастуха ласкал, благодаря
За подвиг. С ним разделался правдиво,
Не отперся от слова своего,
И дочь свою он выдал за него;
И молодые зажили счастливо.
Старик был нежен к зятю своему
И королевство отказал ему.

Готова сказка! Весел я, спокоен.
Иди же в свет, любезная моя!
Я чувствую, что я теперь достоин
Его похвал и что бессмертен я.
Я совершил не шуточное дело,
Покуда и довольно. Я могу
Поотдохнуть и полениться смело,
И на Парнасе долго ни гу-гу!

1835

ЖАР-ПТИЦА

Драматическая сказка

1

Царь Выслав и министр его.
Министр держит блюдо с яблоками.

Царь Выслав

Вот яблоки так яблоки, на славу!
Могу сказать, что лучшие плоды
На всей земле, единственные. Чудо!
Цвет как янтарь иль золото. Как чисты,
Прозрачны и блестящи! Словно солнце,
Любуясь ими, оставляет в них
Свои лучи. А вкус! Не то что сахар
Иль мед,— гораздо тоньше, выше: он
Похож на ту разымчивую сладость,
Которая струится в душу, если,
Прильнув устами к розовым устам
Любовницы прелестно-молодой,
Закроешь взор — и тихо, тихо, тихо
Из милых уст в себя впиваешь негу:
То пламенный и звонкий поцелуй,
То медленный и томный вздох. Так точно.

(*Кушает яблоко.*)

Поверишь ли, что иногда бывает
Со мною! Странно! Яблоко возьму
И закушу, да вдруг и позабудусь,
И полетят и полетят мечты!
И кровь во мне играет: целый час
Сижу недвижно с яблоком в руке
И на него смотрю неравнодушно;
А сам не ем вкуснейшего плода!
Прекрасный плод! И мне какая слава,
Какая слава подданным моим,
Что у меня в саду такая сладость
Растет и зреет! Только у меня!
Зато уж как я радуюсь, когда
Приходит лето и пора... Однако ж
Мне кажется — и вот уже дня с два,
Как замечаю то же,— прежде больше
Ты приносил мне яблоков. Не так ли?
Ведь так?

Министр

Их было больше, государь!

Царь Выслав

Их было больше! Отчего ж теперь?..
Куда ж они деваются? Послушай:
Я не шучу. Ты знаешь, что никто,
Кроме царя, во всей моей державе,
Не должен есть их, что никто никак
Не должен сметь подумать, что он может
Их есть. Так я постановил законом;
Куда ж ты их деваешь? Говори...

Министр

Прости меня, великий государь!
Я виноват...

Царь Выслав

Какой же ты министр!..
И хорошо ты служишь мне, когда
Ты не радеешь именно о том,
Что мне всего милее!

Министр

Государь!
Сыздетства я привык служить царю,
Всегда, везде: под черной ризой ночи
И при дневном сиянии небес,
В блистательных чертогах богача,
И в сумрачной лачуге селянина,
На сходбище народном и в глуши,
Всегда, везде умел я царску волю
Решительно и грозно совершать
Во всех ее оттенках и видах;
И службою моею не гнушались
Мои цари великие. Меня
И ласками и многими дарами
Не оставляли. Мудрый Зензивей,
Дед твоего величества, всегда
Мне жаловал знатнейшие чины;
Твой батюшка, премудрый царь Андрон,
Не отвергал советов...

Царь Выслав

Знаю, знаю!
Да не об том я спрашивал тебя:
Я не люблю речей окольных, длинных;
Мне говори и коротко, и прямо,
А в сторону от дела не виляй.

Министр

Я виноват, что не дерзнул доселе
Открыть тебе великую беду,
Тяжелое общественное горе:
В твой царский сад повадилась Жар-Птица
И яблоки заветные ворует,
И прилетает кажду ночь, и яблонь
Несчастная теперь едва похожа
На прежнюю любимицу твою.

Царь Выслав

Поймать Жар-Птицу! Что это за птица?

Министр

Прекрасная, диковинная птица!
У ней глаза подобны хрусталю
Восточному, а перья золотые,
И блещут ярко...

Царь Выслав

Всё-таки поймать!

Министр

Поймать ее! Могуче это слово
Державное, да малосильны мы,
Твои рабы, явить его на деле.
Твои рабы усердные, Жар-Птицу
Уж мы давным-давно подстерегаем!
Устроены засады, караулы
И оклики; отряд дружины царской
Дозором ходит; наконец, я сам
Не раз уж ходил ее ловить,
И всё напрасно!

Царь Выслав

Стало быть, она
Огромная, из рода редких птиц
Времен предысторических?

Министр

Она
Величиной с большого петуха,
Иль много что с павлина. Но у ней
Глаза и перья блещут и горят
Невыносимо ярко. Лишь она
Усядется на яблони и вдруг
Раскинет свой великолепный хвост —
Он закипит лучами, словно солнце;
Тогда в саду не ночь, а чудный день,
И так светло, что ничего не видно!
А между тем всё это от нее ж,
И тишина, такая тишина
И нежная и сладкая, что самый
Крепчайший сторож соблазнится: ляжет
На дерн, кулак подложит под висок,
Заснет и спит до позднего обеда!

Царь Выслав

Так как же быть? Диковинная птица!
Зови сюда царевичей! Они
Помогут мне подумать, рассудить,
Что делать нам.

Министр уходит.

2

Царь Выслав один.

Царь Выслав

Что делать с этой птицей?
Таков вопрос!

(*Ходит по комнате.*)

Ужасно я встревожен!
А говорят, что царствовать легко!
Согласен я: оно легко, покуда
Нет важных дел, но лишь пришли они,
Так не легко, а нестерпимо трудно!
Вот, например, теперешнее наше!
Хоть самого Сократа посади
На мой престол; по случаю Жар-Птицы
И сам Сократ задумается: как

Поймать ее, когда никак нельзя
Поймать ее? Да, надобно признаться:
Есть на земле пречудные дела,
Столь хитрые, мудреные, что в них
Разумнейший, великий человек,—
Ну человек такой, чтобы природа
Могла сказать об нем: «Вот человек!»—
И глуп и мал, как мой последний раб.

3

Царь Выслав и царевичи.

Царь Выслав

Любезные царевичи мои!
В наш царский сад повадилась Жар-Птица
И яблоки заветные ворует
И прилетает кажду ночь. Так я
Хочу теперь подумать вместе с вами,
Что делать с ней? А так ее оставить
Нельзя: она дотла опустошит
Наш сад. Да мне, царю, и неприлично
Давать себя в обиду всякой дряни!
Скажите же, царевичи мои,
Как поступить мне с нею? Ты сначала
Подай совет, мой старший сын, Димитрий!

Димитрий-царевич

Я думаю, что надобно сперва
Наверное разведать, чья она;
Потом посла к тому царю отправить —
Сказать ему, что ваша-де Жар-Птица
Повадилась летать в наш царский сад
И яблоки ворует дорогие;
Так мы по дружбе с вами просим вас
Унять ту птицу; мы-де не желаем,
Чтоб вечный мир, который...

Царь Выслав

Ты, Василий?

Василий-царевич

Я думаю так точно, слово в слово,
Как говорит мой старший брат: сперва

Наверное разведать, чья она;
Потом посла...

Царь Выслав

А ты, Иван-царевич?

Иван-царевич

Я думаю, что нечего тут думать!
Поймать ее — и в шляпе дело!

Царь Выслав

Как же
Поймать ее? Вот в том-то и задача!
Давно об ней хлопочут: караул,
Засада, часть дружины, вообще
Против нее ловительные меры
Уж приняты, но всё напрасно.

Иван-царевич

Что же.
Нам прикажи: мы сыновья твои,
Тебя мы любим больше, чем твоя
Засада, часть дружины, караулы
И прочие ловительные меры,
Авось поймаем!

Царь Выслав

Да и в самом деле!
Совет разумный! Я с тобой согласен,
Иван-царевич! Знаю это слово:
«Авось! Авось!» О, сильно это слово!
Оно чудесно! Часто в нем одном
Заключены великие дела
И вечная блистательная слава!
Так точно ель, что крепкими корнями
Ухватится за землю и под тень
Раскидистых, густых своих ветвей
Укроет дол, и гордою вершиной
Уйдет в лазурь небесную, таится
В одном летучем семечке!.. Авось
Удастся вам, царевичи мои,
Поймать Жар-Птицу! Бесполезно мешкать
В таких делах. Я вам повелеваю,
Вам всем троим, царевичи, ходите
В наш царский сад, по брату кажду ночь,

Ловить ее, сначала ты, Димитрий,
Потом Василий, наконец Иван.
Иван-царевич, подойди ко мне,
Дай мне тебя расцеловать, мой милый,
Любимый сын: ты освежил меня
Своим советом. Весело мне видеть,
Что у тебя отважная душа.
Расти, мой сын, ты будешь богатырь!

4

Царевичи Димитрий и Василий.

Димитрий-царевич

Ты правду мне сказал, любезный брат,
Нам не видать ее. Не нашим силам
Устаивать против такого сна,
К которому во время караула
Так и влечет и клонит человека:
Шелковый луг, весенняя прохлада
И тишина заповедного сада,
И сладкая, безмесячная ночь.

Василий-царевич

Волшебный сон! Лишь только я уселся
Под яблонью и бодро начал думать,
Как не заснуть мне в эту ночь, меня
Вдруг обняла, откуда ни возьмись,
Такая лень решительно и сладко,
Как резвая прелестница, что я
Почти упал, и право уж не помню,
Как я заснул.

Димитрий-царевич

Всё это ничего!
Ведь батюшка уверен, что Жар-Птица
Не прилетала обе эти ночи;
Но вот загадка: как нам быть, когда
Иван-царевич...

Василий-царевич

Ты мне странен, брат;
Куда ему! и он проспит, как мы!

Димитрий-царевич

Он очень счастлив. И теперь уже
Его зовут любимым сыном. Мы же...

5

Те же и царь Выслав.

Царь Выслав

Мне, право, жаль, царевичи мои,
Что вы трудились понапрасну. Я
Вас не виню! Да как вас и винить?
Не прилетала: нечего и делать!
Где взять ее? Посмотрим,— что-то скажет
Иван-царевич?

Димитрий-царевич

Может быть, ему
И удалось ее увидеть...

Василий-царевич

Да,
Оно нетрудно, если прилетала...

Димитрий-царевич

И близ него светилася, как солнце.

Царь Выслав

Что пользы в этом, ежели она
И прилетала? Он еще так молод;
Он не сумеет справиться с такой
Чудесной птицей. Верно, оробеет
И ничего не сделает... Да вот он!
А, здравствуй, мой Иван-царевич! как
Ты ночь провел? Что это у тебя?

6

Те же и Иван-царевич.

Иван-царевич

Перо Жар-Птицы.

Царь Выслав

Что ты, в самом деле?
Возможно ли!

Иван-царевич

Я не поймал ее!
Пресильная, пребешеная птица!
Одно перо осталось у меня.

Царь Выслав

А как его достал ты?

Иван-царевич

Очень просто:
Я влез на яблонь и в густых ветвях
Под самою верхушкой притаился;
Сижу и жду, что будет? Ночь тиха,
Безмесячна, во всем саду ни листик
Не шевельнется; я на яблони сижу.
Вдруг вижу, что-то на краю небес,
Как звездочки, заискрилось; гляжу
В ту сторону; оно растет и будто
Летит, и в самом деле ведь летит!
Всё ближе, ближе, прямо на меня,
И к яблони — и листья зашумели;
Однако ж я ничуть не оробел.
Сидит Жар-Птица, знаю... да как гаркну —
И хвать ее обеими руками!
Она рванулась, вырвалась и мигом
Ушла из глаз в далекий небосклон,
А у меня в руке перо осталось.

Царь Выслав
(*рассматривая перо*)

Прекрасное, редчайшее перо!
Как тяжело! знать, цельно-золотое!
Как тонко, нежно, гибко, что за цвет!
Прекрасное, редчайшее перо!
Хоть на шелом Рогеру! Слава богу!
Любезные царевичи, я рад,
Сердечно рад Жар-Птицыну перу!
Теперь я ожил: я почти уверен,
Что не уйдет она от наших рук.
По-прежнему ходите караулить,
И с нынешней же ночи. Я надеюсь,

Что ты, Димитрий... Ну, Иван-царевич!
А я грешил: я думал, ты... ан нет!
Ты, как герой, ничуть не испугался —
И действовал благоразумно. Славно!

(*Целует Ивана-царевича.*)

Мой милый сын! Поди, мой друг, к себе
И отдохни! А ты, Димитрий, снова
Приготовляйся к караулу. Я
Хочу подумать, как мне самый лучший,
Приличный ящик сделать иль ковчег
Для этого чудесного пера,
Изящно-драгоценный! Позови

(*Василию*)

Сюда ко мне дворцовых столяров
И резчиков: я дожидаюсь их!

7

Царь Выслав и царевичи.

Царь Выслав

Итак, Жар-Птица вовсе перестала
Летать к нам в сад, и всё у нас в порядке,
Спокойно, тихо; яблоки растут,
Красуются и зреют безобидно,
И вообще судьба ко мне добра,
Мила со мной, любезна: всё как было!
Но знаете ль, царевичи мои,
Чего теперь мне хочется? Вчера
После обеда сделалась со мной
Бессонница... и не спал я, и думал
О том о сем, и кое-что обдумал;
Потом я стал мечтать, мои мечты —
В бессонницу они празднолюбивы,—
Мои мечты пестрились и кипели,
Как ярмарка,— и вдруг одна из них,
Как юношу красавица, нежданно
Блеснувшая в народной толкотне,
Одна из них меня очаровала,
И ей одной я предался вполне,
Как юноша, доверчиво и страстно;
Мне хочется, царевичи мои,

Поймать Жар-Птицу непременно. Ею
Умножу блеск престола моего
И на земле далеко и широко
Прославлюся. Я объявляю вам,
Что награжу весьма великодушно
Того из вас, кто мне ее доставит:
Отдам ему полцарства моего!

Иван-царевич

Не нужно мне полцарства твоего!
А просто так, из удали... я рад
Хоть сей же час.

Царь Выслав

Молчи, Иван-царевич!
С тобой я буду после говорить.
Вы старшие царевичи! Вы оба
Любимые пособники мои,
С которыми, как с лучшими друзьями,
Так счастливо привык я разделять
И сладкие и горькие плоды
Верховной власти! Я вас знаю: вы
Для подвигов блестящих и высоких
Созрели; вы учились языкам,
Всемирную историю читали;
Вы бойки нравом, тверды, как железо,
И вспыльчивы, как порох, вы здоровы,
Проворны, статны — именно герои!
Обоим вам, Димитрий и Василий,
Я предлагаю чрезвычайный труд,
Едва ли не отчаянный: сыскать,
Где б ни было, Жар-Птицу и живую
Доставить мне. Я спрашиваю вас,
Согласны ли вы ехать в дальний путь,
Бог весть куда и в чьи края?

Димитрий и Василий-царевичи

Мы рады,
Хоть сей же час.

Царь Выслав

Я это знал, друзья;
Предвидел я, что будет ваш ответ
Решителен, спартански смел и краток.
Вы рады, вы готовы сей же час

Бог весть куда! Так человек, в котором
И мудрая природа и наука
Окончили свое святое дело
Развития божественной души,
Радошен, бодр и светел, он идет
В безвестный путь на подвиг многотрудный.
Благодарю вас, милые мои
Царевичи, сберитесь поскорее,
По-рыцарски — да тотчас и в дорогу
Под утренним сиянием небес,
При веяньи прохладного зефира.
Теперь же вы примите мой совет,
Отеческий, напутный. Ах, друзья,
Что наша жизнь? Она всегда висит
На волоске, чуть держится — тем паче,
Когда опасность... будьте осторожны,
Друзья мои, старайтесь не везде
Храбриться иль отважничать. Берите
Терпением, сноровкою, где можно
И хитростью. Обдумывайте строго
Свой каждый шаг заране, а потом
И действуйте, надеясь на судьбу;
Не мешкайте в дороге, особливо
В гостиницах, в трактирах. Нежных связей
С гульливыми красавицами, братства
С фиглярами, с бродяжными жидами,
С цыганами, гудочниками — бойтесь!
Игорных же бесед и академий,
И сволочи распивочных домов,
Пожалуйста, бегите как чумы;
Велите ваши сабли наточить
Как можно лучше. Я же вам даю,
На всякий случай, пару самострелов
Новейшего устройства: в три минуты
Бьют пятьдесят два раза прямо в цель!
Прехитрые!.. Возьмите по коню
С моей конюшни, ты Кизляр-Агу,
Иль Мустафу, а ты, Василий,— Негра!

Димитрий и Василий-царевичи уходят.

8

Царь Выслав и Иван-царевич.

Царь Выслав

Мой друг, Иван-царевич! Ты со мной
Останься, мой милый сын, отцу
Единственной утехой и отрадой.
Ты молод: ты не силен перенесть
Опасности и всякие невзгоды
Далекого и трудного пути.
Тебе со мной не будет скучно. Я
Отдам тебе особенную часть
Правления, которая полегче...
Бумажную; ты вникнешь, ты поймешь...
Да что же ты задумался и плачешь?

Иван-царевич

Царь-батюшка! прости мне эти слезы!
Могу ли я не плакать? Мне досадно,
Что ты меня оставил одного
В презрении. Я чем же хуже братьев?
За что же им широкая дорога
Добыть себе геройских, светлых дел?
А я сиди прикованный к столу...
Позволь и мне отыскивать Жар-Птицу!

Царь Выслав

Никак нельзя, мой милый сын: ты молод.

Иван-царевич

Ах, молод я — вот вся моя вина!
Я младший брат, но разве у меня
Глаза не блещут, сердце не играет,
И кровь кипит не бурно, и рука
Не пламенно хватается за меч
При имени опасности и славы?
Нет! душно мне в чертогах безопасных,
Невыносимо горько: я хочу
Не этой жизни медленной, не этой
Работы вялой, смирной, я хочу
Душе разгулу, сердцу впечатлений,
Необычайных, резких, роковых!
О! понимаю, страстно понимаю,
Что говорит мне кровь моя!..

Царь Выслав

Помилуй!
Что ты, мой сын! Ты вышел из себя!
Ты весь дрожишь, пылаешь; вижу я,
Сам вижу я, куда тебя влечет
Младой души лирический порыв.
Но выслушай, что я тебе скажу:
Не хочешь ты заняться, так сказать,
Словесностью, бумагами; не любишь
Смиренного, сидячего труда
И письменных обдумываний — я
Найду тебе работу поживее:
Вот хочешь ли, я поручу тебе
Верховное смотрение за всем;
Ты будешь ездить, будешь замечать,
Где, что и как; ты будешь в хлопотах,
В движении, ты станешь мне изустно
Докладывать...

Иван-царевич

Всё это не по мне!
Пусти меня отыскивать Жар-Птицу!

Царь Выслав

А я один останусь, милый сын!
Сам посуди, я человек и смертен,
И я же стар, и немощен, и хил:
Что, ежели скончаюся в то время,
Как нет из вас ни одного при мне?
Кто сбережет общественный порядок,
Наш царский трон, казну? Ты знаешь чернь!
Она всегда глупа и легковерна,
Особенно в решительные дни:
Какой-нибудь отважный пустозвон
Расскажет ей бессмысленную сказку,
В набат ударит, кликнет клич: толпа
Взволнуется кровавой суматохой,
И, дикая, неистовая, хлынет
Мятежничать. Несчастная страна
Наполнится усобицей, враждой
И всякою республикой, бедами
И гибелью. Тогда соседы наши,
Как ворон крови, ждущие раздора
В чужом народе, ото всех сторон,

Голодные и хищные, сберутся
Терзать мое наследие. Тогда
Что будет с вами, сыновья мои?
Где вы себе пристанище найдете?
Так, я страшусь грядущего! Предвижу
Несчастия...

Иван-царевич

Вольно тебе страшиться,
Царь-батюшка! Еще ты, слава богу,
Не дряхлый старец; немощи твои
Не велики и часто незаметны;
Ты свеж и бодр!

Царь Выслав

Нет, то ли я был прежде!
Ах, молодость, зачем она прошла!

Иван-царевич

Пусти меня отыскивать Жар-Птицу!

Царь Выслав

Нельзя, мой сын.

Иван-царевич

Не я ль тебе достал
Ее перо? А братья что поймали?
За что же я останусь? Сделай милость,
Царь-батюшка, прошу тебя, молю,
Пусти меня: я знаю, что достану
И привезу тебе Жар-Птицу; знаю
И чувствую, что привезу наверно...
Я очень счастлив, я ее поймаю.
Пусти меня отыскивать Жар-Птицу!

Царь Выслав

Нет, не могу!..

Иван-царевич

Так я умру с тоски,
Сойду с ума! В мечту об ней так сильно,
Так пламенно влюбился я! Об ней
Всегда, везде, во сне и наяву
Я думаю и брежу день и ночь.

Царь Выслав

Вот то-то же, любезный сын, ты слишком
Горяч, способен чрезвычайно скоро
В мечту влюбляться: это очень вредно,
Опасно даже; мы нередко видим...

Иван-царевич

Как хорошо, как весело нам будет!
Мы для нее на самом видном месте
Построим дом, каких немного в мире:
Пространные, высокие палаты,
С зеркальными окошками, с крыльцом,
Украшенным столбами в два ряда;
А в высоте, над пышною столбницей
Заблещут в ярких, золотых лучах
Огромные, сочинены прекрасно,
Щиты: большая бронзовая повесть
Чудесного ловления Жар-Птицы,
И с надписью: да знает несомненно
Всемирная история, что ты,
В такой-то год правленья твоего,
Соорудил такие-то палаты.
Когда ж они совсем готовы будут...

Царь Выслав

Я думаю, что можно их поставить
В саду, среди лужайки, за прудом.

Иван-царевич

Мы сделаем великолепный праздник,
Пир на весь мир. Народу отовсюду
Тьма-тьмущая, безоблачное небо,
День, дышащий прохладою весны;
Уж будет праздник! Звон колоколов
Всех колоколен мы в единый гул
Торжественный, как в колокол единый,
Огромнейший, гудящий громогласно,
Сольем — и над ликующим народом
Его подымем в небе голубом!
Велим палить из пушек без умолку
И потчевать бесчисленных гостей
Обедом, яствами сахарными, медами,
Вином и пивом, вдоволь, до упаду;
А вечером — музыка роговая,

Катанье, пляски, песни, хороводы,
И блеск, и треск потешного огня!
Пусти меня отыскивать Жар-Птицу!

Царь Выслав

(подумав)

Жаль мне с тобой расстаться, милый сын,
А надобно: иначе мы друг с другом
Никак не сладим. Ты горяч и пылок!
Ну, так и быть, уж поезжай и ты!

Иван-царевич

Что слышу я, царь-батюшка! Я еду,
Я отыщу Жар-Птицу непременно,
И привезу ее тебе живую!
Царь-батюшка, прощай же, я недолго...
Не стану медлить, я готов в дорогу,
Сейчас же еду! Скоро мне коня!

(Уходит.)

9

Иван-царевич

(в лесу, едет верхом)

Не весело мне ехать! Этот лес,
Большой, дремучий, мрачный и, как видно,
Принадлежащий царству тишины,
Несносно скучен! Еду третьи сутки,
И много уж проехал, а ни с кем
Не встретился и ничего не видел,
Кроме лесной дороги да небес,
Протянутых, как лента голубая,
Высоко, вдаль за мной и предо мной.
Какая глушь! Здесь мертвое молчанье
И непробудный сон: в тиши лесной
Не свистнет птичка, леший не аукнет;
Лишь изредка скакун мой удалой
Встряхнет своей нахмурой головой
И забренчит опущенной уздой,
Или в кремень стальным копытом стукнет.
И ты, мой конь, задумался... грустишь?

Не унывай, товарищ! Не всегда же
Поедем мы таким дремучим лесом!
Бодрее будь! надейся несомненно:
Куда-нибудь нас выведет дорога,
Куда-нибудь выходит же она!
Мой добрый конь! повесели меня!
Разбудим лес громоподобным стуком
Твоих копыт, укоротим дорогу
Твоим широким скоком! Ну, мой конь,
Неси меня, порадуй господина
И резвым ветром бега твоего
Отвей тоску от головы его!

(Скачет.)

Вот этак лучше! Вот уж и поляна!
И три дороги на три стороны,
И столб стоит, и на столбе слова.
Посмотрим, что имеет он сказать!

(Читает.)

«Ежели кто поедет от сего столба прямо, то будет голоден и холоден; кто же поедет в правую сторону, тот будет здоров и жив, а конь его убит; а кто поедет в левую сторону, тот будет убит, а конь его жив и здоров будет».

Куда ж мне ехать? Прямо от столба?
Я не люблю, я вовсе не способен
Ни голодать, ни холодать. Направо?
Жаль мне коня! Да и себя мне жаль:
Идти пешком... умаешься, устанешь!
Потом лежи и отдыхай, потом
Опять иди и снова отдыхай.
Нет, это скучно, мешкотно; а я
Сказал отцу, что скоро ворочусь
С Жар-Птицею, я должен торопиться.
Куда ж мне ехать? Разве уж налево,
Чтобы меня убили... а мой конь,
Мой верный, добрый конь, надежный мой товарищ,
Остался бы покинутым под верх
Разбойнику? Нет, этого не будет.
Нет! добрый конь, сворачивай направо:
Я не люблю пророчеств никаких,
Не верю им: я знаю, врут они.

10

Иван-царевич

(в лесу, сидит)

Чтоб у тебя всегда болели зубы,
Проклятый волк! Ты самый хищный зверь!
Чем я тебя обидел, огорчил,
Что ты зарезал моего коня,
Товарища и друга моего?
Чем виноват он? Голоден ты, что ли?
И мал тебе пространный этот лес
Ловить твою несчастную добычу?
Нет! так уж ты и жаден и свиреп!
Мой добрый конь! Как тешил он меня!
И не за то ль озлился на него
Ты, лютый зверь, что на твоей дороге
Так весело и смело он скакал
И громко топал бурными ногами,
Что растревожил самого тебя
И всё твое зеленое жилище?
Как я устал! А долго ли я шел,
И много ли прошел я? То ли было...
Ах, добрый конь мой, что я без тебя?
Проклятый волк! осиротил меня.

11

Из лесу выходит Серый волк.

Серый волк

Прости меня, Иван-царевич!

Иван-царевич

Что ты?
Прочь от меня, разбойник! Прочь поди!

Серый волк

Мне жаль тебя, Иван-царевич.

Иван-царевич

Поздно
Ты обо мне жалеешь,

Серый волк

Право жаль,
И знаешь ли? Ведь я почти невинен,
Что твоего коня я растерзал:
Я только был орудием судьбы
И действовал невольно, исполняя
Ее закон, жестоко непреложный.
Ты помнишь, что предсказывал тебе
Дорожный столб? Ты выбирал дорогу,
Но будь спокоен: я тебе слуга,
Хочу помочь твоей большой беде,
И помогу: садись-ко на меня
И поезжай на мне куда угодно,
Как на коне на самом удалом.

Иван-царевич

Пожалуй, я от этого не прочь,
Чем мне пешком тащиться. Хорошо!
Будь мне конем. Вот видишь ли в чем дело:
Меня послал царь-батюшка достать
И привезти ему Жар-Птицу: так вези
Меня туда, в то царство, понимаешь?

(Садится верхом на волка.)

Ну, я совсем! Несись во весь опор,
Мой серый конь, мохнатый мой скакун!

12

Серый волк

Приехали! Слезай с меня, мой витязь!
Вот через эту каменную стену
Переберись; а там в саду Жар-Птица.
Давно уж ночь, уснули сторожа;
Иди себе, не бойся их нимало:
Они обыкновенно крепче спят,
Чем прочие хранительные власти.
Да вот тебе совет мой: ты Жар-Птицу
Бери смелей, во сне она смирна,
И вынь ее из клетки золотой,
И унеси, а клетку золотую
Оставь как есть; не тронь ее — она
С механикой, со штукой, от нее

Звончáтые, чувствительные струны
Проведены к дворцовым караулам;
Они как раз подымут шум и крик,
Тогда тебе не миновать беды!

13

Царь Долмат и сказочник.

Царь Долмáт лежит на кровати, перед ним на полу сидит сказочник.

Сказочник

Был чудный царь, великий беспримерно;
Задумал он народ свой просветить,
Народ, привыкший в захолустьи жить,
Почти бескнижный, очень суеверный
И закоснелый в рабстве. Как с ним быть?
Царь был премудр и начал он с начала:
Стал самого себя он просвещать —
И благодать господня воссияла
Ему, наук живая благодать.
Но этого казалось не довольно
Тому царю, единому в царях:
Оставил он венец и град престольный,
Пошел узнать в далеких сторонах
Всё нужное для своего народа;
И всё узнал он собственным трудом,
И ко своим пришел, равно знаком
С вожденьем царств и звездным чертежом,
С порядком битв и стрелкой морехода,
С ножом врача, с киркой и долотом!

Царь Долмат

Вот хорошо! Люблю такие сказки,
Спокойные, где творческий талант
Ведет меня к назначенной мете
Прямым путем; и мне тогда легко:
Я следую за ним, не утомляясь,
Бровей не хмуря, думаю подробно
О всем, что мне рассказывают; ясно
Соображаю, как и в чем тут дело,
И сказка вся с начала до конца
Передо мной ложится на виду.
И любо мне и сладко, что я понял

Все хитрости, которые талант
Употребил в ней, свойственной своей
Возвышенной природе создавать
Умно. Меж тем часы едва заметно
Идут, идут — и благотворный сон
Мои зеницы тихо закрывает,
И долго, долго в самой сладкой неге
Меня лелеет. Поутру проснусь
Здоров и светел. Тут-то я доволен,
Что слушал сказку; тут-то я вполне
И чувствую и вижу на себе,
Как нужны и приятны человеку
Словесные искусства и талант,
Развившийся в порядке. Продолжай!
Нет, погоди! Я слышу... Так, звонят!
И крик и шум, неужели пожар?
Ох! я боюсь пожара как огня!

14

Те же и стража с Иваном-царевичем.

Царь Долмат

Что за тревога? Что за крик и шум?

Начальник стражи

Всё слава богу! Пóймали вора
В твоем саду: хотел унесть Жар-Птицу.

Царь Долмат

Сковать его, в тюрьму его скорее!
Судить его шемякинским судом!..
Ко мне его сию ж минуту!..

Вводят Ивана-царевича.

Начальник стражи

Вот он!

Царь Долмат

Кто ты таков?

Иван-царевич

Я сын царя Выслава,
Иван-царевич.

Царь Долмат

Сын царя Выслава...
Андроновича, что ли?

Иван-царевич

Точно так!

Царь Долмат

Послушай, друг мой, как тебе не стыдно
Птиц воровать! Твое ли это дело?
Ведь ты царевич.

Иван-царевич

Я не виноват...
Меня послал царь-батюшка поймать
И привезти ему Жар-Птицу; нам
Она премного сделала вреда:
Изволила повадиться в наш сад
По яблоки заветные, и яблонь
Испортила, хоть брось... Меня послал
Царь-батюшка...

Царь Долмат

Так разве ты не мог
Не воровски, а честно и почтенно
Достать ее? Ты просто попросил бы:
Тогда бы я, приняв в соображенье,
Что твой отец — известный государь,
Что ты — Иван-царевич, сын его,
Решился бы по милости моей
Тебе отдать, пожаловать Жар-Птицу.
Ты поступил иначе. Что ж ты взял?
Тебя ж поймали, привели на суд
Перед царя, и что царю угодно,
Тому и быть с тобою! Я бы мог
Тебя жестоко, славно проучить
За дерзкий твой поступок; я бы мог
Провозгласить торжественно и громко
Во всех газетах, что такой-то
Иван-царевич, сын царя Выслава,
Ворует птиц и пойман, уличен
И прочее; я мог бы сверх того
Еще нанять, положим, хоть десяток,
Ученых и бессовестных мужей,

Чтобы они особенные книги
Писали и печатали везде
О том, что ты не годен никуда:
Тебя рассмотрят, разберут, обсудят,
Опишут с головы до ног, и всё,
Что про тебя узнать и сочинить
Возможно, всё узнается и будет
Разглашено от Кяхты до Багдада,
От Колы до Помпеева столба!
Потом из тех газет и книг, мой милый,
Ты перейдешь в пословицу, а там
Того и жди, что именем твоим
Бранчивые старухи на торгу
Кидать в мальчишек станут, словно грязью;
Но я не строг, я пощажу тебя
За то, что ты известной царской крови
И что твои уста окружены
Не жесткими, свирепыми усами
И бородой, а мягким, нежным пухом;
Я пощажу тебя, Иван-царевич,
Когда ты мне дашь слово, что ты мне
Сослужишь службу; я прощу тебя
И сверх того отдам тебе Жар-Птицу,
И ты со мной расстанешься как с другом,
И выедешь из царства моего
В большом почете, как высокий гость,
Как сын царя, с которым я желаю
Вести приязнь и дружбу.

Иван-царевич

Я согласен.
Какая ж это служба?

Царь Долмат

Вот какая:
Есть царь Афрон, и у царя Афрона
Есть превосходный, златогривый конь;
Так ты достань мне этого коня;
А не достанешь — нет тебе пощады!
Согласен ты на это?

Иван-царевич

Я согласен.

Царь Долмат

И слово мне даешь, что непременно
Добудешь златогривого коня
И мне его отдашь?

Иван-царевич

Даю и слово.

Царь Долмат

Итак прощай же, будь здоров и действуй,
Ты молодец. Прощай, Иван-царевич!

Иван-царевич уходит.

Царь Долмат

Досказывай же сказку: спать пора!

Сказочник

Царь был велик: так нечему дивиться,
Что многие не поняли его
И вздумали за старое вступиться,
За глушь непросвещенья своего,
И заговор составили кровавый
Против царя, который, как отец,
Смирял строптивость грубых их сердец,
Открыл для них дорогу светлой славы
И целый мир возвышенных трудов
Для их ума, любившего дотоле
Бездействие, сидение в неволе,
Завещанной от их же праотцов,—
И заговор составили кровавый...
Но царь другой, тот, коего закон
Выводит день и ночь на небосклон,
Хранит небес порядок величавый,
Кто дал нам жизнь и душу сотворил,—
Тот... подвиги и мысли светозарны
Великого царя благословил...
И замысел не удался коварный;
А между тем...

Царь Долмат

Прекрасная и нравственная сказка!
(Сказочнику.)
Мне кажется, тут можно перервать
Рассказ: тут, верно, будет переход
К чему-нибудь дальнейшему. Довольно!
Я засыпаю, ты молчи и спи!

15

ТРАКТИР

Хозяйка и двое гостей.

Хозяйка сидит у окна за книгой.
Гости перестают играть в карты.

1-й

Уф, я устал, я не могу играть!
Сегодня полно! — Битых семь часов
Мы не вставали с места — это слишком!
И вечно я проигрываю! Точно,
Мне на роду написано погибнуть
От рук твоих, любезнейший!

2-й

Сегодня
Тебе несчастье: как же быть, мой друг!
День на день не приходится. Фортуна
Непостоянна, ветрена. Ты помнишь,
Как я тебе проигрывал?

1-й

Да, помню,
И есть чем хвастать! Это капли в море
В сравнении с моими векселями.

2-й

Вольно ж тебе играть на векселя!

1-й

А где мне взять наличных, если нет их!

2-й

Известно где: именье заложи!

1-й

Заложено.

2-й

Продай его.

1-й

Задаром?

2 - й

Не хочешь ли, я у тебя куплю?
Я дам тебе не дешево. Скажи,
Почем ты просишь за душу? Решайся:
На чистоган игра повеселее.

1 - й

Да чище ли?

2 - й

Ты шутишь очень мило.

1 - й

Я не шучу.

2 - й

Ну, вот уж и надулся!
Как будто сам ты новичок в игре,
Как будто я сегодня в первый раз
Играл с тобою. Мы давно знакомы,
Мой друг,— ты сам не ангел чистоты
По этой части; перестань сердиться.
Сыграемся хоть завтра же.

1 - й

Прибавь
Сегодняшний мой проигрыш к тому,
Что у тебя записано за мною.

2 - й

(записывает и показывает ему книжку)

Смотри же сам. Так, кажется?

1 - й

Так точно!

(Встает.)

Как я устал, и голова болит!

2 - й

(встает и подходит к хозяйке, припевая)

«Кончен, кончен дальний путь,
Вижу край родимый!

Сладко будет отдохнуть
Мне с подругой милой».
Я говорю, что наша Кунигунда
Красавица, что у нее глаза
Чудесные, румянец самый свежий,
Приманчивый, что славно управляет
Она своим трактиром, знает свет,
Всегда одета чисто, новомодно,
И сверх того добра, литературна,
Читала все новейшие романы.

1 - й

Я не хочу тебе противоречить,
Хотя и мог бы; я и сам люблю
Прелестную, живую Кунигунду
И чувствую, что я имею честь
Принадлежать к числу людей, к которым
Она весьма нежна и благосклонна.
Я не хочу, а мог бы доказать,
Что красота ее непостоянна,
Что поутру она совсем не то,
Что вечером.

2 - й

Неправда!

1 - й

Я сужу
По собственным моим соображеньям:
Ей по утрам не должно бы казаться
Своим гостям; она бы несравненно
Сильнее волновала нашу кровь.
Она у нас вечерняя звезда,
А по утрам ей лучше б не всходить
На горизонт: тогда у ней лицо
Не хорошо... болезненного цвета,
Не весело и даже как-то жестко
На взгляд, не сладко; вялые глаза
Не светятся, оттенены жестоко
Лазурными дугами; грудь болит
И шаткая и вялая походка.
А вечером смотри: какая прелесть!
Пленительна, как молодость, бела,
Румяна, как белила и румяна,
И всякого готова соблазнить.

Хозяйка

Вы очень глупы, и всегда равно —
И поутру и вечером.

2-й

Он проигрался и сердит на всех:
Не обижайся! Это ненадолго!

Входит еще гость.

3-й

А, здравствуйте! — Я вас давно искал,
Желал вас видеть...

1-й

Поздравляю вас
С находкою и вместе с исполненьем
Желания!

3-й

Как шла у вас игра?

1-й

Что нового?

3-й

В газетах ничего.

1-й

А в письмах?

3-й

В письмах то же, что в газетах!
Однако ж есть и новость: говорят,
Что будут к нам, на этой же неделе,
И проживут у нас до белых мух,
Два иностранца — два родные брата
И богачи,— и денег не жалеют;
А странствуют incognito: [1] один
Под именем Мельмота, а другой
Под именем второго Казановы!

---

[1] Инкогнито *(лат.)*.

Они любезны, милы, мастерски
Танцуют, любят веселиться,
Играют в вист, и по большой!

2-й

А в банк?

3-й

Об этом я не знаю; но, конечно,
И в банк играют; ездят же они,
Как слышно, для ученых разысканий
О птицах. Впрочем, это пустяки!
Они богаты, молоды и просто
Таскаются по разным государствам
И городам, чтоб деньги рассорить,
А между тем ⟨и⟩ время провести
С приятностию не в сидячей жизни.

(Подходит к Кунигунде.)

Я радуюсь, что вижу вас опять
Здоровыми по-прежнему. Я слышал,
От вашего дворецкого, что вы
Больны не в шутку — верно, простудились.
Позвольте вам заметить, вы себя
Не бережете...

2-й

Я согласен с вами,
Что ей бы не мешало обходиться
С своим здоровьем несколько скромнее,—
Хоть ради нас.

Хозяйка

Я не была больна.

3-й

(К первому, смотря на часы.)

Для вас же лучше.— Не пора ли нам
На бал, теперь давно десятый час!

Димитрий и Василий-царевичи входят.

Димитрий-царевич

Шампанского и трубку табаку!

Василий-царевич

Шампанского!

(Садится.)

Пора нам отдохнуть —
Жар, ветер, пыль, претряская дорога,
Мосты чуть живы, мерзкий перевоз,
Гора крутая...

3-й

Смею ли спросить,
Вы только что приехали?

Димитрий-царевич

Так точно;
Несносная, смертельная езда!
Особенно где гати...

3-й

Ваша правда.
У нас дороги очень, очень плохи.
Могу ль узнать, откуда вы?

Димитрий-царевич

Из Дувра.
Мы ездили по западу Европы,
Мы странствуем,— приехали и к вам.

3-й

Какая цель поездок ваших?

Димитрий-царевич

Всё,
Особенно же птицы. Нам бы нужно
Найти одну редчайшую... Да здесь
Едва ли есть такие птицы: здесь
Климáт холодный, и сама природа
Весьма обыкновенная.

3-й

У нас
Нет редких птиц: индейки, гуси, галки...

2-й

Дрозды, сороки, воробьи...

1-й

Грачи...

3-й

Тетерева и прочие простые...

Приносят вино и бокалы.

Василий-царевич

(наливая)

Угодно вам шампанского?

3-й

Позвольте
Поздравить вас с приездом!

(К первому и второму.)

Господа,
Вас просят пить шампанское!

1-й и 2-й

(пьют)

С приездом!

3-й

Вино недурно. Здешняя хозяйка
Известна тем, что погреб у нее
Отличнейший — все вина выписные!

2-й

И тем еще, что и сама она
Прекрасна и любезна. Кунигундой
Зовут ее.

Василий-царевич

Прекрасное вино!

Хозяйка

Я никогда не подаю дрянного:
Пошлюсь на всех.

3 - й

А знаете ли вы,
Любезная, каким из ваших вин
Вы можете похвастать?

Хозяйка

Я не знаю,
Все хороши!

3 - й

Какое лучше всех?

Хозяйка

Ей-ей, не знаю. Я не пью вина.

3 - й

А я так знаю! Это — ваш рейнвейн,
Такой рейнвейн, что этакого мало
И за границей. Вот так уж вино!

Димитрий-царевич

Подать рейнвейну!

2 - й

И зеленых рюмок!

Димитрий-царевич

Скажите мне, здесь весело живут?

3 - й

Порядочно: умеют есть и пить;
Съезжаются на балы, на обеды;
Есть много ловких молодых людей,
И здешних и приезжих; есть игра:
Вист, экарте, направо и налево...

Василий-царевич

Всё это мило. Стало быть, у вас
Гражданственность довольно развита!

3 - й

Так, в городах, которые побольше,
А в маленьких не очень; да нельзя
И требовать, чтобы так скоро; впрочем,

И там уже заметен шаг вперед:
И там уже трефоль и ерофеич
Успешно вытесняются мадерой,
Полушампанским, ромом; три листа
И горка — вистиком и банчиком; и тоже
Бывают танцы...

Д и м и т р и й - ц а р е в и ч

Есть у вас театр?

3 - й

Театра нет. Зато к нам приезжают
Заморские фигляры, прыгуны
И оптики.

Приносят вино.

Вот рейнвейн!

(Смотрит на бутылку.)

Тот самый.

Пьют.

Не правда ли, отличное вино?

Д и м и т р и й - ц а р е в и ч

Да, хорошо, хотя и молодое!

3 - й

К нам не доходит старое вино.

1 - й

А молодое здесь недолговечно.

3 - й

Да, можно похвалиться, что у нас
Пьют сильно.

Д и м и т р и й - ц а р е в и ч

Почему же и не пить,
Когда есть деньги!

3 - й

У меня до вас
Покорнейшая просьба.

Димитрий-царевич

Говорите,
Я очень рад...

3-й

Вот вместе с нами — я ручаюсь вам,
Что бал прекрасный,— я вас познакомлю
С хозяином; он добрый старичок;
И хлебосол, и мастер угостить;
Жена его любезна, молода.
Поедемте! Там весело, там будет
Весь город; вы увидите всех наших
Красавиц,— есть премилые,— решайтесь!
Все вас полюбят, примут как родных.

Василий-царевич

Нам надобно с дороги отдохнуть.

3-й

Вы после отдохнете — и с дороги
И с балу разом.

Василиий-царевич

Я почти согласен.

Димитрий-царевич

И я согласен. Едем, так и быть.
Но пойдем переодеться. Кунигунда!
Нам комнату!..

Димитрий-царевич и Василий-царевич уходят.

3-й

Не слишком наряжайтесь.
Все знают, что вы прямо из коляски.
Приятное знакомство...

1-й

Мне они
Понравились,— особенно вот этот,
Что потчевал шампанским.

2-й

Молодцы!
Как вежливы, какое обхожденье,
Приветливость и ловкость!

3-й

Как умны,
Учены, добры, милы!

2-й

Не жеманны:
Я полюбил их, только что они
Вошли.

3-й

Я также, и тотчас узнал,
Что это люди первого разбора.
Ведь хорошо я сделал...

1-й

Что на бал
Уговорил их? Очень хорошо!

3-й

Мне хочется, чтобы они у нас
Как можно дольше пробыли; они
Любезные, порядочные люди,
Богатые; их надобно ласкать,
Уметь ценить их.

1-й

Это мы сумеем!
Лишь только б нам их заманить в игру;
Сначала помаленьку и прохладно,
А там знай наших!..

2-й

Мы гостеприимны.

3-й

Не должно врать...

1-й

Ты сам остерегайся!
Ты по вранью здесь первый человек!

3-й

Нет, извините — вы себя забыли!
Какая скромность!

2-й

Что вы, господа!
Вы не поссорьтесь! Чу! они идут.

Димитрий-царевич и Василий-царевич приходят.

3-й

(*подает им шляпы*)

Вот ваши шляпы! Мы на бал приедем
Как следует, не рано и не поздно.

Все уходят.

16

Серый волк один.

Серый волк

Мне нравится мой витязь! Он красавец,
Смел, добродушен, жизненная сила
В нем весело играет и кипит;
В нем лишь одно не ловко, не похвально
И мне прискорбно: он мои советы
Позабывает в самое то время,
Как должен их исполнить. Молод он,
Неосторожен, а беда как тут!
Но это я прощаю. Человек
Всегда таков, покуда сам собой
Не испытал и после не обдумал
Всех случаев опасных и несчастных,
Которые возможны, поколику
Они возможны. Я того и жду,
Что он опять забудет мой наказ:
Он соблазнится золотой уздой,
Возьмет ее и сделает тревогу!

Иван-царевич

Прости меня, мой добрый Серый волк!
Я виноват, опять впросак попался.

Серый волк

Вот молодость! Она воображает,
Что ей довольно всюду и всегда
Одной своей незрелой головы.

Иван-царевич

Я со стены спрыгнул благополучно,
Всё было тихо, на дворе широком
Покоился крепчайший караул
В объятиях весеннего Морфея;
Я шел, твердя в уме твои слова:
«Не брать узды! не брать узды!» и этак
Добрался до конюшни, и в нее
Вошел, взглянул: а на стене узда!
Я и теперь еще не понимаю,
Как я тогда смешался, я забыл
И твой приказ... и самого себя,—
Вся в дорогих каменьях, в жемчугах
И золотая, от нее лучи! —
Я протянул к ней руки и лишь начал
Снимать ее с высокого гвоздя,
Вдруг звон и крик, и страшная тревога!
Меня схватили, молодца, и прямо
На суд, как раз перед царя Афрона;
Царь вспыхнул, расходился и меня
Сердитыми вопросами осыпал.
Я отвечал ему чистосердечно,
Кто я таков и для чего зашел
В его конюшню. Он хоть и смягчился,
Но уж мыл-мыл мне голову! Потом
История, похожая на ту,
Что у меня была с царем Долматом:
И царь Афрон дарует мне прощенье,
Отдаст мне златогривого коня,
Когда ему я службу сослужу.
Вот видишь ты, в чем дело: он влюблен,
И горячо, решительно влюблен
В какую-то прекрасную Елену;
Он сам принадлежит ей и желает,
Чтоб и она ему принадлежала,
Желает страстно, жаждет и кипит!
Так я взялся, дал рыцарское слово
Достать ему предмет его любви.
Не знаешь ли, мой добрый Серый волк,
Скажи ты мне, что это за Елена?

Серый волк

Верх совершенства, чудо красоты,
Любезности и вообще всего,

Что зажигает в сердце молодом
Огонь любви прекрасной и живой.

Иван-царевич

Эге-ге-ге!

Серый волк

Ну, мой Иван-царевич!
Я потружусь, я сослужу тебе
Большую службу, я тебе достану
Прекрасную Елену,— а тебе
Ее похитить самому нельзя,
Поверь ты мне. Садись-ка на меня,
Поедем мы в то царство. Я тебя
Оставлю на дороге одного
Во чистом поле, под зеленым дубом.
Там жди меня, я скоро ворочусь
С прекрасною Еленой, и тебе
Отдам ее руками.

Иван-царевич

Добрый волк!
А мне было хотелось самому...
Да всё равно, я на тебя надеюсь
И буду ждать.

(*Садится верхом на волка.*)

Пошел же поскорее!

17

Иван-царевич.

Иван-царевич

(*под зеленым дубом*)

Светла, чиста небесная лазурь;
Прохладен воздух, долы и холмы
Цветут; стрекочет подмуравный мир;
Журчат ручьи и свищет соловей.
Прекрасный день! Люблю тебя, весна!
Пора любви, красавица годин,
Своею негой, свежестью своей
Ты оживляешь душу, подымаешь

В ней легкие и страстные мечты
И помыслы, и весело они
Играют и летают над землей
В благоуханном воздухе твоем
Под сводом неба ясно-голубым!

А что со мною будет, если волк
Меня обманет, убежит домой,
А я останусь пеш и одинок...
Здесь, под зеленым дубом? Я не знаю,
Чье это царство и куда идти?
Жду не дождусь; теперь уж третьи сутки
Кончаются с тех пор, как он меня
Покинул здесь. О нет! он добрый малый,
Смел и проворен, служит мне охотой,
Достанет он прекрасную Елену.
Верх совершенства! Стало быть, она
Весьма громка своею красотой,
Когда известна и в глуши лесной!
Я буду волку вечно благодарен
За эту службу: ею повершатся
Благополучно поиски мои!
Немедленно явлюсь к царю Афрону,
Отдам ему прекрасную Елену,
Возьму золотогривого коня;
Потом отдам коня царю Долмату,
И получу желанную Жар-Птицу,
И с этою блистательной добычей
Домой, домой — и прямо во дворец,
И батюшку на старости утешу!

18

Иван-царевич и Серый волк с Еленой.

Серый волк

Иван-царевич! принимай руками
Прекрасную Елену — вот она!

(*Кладет ее на луг, она в беспамятстве.*)

Она дорогой чувства потеряла,
Она чуть дышит, не глядит, чрезмерно
Испугана, потрясена ужасно:

Я так незапно выхватил ее
Из тишины отеческого сада,
Из круга милых молодых подруг,
Прислужниц, нянек, мамок и так быстро
Скакал с моею ношей дорогой,
Боясь погони и поимки, что она,
Воспитанная в неге и покое,
Имела право обмереть со страху
И задохнуться на моей спине;
А впрочем я берег ее, слегка
Придерживал зубами, чтоб никак
Не уязвить чувствительного тела.

Иван-царевич

(*смотрит на Елену*)

Жесток ты, волк!

Серый волк

Небось, она очнется,
Дай только ей немножко отдохнуть.
И подлинно, прекрасная Елена!

(*Смотря на нее.*)

Чудесный, бесподобный идеал!
Изящное слияние живых
Подробностей, оттенков и частей
И сладостных округлостей с живой
И сладостною мыслию всего
Создания в одно очарованье!
Иван-царевич, посмотри сюда:
Как живописно с этого чела
Прелестного упали эти кудри,
Волнистые и мягкие, как шелк,
И черные, как ворон — птица ночи,
На белизну и ясность молодую
Ее лица, на полноту грудей,
Высоких, пышных, царственных грудей!
Что за ресницы! Длинные, густые.
Глаза у ней! Ах, мой Иван-царевич,
Я видел их, я видел этот рай
Живительных желаний и томлений,
Восторгов, нег, отрад, самозабвений,
Разнообразный, полный рай любви!
Глаза у ней большие, голубые,

И светятся они таким огнем
И жгучим и умильным, что я сам...
Я, Серый волк... Прекрасная Елена!
Откройте ваши глазки, посмотрите:
Здесь не обидят вашей красоты,
Не бойтесь!

Елена

(*смотрит кругом себя*)

Что сделалось со мною? Где я?..

Серый волк

Худого с вами ничего; а где вы?
На это я могу вам отвечать
Лишь то, что вы находитесь теперь
За тридевять земель оттуда, где
Вы были дома.

Елена

Я несчастная... Куда
Меня... Так точно, всё это не сон,
Меня разбойники украли, я умру...

Серый волк

Разбойники! Прекрасная Елена!
Не бойтесь нас! Такие ли бывают
Разбойники? Вот этот человек,
Вот этот витязь, посмотрите: он
Ни жив, ни мертв, стоит, как полоненый,
Глаза потупил, руки опустились;
А отчего? Всё оттого, что вы
Очнулися, вы... чудо красоты!
И он увидел ваши голубые
Глаза и в вас влюбился всей душой.
А я, кто я? Я добрый Серый волк
И нахожуся в должности коня,
А иногда и в должности посланца
У витязя, который перед вами!
Я Серый волк и зверь, а не разбойник!

Елена

Зачем же я похищена?

Серый волк

На это
Ответит вам мой витязь. Вы не бойтесь!
Иван-царевич тих и благонравен,
Застенчив даже; отвечай скорее,
Иван-царевич, не робей, мой витязь!

Иван-царевич

Меня послал царь-батюшка поймать...
Достать ему чудесную Жар-Птицу...
И привезти...

Серый волк

Прекрасная Елена!
Не будьте строги, улыбнитесь! Что вам
Одна улыбка!

(Елена улыбается.)

Вот давно бы так!
Улыбка ваша, право, слаще меда.

Иван-царевич

А ты как знаешь, что такое мед?

Серый волк

Признаться, понаслышке. У меня
Был некогда приятель задушевный,
Медведь, Кузьма Иваныч, мой земляк;
Окончив курс учения в Сморгонской
Гимназии, он вышел из нее
И странствовал с поводырем и много
Земель различных видел, потешая
Людскую праздность пляскою своей;
Потом в леса родные возвратился,
Сорвавшись с цепи: так он говорил.
Он возвратился, правда, стариком,
Измученным, беззубым; но зато
Преопытным и мудрым, как Уллис.
Так от него-то много я узнал
О меде и о свете вообще.

Иван-царевич

Я думаю, прекрасная Елена,
Вы страшно испугались в ту минуту,
Как Серый волк похитил вас из саду.

Елена

Смертельно испугалась.

Иван-царевич

Мне досадно,
Мне больно, что усердный мой слуга
Так быстро мчал вас; впрочем, он боялся
Погони и поимки, торопился
Скорей ко мне.

Елена

Прошу вас мне сказать,
Зачем меня так неучтиво, странно
Похитили?

Иван-царевич

Прекрасная Елена!
Я вас не знал, я полагал, что вы
Красавица, каких и я довольно
Видал; бывало, взглянешь на нее —
И вспыхнешь и пробудятся в тебе
Волнения, восторги и мечты
Телесные и ровно ничего
Духовного: живее сердце, кровь
Живее... Ах, прекрасная Елена!
Ах, вы не то, нет, я увидел вас
Спокойно, равнодушно; я хотел
Полюбоваться вами, посмотреть
Красавицу, которую так славят
Везде и все, а не влюбляться в вас.
И долго, долго я на вас глядел
Бесстрастно и свободно; но потом,
Лишь только вы очнулися и взгляды
Мои впилися в ваши, я не знаю,
Что сделалось со мной! Затрепетал
Я трепетом нечувственным; во мне
Творилось что-то новое; мне было
И радостно, и страшно, и легко;
Я полон стал невыразимой неги,
Сладчайшей и высокой; полон стал
Невыразимой силы, тишины
И ясности блаженства неземного!
Казалось мне, что бытие мое
Не прежнее, что в бытие иное

Перенесен я, в дивный, чистый мир
Гармонии и света! Я люблю!
Я вас люблю, прекрасная Елена,
Люблю вас каждым помыслом души
И каждым чувством сердца вас люблю;
Всё, чем живу и движусь, чем я мыслю,
Желаю, верю и надеюсь, всё,
Всё это — ваше; вы мой светлый рай,
Моя звезда, мое предназначенье;
Вы мне ответ на роковой вопрос:
Быть иль не быть? Прекрасная Елена!

Серый волк

Иван-царевич! не пора ль тебе
К царю Афрону выменять коня?

Иван-царевич

Поди ты прочь с твоим царем Афроном!
Ты видишь: мне теперь не до него!
Оставь меня!

Серый волк

Ты сердишься, Юпитер...

Иван-царевич

Прекрасная Елена! Я дал слово
Царю Афрону вас ему доставить:
Вот для чего похищены вы были
Вот этим волком. Этот царь Афрон
Ваш давний, постоянный обожатель,
Скажите мне, желаете ли вы
К царю Афрону?

Елена

Я его не знаю...
Он сватался когда-то за меня,
И то заочно, я его не знаю.

Иван-царевич

Ах! не велите мне вас отдавать
Царю Афрону: он вас не поймет,
Я лучше... Он не силен так любить,
Как я люблю вас. Вы владейте мною:
Я вас введу в отеческий мой дом,
К царю Выславу; он благословит

Мою любовь, я буду счастлив вами,
Я буду вам повиноваться; буду
Все ваши мысли, все слова и взгляды,
Всю вашу волю свято выполнять,
Приветливо и весело; я буду
Гордиться, величаться, ликовать
Тем, что я ваш, прекрасная Елена!
Согласны вы?

Елена

Я пленница, я жертва
Беспечности придворных сторожей...
О, будь со мной что надобно судьбе!
Я ей во всем смиренно отдалась;
Я не ропщу, я не могу желать
К царю Афрону...

Серый волк

Я вас поздравляю,
Прекрасная Елена, с женихом,
Достойным вас по крови, по душе,
По сердцу, летам, ростом и лицом!
Иван-царевич, что же ты молчишь?
Счастливейший из смертных!

Иван-царевич

Добрый волк!
Чем я могу тебя благодарить?
Я совершенно счастлив! Это солнце
Любви мое; оно все дни мои
Осветит ясно тихими лучами,
Согреет нежно сладкой теплотой,
И дивною красою изукрасит,
И жизнию прелестной оживит.
Теперь домой! Послушай, милый волк!
Тебе не будет тяжело везти
Обоих нас? Вези нас легкой рысью!

Серый волк

Нет, мой Иван-царевич, погоди:
Ты позабыл, что надобно тебе
Добыть Жар-Птицу.

Иван-царевич

Как ее добудешь?

Отдать мою прекрасную Елену
Царю Афрону! Не отдам никак,
Ни за табун коней золотогривых
И ни за что на свете не могу,
Да, не могу!

Серый волк

А рыцарское слово?

Иван-царевич

(*задумывается*)

Что ты сказал? Ах, правду ты сказал!
Да, я несчастный, вот моя судьба!
Я полюбил... глубоко, вдохновенно,
На весь мой век прекрасную Елену...
И с ней расстаться! И ее отдать!..
Я сам умру! Мне легче умереть,
Чем одному скитаться по земле!

(Плачет.)

Серый волк

Не плачь, Иван-царевич!

Иван-царевич

Ах, мой добрый волк!
Как мне не плакать? Слезы льются сами;
Мне тяжело, смертельно тяжело...
Я гибну... я лишусь моей Елены!

Елена плачет.

Серый волк

Уж разве мне вступиться в ваше дело,
Прекрасная Елена?

Елена

Добрый волк!
Спаси его, спаси обоих нас!

Серый волк

Я вам слуга, прекрасная Елена:
Спасу я вас обоих,—успокойтесь!
Садитесь-ка на серого слугу!
Я повезу вас самой нежной рысью,

Прохладно и сохранно в государство
Царя Афрона; там, Иван-царевич,
Найдем мы лес, а в том лесу поляну,
И в той поляне мы одну оставим
Прекрасную Елену ненадолго.
Я обернусь прекрасною Еленой,
И ты отдашь меня царю Афрону
И на своем коне золотогривом
Туда приедешь; я же у него
Останусь погостить, повеселиться
Не более трех суток, убегу,
И снова к вам явлюся вам служить.

19

Иван-царевич, Елена и Серый волк. В лесу.

Елена

Любезный волк! я буду вечно помнить,
Чем я тебе обязана, ты спас
Обоих нас: благодарю тебя!

Серый волк

И есть за что, прекрасная Елена!
Ах, если бы вы видели, как я
Вас представлял перед царем Афроном!
Комедия! Когда Иван-царевич
Покончил с ним дела свои и вышел
Из комнаты, где приняты мы были
Блистательно и радостно и им
Самим и ловкой, пестрою толпой
Золотошвейных царедворцев,—царь
Махнул рукой, и я остался с ним
Наедине. Он предложил мне сесть;
Я села на диван под балдахином,
Задумчиво склонилась головой
К высокой спинке, очи и уста
Полузакрыла томным выраженьем
Пленительной усталости, а руки
На бархатных подушках разметала;
Во всей во мне была видна печаль,
Но тихая и нежная печаль,
Подобная тем тонким и прозрачным
И мимолетным вешним облакам,

Которыми скрывает иногда,
Как белой дымкой, пурпуры свои,
Свой пышный блеск веселая денница.
Он преспокойно сел против меня
И занимался долго созерцаньем
Моей всесовершенной красоты,
Беспрестанно взглядами своими,
Смиренными и сладкими, на мне
И медленно и мягко рассыпаясь.
Я видела, что я ему мила
И что ему легко и хорошо.
Потом сказал: «Прекрасная Елена!
Простите мне любовь мою; она,
Отверженная... так неутомимо
Гнела мне сердце, так немилосердо
Томила душу, так несносно-душным
Мне сделала путь жизни, что я впал
В уныние, оцепененье чувств,
В разлад идей; я стал угрюм, как ночь
Октябрьская ненастная; ослаб
Душой и телом; только и желал,
Что умереть,— и наконец решился!
Но вдруг случилось!..» Тут он рассказал
Историю, как ты, Иван-царевич,
К нему пришел и как ты обещал
Достать ему предмет его любви
В обмен на златогривого коня.

Иван-царевич

Да, царь Афрон — не промах: он хотел
Взять за коня прекрасную Елену!
Положим, что и дорог этот конь:
Он златогривый... все-таки он лошадь!

Серый волк

Он говорил мне об высоких чувствах,
Которые возобновились в нем
С тех пор, как я вблизи ему сияю,
Его кумир, звезда и небеса!
И говорил он многословно, жарко,
Игрой души, влюбленной через край,
И пеной удалых словокружений
Кипела и блистала речь его.
Я слушала и слушала, и вдруг
Мне захотелось позабыться сном —

И я зевнула; он заметил это,
И замолчал и потихоньку вышел,
На цыпочках, не смея и дохнуть.

Елена

Он очень мил.

Серый волк

Как всякий человек
В присутствии красавицы, точь-в-точь
Такой, как вы, прекрасная Елена.
Я позабылась самым крепким сном,
И долго им покоилась и встала,
Пробуждена горячим поцелуем
Полдневного сияния небес.
Тотчас вокруг меня засуетился
Игривый рой прислужниц молодых;
Передо мной наставили уборов
С три короба; во всем богатство, роскошь
И прелесть свежей выдумки и вкус.
Я нарядилась в бездну жемчугу,
В тьму бриллиантов, в пышность и во блеск!
И засияла, солнце красоты,
В окне над садом, а сама запела:

«Лишь только занялась заря,
И солнце взошло вверх, горя,
И осветило земный круг,
Пошла пастушка с стадом в луг
К потоку чистых вод».

Иван-царевич

Тут есть и смысл; а то обыкновенно
Красавицы поют такую гиль,
Что, право, уши вянут.

Серый волк

Царь Афрон
Меня услышал и ко мне явился
С приветствием; поднес мне пук цветов,
Прелестных ботанических растений,
И похвалил мой голос.

Елена

Очень мил!

Иван-царевич

Он человек лет сорока семи.

Серый волк

Обедали мы вместе; он шутил
Довольно остроумно, я смеялась
Так непритворно, что он мне сказал:
«Я рад сердечно, что у вас характер
Игривый и веселый — признаюсь:
Я не люблю красавиц заунывных,
Задумчивых, томящихся и слезных!»

Иван-царевич

Он в этом прав, я тоже не люблю...

Серый волк

По вечеру гуляли мы в садах,
И по пруду каталися с пальбой
И песнями, а пруд был освещен
Потешными огнями,— вообще
Веселостей и блеску было вдоволь.

Елена

И всё ему не впрок?

Серый волк

Всё суета!
Назавтра он водил меня смотреть
Различные полезные постройки:
Теплицы, пчеловодство, домоводство
И прочее; он сам мне толковал,
Что, почему и для чего; потом
Спросил меня, что более всего
Мне нравится в его хозяйстве? Я
Глаза склонила и сказала тихо:
«Молоденькие шленские барашки».
Тут царь Афрон задумался, но вдруг
Сжал руку мне и на меня взглянул
Так нежно, так любовно, так глубоко,
Что у меня кровь бросилась в лицо!
Он мне сказал: «Прекрасная Елена!
Назначьте день, счастливейший мой день,
Когда вполне вы будете моею?
Угодно ли вам завтра?» Я смутилась,

И трепетно и робко отвечала:
«Я непротивна...» Мы пришли домой,
И он тотчас ⟨же⟩ отдал приказанье
Готовить праздник: он был вне себя
От радости, что завтра наша свадьба.
День догорал, прекрасен вечер был:
Мне захотелось походить в саду
И по полю,— он отпустил меня.
Окружена блестящею толпой
Прислужниц, нянек, мамок и других
Чинов придворных, я в саду гуляла
И вышла в поле. Вдалеке чуть видно
Синелся лес, я села на траве
И приказала им сесть; а сама
В то самое мгновенье, как они
На землю опускались, вдруг вскочила
И поминай как звали: прямо в лес!
Там обернулась в свой родимый вид,
И к вам сюда, за тридевять земель,
Скорее ветра прибежал ваш волк,
По-прежнему готовый вам служить.

Иван-царевич

Вот молодец! Знай наших! Каково!

Елена

Мне жаль царя Афрона.

Серый волк

Ничего!
Утешится и, верно, перестанет
Вас обожать; сам виноват: зачем
Влюбляться заочно...

Иван-царевич

Милый волк!
Мне полюбился златогривый конь.
Не можешь ли ты сделать, ухитриться,
Чтобы и он остался у меня?
Ведь ты волшебный...

Серый волк

Я люблю тебя,
Иван-царевич, я готов на всё
Тебе в угоду: буду златогривым

Конем. Ты за меня возьмешь Жар-Птицу;
Я убегу ⟨и⟩ от царя Долмата,
И вновь тебе твой добрый Серый волк.

20

Иван-царевич, Елена и Серый волк.

Серый волк

Да, царь Долмат не удалой наездник,
Не молодец; лишь я прибавил бегу,
И вздыбился и бурно поскакал,
Он оробел, он задрожал, как лист,
Поводья бросил, вскрикнул: «Помогите!»
И бух с меня на землю — я и рад,
Что с ним легко разделался,— и мигом
К вам прибежал. Он ездит очень плохо,
Ему некстати златогривый конь!
Вот здесь мы остановимся: ты помнишь,
Иван-царевич, здесь, на этом месте,
Я встретился с тобою в первый раз,
Здесь растерзал я твоего коня,
И вот теперь до этого же места
Довез тебя. Теперь есть у тебя
Ретивый конь; Жар-Птицу ты достал,
И сверх того достал себе невесту
Прекрасную. На этом самом месте
Расстанемся. Прощай, Иван-царевич!
Мой витязь добрый, будь счастлив во всех
Твоих делах. Прекрасная Елена!
Живите с ним любовно, не слабейте
В желании принадлежать ему,
Как золоту блеск золота, весне
Весенняя прохлада, лету летний
Жар и огню *сияние денное;*
Единственно и крепко будьте вы,
Всегда здоровы, радостны; цветите,
Прекрасная Елена, упивайтесь
Сладчайшими восторгами любви
И юности счастливого Ивана-
Царевича. А мне теперь позвольте
Оставить вас: и мне пора домой,
В мои родные горы и вертепы,
В затишные поляны и леса.

Иван-царевич! я тебе служил
Усердно; вам, прекрасная Елена,
Служил усердно: весело мне было
Вам угождать; не долги и легки
Казались мне большие перебеги
И трудности, какие ради вас
Переносил я; вы меня ласкали,
Мне верили, вы называли волка
Своим слугою милым и любезным!
Я отслужил вам, я не нужен вам,
Я не могу туда, где вы живете.
Прости меня, Иван-царевич! Если
Я огорчил тебя когда-нибудь,
Неволею иль волей огорчил,
Прости меня и позабудь о том.
А ежели я был тебе полезен
Моею службою — ах, Иван-царевич,
Не поминай же лихом ты меня,
Прошу тебя, когда тебе случится
Быть на охоте и узнаешь ты,
Что псы твои залаяли по волку,—
Останови их, не вели им гнаться
За ним, пусть он бежит в свой лес
И поживет еще на белом свете.
Прощай, Иван-царевич, добрый мой,
Прощайте...

(Убегает.)

Иван-царевич

Он разжалобил меня,
До слез меня разжалобил,— мой верный
Слуга, какого мне уж не найти...
Я им доволен.

(Плачет.)

Мы домой поедем;
Здесь недалеко. То-то будет рад
Царь-батюшка. Он выйдет на крыльцо
Встречать меня, он обоймет меня
И сам заплачет сладкими слезами
Живейшего восторга. Я скажу:
«Царь-батюшка! Я вам привез Жар-Птицу,
И с клеткою, а вот моя невеста,
Прекрасная Елена! Полюбите
Ее, она прекрасна и душой!

А этот конь — он златогривый конь,—
Большая редкость! Он весьма хорош
Вам в беговые дрожки, он недурен,
А резвоног и крепок, добрый конь!»
Ах милая Елена! мой отец
Тебя полюбит — я любимый сын
Его,— и я с тобою буду жить
Так весело, так счастливо, что диво.
И что за сад у моего отца!
И яблоки единственные в мире!

21

Иван-царевич убитый, Елена, Димитрий-царевич и Василий-царевич.

Димитрий-царевич

Так не ушла же ты от наших рук,
Прекрасная, чудесная Жар-Птица!
И с клеткою! И златогривый конь,
И сверх того и эта прелесть. Кто ты,
Несчастная, без друга и в лесу?
Да полно плакать. Как тебя зовут?
Скажи скорее; а не то, ты знаешь,
Ты видела, что мы шутить не любим.
Ну, кто же ты?

Елена

Прекрасная Елена!

Димитрий-царевич

Прекрасная Елена! Слышишь, брат?
Прекрасная Елена! Вот она!

Василий-царевич

Та самая Елена, о которой
Молва кричит во все свои уста,
Что на земле нет ровно ничего
Подобного ей красотою.

Димитрий-царевич

Ты ли
Та самая? Скорее отвечай,
Не бойся!

Елена

Я прекрасная Елена.

Василий-царевич

(смотрит на нее)

Так как же быть: кому из нас обоих,
Любезный брат, принадлежит она?

Димитрий-царевич

Я старший; разумеется, что мне.

Василий-царевич

Нет, я тебе ее не уступлю;
Она и мне понравилась, и я
С тобою ровен правом на нее.
И то сказать, на что тебе Елену:
Ведь ты влюблен.

Димитрий-царевич

Пожалуйста, не ври.
В кого же я влюблен?

Василий-царевич

А в Кунигунду?

Димитрий-царевич

Неправда.

Василий-царевич

Как неправда? Ты при мне
Ей изъяснялся в пламенной любви,
Нелицемерной, верной, домогильной
И даже замогильной, и потом
Мне говорил, ну, помнишь, поутру?

Димитрий-царевич

Я изъяснялся в пламенной любви
Трактирщице, любезной Кунигунде,
Я говорил... Но я тогда был пьян,
Жестоко пьян, с похмелья после бала
И той проклятой ночи, как меня
Картежники едва не удушили.
Прошу не верить пуншевым парам.

Василий-царевич

Так жеребий,— пускай же нас рассудит
Сама судьба!

Димитрий-царевич

Пожалуй!

Василий-царевич

Вот сейчас.

(*Делает жеребьи.*)

Димитрий-царевич

А ты послушай, милая, ни слова
Не смей промолвить обо всем, что здесь
Ты видела и слышала, ни слова!
Молчи и знай, что если хоть во сне
Ты... Я тебе вот этой самой саблей
Срублю головку; помни, будь умна,
Не смей и плакать, и кажись веселой,
И будь тиха, и вовсе покорись
Своей судьбе.

Василий-царевич

Вот жеребьи. Сначала
Метнем на резвый.

Димитрий-царевич

(*вынимает*)

Резвый мой!

Василий-царевич

Так точно!
Теперь вот эти: конь или Елена?

Димитрий-царевич

(*вынимает*)

Нет счастья мне! Мне златогривый конь!

Василий-царевич

Вот то-то же! Прекрасная Елена,
Ты радуйся, что не ему досталась:

Я на тебе женюся непременно,
И станем жить да поживать. Теперь
Пора домой!

Димитрий-царевич

Ты помни же, Елена...

Уезжают.

22

Царь Выслав, Димитрий-царевич, Василий-царевич и Елена обедают.

Царь Выслав

Я этому не верю: невозможно,
Чтоб человек, который с юных лет
До старости любил уединенье
И тишину ученого труда,
Бежал разврата, жил благочестиво,
Возвышенный и дельный человек,
Вдруг сделался гулякой, чертоплясом,
Мерзавцем, волокитой. Я никак
Не верю: есть в природе переходы,
А этаких отчаянных скачков
Не может быть. Прекрасная Елена!
Вы ничего не кушаете... Что вы
Так пасмурны? Уж вы здоровы ли?

Димитрий-царевич

Она здорова, но нельзя же ей,
Царь-батюшка, не погрустить, покуда
Не обошлася в нашей стороне,
Не осмотрелась; ей у нас всё внове,
Всё будто бы чужое. Сверх того,
Скажу тебе всю правду, мы ее
Похитили так смело и внезапно,
Так быстро торопились от погони
И чтоб скорей обрадовать тебя
Жар-Птицей,— что прекрасная Елена
Устала с перепугу и со спеху.
Дай срок: она привыкнет с нами жить
И нас полюбит всех до одного,
И расцветет, и будет весела!

Не правда ли, прекрасная Елена,
Вы скоро к нам привыкнете?

Елена

Не знаю.

Василий-царевич

И больше всех полюбите меня?

Елена

Не знаю я.

Василий-царевич

Ведь вы моя невеста!

Царь Выслав

А где-то он, мой друг Иван-царевич?

Василий-царевич

Мы ничего не слышали об нем,
Хотя везде справлялись.

Димитрий-царевич

Где-нибудь
Теряет время, ищет вам Жар-Птицу,
Которая находится у вас!

Василий-царевич

Знать, он заехал чересчур далеко,
Иль заплутался.

Димитрий-царевич

Иль сидит в плену.
Да, признаюсь! я очень удивился,
Царь-батюшка, когда узнал от вас,
Что и его вы тоже отпустили
Отыскивать Жар-Птицу: он дитя!
Ну мало ли, что может с ним случиться.
Мы, например, мы, кажется, не дети,
И мы не раз спасались от беды
Лишь случаем. Большие переезды,
Вертепы, горы, дикие леса,
Наполненные лютыми зверями,
И кое-где разбойники — не шутка!

Царь Выслав

Ты прав, мой сын: не должно было мне
Пускать его. Да мне же и хотелось,
Чтоб он остался утешать меня;
Я всячески доказывал ему,
Что молод он, что этот подвиг труден,
Опасен, что мне нужно при себе
Иметь всегда хоть одного из вас;
Я говорил, что мало ли что может
Вдруг сделаться. Он плакал, горячился,
Упрашивал меня, мне представлял
Свои причины, мысли и надежды
Так жалобно и страстно, что я сам
Разнежился и отпустил его.
Ах, жив ли ты, мой друг, Иван-царевич!

(*Плачет.*)

Елена плачет.

Димитрий-царевич

Царь-батюшка! смотрите, как она
Вас полюбила, милая Елена!
Заплакала, увидя ваши слезы!

Елена

Я не могу не плакать!

Димитрий-царевич

Перестаньте, что вы!
Вы позабыли добрый мой... совет!
Не плачьте же — вот выпейте вина!

Входит Иван-царевич, Елена бросается ему на шею.

Елена

Иван-царевич! мой Иван-царевич!

Царь Выслав

Мой милый сын, ты жив и цел, мой сын!
А мы было... Прекрасная Елена!
Что это значит? Где же вы его?..

Елена

Он мой жених, мой милый и сердечный,
Иван-царевич. Он достал для вас

Жар-Птицу, златогривого коня
И для себя невесту, но дорогой
Его убили, а его добычу
Похитили!

Василий-царевич

(*на коленях*)

Царь-батюшка, прости нас,
Мы виноваты! Брат Иван-царевич!
Мы виноваты, мы тебя убили!
Присвоили себе твое добро,
Твои злодеи...

Димитрий-царевич

Зависть нас смутила.

Царь Выслав

Я ровно ничего не понимаю!
Они тебя убили, милый сын,
Так как же ты живой к нам воротился?

Иван-царевич

Я в самом деле был убит; они,
Царь-батюшка, зарезали меня
И мертвого покинули в лесу.

Димитрий и Василий-царевичи

Иван-царевич, добрый, милый брат!
Иван-царевич! будь великодушен!

Иван-царевич

Я был бы съеден хищными зверями
И птицами; но, знать, судьбе угодно,
Чтобы не то случилось. Серый волк,
Волшебный волк, приятель мой, который
Мне чрезвычайно много услужил
В моих делах (я всем ему обязан),
Нечаянно зашел в тот самый лес,
Узнал меня и, сжалясь надо мною,
Стал думать, как помочь моей беде!
Стал думать; вот увидел он, что ворон
И с ним два вороненка прилетели
Поесть меня. Он спрятался за куст,
И только что они на мне уселись
И начали свой голод утолять —

Он прыг из-за куста на вороненка,
Схватил его и хочет растерзать!
Тогда взмолился волку старый ворон,
Чтоб не губил он детища его.
«Послушай же ты, Ворон Воронович! —
Сказал ему мой добрый волк,— слетай
За тридевять земель и поскорее
Мне принеси воды живой и мертвой.
Не принесешь, так будешь ты без сына;
А принесешь, я отпущу его
И целым и здоровым».— «Принесу»,—
Сказал ему проворно старый ворон,
И полетел, и воротился к волку
На третьи сутки, и принес ему
Два пузырька с лекарством. Серый волк
Взял их, а вороненка разорвал,
И части спрыснул мертвою водою,
И вороненок сросся от лекарства;
Тут спрыснул он его живой водою,
И вороненок ожил, встрепенулся
И улетел. Волк за меня принялся:
Он вылечил меня от смерти, рассказал
Мне это приключенье и довез
Меня домой до городской стены.

Царь Выслав

Теперь я понял. Ах они злодеи!
Братоубийцы!..

Василий-царевич

Брат, Иван-царевич,
Царь-батюшка, прекрасная Елена!
Простите нас!

Царь Выслав

Прочь от меня!

Василий-царевич

Не будем
Впредь никогда, исправимся, полюбим
Всех вас. Ах, будьте милосерды,
Простите нас, прекрасная Елена!

Иван-царевич

Я вас прощаю, встаньте!

Елена

Я прощаю!

Димитрий-царевич

Царь-батюшка, ужели ты один...

Царь Выслав

Ты слишком добр, Иван-царевич. Встаньте!

Димитрий-царевич и Василий-царевич

(*встают и обнимают брата*)

Дай нам обнять тебя, любезный брат,
Забудь великодушно.

Иван-царевич

Всё забуду!
И станем жить, как братья жить должны!
Царь-батюшка, она моя невеста!

Елена

Ты мой жених, моя любовь и радость,
Мой нежный друг!

Димитрий-царевич и Василий-царевич

(*с бокалами в руках*)

Да здравствует Иван-
Царевич и прекрасная Елена!

Иван-царевич

(*берет бокал*)

Да здравствуют царь-батюшка и вы,
Со мною помирившиеся братья!

Царь Выслав

Живите мирно, сыновья мои,
Единодушно, ласково друг с другом,
Бесхитростно и будете счастливы,
И будете отрадою отцу
На старости. Благодарю тебя,
Иван-царевич, видел я Жар-Птицу:
Прекрасная, единственная, чудо!

Величиной с павлина! Золотые
И радужные перья! А глаза
Как две звезды востока! Для нее
Мы выстроим высокие палаты
С зеркальными окошками! Василий,
Поди и прикажи подать сюда
Десяток яблоков заветных! Это птица!
Особенно мне нравится у ней
Хвост! Вот так хвост! Величественный хвост!
Раскидистый и разными лучами
Сияющий...

Иван-царевич

Да здравствует Жар-Птица!

Между 1836 и 1838

ЛИПЫ

> И вымыслы нравятся, но для полного удовольствия должно обманывать себя и думать, что они истина.
>
> *Карамзин*

1

На пурпуре ленивки драгоценной
Красноречиво, пышно развалясь,
Князь Петр Ильич Хрулев уединенно
Курил гаванскую сигару. Князь
Глядел сурово, думал беспокойно:
Табачный дым небрежно и нестройно
Из-под усов на воздух он бросал;
Обыкновенно ж он его пускал
Отчетисто, красивыми кружками.
Что ж занимало голову его?
На поприще служенья своего
Блистает он чинами и звездами,
Он и богат, и знатен, и силен,
Чего ж ему, о чем же думал он?
Быть может, он воспоминал тоскливо
Прекрасные, былые дни свои
И молодость, когда он цвел счастливо

Избытком сил, для жизни и любви;
Когда он бойко, славно рисовался
Перед полком; иль негой упивался
В шуму высоких, царственных потех,
Где он имел решительный успех
У первых лиц, где был он несравненно
Умен, и мил, и ловок, и остер,
И привлекал к себе огнистый взор
И сладку речь красавицы надменной.
Быть может, он воспоминал те дни
И думал: «Ах, зачем прошли они!»

Они прошли как сон пустой; а ныне
Куда судьба его перенесла!
Он здесь один, и словно как в пустыне,
И кучами кругом его дела
Прескучные; он толку в них не видит
И знает, что добра из них не выдет;
Тоска ему, невыносимо дик
Его большой Бузанский пашалык:
Сама его столица как могила.
Здесь он завял и сердцем и умом
В глуши. Да нет, он думал не о том.
Забота в нем кипела и бродила
Важнейшая: он преисполнен был
Дум глубочайших. Вот он позвонил.

И перед ним, нагнувшись и блистая,
Лакей как тут. «Крумахера ко мне!»
Лакей ушел. Забота вот какая
Смущала князя: в этом Бузане,
Где всё еще и пошло и уныло,
Полезно бы, прекрасно б даже было,
Притом же и не слишком мудрено,
Бульвар устроить! Так и решено.
Покончена работа черновая,
Лишь осенью деревья насадить;
Но вдруг приказ: бульваром поспешить!
И чтобы он к шестнадцатому мая
И непременно весь отделан был.
Об этом князь бумагу получил
За чаем; он задумался над нею:
«Срок очень мал! Всего-то восемь дней!
Так как мне быть, когда же я успею?

Где я возьму такую тьму людей?
Бульвар велик; нет, это слишком скоро!
Стоят жары, теперь садить неспоро,
Деревья будет нужно поливать
Весь день,— да где их столько и набрать?
Лес за семь верст! И лес какой же? Хвойный!
А липы редки в этой стороне,
А нужны липы; что же делать мне?
Ну как тут быть?» Князь думал беспокойно,
И мысли в нем, одна другой черней,
Как волны вод, когда ревет борей.

Вошел Крумахер. Чинно поклонился.
Князь объяснил ему и прочитал
Бумагу. Тот ничуть не удивился
Разумному приказу и сказал:
«Так надобно, не мешкая, за дело —
И чтоб оно без устали кипело:
Прикажете, я завтра же начну
Распоряжаться, мигом поверну
Работу к спеху: множество народу
Собьем из подгородных деревень;
Велим ему работать целый день
Вплоть до ночи, возить к деревьям воду,
И для поливки буду высылать
Моих пожарных».— «Трудно лип достать,
Их сотни с две потребно для бульвара»,—
Заметил князь. «И это ничего:
Нас липы не задержат; сад у Кнара
Весь липовый; достанем у него.
И липы все, как на подбор, прямые
И чистые; ну, именно какие
Нам надобно. Я сам к нему зайду,
И завтра же; есть липы и в саду
Жернова, их мы тоже пересадим
На наш бульвар, и будет он как раз
У нас готов. Могу уверить вас,
Не беспокойтесь: славно дело сладим!»
И князь сказал: «Поди же торопись,
Любезнейший, и всем распорядись».

Ушел Крумахер. Князь легко и плотно
Поужинал, потом на ложе сна
Лег, и заснул, как отрок беззаботный.

Какая ночь: весенняя луна
То, ясная и яркая, сияет
В лазурном небе; то она мелькает
В летучих и струистых облаках,
Как белый лебедь, спящий на волнах.
Какая ночь! Река то вдруг заблещет,
И лунный свет в стекле ее живом
Рассыплется огнем и серебром;
То вдруг она померкнет и трепещет,
Задернута налетным облачком.
Земля уснула будто райским сном.

Вот лунный свет прекрасной вешней ночи
И в спальне князя весело блестит,
Его целуя и в уста и в очи;
Сон видит князь: с министром он сидит,
И объясняет складно и подробно,
Как было трудно, вовсе неудобно,
В такую пору, только в восемь дней,
Бульвар устроить: и согнать людей,
И лип найти, и подвозить к ним воду,
Песок возить, укатывать катком;
Но он таки поставил на своем
И, так сказать, преодолел природу.
Бульвар готов, а прежде тут была
Пустая площадь, и трава росла!

И видит князь, как он министра водит
По дивному созданью своему:
Министр доволен, весело он ходит,
Всё хорошо, всё нравится ему,
Всё сделано отлично, превосходно,
Как надобно, и князя всенародно
Он тут же и не раз благодарит,
И князь в восторге. Он едва стоит;
Он очарован ласковым воззреньем
Вельможных глаз на слабый, малый плод
Его трудов, усилий и хлопот;
Он поражен приливом и волненьем
Сладчайших чувств; он ими поглощен —
И три раза он видит тот же сон.

2

Аптекарь Кнар, с своей женой Алиной
И кучею детей, спокойно жил.
Его семьи счастливою картиной
Все любовались; он жену любил
Сердечно, и такою ж отвечала
Она ему любовью; управляла
Хозяйством восхитительно; была
Добра, умна, чувствительна, мила.
Его жена любила так же нежно
И постоянно липовый свой сад,
Приют своих семейственных отрад.
Она об нем заботилась прилежно,
И процветал Алинин сад, предмет
Ее живой заботы многих лет.

Она его в наследство получила
От матери покойной, и сама,
Еще при ней, деревья в нем садила —
Не просто; нет, она была весьма
Замысловата: при сажаньи сада
Не только что прогулка иль прохлада
Приятная была у ней в виду;
Нет, ей хотелось, чтоб в ее саду
Произрастал, красиво зеленея,
Альбом родных и милых ей людей,
Чтоб легкий шум густых его ветвей,
При месячном сияньи тихо вея,
Напоминал ей сладко, вновь и вновь,
Ее семью и дружбу и любовь.

И эту мысль она осуществила
Прекрасно. Вот Адам Адамыч Бок,
Бандажный мастер; вот его Камилла
Эрнестовна; вот Франц Иваныч Брок,
Сапожник, и жена его Бригита
Богдановна, и дочь их Маргарита,
И муж ее Петр Федорыч Годейн,
Штаб-лекарь; вот Иван Андреич Штейн,
Кондитер и обойщик; вот почтмейстер
И кавалер Крестьян Егорыч Шпук,
Вот Фабиан Мартынович фон Фук
И Александр Вильгельмович фон Клейстер —

Два генерала; вот и две жены
Двух генералов, бывшие княжны
Мстиславские: Елена и Полина,—
Красавицы!
А вот семейный мир
Хозяйки: вот ее мамá, Кристина
Егоровна; папá, аптекарь Шмир,
Иван Иваныч; дядя Карл Иваныч;
Вот муж, аптекарь Николай Богданыч
Кнар; дети: Лиза, Лена, Макс, Андрей,
И прочие... В дни юности своей
Она сама здесь некогда гуляла,
Влюбленная, и томною мечтой
Питалася, беседуя с луной
Задумчиво, и «Вертера» читала.
Здесь вместе с ней жених ее гулял
И в первый раз ее поцеловал.

И с той поры, в тот час, когда сменяет
Шумливый день ночная тишина,
И небосклон румяный потухает
За дальними горами, и луна
Слегка осветит дремлющие сени
Заветных лип, и сетчатые тени
Падут на луг,— Алина здесь блуждать
Любила и душой перелетать
В минувшее, и чувствовать уныло,
Что сердцу милых многих, многих нет,
Что эта жизнь полна пустых сует,
И веровать, что будет за могилой
Иная жизнь и лучшая, иной
И вечный свет, небесный, неземной!

Так этот сад хозяйке драгоценен.
Прекрасный сад! Он застенен горой
От северного ветра, многотенен
И далеко от пыли городской.
Как живо улыбается Алина,
Когда ее семейная картина
И двое-трое милых ей гостей
В ее саду, в тени его ветвей,
Сидят, пьют кофей, муж спокойно курит
Табак; с ним тихо говорит Конрад
Блехшмидт, портной, его табачный брат;

С мамзелями невинно балагурит
Танцмейстер Кац, а с Миною фон Флит
Он вечно шутит: как он их смешит!

Был вечер. Кнар, с своей женой Алиной,
Сидел у растворенного окна.
Он занимался важно медициной
И рылся в толстой книге, а жена
Чулок вязала, между тем глядела
На улицу, которая кипела
Народом и телегами, и сам
Крумахер горделиво по толпам
Расхаживал; полиция кричала
И гневалась жестоко на народ.
«Ах боже мой! Крумахер к нам идет!
Что это значит?» — жалобно сказала
Алина и хотела выдти вон;
Но в дверь стучат. Так точно,— это он.
И муж ее немедленно смутился,
Насупился и книгу отложил.
Крумахер величаво поклонился
И сел. Сначала он заговорил
О том, что хороша теперь погода.
Обыкновенно в это время года
Бывает грязь и дождик ливмя льет;
Что в городе сгорел свечной завод,
И сильный ветер пособлял пожару,
А затушить не можно было: тут
И заливные трубы не берут;
Потом он ловко перевел к бульвару
Свои слова, и наконец довел
Их и до лип, а тут он перешел
И к липам Кнара. Нужно непременно
Их на бульвар, и скоро, перевесть,
Чтоб к сроку был готов он совершенно.
Князь приказать изволил! — Эта весть
Хозяину пришлася не по нраву:
Насилие, неуваженье к праву
Он видел в ней; Алина же чуть-чуть
Не обмерла, не смела и дохнуть;
Но Николай Богданыч приободрился,
Вскочил со стула, выступил вперед
И объявил, что лип он не дает,
Во что б ни стало. Он разгорячился
И ну твердить: «Где ж правда, где закон?»

Таким ответом крайне удивлен,
Крумахер скоро вышел. Очевидно,
Мирволил он аптекарю, щадил
Его: он с ним нимало не обидно,
Спокойно, даже мягко говорил,
И то сказать — Кнар человек известный,
Почтенный немец, говорят, и честный,
И многими уважен и любим:
Зачем его дразнить или над ним
Ругаться! Пусть живет благополучно.
Но вообще Крумахер был не так
Учтив, был груб и резок на кулак,
И речь его бежала громозвучно,
Как быстроток весенних, буйных вод,
Сердитый, пенный, полный нечистот.

А между тем аптекарь расходился.
Ведь сад — его, принадлежит ему,
Принадлежит по праву. Он решился
Лип не давать никак и никому.
Князь приказал! Князь человек военный,
Однако же, как слышно, просвещенный,
Он этого не сделает. О нет,
Ты лжешь, Крумахер! Завтра же чем свет
Иду сам к князю, смело, откровенно
С ним объяснюсь и липы отстою:
Я защищаю собственность мою!
Я прав и в том уверен несомненно.
И с этой мыслью Кнар пошел ко сну,
Поцеловав чувствительно жену.

3

Бузанский полицмейстер собирался
В объятия Морфея: он курил
Гаванскую сигару, раздевался
Прохладно и квартальным говорил:
Калинкину (Калинкин был вернейший
Его подручник, ревностный, грубейший;
Он мог назваться правою рукой
Крумахера):
«Послушай ты, косой,
Похлопочи, чтоб дело сделать с толком:

Ты должен непременно до зари
Управиться; а главное, смотри,
Чтобы все шло без шума, тихомолком.
Пожалуйста, получше всё уладь!
А ты, Мордва, изволь-ка завтра встать
Пораньше, да к Жернову отправляйся
С рабочими и выгрой сотню лип —
И на бульвар вези их; ты старайся,
Чтоб корни были целы, и могли б
Они приняться; выбирай прямые
И чистые деревья, молодые
И ровные, рабочих понукай
Как можно чаще,— наш народ лентяй,—
Ступайте же».
                                Крумахер потянулся,
Прилег к подушке, раза два зевнул
Глубоко и приятно — и заснул,
И захрапел. Поутру он проснулся
До петухов. Лазурный неба свод
Был чист и ясен. Солнечный восход
Багряными, златистыми лучами
Блистательно его осиявал;
Багряными, златистыми столбами
Река блистала: ярко в ней играл
Прекрасный день. Вдоль берега туманы
Еще дымились; рощи и поляны
Сверкали переливною росой
И зеленели. Воздух, теплотой
И свежестью весны благоухая,
Был тих и сладок; жаворонок пел,
И благовест над городом гудел,
К заутрени протяжно приглашая
Благочестивый православный люд...
Крумахер встал, и глядь: к нему ведут
Купца Жернова.
                                «Это что такое?» —
«Лип не дает, кричит и гонит вон!» —
«Лип не дает! Нет, это, брат, пустое!
Ты лип нам дашь, ты мало, знать, учен:
Буянить вздумал. Ты не уважаешь
Начальников, полиции мешаешь!
Ах ты разбойник! Мы тебя уймем».
(И ну его гордовым чубуком!)
«В тюрьму его! Там будет он смирнее —

В тюрьму его! Да насчитать ему...»
(И отвели несчастного в тюрьму.)
«А ты, Мордва, ты право, не смелее
Моих индеек, баба, размазня!
Хорош квартальный,— ты срамишь меня!
Нет, у меня б Жернов не раскричался,
Не пикнул бы. Иди же ты назад!
Стыдись, братец, кого ты испугался?
Бородачей, купчишки,— плох ты, брат!
И больно плох, и время упускаешь
По пустякам. Иди же и, как знаешь,
Как я велел, всё сделай поскорей,
Да, ради бога, будь ты посмелей!»
Мордва ушел. Работою живою
Давным-давно бульвар уже кипел,
На нем и ряд деревьев зеленел
Посаженных, и тенью их густою
Играл прохладный, вешний ветерок
И падала роса их на песок.

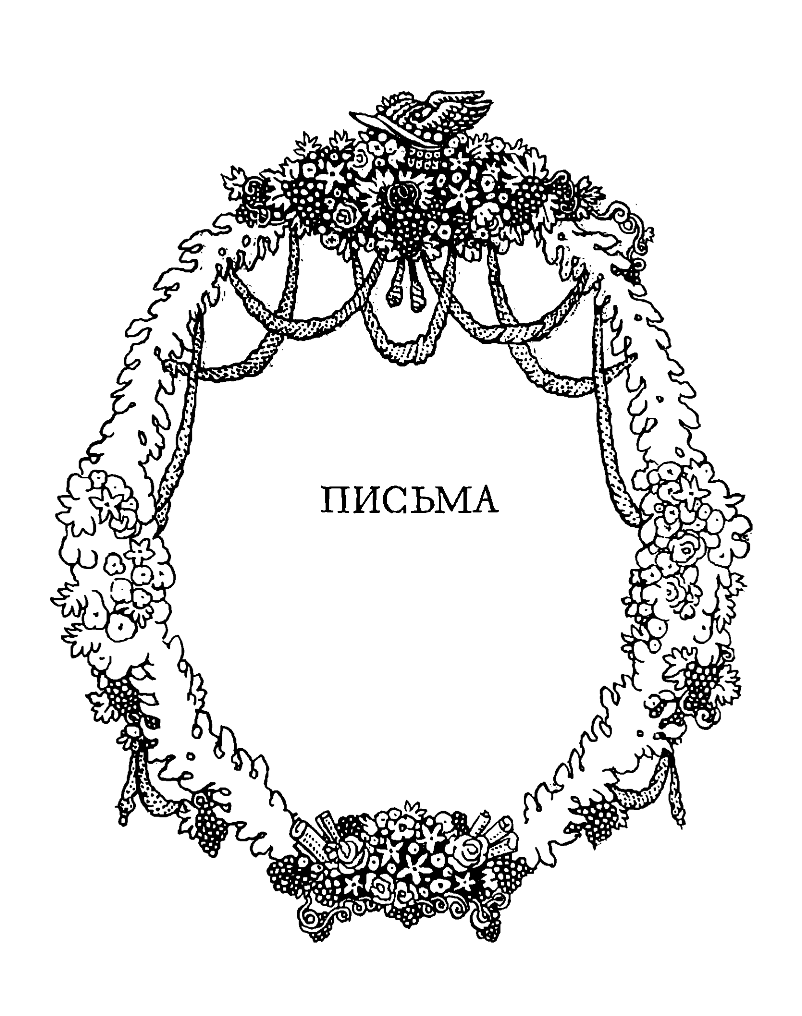
Дышать прохладой сладостного мая
Пошла Алина; дети вместе с ней.
Кнар собирался к князю, размышляя,
Как он пойдет и просьбою своей
Предохранит свой сад от господина
Крумахера. Вдруг слышит крик; Полина
И Макс бегут, и плачут и кричат:
«Папа́, папа́, иди скорее в сад;
Мама́ больна, в сад воры приходили
И взяли наши липы». Он бежит,
И что ж он видит: замертво лежит
Его Алина. Тот же час пустили
Ей кровь, да кровь едва-едва текла;
Несчастный муж! — Алина умерла!

Бульвар кипит работой. Горделиво
Князь и Крумахер смотрят на него.
И подлинно: всё делается живо.
Помехи нет ни в чем, ни от кого.
Приехали и с липами Жернова,—
Сегодня же и садка вся готова:
Останется лишь разровнять песок
И поливать. Бульвар поспеет в срок,
И даже прежде срока. В самом деле,

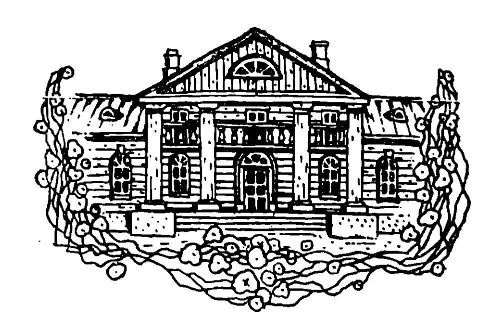
Бульвар, еще до срока, в жаркий день
Уже манил гуляющих под тень
Своих ветвей... И не прошло недели,
Как и прелестный, райский князев сон
Сбылся точь-в-точь, каким приснился он.

9 апреля 1846

ПИСЬМА

1. П. М. ЯЗЫКОВУ

1822. Марта 31. ⟨Петербург⟩

Письмо ваше, любезный братец, от 14 сего месяца мы имели удовольствие получить и радуемся, что вы, по свидетельству А⟨лексея⟩ А⟨ндреевича⟩, нашли деревенское хозяйство не так расстроенным, как можно было предполагать.

На сих днях возвратился сюда Грудев, однако ж от него мы ничего не узнали о делах симбирских, хотя и надеялись услыхать много и лишнего. Он ехал от Москвы 17 суток до Петербурга, и потому не удивительно, что язык его не успел еще прийти в прежнее сильное движение — может быть, потому, что претерпел много неудовольствий от своих костяных соседей, которые в продолжение этой несносной, по словам Грудева, дороги были весьма обеспокоеваемы.

Здесь носятся слухи о новой истории, случившейся в Лейб-Егерском полку. При осматривании оного Князем Николаем, он взял, вероятно в припадке безумной ревности к солдатским обрядам, за воротник капитана Норова, коего вы, может быть, видали у Свербеева; оный капитан и все офицеры его роты требовали от его высочества отставок, и за сие разогнаны теми же чинами в армию, под предлогом предполагаемого комплота со стороны Норова.

Вот еще новость. Известный вам Каратыгин был посажен в крепость за несоблюдение будто бы приличий благопристойности перед Шаховским, который ныне совсем не служит при театре и по порядку дел не мог бы требовать поклонов от лиц, ему уже чуждых; но не так случилось: Каратыгин, говорят, не видав Шаховского, не встал перед ним, когда оный проходил мимо; сие было донесено Милорадовичу в противном виде, и сей посадил Каратыгина в крепость св. Петра. В этой истории всех лучше поступил один квартальный,

которому поручено было отвезти Карат⟨ыгина⟩ в крепость: квартальный вызвал его из дому под другим предлогом, и потом объявил ему, что его повезет в крепость, и потому советует ему взять с собою денег. Каратыгин ему поверил и хотел возвратиться домой, чтоб исполнить совет его, но его не пустили, и он принужден был зайти к знакомому и оттуда написать домой записку, вследствие которой и получил 120 рублей денег и белье. Квартальный, увидав, что его арестант может доставить пищу его корыстолюбию, сказал Каратыгину, что он напрасно берет с собою деньги, ибо их в крепости обирают, и что лучше будет их оставить ему на сохранение. Каратыгин оставил у него 100 рублей, а прочие взял с собою и, по освобождении, узнал, что денег в крепости не обирают и что квартальный провел его в свою пользу. Не правда ли, что сей поступок достоин и самых искуснейших английских мошенников?

№. Зубов недавно был посажен в карцер от великого князя Николая за непокорность законам военного регламента, и таким образом мы торжествуем — мы, предлагавшие ему не вступать в сию школу и пророчившие ему тиранию. Последнее тайна.

Ваш покорнейший брат *Н. Языков.*

Ивану Ивановичу мое почтение.

2. А. М. ЯЗЫКОВУ

Дерпт.⟨Ноябрь, 1822⟩
(Не знаю числа.)

Завтра (воскресенье) приходит сюда петербур⟨г⟩-ская почта: я надеюсь получить мои учебные книги и вперед благодарю тебя. Они совершенно обеспечат мои занятия, усилят мой язык в разговорах и, что всего лучше, объяснят некоторые места в стихотворениях Кернера, которого я уже и теперь читаю с большим удовольствием, а тогда буду даже переводить некоторые пьесы — разумеется, стихами — и присылать тебе для доставления куда следует. Кстати: когда будешь ко мне посылать что-нибудь значительно большое, то, сделай одолжение, пришли Корнеля; во что бы ни

стало и как бы то ни было, а я решился перевесть «Радогуну»; мне тут будет практика, а бог даст — и сидящая на высоте. Я постараюсь всем телом и душою исполнить твои благонамеренные советы: сильно займусь латынью и немецким, и тогда давай бог чернил и перьев! Вот мой план (а мои планы походят на хамелеона): когда укреплюсь в этих языках, то решительно оставлю Дерпт, и поедем в чужеземию. Здесь студенты живут очень весело, занимаются более танцами и фантами, и часто звон внутренней колокольни заглушает профессорские лекции; притом между ими царствует какое-то глупо-военное честолюбие, которое дает право на пьянство и буянство и не к добру морочит бедных насекомых. Признаюсь, что я почти опасаюсь, чтоб из меня не сделалось то же, чему теперь я вовсе не хочу уподобляться: не правда ли, что это вещь очень возможная, особливо со мною, который еще не имеет твердого характера? Впрочем, об этом поговорим тогда, как буду в состоянии быть студентом.

Я очень знал и прежде письма твоего, что стихи, посланные к Погожеву, не имеют души и проч. и проч., но это была только одна пиитическая хитрость, которою хотел я завлечь Погожева к переписке и присылке мне его произведений,— и, верно, успею в моем намерении. Однако ж он ко мне еще не писал; знает ли он мой адрес? Грудев тоже не отвечает; что с ним сделалось? Бывало, когда его о чем спросишь, то он не молчит, а теперь ни гугу; скажи ему, что я ему не кланяюсь на сей почте и впредь не буду, ежели не удовлетворит он моего письма порядком. Геннадий и б...— рифмы, которые никак нельзя назвать бедными и худыми: пусть спросит он любого из поэтов; это то же, что рекой — громобой и проч. Может быть, они ему не нравятся совсем по другой причине, тогда виноваты не рифмы. Не так ли? «О состоянии крестьян» соч. Грибовского я, кажется, отдал Плавильщикову, а ежели нет,— то у С. М. Семенова; у него же три части «Прогулки за границу».

Пиши ко мне о театре: я очень желаю знать, что делается там, где я находил лучшее из удовольствий. Каратыгин, как помнится, очень хорош в «Сыне любви». Да и вообще, кажется, он в мещанских трагедиях превосходит игрою свое собственное лицо в героических. У него, точно, много таланта; жаль только, что природа не вовсе образовала его для театра: у него

лицо не героическое, обыкновенное, незначительное — а это важная вещь для актера, да сверх того глаза малы, а Ларив советует артисту театральному иметь глаза большие и быстрые: ими, по его замечанию, можно всего сильнее действовать на зрителей; это кажется, довольно доказывает и Семенова. Кто ж будет учить Каратыгина, когда Катенин запрещен в столицах? Едва ли он сыщет другого, столь же ревностного, наставника; дай бог, дай бог ему Гнедича!

Нравы здешние мне очень мало известны; когда узнаю покороче, то не премину тебе сообщить мои замечания. Вчера я был на празднике рождения у одного из родных моего Борга; главная черта здешних собраний есть трубка и пиво. Мне особливо нравятся немецкие жены: они чрезвычайно любят мужей своих и все хорошие хозяйки (из тех, разумеется, кого я знаю), образованны, веселы, и я еще ни одной не видал, о которой можно было бы сказать, что она или теперь нехороша собою, или была. Вот каково!

Борг готовит к изданию вторую часть своих переводов из рус⟨ских авторов⟩. Сделай одолжение, когда-нибудь при случае не забудь прислать Озерова и «Руслана». Что делается с «Благонамеренным?» Будет ли А. Очкин решительным его наполнителем и надругателем? Уведомляй меня о литературных новостях; здесь ничего об Руси не слышно, журналов нигде не видать, а немцы никогда почти не говорят о своих добрых соседях.

Погожева, сделай одолжение, убеди писать ко мне; это даже невежливо: человек к нему написал письмо оттуда, где имел полное право забыть его, а он не хочет ни строчкой ответить! O tempora, o mores! [1]

Барону Дельвигу мое почтение. Я уже прямо пишу в Симбирск — и писал к брату о мальчике; не знаю, что будет. Большие немецкие и маленькие французские лексиконы мне необходимы, но их можно прислать не иначе, как с фурами: итак, надобно подождать; я доволен и тем, что прислано. Вальтер Скотт мне очень нравится; в его романах есть что-то новое, необыкновенное и много занимательного; он мне служит лакомством; но я прошу прислать прочие томы не прежде, как я сам того потребую; не хочу есть конфекты

[1] О времена, о нравы! *(лат.)*.

прежде обеда; итак, дай мне достаточно перекусить немецким языком — тогда и проч.

К этому письму прилагается мое новое стихотворение; если ты найдешь его хотя немного достойным бога, которому жертвуют поэты, то отдай Воейкову, а в противном случае оставь без уважения, даже не показывай Погожеву, ни Грудеву и проч., ибо тогда я хотел ⟨бы⟩, чтоб ты не читал его вовсе. Вот что надобно заметить об этом произведении. 1. Заглавие «Моя родина» кажется ему неприлично: итак, перемени как угодно, ежели bene.[1] 2. Не должно разуметь меня самого под этим певцом, ибо нет никакой в этом необходимости; то же самое может отвечать всякий русский стихотворец. Скажи, как тебе показалась «Песнь Регнера» и как ты ее считаешь pro и contra[2] печати,— твоя полная власть. Скажи мне свое мнение об теперь посылаемых стихах: я знаю, что ты не очень любишь свою родину,— полюбишь ли мою? Только признаюсь, что я сочинял ее с большим удовольствием — не знаю отчего. Причины этому могут объясниться после, а теперь довольно и одного удовольствия. Ты советуешь мне сочинить что-нибудь поважнее; я сам давно об этом думал и уже начал пьесу, к которой приложу полное старание и (может быть, не скоро) представлю тебе этот оселок для моих дарований; тогда ты прочтешь и скажешь мне откровенно, кто я? Заглавие этому большему из моих пиитических детей «Гаквин»: будет нечто скандинавское; несколько строф готовы и ожидают только переправки; впрочем, главное, напр. план, содержание,— уже есть.

Студенты, коим я рекомендовался от Воейкова, люди более светские, нежели образованные, и вовсе не пиитические; с ними невесело. Гамс собирается в генваре в Петербург; с ним я пришлю письмо, и думаю, можно будет что-нибудь ко мне переслать поважнее, напр. даже денег, кои тогда будут нужны; он добрый, даже знатный малый; я с ним познакомлюсь короче. Гофману почтение.

До следующей почты прощай.

Твой брат *Н. Языков.*

Погожеву, Очкину, В⟨асилию⟩ Вас⟨ильевичу⟩, Спасскому и жене его почтения.

---

[1] Хорошо *(лат.)*.
[2] За и против *(лат.)*.

3. А. М. ЯЗЫКОВУ

Дерпт. 20 декабря ⟨1822⟩

Как часто пишу!

Благодарю, благодарю: ты начинаешь вполне отвечать на мои письма.

Напрасно думаешь ты, что похвалы Воейкова могут испортить меня; я им вовсе не верю, ибо знаю, что такое Воейков вообще и что в особенности журналист, который нуждается в материалах. Даю тебе душевное обещание не писать вперед пиитических предуведомлений — и, верно, сдержу свое слово, хотя вовсе не раскаиваюсь в моих чувствованиях к старине русской; я ее люблю и не согласен с тобою в том, что она весьма бедна для поэта; где же искать вдохновения, как не в тех веках, когда люди сражались за свободу и отличались собственным характером? Притом же воспевать старинные подвиги русских — не значит перелагать в стихи древнюю нашу историю; историческое основание не помешает поэту творить, а, напротив, придает еще некоторую особенную прелесть его вымыслам, усиливает его идеи: вот как я думаю — может быть, ошибаюсь. Твоя власть опровергать; я еще темный человек в эстетике и сужу о поэзии только по инстинкту.

Итак, у тебя теперь есть мои неожиданные деньги; вот на них и поручения: купи и пришли «Историю» Карамзина (кто слову изменит, тому да будет стыдно: я стану петь дела отцов) и если достанешь, то «Нестора», пер. Языкова. Я хочу написать небольшую повесть в стихах, которой содержание будет взято из древ⟨ней⟩ русск⟨ой⟩ ист⟨ории⟩. Перевощиков мне советует исполнять мои пиитические обещания — итак, вперед, моя муза! Что-нибудь одно: либо пан — либо пропал; в моем ремесле посредственность не годится; испытаю свои силы, и если увижу, что я не в состоянии догнать славу, то брошу поэзию и буду — не знаю чем... Ты оценишь мою музу; верь, что я тебе верю Ежели до сих пор я не написал чего-нибудь такого, по чему ты мог бы судить о мне пространнее, то это единственно от недостатка терпения, а отнюдь не оттого, что будто меня удовлетворяют и те похвалы, которые получаю за мелочи. Буду писать несколько месяцев для практики и не печатать, даже ты не получишь про-

должения родов моей музы; жди лучше чего-нибудь важнейшего, чем повторяй мне при каждой оказии, что тебя не удовлетворяют мои пиитические дети. Останови, если успеешь, печатание «Моей родины»: я согласен с тобою, следст⟨венно⟩ и проч. Почему Погожев ничего не печатает из своих собственных произведений? Я уже начинал было кое-что переводить из Кернера, но, ей-богу, не могу — и вот почему: когда я хочу выразить мысль чужую, то мне в ту же минуту представляется собственная, и я уже думаю о своей. Может быть, ты этому не поверишь — и я ничем не могу тебе доказать справедливости моих слов кроме того, что ты не получил ни одного моего перевода, даже из Кернера, который меня восхищает и верно бы заставил подражать своим прекрасным творениям, ежели бы было возможно.

Не знаю, за что Свербеев прославлял Киселева как остряка: в нем столь же мало остроумия, как говядины в здешних супах. Правда, что он (скажу словами критиков, рассуждающих о римских консулах: как счастлив Камилл!) имеет претенцию на остроту, но более этой претенции ничего особенного не имеет. Может быть, это совсем не тот Киселев, про коего повествовал Сверб⟨еев⟩; Киселевых на Руси много — так, может быть, которому-нибудь из них удалось сострить когда-либо, но едва ли этому: он добрый малый, но худой остряк; занимается только танцами и фантами, прекрасно рисует, говорит о пустяках и чрезвычайно беспокоится о своем туалете: не правда ли, что это дела вовсе не студенческие; всему есть свой черед.

Ты удивляешься, почему дерптские красавицы не возбудили во мне ни одной страстной пьесы? Итак, вот тебе новое доказательство свободы моего сердца: ежели влюблюсь, то, вероятно, это будет иметь влияние на мои стихи; но покуда еще не испытал ни наслаждений, ни печалей любовных, то не хочу притворяться любовником; ибо притворство было бы слишком явно, а это, особливо в стихах, очень худо, несносно — не так ли?

Благодарю за перемену, которую ты сделал в посылке Слёнина; я давно получил басни Крылова, и Борг перевел уже из них несколько: он теперь не имеет времени перевесть все, что хотел бы, ибо сам переписывает свою книгу; он хочет после издать особо выбор из Крылова; его переводы чрезвычайно близки;

я пришлю тебе 5 экземпляров 1-й части, а когда выйдет — и второй, для распространения славы Борга, которой он весьма достоин. Еще пришлю тебе на немецк⟨ом⟩ книгу о *русском законодательстве,* только что вышедшую; в ней ты увидишь, что немцы читают русских: замечания Куницына на свод зак⟨онов⟩ и ответ Розенканфа и ответ первого переведены. Последний будет во второй части. Мой Борг прежде моего приезда знал много о Куницыне и говорит об нем с большим уважением. Один из здешних жителей собирает подписку на им сочиненную историю Петра I в 6 том⟨ах⟩. Он, как говорят, хвалится тем, что имел не одни иностранные материалы, но читал Голикова. Я бы подписался на это сочинение, но в моем кармане нет теперь большой возможности удовлетворять всем моим желаниям. Кстати об истории. Говорят, вышла «История Малороссии» Каменского; пришли мне ее при случае. Вот еще что: не вышли ли Древние русские стихотворения *Цертелева?* Мне их будет нужно, даже *издание оных Калайдовича*, но все это в свое время. Пришли поскорее «Цида» и альманах: мне весьма и тот и другой любопытны. А *книги, о коих я писал на прошлой почте, необходимо требуют скорой* присылки. Впрочем, ты не должен баловать, как говорит Вяземский, языка болтливого свербеж. Что ж ты не присылаешь мне Таппе сокр⟨ащенного⟩ Карамз⟨ина⟩; мне это очень нужно, необходимо — поторопись, сделай милость; тут откладывать — значит останавливать мои успехи. Какие негодные у меня чернила, но делать нечего: чем богат, тем и рад. Не забудь же *рисовальную машинку*, пожалуйста не забудь.

На прошлой почте у меня началась переписка с Погожевым; показывает ли он тебе мои письма? Только ты не должен платить ему всегда тою же монетою — понимаешь? Кстати, о слове «не должен». Мне чрезвычайно не нравятся его стихотворения — может быть, это зависть: ни одного нового, собственного выражения, даже слова, ни одной непережеванной мысли; все передразнивание Пушкина и Баратынского, которых совсем нельзя передразнивать без скуки читателям. Читал ли ты новую пьеску Пушкина «К войне»? Стихосложение, как всегда, довольно хорошо: зато ни начала, ни середины, ни конца — нечто чрезвычайно романтическое; но, верно, в Петербурге ее хвалят, и особливо Погожев, потому что он обыкновенно хвалит

то, что хулят люди с познаниями и вкусом. Я читал ее у г-жи Протасовой, которая очень сильно обо мне беспокоится.

Не знаю, что хочет со мной сделать Воейков: он во всяком письме к своим родным меня расхваливает. Видно, ты не имеешь сильного желания с ним познакомиться: правда, что в его знакомстве нет ничего интересного, кроме его жены,— с этим согласен и Борг. Она скоро сюда будет, я опишу ее тебе с ног до головы, говорят, что всякий, кто ее видел хоть раз вблизи, непременно в нее влюбляется. Ежели надо мной исполнится это прорицание, то ты увидишь таковую перемену моего духа только из слога моих писем, а не иначе: смотри же, смотри в оба. Прощай, кажется — довольно. Пиши же о театрах. Кто играл в «Циде» Шимену? неужели Семенова?

Нет, мало! Едва ли Очкин может, при теперешнем моем положении, достать от меня стихов в «Благон⟨амеренный⟩». Я почти ими не занимаюсь и долго, может быть, не буду печатать. Притом же неужели он меня так дорого ценит, что почитает необходимым мое содействие при поднятии на задние ноги сего борова (как выр⟨азился⟩ од⟨ин⟩ критик)? Скоро ли он своею собственною особою явится в Петербург и что к тебе пишет? Адрес мой можно, и даже должно, сократить так: его благ. Ник. Языкову — в квартире Карла Федоровича Борга, секретаря крейс-герихта.[1] Скажи эту новость и Погожеву. Грудев ко мне писал раз: он едет в деревни Уварова — верно, это для тебя новость. Кланяйся П. Очкину, Погожеву, Гофману, Бахтину и проч. Григ⟨орию⟩ Ивановичу и его супружнице — мои почтения. К Василию Васильевичу пишу; не знаю, что писать: верно, ты его надоумил? Разбираешь ли ты мои руны? ⟨...⟩

Часто, бывало, принесешь к Плавильщикову книги, когда у него много просителей, то скажешь, чтоб он их вычеркнул, и сам уйдешь. Все книги брата Петра, на коих подписана его фамилия, куплены, и деньги отданы. Об тех книгах, какие я пропустил здесь, напишу на следующей почте к Очкину; он должен знать, где они и отданы ли.

Ежели ты будешь в состоянии прислать мне деньги, то пришли мне поскорее; с 7 генв⟨аря⟩ здесь начинается

---

[1] Окружного суда (*нем.*).

ярманка; мне нужно будет купить мебель для комнаты: я перейду скоро в другую, а в этой все чужое и не Боргово.

4. А. М. ЯЗЫКОВУ

5 марта 1823. 〈Дерпт〉

Наконец торжественно поздравляю тебя с приездом Петра и удивляюсь, видя несправедливость моих предположительных мнений об нашем будущем славном агрономе: так, видно, благотворный гений наук не потух в нем даже от тлетворного дыхания деревенской жизни — честь и слава обоим!

Я очень хорошо познакомился с Жуковским (о Воейковой буду писать в следующем письме); он меня принял с отверстыми объятиями (в обоих смыслах), полюбил как родного; хвалил за то, что я не вступил в университет в начале текущего года, ибо (по словам его, а я им верю) чем дольше пробуду в Дерпте, тем больше и проч. Он мне советует, даже требует, чтоб я учился по-гречески; говорит, что он сам теперь раскаивается, что не выучился, когда мог, и что это обстоятельство очень сильно действовало на его стихотворения. Как ты об этом думаешь? Скажи, присоветуй, что делать. Впрочем, мне кажется, что по вступлении в университет у меня останется довольно времени и для этого — говорят, очень трудного — языка:

Где победить легко, там не славна победа!

Жуковский очень прост в обхождении, в разговоре, в одежде, так что, кланяясь с ним, говоря с ним, смотря на него, никак не можно предположить то, что мы читаем в его произведениях. Заметь: он советовал мне (то же, что ты,— каково?) не верить похвалам, доколе мое образование не докажет мне, что они справедливы. Ах, любезный! далеко кулику до Петрова дня! Однако ж, как ты мог заметить из, так сказать, запора моей музы, я, кажется, по крайней мере до сих пор, не полагался на восклицания Воейкова, ибо в противном случае муза моя сделалась бы гораздо плодотворнее, а теперь ничего не производит, даже не мучится родами. Жуковский советовал мне никогда не описывать того, чего не чувствую или не чувствовал: он почитает это главным недостатком новейших наших

поэтов; итак, я хорошо делал, что не следовал твоему предложению стихотворствовать о любви. Впрочем, может быть, скоро буду писать стихи, вдохновенные этой поэзией жизни, но уверяю тебя, что тогда не изменю предыдущему замечанию Жуковского. Он завтра или послезавтра едет в Петербург; Воейкова остается здесь месяца на два или на три — вот мне содержание для писем, и хвала за то провидению, ибо это не будет общим местом.

Сюда еще приехал один ежели не поэт, то большой стихотворец: кто бы ты думал? Илличевский. Я с ним или, лучше скажу, он со мной познакомился; едет в чужеземию и остался здесь, как говорит, дожидаться первого пути. Он знатный малый! Очень радовался, когда я сказал ему, что Борг перевел одну его эпиграмму. По-немецки знает немного, плохо, чуть-чуть; в этом он сам признается, но говорит, что Дельвиг еще меньше его знает: едва ли это возможно. Я думаю, что не этот ли недостаток заставил его сюда заехать и дожидаться лучшего пути в Германию. Мне с ним довольно весело; он говорит много, просто, иногда остроумно, и я с ним ратоборствую в последнем: это мне первый случай поговорить то, что думаю, и сказывать что хочу и как хочу в здешней вовсе немецкой сторонушке. В следующем письме я отвечу на вопрос твой: могу ли приехать к вам прежде июня? Об этом надобно подумать. Не пришлешь ли ты мне когда-нибудь, хотя не скоро, «Историю» Сегюра и какую-нибудь хорошую географическую карту, лучше атлас; шляпку, об коей писано в предыдущем письме; мужскую, маленькую, кучерскую.

Totus tuus [1] *Н. Языков.*

Петра целую и почитаю.

⟨Приписка⟩

Дм⟨итрию⟩ Ник⟨олаевичу⟩ мое почтение и поздравление с возвратом. Пришли с Сегюром «Стар⟨инные⟩ русск⟨ие⟩ стих⟨отворения⟩», изд⟨анные⟩ Калайдовичем.

5. ОБОИМ БРАТЬЯМ

29 августа ⟨1823. Дерпт⟩

Моя переборка на новую квартиру задержала мой ответ на ваше письмо. Вот вам некоторое понятие об

[1] Весь твой *(лат.)*.

новом моем местопребывании: оно в лучшей части города, два окна на площадь, комната светла, опрятная, не на чердаке, и я в ней расположился очень удобно и совершенно в своей тарелке; главная же выгода ее в том, что она весьма близко от университета, потому что в теперешнее осеннее время и в скоробудущее мне случалось бы очень часто и довольно далеко странствовать для слушания лекций.

Петр меня спрашивает: как читает лекции Парот? Это человек необыкновенной учености, сильно любящий свою науку; говорит весьма точно и весьма пространно, потому что так знает; часто возвышается даже до поэзии, и тогда его выражения поражают сильною живостью и производят в слушателе самое чу⟨в⟩ство профессора; при всякой оказии делает опыты; жаль только, что их видят из 150 человек не более 30: для этого сделана в физическом кабинсте маленькая загородочка, и когда обступят его кругом (а студентов большая часть длинных), хоть брось глаза, так ничего не видишь, ежели не успел сперва соскочить с лавки. Он сидит во время лекции весьма торжественно: на высокой довольно катедре, под бюстом Невтона, и при всякой оказии обращается к нему с вопросом, с сильными выражениями. Мне весьма понравились его уроки; я Петру обещаюсь прислать сюрпризом его «Разговоры о физике»; в следующий семестр он, кажется, будет читать физику земли: говорят, что это чрезвычайно любопытно.

Всех более из профессоров меня восхищает Эверс; его лекции составляют самую приятную, можно сказать амврозическую, пищу моего ума: читает просто, ясно и необыкновенно выразительно; его искусство выражать характеры людей очень сильно. Когда он говорил об Годунове, то я признаюсь, что до тех пор никогда не думал, чтоб можно было так подействовать на мое воображение рассказом очень простым. Достойно замечания, что он признает Димитрия I Иоанновича самозванцем. Теперь я вижу, что эпоха самозванцев может служить богатым предметом для историка, и жду с нетерпением Карамзина; эта же эпоха может дать хорошие материалы для романиста исторического, потому что нравы сего времени необыкновенно ясны в русской истории, а происшествия самые романтические. Одно суеверие русских во всякого нового самозванца — может быть, изображающее их даже любовь и почита-

ние к царской крови,— есть уже сокровище для искусного пера.

Перевощиков читает историю русской словесности (а не эстетику, как слух носился прежде), и очень хорошо: он человек копотный, рассказывает всю подноготную ясно и даже иногда красноречиво. Язык русский — по крайней мере на словах — знает очень хорошо и никогда ни на шаг не отдаляется от своего предмета (кроме той лекции, о которой я писал в прошлом письме); это он перенял у немцев. Он меня избавил добровольно от двух лекций в неделю, когда он занимается с студентами переводами на русский с немецкого, и переводами довольно мелочными, и для того, чтобы я лучше занимался в это время стихотворениями, он мне даже дал тему на некоротенькое сочинение: это — представить Баяна на развалинах Владимира во время татар (а почему же Владимира?), мечтающего о прежней славе России, сетующего о настоящем горестном ее положении и, наконец, во сне видящим ее будущую славу. Он предлагает мне подражать в сем случае Грею, который написал в этаком же случае «Барда» и не взял его с собою в храм бессмертия, по суду критиков,— и мне подражать этому утопленнику в Лете! Я подумаю хорошенько, потому что мне не хочется и отвергнуть предложения Перев⟨ощикова⟩ из личного к нему уважения и желания ему угодить и не хочется осрамиться избранием предмета весьма реляционного и в котором нельзя сделать никакого изображения, потому что, по совету Перевощикова, тут должны быть изображены характеры просто, с историческою, с математическою точностию, а это выйдет в стихах (хотя бы и возможно лучших) краткая русская история. Я понимаю намерения этого совета: почтенному профессору хочется принудить меня восхититься принятием христианской веры Владимиром, между тем как этот предмет теперь еще велик для моего воображения и слишком широк для времени. Есть слух, что ему не слишком нравятся мои, в его смысле, либеральные мысли во время татарского ига, и оттого-то, верно, предпринимает обратить меня на дорогу прославления Христовой и монархической крови. Спросите Дельвига, как он думает об предложении: не слишком ли оно прозаическо и критическо?

У меня с Воейковой теперь весьма сильная дружба, и не знаю, почему именно теперь это случилось: не

оттого ли, что ближе с нею познакомился во время бытности здесь ее мужа? Я ей показываю и даже вписываю в альбом мои стихи.

С буквою Д., которая столь часто вопросна в ваших письмах, все идет по-прежнему; теперь я живу от нее очень близко, но, следуя совету В⟨асилия⟩ В⟨асильевича⟩:

От девушек скройся,
В беду чтобы там
У них не попасться;
Ведь знаешь ли ты,
Что с ними вязаться
Лишь грех, суеты!

и тебе, Ал⟨ександр⟩, повторившему этот золотой урок для юности, я не чаще бываю там у них. И точно предвижу, что таковые обстоятельства могут завести мое сердце в темный лабиринт и совратить мой ум с учебной дороги. В таких размышлениях я решился скопить мое воображение на некоторое время и тем скопить оного побольше для будущего: дай бог мне успеть в этом спасительном намерении!

Благодарю за выписку из письма В⟨асилия⟩ Афанас⟨ьевича⟩, его похвала для меня очень лестна; но зачем выписал ты одну вторую часть его периода, который должен, по-видимому, весь относиться ко мне, ибо начинается союзом разделительным: *а стихи его*, что заставляет предполагать меня еще что-нибудь обо мне сказанное и что для меня было бы также любопытно. Об моих занятиях и хозяйственных распоряжениях напишу на следующей почте: теперь уже довольно.

Нельзя ли прислать мне следующие книги, которых нельзя достать здесь: «Grundsätze der National-Oekonomie oder National-Wirtschaftslehre» von Ludwig Jakob, zweite Auflage. Charkow, Halle und Leipzig[1], 1809, и прислать два экземпляра; можно без переплета. Еще — разумеется, не для меня — «Сто четыре священные истории». И узнать, скоро ли выйдет «Немецкий словарь» Ольдекопа? И ежели не затр⟨удн⟩ит вас финансовая необильность ваша, то «Русскую антологию» Сен-Мора. Кстати о книгах: в ящике, присланном с фурманом,[2] не нашел я 8-го тома Кон-

---

[1] «Принципы национальной экономической науки» Людвига Якоба, второе издание. Харьков, Галле и Лейпциг (*нем.*).

[2] Извозчиком (от *нем.* — der Fuhrmann).

версационслекси⟨кона⟩;[1] он не мог потеряться дорогой, потому что ящик получен мною в совершенном здравии; еще забыли вы повесть о самозванцах.

Прощайте до следующей почты.

Ваш брат *Н. Языков.*

Кланяйтесь В⟨асилию⟩ Афан⟨асьевичу⟩.

Николаю Викторовичу мое почтение и всем моим знакомым.

Пришли мне «Братьев-разбойников» и замечания цензора на стихи Олина: я тебя отблагодарю за это неожиданною присылкою запрещенной книги.

6. А. М. ЯЗЫКОВУ

3 февраля 1824. ⟨Дерпт⟩

Письмо, которое ты получил теперь, разделяется на две части: *первую* можно читать всем, желающим знать статистику моего духа; *вторая* же такой важности, что прошу не читать ее в таком месте, где бы кто-нибудь, кроме моих родных братьев, мог заметить остроумно: хотя, впрочем, однако ж! Итак, держи ухо востро!

Ты меня сильно заинтересовал, любезный Алекс⟨андр⟩, началом твоего письма: тысяча предположений и догадок родилась в голове моей, и признаюсь, что некоторая часть их вертится около храма Гименеева. В прошлых двух письмах и я отплачивал тебе тою же монетою, еще не зная, что получу от тебя такую же фантасмагорию. Но смотри 2-ю часть.

Вы напрасно ужасаетесь при чтении описания моих студентских приключений: они на меня не имеют почти никакого влияния. Мне при начале моего вступления в университет было гораздо труднее самостоятельствовать, чем теперь: тогда нужно было наблюсть большую политику, не удаляться и не очень приближаться к студентам; теперь же они меня любят, но узнали, что мне не так-то нравятся их пьяные забавы и проч. Говорят, что у меня характер слишком тих для участвования в полной мере во всех их делах. Короче, я умел (и это вещь важная) поставить

[1] Энциклопедического словаря (от *нем.* — das Konversationslexkon).

их от меня в почтительном отдалении. При сем помогла мне несколько и молва о моих поэтических талантах: так, например, часто то, за что с другим была бы дуэль, мне извиняется как поэту, с которым званием, они думают, сопряжены обыкновенно некоторые странности. Итак, они приписывают часто особенному характеру моего характера то, что иногда делается по рассуждению. Не знаю, возможно ли истребить вовсе этот дух дуэлизма, но вижу, что это трудно, и думаю, что он продолжится донельзя. Правда, что такие истории могут иметь худые последствия на устройство университета вообще, но видно, что делать нечего покуда. Впрочем, здешние старожилы говорят, что теперь еще слава богу, и то ли было прежде!

Воейкова теперь в Петерб⟨урге⟩ и, как слышно, долго не возвратится в Дерпт. Здесь прилагается еще записочка Воейкова, присланная мне с полным собранием всех «Прибавлений» к «Инвалиду». Не прислать ли его вам с тех пор, как у вас он есть? Напишите, сколько вы его имеете, и я пришлю с радостию.

Говорят, что меня расхвалил до небес Булгарин в своих «Литературных листках»; жаль, что я еще не видал их, а то бы сделал для вас выписку. Измайлов мне уже начал присылать «Благонамеренный»; он пуст, как безвоздушное пространство; зато, как говорит Очкин, сколько бумаги для подтирки!

Ты напрасно спрашиваешь от меня известий о нашей литературе: я об ней почти ничего нового не знаю; прислал бы Пируше «Полярную звезду» — но, верно, она уже есть у вас. Я едва ли не подпишусь при возможности и на «Мнемозину», что в Москве издает с кем-то Кюхельбекер.

Слышно, что у Булгарина откроется война с Вяземским: ибо последний (каналья!) в биографии Дмитриева предпочитает его Крылову; это безбожно и безвкусно, как мне кажется, и может быть сказано только одним Вяземским, который Дмитриеву или кум или сват. Крылов, как тоже слышно, написал несколько новых басен и отдал их в «Соревнователь» — имей это в виду. Здесь носится слух, будто нашим куратором будет великий князь Михаил — едва ли это не шутка, впрочем, в нашем веке дело возможное!

Прощай покуда.

Твой брат *Н. Языков.*

Сегодня я пишу не столько, сколько мог бы и желал, да у меня такая большая переписка, что господи упаси: с Очк⟨иным⟩, с Княж⟨евичем⟩, с Грудевым — кроме вас, мои почтенные!

7. ОБОИМ БРАТЬЯМ

2 марта 1824. Дерпт

Ты сильно негодуешь, любезный Алекс⟨андр⟩, и на нечастость и на незанимательность моих писем; ты даже говоришь, что *нам писать не об чем.* Твоя святая воля — а не вижу, даже в твоих письмах (ибо ты-то особенно и часто жалуешься на недостаток материалов), последнего предложения, вероятно единственно моим грешным упреком против твоей (я виноват: ошибся) несоответственности произведенного! Что я пишу не часто — это дело возможное, потому что мало имею времени писать много; а что мои письма незанимательны — дело не новое: не так ли? И ты, верно, всегда то же думал и прежде, их читая, да только теперь изъяснился открыто о том, что скрывал доселе, видя, сколь старался я хотя многочисленностию заменять истинную пустоту содержания моих писем. Итак, прости и прошлый, и, может быть, настоящий, и будущий недостаток не пера, а духа моего,— и будем писать как прежде, как можем, не укоряя друг друга в том, что делать — не наше дело,— и не требуя невозможного. Лучше какая-нибудь погода, нежели никакой. И да будут эпиграфом нашей будущей (ежели ты не вовсе хочешь ее развялить и иссушить) переписки эти стихи Вяземского:

Пусть всё идет своим порядком
Иль беспорядком — всё равно!

Я читал в списке весь «Бахчисарайский фонтан» Пушкина: эта поэма едва ли не худшая из всех его прежних; есть несколько стихов прекрасных, но вообще они как-то вялы, невыразительны и даже не так гладки, как в прочих его стихотворениях. Что-то каков будет его роман в стихах «Евгений Онегин»? Его тоже, как и «Бахчис⟨арайский⟩ фонтан», вперед расхваливают: чтобы также не обмануться! Читал ли ты новую басню Крылова «Кошка и соловей»? Прелесть: видно,

что его воображение не охладело от лет, не так, как у Дмитриева (знаешь ли, что коротенькие басенки в листках Воейкова и в «Полярной звезде», под коими подпечатываются три звездочки, принадлежат Ивану Ивановичу?). Ты писал мне, что тебе кажется нынешняя «Полярная звезда» хуже прошлогодней,— да и в той что же было слишком хорошего? Если у тебя с собой Шиллер, то сравнивал ли ты перевод Жуковского из 4 действия «Орлеанской девы»? Русские стихи прекрасны, сильны и живы, но всё не то, что шиллеровские, в которых видно гораздо более вдохновения и поэзии высочайшей, например в конце этого монолога. Стихотворения Жуковского, говорят, скоро явятся; говорят, в них будет много нового, верно тоже переводного; «Иванов вечер» напечатан под именем «Дунканова». Пишет Княжевич, что теперь цензура сделалась еще глупее и строже прежнего; вот пример: для «Литерат⟨урных⟩ прибавлений» переведена была повесть из Голдшмита, в которой только что упоминалось об каких-то актерах, худо игравших; этой повести не пропустили, потому что запрещено писать о театрах в Петербурге. Вот каково, мой почтеннейший! Что делать нашей братье авторам? Молчать или говорить вяло и пусто. Как кстати здесь применить можно прекрасную басню Крылова «Кошка и соловей»: подлинно сказать —

Худые песни соловью
В когтях у кошки.

Дай бог тебе благого успеха в твоем благом намерении, почтенный или, скажу лучше, достопочтеннейший Петр! Я от души рад буду быть твоим трубадуром: мне не в диковинку писать для прекрасного пола; здесь я писал, например, для Воейковой, и тогда мои стихи были живы и сильны, что, надеюсь, судя по предмету будущих стихов для тебя, будет иметь место и в твоем случае. Стихи льются, когда пишешь для понимающей прекрасной особы; я тоже пишу и для других красавиц, но они редко меня понимают или совсем меня не понимают и всегда хвалят, между тем как я чувствую, что они не чувствуют,— и тогда я не трубадур, а труба-дур! Перевощиков ко мне чувствует особенное благоволение после прочтения моего отрывка из «Баяна»: даже на лекциях не начинает говорить, покуда я не приду; даже в глаза говорит мне, что я

имею истинный талант, советует написать поэму или трагедию — и теперь же; это очень много от человека самого сухого темперамента, скромного, осторожного в словах и вообще от Перевощикова.

Но, мои почтеннейшие, я чувствую, что мне рано приниматься за труд славный. У меня есть в голове план для небольшой или, может быть, большой поэмы; это именно «Баян»; начало вы читали; за ним должно следовать сражение: герой поэмы — певец и воин — остался раненый на поле битвы; его берут в плен, везут в Византию; он служит в греческом войске императору, сражается в Сицилии, в Италии и возвращается после, венчанный славою, в Киев, где находит свою любезную изменницею; он бросается в Днепр — и конец! Может быть, этот план покажется вам слишком простым или слишком романтическим, но мне хотелось бы описать нравы тогдашних греков, Сицилии и проч.; это прекрасный предмет для хорошей музы, но для этого надобно бы прочесть целого Лебо и Гиббона, что мог бы я сделать во время прошедших праздников рождества, но болезнь — государи мои! — отняла у меня надолго это удовольствие. Итак, буду ждать нового свободного времени, и не знаю докуда! Теперь же могу только написать одно сражение, и, кажется, напишу, ибо этого желает существо, редкое в Дерпте и природе,— Воейкова. Между тем жду с нетерпением X и XI томов Карамзина; в них-то, судя по IX, должен явиться он в полном блеске: один Годунов есть уже предмет, достойный пера красноречивейшего, а сам Перевощиков говорит, что красноречие есть свойство Карамзина. Что мне за дело до ошибок против летописей: я могу восхищаться его слогом, его картинами — и для поэта довольно! Кстати, мне вовсе не нравится разбор «Ист‹ории› гос‹ударства› Рос‹сийского›» Лелевеля: он, ей-богу, не сто́ит по силе, по остроумию писем киевского жителя Каченовского; притом же тон Лелевеля слишком самоуверен и учительский. Так по крайней мере думает здешний профессор Перевощиков и некоторые другие, напр. Эверс. В этих двух томах — богатый источник для драматической поэзии. Едва ли не можно из Годунова сделать трагедию, подобную «Валленштейну» Шиллерову. О господи! как бы мне поскорее кончить изучение греческого и латинского языков, прочесть Шекспира, Кальдерона и Гете и еще раз Шиллера! «Ich will kein Dichter sein, wenn ich

kein grosser Dichter werden kann»[1],— сказал Гелти — и я с гордостию говорю то же. Или все — или ничего, мои почтеннейшие! В поэзии всего несноснее посредственность; веселее читать Хвостова — тогда по крайней мере смеешься,— но читать какого-нибудь Плетнева, Туманского и многих других — это скучно как нельзя больше: что называется, ни молока, ни шерсти — ни большого ума, ни большой глупости!

Очень рад, что Лукин, верно, заедет меня посмотреть: отечества и дым нам сладок и приятен! Впрочем, мне странно, почему его перевели в Рижский округ — верно, против воли. Я опишу вам наше свидание в подробности; Лукин для нас вообще интересная персона; вы же, так, как я, давным-давно его не видали. Нет ли слухов о Зубове? иль тетерев его до смерти заклевал? Погожев не пристает ко мне больше письмами. Вышел перевод «Пустынника» Даленкурова; кажется, Погожев в нем участвовал, а его бранят в «С⟨ыне⟩ о⟨течества⟩» и в хвост и в голову, то есть и переводчиков и автора. На прошлой неделе уехал отсюда мой приятель Киселев; он кандидат, то есть 10 класса, по новой привилегии здешнего университета. Он будет распространять мою славу в старопрестольном белокаменном граде, где она еще, конечно, будет новинка.

Вот вам письмо довольно длинное, по крайней мере да не упрекаете меня в лености, а ежели оно незанимательно и доказывает, что мне писать нечего, не я виноват. Делаю, что могу.

Прощайте до следующего письма вашего.

Ваш брат *Н. Языков.*

8. ОБОИМ БРАТЬЯМ

6 апреля ⟨1824, Дерпт⟩

Извините, мои почтеннейшие и снисходительнейшие, что так поздно пишу к вам давно обещанное длинное письмо. Обстоятельства — как-то: говение, пост и благочестивое состояние моего духа во время страстной

[1] «Я не хочу быть поэтом, если я не могу стать великим поэтом» (*нем.*).

недели — лишили меня удовольствия в пору отвечать на письма ваши. Начнем сначала. Я уже отправил к Дельвигу небольшую пьесу с посвящением Е⟨лизавете⟩ П⟨етровне⟩ И⟨вашевой⟩; она, ежели поспеет, будет, вероятно, напечатана в вышенаименованном альманахе, а ежели он уж вышел в свет, то в каком-нибудь журнале. Жаль только, что посвящаемое едва ли похоже ценностию на того, кому посвящено; делать нечего: чем богат, тем и рад; надеюсь вперед принести значительнейшую жертву существу, столь достойному поклонов Аполлоновых. Стихи, о которых здесь ведутся слова, составляют предисловие к еще несуществующей повести о Ливонских рыцарях; ее напишу, когда будет у меня более времени, и напишу непременно. Я хотел вам послать теперь же и это маленькое новорождение моей музы, но раздумал — и вот почему: пусть оно будет для вас, так сказать, сюрпризнее, явившись как новость и смыслом и местопребыванием. Теперь занимаюсь чтением Ливонских историй, чтоб поближе познакомиться с нравами и обыкновениями рыцарей, долженствующих явиться в свет русской литературы в стихах моей музы. Жаль, что не имею «Истории крестовых походов» Мишо: в ней, верно, мог бы я найти много для меня теперь нужного, а ее нет в здешней университетской библиотеке. Впрочем, мой первый опыт по части рыцарства как-нибудь обойдется и без дальних околичностей, а после... что будет после того, никто не ведает, как будущее.

Вчера читал я перевод Жуковского «Орлеанской девы»; это важный и редкий подарок нашей бедной литературе: стихи Жуковского и смыслом и звучностию возможно близки к Шиллеровым и служат новым, хотя уже не нужным, доказательством, что первый мог бы и сам произвести что-нибудь оригинальное и классическое на том поле, куда он так хорошо пересаживает красоты чужие. Советую тебе, Алекс⟨андр⟩, купить для Параши это издание стихов Жуковского: оно гораздо больше содержит, гораздо лучше (прекрасно) напечатано, чем прежние. Притом же для одной «Орлеанской девы» можно иметь и прочие части тому, кто не может из подлинников почувствовать всю красоту поэзии Шиллеровой — сильной и возвышенной! Мне Жуковский досадил в этом переводе только тем, что употребляет некоторые иностранные слова — и притом все такие, которым в нашем языке есть совер-

шенно равносильные: напр., армия, партия, нация, марш; хотя они нисколько не мешают верности перевода, но что в них, когда есть свои и благозвучнейшие: воинство, сторона, народ, ход? В этом же издании находятся и все в прежних не бывшие его переводы и сочинения, рассеянные по журналам, и сверх того перевод целой второй песни «Енеиды» (этого я еще не читал). Дай бог, чтоб он ее всю перевел! Это труд, достойный его дарований и даже бессмертия в какой бы то ни было словесности: ибо Жуковский, верно, переведет хорошо.

У меня завелась переписка с Киселевым, с месяц назад отсюда уехавшим кандидатом в Петербург. П. А. Кикин говорил ему, что писать стихи бесполезно, и потому советует мне их бросить. Вздор! Я скорее брошу в жизни всё, что можно бросить, чем стихи. Хороши ли, худы ли они — только я счастлив, когда пишу их, пишу много — следственно, часто бываю счастлив, а этого и довольно для меня. И неужели славолюбие, благороднейшая из страстей человеческих, не должно занимать надежду того, кто уже чувствует, что может быть достойным славы? А польза — разве поэзия, чистейшее из удовольствий, не есть польза? Да я же знаю, что разумеет П⟨етр⟩ А⟨ндреевич⟩ под этим словом: садоводство, куроводство, скотоводство и проч. и проч., а я для этаких вещей не чувствую в себе ни малейшей способности. Пускай всякий идет, куда ему кажется лучше: это в порядке вещей и не делает беспорядка в обществе, где лучше и полезнее не иметь никакого места, нежели быть не на своем!

Теперь следует важное дело, о котором давно хотел и обещал я посоветоваться с вами. Мне очень хорошо и покойно, и удобно жить у Борга, и я не знаю, где бы мог быть я здесь лучше, но это все еще только то, в чем я нуждался до сих пор,— теперь мне нужно гораздо более. При всех возможных добрых качествах пансионерной жизни она не вовсе уже удовлетворяет моим потребностям и даже мешает моим занятиям. В теперешнем моем положении, составляя в некотором, хотя и в хорошем, смысле, часть семейства моих хозяев, я необходимо должен участвовать во всех их радостях и печалях, которые меня вовсе не радуют и мало печалят, как дела все-таки чужие моему сердцу; должен сообразоваться и времяпрепровождением досугов с ними; в угоду им говорить пустяки в то время,

когда мог бы делать что-нибудь лучшее; знакомиться с их знакомыми, потому что они им знакомы; приноравливаться к месту и времени моими выходами и приходами; наконец — не иметь возможности оставить у себя ученого товарища в то время, когда пора им обедать, или чай пить, или ужинать. Все это можно делать или, лучше, должно делать, когда нужно или необходимо, но все это не очень приятно, когда излишне. Короче скажу: у меня родилась мысль оставить мое теперешнее местопребывание и начать жить с каким-нибудь студентом, ученым и чуждым предрассудков студент⟨ст⟩ва; это будет едва ли не полезнее для меня тем, что буду чаще говорить о предметах для меня нужных, с ним вместе заниматься и иметь полную свободу во всех смыслах. Такого уединенного мыслителя, с которым я бы жить желал, здесь найти можно — особливо между бедными студентами, которые, что очень естественно, обыкновенно ученее и благомысленнее богатых; следственно, кроме пользы, которая очень ясна в этом случае, тут есть еще случай делать добро человеку, его достойному. Для столь важной и решительной перемены в моем положении мне необходимо нужно ваше обдуманное согласие. Ежели вы опасаетесь, что полная свобода жизни может иметь вредные действия на мое нравственное или телесное достоинство, то уже поздно, мои почтеннейшие! И до сих пор я мог делать, что хотел в этаких смыслах, потому что не живу под началом, а имею особенную комнату, в своих руках деньги и окружен теми же студентами, которые и после будут мне товарищами, но не сделался ни пьяницей, ни дуэлистом, ни и проч. Мне нужно больше уединения, больше беседований с человеком, которому бы я мог поверять мои литературные тайны и намерения и притом изустно (письменно я уже имею этаких людей — не правда ли?), потому что нельзя же ведь всего писать, что думаешь: этак не достанет ни у меня времени на письма, ни у получающих их на чтение. Итак, рассудите, подумайте, сообразите все обстоятельства — и пришлите мне решительный ответ. Это важный материал и для длинного письма, и для долгого размышления!

Благодарю тебя, Петр, за приписку: радуюсь твоему теперешнему состоянию — в кислотворе. Для меня оно вовсе еще неизвестно, хотя я уже стихотворствовал кое-что об нем,— но где поэты не лжецы? Они

могут очень хорошо чувствовать и за других, а часто сами не чувствуют и за себя при удобном случае. Говорят, что истинная любовь есть праздник, который одна душа дает другой: воображаю, каково должно быть это время!

Вчера получил я письмо от Лукина из Риги: он уже делает план для той важной плотины, об которой писал я вам прежде; замечает, что город Рига хуже Петербурга; что жить гораздо дешевле и, между прочим, хвалит для вечерних прогулок какой-то плавучий мост: «туда, говорит он, собираются в прекрасную погоду все прекрасные Риги»; «ходишь, продолжает он, заговариваешь, разговариваешь с красавицами, уговариваешь их, а потом и проч.». Он хвалит также тамошний театр; говорит, что поживает хорошо и начинает обживаться: «впрочем,— так оканчивает он письмо свое,— вперед напишу больше, теперь еду осматривать».

Получила ли Параша письмо мое? Что ж она мне ⟨не⟩ отвечает? Я жду ее продолжения для моего продолжения переписки с нею. Ежели только я буду писать к ней, а она отвечать мне не станет, то выйдет не переписка, как у нас условлено было.

Поздравляю вас с сегодняшним великим праздником; желаю вам для веселья и хорошей погоды: здесь стоит сама мокрая и маркая — то снег, то дождь, следственно — грязь и вода. Прощайте покуда: мне пора идти с поздравлениями и христосоваться. На этот раз, кажется, довольно; другое важное дело для письма оставляю до следующей почты. Всем вам: Христос воскресе! и всех целую.

Ваш *Н. Языков.*

9. А. М. ЯЗЫКОВУ

29 февраля 1825. Дерпт

«Онегин» мне очень, очень не понравился: думаю, что это самое худое из произведений Пушкина. Мы, русские, меряем слишком маленьким аршином умственные творения и думаем, что наша мера такая же, как у просвещенных народов. Как мало наше великое в современной литературе, ничтожно значительное и низко возвышенное, если взглянуть на него, зная Гете и Шиллера; мы пигмеи перед сими исполинами, а все-

таки думаем, что мы ровня им, или потому, что их не знаем, или потому, что не знаем себя и в чем состоит истинная поэзия. Есть люди, которым часто кажется божественным и высоким то, что немцы называют das Erhabene des Unsinns![1] Не правда ли?

Погожеву чрезвычайно нравится предисловие к «Онегину»: у него нельзя спросить — почему? Если Пушкин изображает себя под именем лица, разговаривающего с поэтом, то не дай бог злому татарину быть Пушкиным. Мысли ни на чем не основанные, вовсе пустые, и софизмы минувшего столетия очень видны в «Онегине» там, где поэт говорит от себя; то же и в предисловии. На сей почте посылаю книгу для Княжевича, тетради Илличевского и письмо Валуева.

Твой *Н. Языков.*

Погожеву пишу на сей почте; ты не можешь себе представить, как скучно переписываться с человек⟨ом⟩, не имеющим мыслей и одаренным способностию писать без них. Не показывай ему моих писем, где об нем говорится: он, кажется, помнит, что видел в письме моем к Очкину — бог с ним!

Литературное прибавление. Вот еще стихи, которые посылаю сегодня же к Булгарину; им дало существование известие, что Воейкова скоросюда будет.

На петербу⟨р⟩гскую дорогу[2]

. . . .

Эти стихи будут тайною и для Воейковой: в противном случае здешние землячки мои имели бы полное право сердиться на меня грешного.

Письмо к Валуевой на сей почте не поедет: три дня ей ничего не значит подождать, а мне кажется удобнее отправить его с книгами, которые к тому времени получить надеюсь. Замечу мимоходом, что и здесь, в Неметчине, я не мог найти Клейна: его выписывают для меня из Риги и говорят, что скоро получат.

Об Пукевиле мне сказывал книгопродавец, будто оный запрещен так строго, что господи упаси, но что я, как человек, которому он с большим удовольствием

---

[1] Возвышенность бессмыслицы *(нем.)*.

[2] Далее в оригинале следует полный текст стихотворения «А. А. Воейковой» («На петербургскую дорогу...»).

продает книги (значит — не в долг), получу его через несколько дней.

От Погожева я получил письмо и отвечу ему не на сей почте, потому что на нее пора.

Кланяйся Очкину, жду письма его.

Totus tuus[1] *Н. Языков.*

Всем нашим общим приятелям мои почтения и поклоны.

Это письмо имеет все свойства письма от стихотворца — не правда ли?

10. П. М. ЯЗЫКОВУ

11 марта 1825. Дерпт

Я от тебя ожидал писем, любезный Петр; ты, видно, забыл свое обещание. Неужели тебе писать к нам нечего? Это невозможно. Разве ты думаешь, что меня не занимает, не трогает то, что делаешь, что с тобой делается, как проводишь дни, счастлив или... или... Это все такие дела, об которых вернейшие известия можно получить от тебя самого. Сделай милость, будь откровен или, лучше сказать, не ленись извещать нас, отдаленных мыслителей, о твоем житье-бытье.

«Ежели счастье к тебе оборотилось спиною, не унывай, осмелься и поверни его, как тебе надобно»,— говорит один из семи мудрецов Греции; это правда — и прекрасный урок земным человекам. Это я испытал недавно по опыту. На сих днях сюда приехала Воейкова. Помнишь? Прекрасная женщина: как образованна, как умна и как чисто очаровательна — даже для самого разборчивого вкуса! Ты, верно, знаешь, каков ее муж: подлец, сквернавец и гадкий; несмотря на это, никто от нее не слыхал ни слова о том, что она его не любит, что вышла за него поневоле; между тем это всем известно: не правда ли — прекрасная, божественная женщина! Жаль только, что судьба с нею так глупо распорядилась: как жить вместе подлости и благородству, черту и ангелу, красоте и безобразию? Но судьба — деспот: делает что хочет, так и сяк, этак и наоборот. Должно поставить себя выше ее могуще-

---

[1] Весь твой (*лат.*).

ства, быть собою, независимым — и все это возможно человеку, отпечатку вечного совершенства. Извини, любезный Петр, этот романтизм письма моего: из головы поэта вырываются мысли, часто некстати, неожиданно, как пламень из горы огнедышущей.

Я не понимаю, почему до сих ⟨пор⟩ языковская контора не присылает мне денег: в бюджете означено к 1 февраля. Сделай милость, потороPi ее и прикажи, чтоб вперед этого не было. Я на сей почте пишу только к тебе одному, потому что писем в долг не принимают.

Везде и всегда твой *Н. Языков.*

Всем родным мои почтения.

11. А. М. ЯЗЫКОВУ

12 октября 1825. ⟨Дерпт⟩

Благодарю тебя за все, что ты для меня делаешь. Кальдерон мне чрезвычайно нравится — и чем больше читаю его, тем более уверяюсь, что Кюх⟨ельбекер⟩ его не читал, сказывая, что у Ших⟨матова⟩ много с ним сходства. У Кальдерона какое-то особое воображение — огромное и всеобъемлющее. Он краток и пространен в одно время; каждая мысль выражается чрезвычайно кратко, а мыслей у него море. Он на меня сильно действует, как само собою разумеется. Когда-нибудь будем читать его вместе. Признаюсь, что читаю его с большим удовольствием, нежели Шекспира: хотя у Кал⟨ьдерона⟩ нет такого искусства в изображении характеров, зато он богаче образами вовсе оригинальными, а той приверженности к религии праотцев, о которой говорит Кюх⟨ельбекер⟩, я не вижу в нем ни капли. Впрочем, жаль, что Грис не приложил примечаний к своему прекрасному переводу: есть места в Кальд⟨ероне⟩, которых никак понять нельзя, вполне понимая их буквально; сперва я думал, что то, чего я не понимаю, может понять человек, лучше меня знающий по-немецки, но не тут-то было; впрочем, эти места не так важны (вероятно, в них есть местности) и не мешают действию целого и другого, притом же — они очень редки.

Я все-таки буду писать стихи, чтоб не отучиться от их гладкости. Самые пустые мои пьесы имеют по крайней мере то достоинство, что они чистят будущие стихи мои.

Я пришлю тебе скоро немецкий альманах, который при случае отошли Ел⟨изавете⟩ Петр⟨овне⟩, и рисовальную тетрадку для Катуши. В первом есть хорошая повесть. Кстати: в одном нем⟨ецком⟩ альманахе «Урания» на 1826 есть прекрасная Тикова повесть «Das Dichterleben»[1], я ее читал с восторгом — и жалею, что не мог уже купить этого альманаха. Советую тебе иметь его: прелесть!

Прощай покуда; на следующей почте напишу гораздо более.

Весь твой *Н. Языков.*

Мне смертельно надоедает Аладьин.

12. П. М. ЯЗЫКОВУ

22 января 1826. С. П⟨етер⟩б⟨ург⟩

Давным-давно мы не получали от тебя писем, наш почтеннейший камрад![2] Во изыскание причин сего твоего молчания мы не внидем, несмотря на то, что оно доставило бы нам обильную материю для письма, но, опасаясь затеряться в туманной дали предположений и разных околичностей, мы ограничиваемся повторением слов Грибоедова. «Эх, Петр Мих⟨алыч⟩, дурно, брат!» Замечаем мимоходом, что совершенное неписание к нам, каково твое, охлаждая дружественную связь между нами, от колыбели существующую, могло бы побудить и нас к безответственности или, говоря словами Василья Любарского, насильно заградить уста пера нашего; но, зная всю цену твоего к нам расположения и получения писем вообще, мы продолжаем писать, оставляя ответы на твое собственное рассуждение, ибо говорит апостол: никому не платите злом за зло, старайтесь делать добро перед всеми человеками; ежели можно и сколько зависит от вас, со всеми людьми живите в мире; напротив того, слава, и честь, и мир

---

[1] «Жизнь поэта» *(нем.)*.
[2] товарищ (от *нем.* — der Kamerad).

всякому, делающему доброе! См. Посл⟨ание⟩ к римлян⟨ам⟩.

Думаем, что и ⟨в⟩ вашу глушь дошел слух о треволнении 14 декабря прошлого 1825 года. Татаринов расскажет вам многое, чего вы не читали и не слыхали по сей части; мы же, со своей стороны, ограничимся двумя пунктами. 1. Степан Семенов привез⟨ен⟩ сюда яко арестант и содержится в крепости за связи с Трубецким и пр. и будто бы участие в заговоре, заключающем, как говорят, тысяч до пяти молодежи и старичков некоторых, кто побойчее или позадорнее. Он, вероятно, будет выпущен на чистый воздух, ибо вряд ли дался он в обман, не будучи никогда одержим бешенством превращений, как сказано в высочайшем манифесте. 2. Да и Очкины оба, наши приятели, чуть было не пострадали задами. Их хватали за знакомство с одним из участников в деле 14 д⟨екабря⟩, заставили переночевать у квартального, возили по всем полицейским инстанциям, наконец допросили во дворце — и отпустили: ибо в их бумагах и словах, кроме вздора, ничего не нашли. Вот каково, наш почтеннейший, в какие времена нам довелось жить! Что же до нас касается, то это дело до нас вовсе не касается: мы живем спокойно, пока бог грехам нашим терпит. Сверх того, один из нас по монаршей милости получил повышение ранга чиновного или, сказать яснее, чин титулярного советника. Ты знаешь, как приятны таковые дары счастия, и можешь себе представить, что мы благосклонность его к себе приняли радостно и с распитием шампанского Joly — что и вам советуем по сему случаю сделать. Конечно, сия награда стоила и трудов многолетних, и ревности постоянной, но кому ни приятно трудиться, когда видишь пользу от трудов своих и внимание к оным сильных мира сего!

Признаться сказать вам, я оставался здесь, так сказать, за болезнию (горло болело), но теперь все исправляется, и скоро, встрепенувшись, помчусь в Дерпт — и всё пойдет своим порядком.

Что ж об деньгах, по просьбе моей и по многим письмам моим же?

Елис⟨авете⟩ Петровне мое почтение; целую ее ручки и Машу.

Весь твой *Н. Языков.*

⟨Рукою А. М. Языкова:⟩ *А. Языков.*

13. А. М. ЯЗЫКОВУ

Мая 5. 1826. Дерпт

Деньги, к святой неделе вами посланные, я имел удовольствие получить и некоторым образом успокаиваю моих кредиторов; заметь мимоходом, что я еще никогда не находился в столь критических обстоятельствах по сей части житейского управления, как в текущем полугодии: отчего эта несообразность? Но ты, верно, не спросишь этого, зная несовершенство человеческой природы вообще и мое поэтическое неумение жить домом, как говорится. В следующий семестр я буду гораздо, гораздо осмотрительнее во всех смыслах, и для совершения сего благодатного намерения уже начинаю брать свои меры: например, буду жить совершенно один. Я уже успел, слава богу, заметить, что житие с кем бы то ни было в дни учения вредит более, нежели приносит пользы оному: необходимо, нечувствительно, volens-nolens[1] мешаешь друг другу. Особливо моя поэзия любит совершенное уединение; не знаю, как с другими, а я, грешный, не могу написать три стиха, когда только знаю, что в соседней комнате есть кто-нибудь. Вот тебе объяснение, почему в текущем полугодии моя муза так бездейственна. Отчего же прежде этого бездействия не бывало? — можешь и даже должен спросить ты. Вот в чем дело, друг мой: один из моих сожителей был довольно долгое время болен, следственно — сидел дома, а прежде все-таки он хоть изредка выходил, и сии-то часы моего уединения посвящались музе.

Вот тебе всё, что говорят здесь нового: с турками будет война скоро и непременно, по сей-де части и Веллингтон в П〈е〉т〈ер〉б〈ург〉 ездил; Жуковский сильно болен и поедет в чужие края; Карамзин тоже, имея нарыв в легких, отправился в Италию; государь дал ему на сей случай фрегат и жалованье посланника. Еще говорят, что Аракч〈еев〉 снова в милости у царя русского: за него-де ходатайствует вдовствующая императрица Мария; что многие офицеры гвардии из отправившихся в Москву на коронацию схвачены на пути и препровождены в крепость святых Петра и Павла.

Вот тебе новость о мне самом: в начале наших летних каникул я поеду на несколько дней к Пушкину;

---

[1] волей-неволей (*лат.*).

кроме удовлетворения любопытства познакомиться с человеком необыкновенным, это путешествие имеет и цель поэтическую: увижу Изборск, Псков, Печоры, места священные музе русской, а ты знаешь, как на меня они действуют! Впрочем, исполнение этого намерения и еще других некоторых зависит от вас, мои почтеннейшие,— понимаешь? «Стара песня», можно сказать, прочитав последнее! Но, друг мой, человек всегда человек, я всегда я, без денег недалеко уедешь!

Книги, давно обещанные, кажется, едут — и «Венцеслав», и «Гражданское мужество» Рылеева.

С Петербургом моя переписка идет необыкновенно вяло: Амплий что-то замолк; в письмах Княж⟨евича⟩ более говорится о сердечных чувствованиях, а дела мало. Один Аладьин не перестает надеяться, что я буду отвечать стихами на его просительную прозу, а я молчу до поры до времени.

Какова речь Магницкого в Казани: это золото в некотором смысле — конечно, в смысле бессмыслицы; впрочем, надобно признаться, что он мастер писать по-русски.

Всех вас целую — особенно обнимаю Петра и Елис⟨авету⟩ Петровну и Машу.

Весь твой *Н. Языков*.

Поздравляю вас всех с моими именинами!!!!

14. А. С. ПУШКИНУ

⟨19 августа 1826. Дерпт⟩

О ты, чья дружба мне дороже...[1]

Н. Языков.

1826. Дерпт. Августа 19

Таково, с моей стороны, начало нашей переписки! Ради бога, в вас живущего, поддержите ее; а я верно буду постоянно ревностен в деле, которым могу гордиться. У меня есть еще другая до вас просьба; вот она: один мой приятель, увлеченный духом времени, собирается издать на будущий год альманах; вследст-

[1] Далее в оригинале следует текст стихотворения «А. С. Пушкину» («О ты, чья дружба мне дороже...»).

вие сего намерения человека добросовестного и литератора, и вследствие надежды на вашу ко мне благосклонность — и прошу и молю вас не отказаться способствовать — и сему богоугодному предприятию. Аполог:

Удел гения.[1]

Хорош ли? Прощайте покуда. Засвидетельствуйте мои почтения и поклоны Прасковье Александровне и всему миру, в котором я был вполне счастлив.

Н. Языков.

15. П. М. ЯЗЫКОВУ

1826. Сентября 2. Дерпт

На прошлой почте получил я письмо от брата Александра, где значится, что он отъезжает уже на службу и что я с настоящего времени к тебе одному, мой почтеннейший и любезнейший, буду относиться с моими желаниями, коих исполнение единственно из Симбирска воспоследовать может, с моими мыслями, кои туда только могут быть направлены,— по своей местности и соответственности обстоятельствам и тому, и сему, и прочему. До нас еще не доехали милостивые манифесты по случаю царевенчания: говорят, что в них много хорошего и доброго во всех смыслах; говорят даже, что судьба несчастных возмутителей сильно облегчится,— дай бог! И это надобно сделать и по человечеству, и по политике: первое не дает никому права отнимать жизнь у себе подобного или превращать ее из прекрасной в адскую, а вторая велит быть осторожною даже голове венценосной и руке, по манию которой судят, осуждают, пытают и вешают! А нечего сказать: смягчение наказаний из отсечения головы в вечную или 20-летнюю, что равно, каторгу напомнило было равномерно милосердые поступки императрицы Анны Ивановны. Кроме того, кажется, пора увериться всякому, что дух времени не слушает указов и всегда пойдет своей дорогой и построит, что ему надобно! Ирод может истребить множество людей, заслужить

[1] Далее следует текст стихотворения «Удел гения» из цикла «Нравоучительные четверостишия».

имя, которым потомки бранят величайших извергов, но Христос ему недоступен: вера чистейшая и прекрасная осветит вселенную, и божественное всегда восторжествует. Сравнение истинное поэтическое! Не правда ли?

Нового государя все хвалят, особенно немцы, да и за дело: он действует очень благоразумно; кажется, имеет волю крепкую и истинное расположение к добру. Можно надеяться много хорошего по всем частям государственным; благодаря кого бы то ни было, Россия теперь самое обширнейшее поле для улучшений, преобразований и ознаменования души, могучей в действиях, определяющих судьбу полсвета. Дай бог Петра: он необходим там, где так долго без него обходились — и как обходились! Довольно о политике: предмет неистощимый!

Я теперь поживаю, что называется, как нельзя лучше; все идет благополучно, начиная от занятий учебных до покупки молока и сливок. Так, мой почтеннейший: самое зло полезно, когда падает на душу, чувствительную к прекрасному и высокому! Я даже пишу больше прежнего, собираю новые стихи мои в особую книгу, отошлю ее к брату Александру, а он уже, что следует, к вам. На следующей почте отправлю к Н. Ал. подробную и обстоятельную запись о здешнем житье-бытье, о ходе и существе здешнего воспитания и вообще обо всем, что нужно знать прежде, нежели ехать сюда воспитывать детей.

Говорят, ты сильно вдался в хозяйство. Желаю успехов блистательных; конечно, никто из нашей братьи русских помещиков не имеет на них более права, нежели ты. У меня завелась переписка с Пушкиным — дело очень любопытное. Дай бог только, чтобы земская полиция в него не вмешалась! Хи-хи-хи! Денег я получил 1000 р. на запрошлой неделе — поддержка! И благодарен вам, мои снисходительные братья и путеводители!

Рад ли Ник⟨олай⟩ Ильич, что его сын сделался студентом? Скажи ему, ежели хочешь, что он благополучно и с честию начал свое новое звание: разборчив в знакомстве и вообще не показывает охоты к тому безумному буйству и мелочному волнению умов, не знающих, чего им хочется. Это много здесь, где почти все увлекаются множеством и дают себя водить за нос существам, полным пустотою и с юности привыкшим

или все делать, ни о чем не думая, или думать о пустяках, ничего не делая!

Елисав⟨ете⟩ Петровне целую ручки; всем кланяюсь и почтения свидетельствую.

Весь твой *Н. Языков.*

16. П. М. ЯЗЫКОВУ

1826. Декабря 29. Дерпт

Поздравляю тебя с Новым годом, мой почтеннейший или, вернее скажу, достопочтеннейший брат, попечитель, квестор и проч. и проч.! Желаю тебе встретить оный праздник веселее моего и гораздо, гораздо веселее, потому мною теперь владеет самая скучная скука — следствие моего одиночества, сердца безлюбовного и пребывания не в своей обыкновенной сфере в подобное время свободы от занятий учебных.

Вот тебе на всякий случай абрис будущей мо⟨е⟩й жизни. Выдержав здесь кандидатский экзамен, я съезжу на несколько месяцев к вам в Симбирск, оттуда возвращусь в Петерб⟨ург⟩, где прослужу отечеству только время, потребное для получения чина (несмотря на мое сильное неуважение к суете мирской, где в первую голову чины и почести являются взору беспристрастного мыслителя, все-таки мне надобно иметь хоть какой-нибудь чин, чтоб не остаться бесчинным в мнении людей даже необразованных, которым нельзя пренебрегать в наших странах полудиких). После этого начнется, мое бытие торжественное, поэзия моей жизни: я перееду навсегда, навсегда жить в деревню, с книгами, с пылким желанием и крепкими силами далее просвещаться, буду проводить время в занятиях великодушных, в жертвах учению и музе, совершенно свободный, не имеющий обстоятельств, приличий, забывающей всё, кроме высокого и прекрасного, следственно, очень, очень много мирского, следственно, всё, что обыкновенно занимает нашу братью, людей русских! Для сей-то цели достохвальной и образуется уже теперь моя библиотека — сокровищница золота умственного, поле жатвы благодетельнейшей всех прочих жатв. В надлежащее время ты получишь мою просьбу о приготовлении для меня приличного места, получишь

план рукописный мне нужной резиденции — и я, о! я достигну тогда самой высокой степени своего счастия, зане оно состоит в самодовольстве, в свободе и просторе жизни — и всё! Только дай мне бог здоровья, а я наделаю чудес в мире литературном; по исполнении описанного намерения все пойдет у меня в гору, время запляшет по моей дудке, и всё, не имеющее связи с моими предметами, от меня удалится, как дьявол от распятия,— и слава, и слава!

Пушкин в большой милости у государя: это будет иметь благодетельное действие на нашу литературу. Он хочет напечатать свою трагедию «Борис Годунов», которую мне читал; она лучше всего, что он сочинил доселе, удивительно верно изображает нравы тогдашнего времени — и вообще подвиг знаменитый.

Дюк пишет мне, что их комиссия прошений даже в настоящие праздники, по высокой воле государя, работает с утра до ночи: видно, теперешнее царствование не чета предшествовавшему, когда всё правительственное шло вяло, пошло кое-как и дошло было до греха великого! Ждут больших перемен государственных к Новому году: давай бог! Тут не может быть к худшему — было уже non plus ultra[1] во всех дурных смыслах!

Выписываете ли вы, почтеннейший и почтеннейшие, альманахи на будущий 1827 год? Это необходимо для оживления безжизненной жизни деревенской и однообразной хозяйственной. Теперь обещают в них много хорошего, да и без того всякий человек, желающий имени человека образованного, должен преследовать отечественную литературу, какова бы она ни была; а у вас в этом случае есть еще и семейственное удовольствие — не так ли?

Прощай, будь здоров и помни меня.

Весь твой *Н. Языков.*

Маменьку, Парашу и Катушу целую, поздравляя с Новым годом.

Елис‹авете› Петровне мои почтения и к руке прикладство. Всем нашим поклоны, почтения и вообще всё родственно приветное.

---

[1] до крайних пределов (*лат.*).

17. А. Н. ВУЛЬФУ

21 января 1827. Дерпт

Благодарю тебя за письмо твое, почтеннейший мой собрат (судьба и доселе позволяет мне носить это достохвальное имя: зане я уже не студент — следственно, состою теперь опять в одном сословии с тобою — и я филистимлянин), и прошу извинить меня, что отвечаю на него так поздно: обстоятельства не позволяли мне действовать в сем случае по сердцу, не то я бы, верно, не стал и дожидаться твоей отповеди, чтобы послать тебе свою собственную.— Что делать? мы все ходим под богом, как говорит пословица.

Ты мне сообщил очень любопытные известия о нашем Бейроне: продолжай и вперед это делать; само собою разумеется, что мне всегда хочется знать всё, касающееся до человека, с которым вместе я так роскошно и весело пьянствовал в стране, видевшей лучшее — т. е. счастливейшее время моей жизни. Он ко мне писал из Москвы: манит и блазнит меня посылать стихи мои в «Моск⟨овский⟩ вест⟨ник⟩» и хочет, кажется, вовсе втянуть меня в эту единоторговицу словесности русской! Говорит, что пора задушить альманахи,— и, конечно, этот будущий удушитель сих пигмеев есть «Моск⟨овский⟩ вест⟨ник⟩». Замечу мимоходом, что едва ли альманахи вредят успехам Парнаса более, нежели журналы, потому что первые никак не останавливают хода учености, будучи делом мелочным своих издателей; напротив того, человек, издающий журнал, по необходимости должен работать к спеху, часто не в своем околотке, и, таким образом, покидать свой предмет на поле просвещения, где мог бы он сделать что-нибудь знаменитое, занимаясь одною частию и работая не опрометью и не без оглядки. Пример тому сам Полевой — из которого теперь именно ничего не выйдет достославного, потому что он кидается и туда и сюда по наукам, как угорелая кошка, потому ⟨что⟩ он издает журнал.

Пельцер давно уже уехал в деревню, недели на две, как говорил; Адеркас чрезвычайно беспокоится о твоем здоровье, присылает ко мне людей с вопросами, где, ты, как поживаешь и как здоров. Шепелев тебе кланяется из Петерб⟨урга⟩, откуда, вероятно, уже от-

правился, куда — он и сам не знает, так письмо его гласит.

Вчера я видел знаменитого актера Вурма на сцене: им восхищаются как божеством, и до́лжно сознаться, что он очень хорошо играет свои роли — но все-таки не диво, потому что гибкий голос, развертливость на сцене, совершенное понятие лица представляемого — суть условия всякого хорошего актера, но еще не составляют необыкновенного явления на сцене; доказательством этому служит, между прочим, и то, что и в России можно начесть человек пять таких актеров, как Вурм,— в комическом, следственно легчайшем, роде, а они всё-таки не чудеса!

Мои дела вообще идут довольно хорошо, головные боли как-то присмирели, и я могу от сердца благодарить судьбу за эту приятную новость моего житья-бытья. Вот тебе несколько стихов моей работы, самые свежие:

К Музе[1]

Мое приготовление к экзамену началось этими стихами — или, лучше сказать, моя литература в Дерпте кончилась ими.

Прощай, весь твой *Н. Языков.*

Кланяйся и свидетельствуй почтения в мое воспоминание там, где живешь теперь.

18. А. Н. ВУЛЬФУ

1828. 4 августа. Дерпт

Я довольно давно не писал к тебе, мой почтеннейший: вина не моя, что почта не отправляет писем в долг; но вот в чем дело: здесь носится молва — всем твоим знакомым и, следственно, мне κατ'ἐξοχήν[2] любопытная: говорят, что ты препоясываешь меч по бедре твоей, ополчаешься за Русь православную и царя православного, что ты вовсе готов сесть на перекладную колесницу и мчаться к знаменам, развевающимся уже на Балкане! Желаю тебе всевозможного счастия на поле чести и славы, да сокрушит рука твоя тьмы ту-

[1] В оригинале ниже следует текст стихотворения.
[2] по преимуществу *(греч.)*.

рок, да украсится грудь твоя знаками побед блистательных и сердце воспоминаниями великими! Прошу у тебя обещания писать ко мне, хоть изредка, с поприща твоих подвигов, да извещаюсь тебе об них самим героем! — и послания лирические польются, звонкие и торжественные!

О здешних новостях теперь было бы некстати: самая важная — твое отправление.

Мои дела учебные идут — и, слава богу, Тютчев готовится со мною вместе предстать к Иисусу: пожелай нам успеха. Кланяйся своим. Писать некогда: тороплюсь на почту.

Весь твой *Н. Языков.*

19. А. М. ЯЗЫКОВУ

1829. Января 29. Дерпт

Вот в чем дело, мой почтеннейший. Сообразив и то и се, прошедшее, настоящее и будущее, усмотрев, к несчастию, что второе всё-таки разительно похоже на первое и что последнее мне ничего хорошего не обещает, ежели я еще дольше останусь в Дерпте, где мне всё и все надоело и надоели, где жизнь моя, так сказать, гниет в тине бездействия, обстоятельств глупых и глупостей ежедневных, где, наконец, убедился я в невозможности порядочно приготовиться к экзамену, rebus sic stantibus[1], а кое-как не хочу его выдержать,— я, нижеподписавшийся, решился спастись отсюда в Симбирск, где месяца в два могу надеяться кончить оное, ежели нужно, приготовление благополучно и экзаменоваться, например, хоть в Казани. Кроме того, что здесь дух мой упал до точки замерзания, что я чем дольше здесь, тем дальше от цели,— еще и мое здоровье требует большой поправки, возможной только в благорастворении воздуха, при хорошем движении, при образе жизни порядочном. Этот пункт меня сильно беспокоит и повергает в к⟨ак⟩ое-то беспечно-тяжелое состояние. Знаю, что вы против этой решительности сказать можете; знаю, что я не могу опровергнуть всего этого, но мне теперь не до диалектики: я спасаюсь. Правда, что я потерял здесь последние два

[1] при неизменном положении вещей (*лат.*).

года, но сколько выиграю тем, что не потеряю еще более! Вот расчет очень естественный. На следующей почте изложу все это подробнее.

Я жду, по вашему обещанию, денег, по получении которого количества напишу вам, сколько будет стоить мое освобождение (которое никак не может быть дорого, потому спасает тысячи и тьмы...), и буду просить вас как можно скорее исполнить это мое почтенное желание, зане оно последнее в Дерпте. Книги мои отправлю к Комовскому или к Очкину, а весною можно их будет и в Симбирск, вниз по матушке по Волге: об этом начинаю переписку с вышепоименованными.

Я так надеюсь на скорое мое воздвижение, что уже купил себе на дорогу фуфайку и картину Иоанна Богослова — для украшения моей будущей обители в Языкове. Здесь теперь ярманка.

Прощай покуда.

Весь твой *Н. Языков.*

Кланяйся всем нашим.

Прилагаю здесь новые прибавления к «Дому сумасшедших» Воейкова, мне доставленные от Аладьина.

20. А. Н. ОЧКИНУ

1829. Апреля 20. Дерпт

Христос воскресе! любезнейший Амплий, обнимаю тебя и целую троекратно! Мне теперь здесь так скучно, так грустно, что я бежал бы отсюда куда глаза глядят, если б долги не держали меня за полы,— всё жду жду, жду возможности покинуть Дерпт и всё еще не могу понять, почему это ожидание тянется да тянется. Возверзи печаль твою на господа!.. Я и это пробовал — постился семь недель, говел, исповедовался, приобщился святых таин — и все еще здесь!! Сложив руки, сижу, сумрачен и тих, и не знаю, имею ли право хоть мало-мальски надеяться на перемену судьбы моей. Сама природа, кажется, мне досаждает: всякой день снег, дождь и чревобесие воздуха, улицы непроходимы, удовольствий ровно никаких; все одно и то же — и бог весть, когда кончится!

Что ты думаешь о «Выжигине»: здесь его все хвалят и никто еще не прочел — не так ли у вас в Питере? Судя по объявлению Греча, это произведение един-

ственное в нашей литературе (не забыл ли Греч о романах Нарежного, особенно о «Русском Жилблазе»?); но я держусь правила: не всякому слуху веруйте: есть бо дух божий и дух льстечь! «Полтаву» Пушкина здесь уже прочли; мнения различны: одни читатели без ума превозносят, другие такожде хулят. Мне кажется, что Пушкин не успел (верно торопился) вполне воспользоваться своим предметом; есть места восхитительные — кое-где есть дух русской (вот главное! сказал Карамзин). Еще мне кажется, что в сей же поэме слишком видное стремление Пушкина описывать и выражаться как можно проще часто вредит поэзии и вводит его в прозу! Характеры вообще подгуляли.

Здесь теперь весь город — подобно мне грешному — полон ожиданий: ждут государя, государыню, наследника, ждут Жуковского, ждут Булгарина, Сомова и проч. Дай бог совершения этим сердечным прихотям — особенно моей поездке.

Прощай покуда.

Весь твой *Н. Языков.*

21. М. П. ПОГОДИНУ

⟨Ноябрь—декабрь 1830. Москва⟩

Вот что я думаю покуда о вашей «Марфе»: если вы желали в ней изобразить быт тогдашнего времени — и только! — то достигли своей цели. Разговор вообще очень жив и идет без натяжек (особенно в сценах, где есть народ), выключая последнее действие: оно вообще холодно, смею сказать, недействительно. Характер М⟨арфы⟩ надобно было выразить ярче, и мне кажется, что вы оч⟨ень⟩ слабо смотрели за выделкою личностей ваших лиц — это, по-моему, главный недостаток вашей «Марфы». Еще, стихи мно⟨гие⟩ неблагозвучны, некоторые неправильны. Надеюсь, что вы не рассердитесь на меня за эти замечания — они мой *первый* опыт в критике — уверяю вас, что они исходят прямо от души и сердца и что в них не участво⟨в⟩ало ничто, кроме чистого ⟨же⟩лания сказать вам правду, хотя бы и не истину. Хотите ли, я помечу на вашей Ниобе все, что мне показалось нехорошим? ⟨С в⟩ерою жду окончания. Что с вами сделалось, что вы либеральничаете? Вспомните Трейтера — вот герой — есть бунт.

«Марфу» читали несколько тех особ, коим вы сами ее читали еще в рукописи. За что вы ее у меня отнимаете и зачем таитесь с нею. Пушкин, говорят, много написал нового. Слух, что женитьба его расстроилась, оказался ложным.

Ваш *Н. Языков.*

Пришлите 15⟨-й⟩ № «Телеграфа». Алекс⟨ей⟩ Андр⟨еевич⟩ его не видал. Мы все, слава богу, здоровы — в ожидании скорого окончания кары небесной.

22. А. М. ЯЗЫКОВУ

1831. Января 28. Москва

Вчера был я у Ивашевых: они все, слава богу, здоровы, пробудут в Москве по крайней мере до 20 февраля — следственно, моя несчастная особа должна еще будет находиться в необходимости посещать оных почтенных родственников, слушать и то, и то — и проводить время в скучных обстоятельствах, которые, по последним моим соображениям, должны были кончиться хоть с январем наступающего года. У Петра Андр⟨еевича⟩ я был всего-то раз, буду завтра: выехав после 4-х месячного сидения дома, я простудил себе голову, и две недели не позволялось мне снова рисковать.

Вчера совершилась тризна по Дельвиге — Вяземской, Баратынской, Пушкин и я, многогрешный, обедали вместе у «Яра», и дело обошлось без сильного пьянства. «Литер⟨атурная⟩ газета» кончается, а взамену ее вышепоименованные (кроме меня, разумеется, потому что не могу решиться ни на что решительное) главы нашей словесности предпри⟨ни⟩мают хоть с 1832 года издавать общими силами журнал. «Денница» выйдет в половине февраля, она будет несравненно пуще прошлогодней: обозрение русс⟨кой⟩ слов⟨есности⟩ за 1830 пишет сам Максимович; уже с месяц, как он носится с ним по знакомым домам, собирая кой-какие мнения и суждения о предметах, которых сам ничуть не понимает, и из этого выходит такая сумятица, такая гиль, что не дай бог злому татарину быть ее автором! Я дал ему несколько стишков. У Недоумки много подпищиков, Загоскину дают 40 т⟨ысяч⟩ за 4-е издание его нового романа. Булгарину — 32 за «Петра Выжигина». Вот каково!

Благословляю сердечно твое намерение переселиться на берега пустынных вод, в широкошумные дубравы, завидую тебе так искренне, что горжусь этой завистию. Глушь, и именно такая, в какую ты устремляешься, есть и, вероятно, вечно будет лучшим, чистейшим (хотя и несбыточным) желанием всего существа моего. В начале или в половине или, наконец, в конце будущего февраля — надеюсь переехать от Елагиных. Не знаю, буду ⟨ли⟩ в уединении делать то, для чего я в Москве, но наверное стану писать стихи, а это всё-таки больше, нежели ничего не делать? Не правда ли?

Книги твои от Грефа прибыли сюда, жду купца, которому следует их доставить в Симбирске, приложу к ним еще кой-какие и проч⟨ее⟩. Нет ли у вас слухов о том, как лечил холеру в Пензе гомеопат Петерсон? Здесь рассказывают о нем чудеса: он, дискать, всех больных вылечивал? Извести меня об этом пообстоятельнее.

П⟨етр⟩ Ник⟨ифорович⟩ говорил мне (между разными разностями в роде пустяков), что он пробудет в Москве с месяц для того, чтобы отделить часть имения своего нашему Петру и князю Юрию!

Прощай покуда.

Весь твой *Н. Языков.*

23. П. М. ЯЗЫКОВУ

1831. Февраля 25. Москва

Благодарю тебя за деньги: это такой предмет жизни человеческой вообще — и жизни человека, жить не умеющего, в особенности,— что присылание их всегда должно быть ответствуемо благодарностию искреннею. «Ориктография Москвы», соч⟨инение⟩ Фишера, еще не вышла, говорят, скоро выйдет, хоть его и нет еще здесь: он, кажется, в Париже. Решета возьмут во вторник на первой неделе поста, не вините меня в том, что они являются поздно: великое бедствие, постигавшее почти все Россию, должно было иметь пагубное влияние и на все роды промышленности.

18 числа сего месяца совершилось бракосочетание Пушкина. Говорят, что его супруга совершенство красоты. Когда увижу ее, опишу ее тебе с ног до головы: думаю, что и то и другое дела важные в быту супружеском. Накануне сего высокоторжественного дня

у Пушкина был девишник, так сказать, или, лучше сказать, пьянство прощальное с холостою жизнию. Тут я познакомился с Денисом Давыдовым — и нашел в нем человека чрезвычайно достойного любопытства во всех отношениях — несмотря на то, что в то же время он во мне мог найти только пьяного стихотворца. Такова судьба нашей братьи людей: все слабы!

У меня есть большая просьба до тебя и брата Ал⟨ександра⟩, к которому пишу в Уфу; вот в чем дело: Иван Чухломской, по общему свойству сердец человеческих, влюбился здесь в девственницу — дочь отца, не состоящего в рабстве,— требуется, чтоб и он не принадлежал господам; ты уже догадываешься, что я ему обещал по сей части, в чем состоит моя просьба. Как сделать это, во всех смыслах, доброе дело? Да благословит бог сердца любящих! Это можно сказать и со стороны, даже нашему брату, покуда не имевшему случая чувствовать таковое благословение.

Я, слава богу, здоровьем поправился, но еще никуда не езжу, как видно из вышеписанного! Здесь теперь всё шумит и гуляет — театры, балы, концерты, катанья и прочие масленичные наслаждения. Свербеев сидит здесь — жена его в Калуге — он мастерски перевел из Вильмена о литературе 4-го века.

Прощай покуда. Целую тебя и все твое семейство.

Весь твой *Н. Языков.*

24. А. М. ЯЗЫКОВУ

1831. Февраля 25. Москва

Благодарю за деньги. Вильмена пришлю тебе в Уфу. Как же прочие твои книги? Уж коли переезжать в глушь — так со всем домом, а иначе не стоит и беспокоиться: на поверку выходит всё равно терять время, что в жизни семейной, что в лесу. Я теперь, слава богу, здоров, хоть еще не выезжаю, пользуясь недавно болевшею головою. Пушкин женился благополучно. Опишу тебе жену его в свое время. Я купил для подарения тебе вещь важную, знаменитую, запрещенную: именно историю революции франц⟨узской⟩ Тьерса — прими ее как знак моего желания видеть в твоей библиотеке хорошие книги и как знак моей благодарности к твоей особе.

Вот что мне хочется сделать с самим собою: отложить попечение об экзамене, потому что, кажется, пора назвать глупыми все мои толки об нем и сборы к нему, а определиться здесь куда-нибудь, хоть в Архив, примерно на год, прожить этот год в стихописании, а потом, получив чин, переселиться в деревню — вид‹я› в этом последнем слове глушь заволжскую, жизнь тихую, трудолюбивую и, следственно, благородную и прекрасную. Как ты думаешь об этом (будь снисходителен к моим слабостям и возьми в соображение мой талант) и вот еще об чем: Погодин, кажется, оставит университет вследствие разных глупостей человеческих; нельзя ли и его приютить у нас — да наша троица прославит спасенный чудом уголок!

Из этого выйдет благословенный монастырь литературный, и бог возлюбит нас, чистых, несвоекорыстных и презревших все суеты сего мира, обманчивого и пустого! Еще: Иван Чухломской влюбился в девственницу — дочь отпущенного на волю, для соединения их любящих сердец нужно и его освободить из-под господства; я с большим удовольствием обещал ему это благо и надеюсь, что вы, мои почтеннейшие, не заставите меня раскаиваться в обещании, сделанном мною вовсе искренне. Как же это совершить? Я писал к Петру тоже.

На днях явится «Денница», она несравненно хуже прошлогодней, особенно тем, что сам Максим‹ович› написал обозрение русской слов‹есности› в 1830. Я пришлю ее тебе немедленно.

Прощай покуда.

Весь твой *Н. Языков.*

Надобно написать к тебе подробнее обо всем, что здесь изложено вкратце: дай пройти масленице и мне переехать на *свою* квартиру. Погодин написал очень большую критику на 2 том «Истории рус‹ского› народа».

25. А. М. ЯЗЫКОВУ

(Адрес ко мне прежний)

1831. 11 марта. Москва

Дня через три я переселяюсь на свою квартиру; она стоит сто рублей в месяц, нанята помесячно, потому что мое намерение писать стихи необходимо поставляет меня, так сказать, в желание жить весною за городом;

постараюсь на берегу Москвы-реки — там, откуда виды самые восхитительные, например, в Тюфелевой ⟨?⟩ роще или в слободе подле Симонова монастыря. Главное для меня теперь состоит в том, чтоб уединиться и писать стихи. Это главное, а для этого главного вот что нужно: возможная отдаленность от семейственной жизни, от всяких сношений с суетами мира сего и проч. и возможная свобода жизненных сил и всякой деятельности. Вообще мне в Москве делать нечего, как ясно следует из времени, здесь мною прожитого, и я бы переселился навсегда в деревню, если бы собственным опытом не удостоверился, что невозможно жить в полном довольстве, приволье, чуждым всяких смут дворовых, хозяйственных, вздоров, пустяков и прочих мелочей, неотвязно соединенных (будь сказано между нами) с жительством, например, даже в Языкове! Сделай милость, оставь меня покуда пожить в полном приволье поэтическом или по крайней мере в возможности писать стихи — это, ей-богу, редкость. Напишу, что возмогу, и если увижу, что недаром зажил, как мне хотелось,— то да благословит бог мои грядущие намерения переселиться таким, как есмь во глушь и вовсе предаться на несколько лет стихописанию. Что из меня будет, если я пропущу годину действования? Да будет же теперешнее житье-бытье мое оселком всей моей жизни! Ты не удивишься, ты не должен удивиться, когда я скажу тебе, что я уехал в Москву именно с надеждою писать стихи, а вовсе не для иных причин: что делать, если я сам виноват, что до сих пор не успел усесться, как хотелось. Погодин покупает деревню за 49 верст от Москвы, где будет жить в трудах литературных. Он, кажется, влюблен. Это легко заметить из его повести «Адель», несмотря на ее нелепость. (Следственно, то, что я писал об нем к тебе,— вздор!)

Ты, верно, видел в «Моск⟨овских⟩ вед⟨омостях⟩» стихи мои. 8 ⟨-го⟩ марта их пели в зале Благородного собрания: вся Москва съезжалась. Я отправил к тебе «Денницу» и «Сиротку»: нынешний год тут пусто альманахами, так же как и альманахи пусты на нынешний год.

Свербеев уехал в Калугу; деньги пусть останутся у меня: Семен еще не получил ни одной из книг, тебе нужных, а мне деньги нужны теперь: домоводство — дело нешуточное.

Прощай покуда. Весь твой *Н. Языков.*

26. А. М. ЯЗЫКОВУ

Июля 12. 1831. Ильинское

Мое выздоровление всё еще продолжается, и за это слава богу, потому что, вероятно, мне очень пользительно истощить свое тело, сделаться легче и проч. Мое житье-бытье похоже больше на городское, нежели ожидал я от деревенского. Жары стоят непроходимые: всякое наслаждение вовсе невозможно с 8 часов утра до 9 вечера; духота, зной даже в аллеях здешнего сада; купаться же мне не позволяется покуда. С нетерпением жду весенней прохлады,— да бодр, легок, свеж воскресну для чего следует...

Ты, вероятно, до сих пор еще не читал «Рославлева», и виною этому я, грешный, или многогрешный во многих смыслах сего слова. Впрочем, и читать его вовсе неутешительно. Начинал я читать и «Новика», соч⟨инения⟩ Лажечникова, да остановился и покуда не знаю, буду ли продолжать: Лаж⟨ечников⟩ плохо пишет по-русски. Теперь лежат передо мною новеллы Цшокке. Я купил их, предположив, не знаю, с чего, что перевод хорош: ан вышел грех.

Главное и единственное занятие и удовольствие составляют мне теперь русские песни. П. Киреевский и я, мы возымели почтенное желание собирать их и нашли довольно много еще не напечатанных и прекрасных. Замечу мимоходом, что тот, кто соберет сколько можно больше народных наших песен, сличит их между собою, приведет в порядок и проч., тот совершит подвиг великий и издаст книгу, какой нет и быть не может ни у одного народа, положит в казну русской литературы сокровище неоценимое и представит просвещенному миру чистое, верное, золотое зеркало всего русского. Не хочешь ли и ты участвовать в сем деле богоугодном и патриотическом? При тебе находится Мануков, писец отличный; употреби его, растолковав ему, в чем дело: пусть записывает слово в слово, что как поется, не ленясь записывать одну и ту же песню и несколько раз, когда, смотря по месту, найдет в ней какие-либо перемены; в краях, тобою теперь посещаемых, верно есть много особенного оригинально-прекрасного по с⟨ей⟩ части. Да нужно бы записывать и сказки, напр., что такое Лазарь, поемый нищими. Но это после. А волжские песни? Что ж мы?

Прощай покуда. Будь здоров.

Весь твой *Н. Языков.*

27. П. М. ЯЗЫКОВУ

1831. Сентября 23. Москва

Поздравляю тебя, себя и всех желающих с чем-нибудь меня поздравить: я служу царю и отечеству с 16 текущего месяца. Где служу? Ты знаешь где. Я, ей-богу, не хочу и не желаю никаких мирских почестей гражданских: это не моя атмосфера; чувствую, что я бы задохнулся в ней. Место, мною занимаемое, единственное в России уже и потому, что я его занимаю! Баратынский сидел на нем дома с честию: дослужился до 14 класса — и вышел вон! То-то счастие — отдыхать в сладкой уверенности, что ты заплатил свой долг отечеству, сделал свое как мог хорошо и добросовестно и пользуешься бездейственностию уже по праву!

Что же ты не отвечаешь на мой запрос относительно статей, тебе возможных. Оный журнал, будущее прозвание его «Европеец», начнется быть издаваем с 1832 года. Издатель И. Киреевский, юноша, которого я знаю вплотную, люблю как человека, уважаю как писателя образованного, и мыслящего, и благонамеренного, и чистого!! П. А. Кикин печатает статьи своего сочинения в «З⟨емледельческом⟩ ж⟨урнале⟩». Сверб⟨еев⟩ говорит, что хороши, что-то о недеятельности, и глупости, и нерасчетливости наших помещиков. Лови же эти статьи. Да полно, получаешь ли ты «Земл⟨едельческий⟩ ж⟨урнал⟩»? Яковлев здесь, сильно занимается натурою и обещает сообщать плоды оных занятий Максимовичу, когда сей последний станет издавать журнал ест⟨ественных⟩ наук. Всё действует и кипит жизнию в сем мире поднебесном. Что же ты сидишь и медлишь, вовсе не действуя, а не киня и начатого!!

Что ты скажешь мне на зубок моей службы? На обзаведение, окапировку и тому подобное необходимо, и то, и то, и это.

Я теперь сижу дома: весь мой гардероб перешивается, оказавшись чрезвычайно мешковатым для моего тела, чрезвычайно утонченного!

Прощай покуда. Будь здоров.

Всех твоих целую.

Весь твой *Н. Языков.*

28. А. М. ЯЗЫКОВУ

1831. Сент⟨ября⟩ 30. Москва

Наумов один из великого множества тех людей, в которых глупость живет припеваючи, наврал мне, что ты уехал в Уфу. Я уже давно туда пишу к тебе, а на прошлой неделе получил твое письмо из Симб⟨ирска⟩. Это письмо следует Комовскому; видно, ты ошибся, я тот же день отправил его в Питер. С К⟨омовским⟩ я в славной переписке; он помогает хлопотам по части просьбы Кир⟨еевского⟩ об журнале, я вербую его всюду на разные разности и просил его пощупать и тебя: и то сказать — что ты ни гугу? Какие слова Блудова? Я ничего не знаю об этом, видно, письмо сие важное затерялось.

Наш Парнас просыпается: Жуковский написал целый том новых стихотворений, Пушкин — повесть в стихах и еще пишет; и моя поэзия тоже не в бездействии пребывает: если благословение господне меня не оставит, то к 1-му генваря 1832 у меня будет 2000 стихов свежих — и выиграю заклад. Всего больше боюсь светской рассеянности: того и гляди затаскаюсь и растаскаюсь в ее шуме и блеске! Если совершится сие поэзии моей дельное дело, то я выдам в свет собрание моих стихотворений: это должно будет сделать и потому, что пора будет и довольно их, и потому, что на них есть особенный отпечаток и характер в них дышит такой, которого не должно быть в последующих. Пусть они и существуют особняком. Теперешние все любовные, винные (это не беда: у меня пьянство — свое: оно, так сказать, mare clausum[1] моей поэзии), но что ж мне делать: тороплюсь, большого начать не смею; жаль не вовсе ему предаться, а это невозможно: надобно писать на прохладе, не считая, сколько стихов на день и проч. Со следующей почтой начну присылать тебе их исподволь: я покуда еще не наверное знаю, где ты наверное? А для посылания множества стихов необходима известная цель устремления!

Котлу я посылаю теперь и послал на прошедшей почте ноты, книги и проч. Между ⟨прочим⟩, купил для

[1] закрытое море *(лат.)*; море, все берега которого находятся во владении одного государства.

нее «Scènes de la vie privée» par Balsac[1] — говорят, очень хорошо: говорят Авд⟨отья⟩ Петр⟨овна⟩ и Свербеев.

Прощай покуда. Что ж песни?

Весь твой *Н. Языков.*

Странно: у того Гермеса, которого покровительством я ныне прохлаждаюсь, когда⟨-то⟩ служил и Вяземский.

29. А. М. ЯЗЫКОВУ

1831. Декабря 9. Москва

На место Мерзлякова определен Давыдов, на прошлой неделе читал первую лекцию: стечение, или лучше сгущение, слушателей, студентов и посторонних аматеров[2] доходило до давки, а после лекции гром рукоплесканий приветствовал любимого профессора. Заметь, что аплодисмент на лекции есть вещь великой важности для университета, благоприобретение замечательное, важнейшее той тени, которую знамена наши отбросили на стены Константинополя и проч. В ярославском Демидовском училище высших наук вводится фрунт: таким образом, оное училище приличнее называть училищем *высочайших* наук.

Я, брат, жду тебя сюда: мне очень много надобно переговорить с тобою вообще и о тебе самом, и обо мне самом в особенности: надобно ж нам как-нибудь порешить судьбы свои, не век же тебе заниматься только *делами*, а мне всё-таки не вовсе принадлежать своему делу. Я теперь как-то одурел с некоторого времени; с отъезда Жуковского, с приездом которого моя поэтическая деятельность приостановилась, я почти ничего не написал, но это ничего не говорит против моей способности стихотворствовать: вспомни, что даже на графа Хвостова находила такая бессонница двухлетняя. Впрочем, бог милостив. Я жду нетерпеливо тетради стихов моих, известной у тебя под именем зеленой книги. Что ты ее мне не присылаешь? Разве тебе не нравится мое намерение собрать в одно целое мои забубенные песни и блудни! Скажи ясно — и да будет воля твоя. Я уже

---

[1] «Сцены частной жизни» Бальзака *(фр.)*.
[2] любителей (от *фр.* — amateur).

писал к тебе, по каким причинам возымел я таковое намерение; они, кажется, уважительны: ведь не надобно же смешивать различные вина в одной чаше: здесь должна быть система, распределение на классы и проч. Теперь для плезиру[1] занимаюсь сочинением стихов в альбомы различным дамам, мне вовсе незнакомым: это, ежели не развивает, то, верно, разгибает талант и учтивит образ выражаться. Алексей Кикин напечатал свою галиматью под названием «Вальс», я постараюсь прислать его тебе; достать довольно трудно: он не продается, посвящен *нежнейшему брату, совершеннейшему другу, тебе — тебе, кем жизнь красна! — П⟨етру⟩* А⟨ндреевич⟩у. Нравственная цель сего стихотворения им не достигнута, но все-таки оно любопытно для нас особенно и по родственности нашей с автором и по желанию, сродному всем существам мыслящим, видеть, как глупо ребячатся старички почтенные, мужи века отцов наших. Я пошлю тебе, кстати, к «Запискам» Шишкова, и «Записки» Данилевского, говорят, в них много достопримечательного; напр., то, что мысль и план взять Париж принадлежат к ⟨н⟩. Волконскому.

«Европеец» выйдет достославно, мы не нарадуемся. Свербеев перевел из Вильменя, он мастер этого дела и будет так действовать в «Европейце»! Обрати особенное внимание на статьи издателя: «XIX век», «О „Борисе Годунове"», «О Вильмене» и проч. Каково? Знай наших! Степанов, находящийся теперь в Витебске главным учителем латинской и греческой словесности, сочинил историю латинской лит⟨ературы⟩. Я издам ее, когда буду в состоянии сделать это богоугодное дело. Вообще должно заметить, что Степанова можно обратить в большую пользу для Руси: теперь занимается он составлением греко-российского словаря, грамматика греч⟨е⟩⟨ская⟩ готова. Должно его поощрить или дать ему помогу, не то он завянет и угаснет в своем заглушьи (так называет он Витебск). Я буду издавать его книги удовольственно: какой прекрасный мне случай повторить греческую грамматику и выучить много слов! А мне необходимо заняться древними языками: теперь сильно хочется делать что-нибудь подельнее, пора мне стать фертом в нашей литер⟨атуре⟩, а для оного стояния необходимо то, что выше сказано, особливо мне, которого поэзия должна поправиться, ты уже знаешь

---

[1] развлечения (от *фр.* — plaisir).

как. Обо всем этом мы переговорим. Не так ли? Полно тебе сидеть в глуши и заниматься только суетами мирскими и даже земскими. Сюда! «Горе от ума» здесь играют вполне, выпускается только самонеобходимейшее; публика толпится за билетами и хлопает неумолчно, даже немцы хвалят остроты Грибоедова на иноземцев и им восхищаются: прямой талант везде защитников найдет! Я еще не видал сего торжества Талии русской; говорят, Щепкин в роле Фамусова божествен, прочие актеры кое-как, но у нас на Руси и одного довольно для полного удовольствия. Вот еще причина мне тебя звать сюда, а тебе приехать. Нутка!

Твой *Н. Языков.*

Прилагаю письмо Пушкина и статью Вяземского — о выставке.

30. А. М. ЯЗЫКОВУ

1831. Декабря 16. Москва

Я видел представление «Горя от ума». Оно здесь идет нестерпимо худо: почти все актеры, не исключая и Щепкина, играют плохо: всех плоше Мочалов — Чацкого, один только полковник Скалозуб очень и очень хорош. Несмотря на все это, публика жадно смотрит сию первую русскую комедию: театр всякий раз полон, хлопотни много, потому что всякое слово — острота. Чрезвычайно сильно действует на сцене лицо бессловесное — князь Тугоуховский: нельзя смотреть на него, не смеясь. Бал вообще сноснее дру⟨ги⟩х действий. Выпуски разных намеков на то, на сё и проч. сделаны чрезвычайно глупо: многое оставлено, чего бы не следовало говорить на императорском театре, а многое выброшено или перековеркано ни за что ни про что. Говорят, что в Питере всё это делается несравненно умнее. Вот какая странность: когда государь был в здешнем театре, то представлялся водевиль «Горе без ума», написанный не знаю кем-то насчет Полевого,— и государю должны были объяснять это.

На днях был у меня Орлов — известный соперник Булгарина, лицо очень назидательное: он принимает за чистые деньги статьи Косичкина, собирается писать историю русского народа *, видно, что он вечно пьян,

* С тех пор, где остановился Полевой.

знает по-латыни, по-немецки и по-фр⟨анцузски⟩, пишет единственно для пропитания — и пользуется великою известностию в распивочных и гостином дворе. Вот как скоро идет вперед образованность в России! Лет за тридцать или еще и менее почти все наши поэты были таковы. Сумароков, Костров, Милонов и проч., а ныне Орлов уже редкость! Он воспитывался в Моск⟨овском⟩ университете, прежде жил уроками. Наружность его не гениальна: вспомни стих Сумарокова: «Известно, что у пьяной рожи огонь пылает из-за кожи»; черты лица непривлекательные, глаза, углубленные под нависшие брови, и чело неоткрытое, волосы черные, склоконенные копной. Говорит он неумно, глухо и неповоротливо от природы, а не от застенчивости.

Я купил логику Бахмана на русском: перевод, как мне кажется, мастерской; ее можно и должно прочесть с удовольствием. Переводчик — человек духовного звания, принадлежащий к Невской дух⟨овной⟩ академии. Честь и слава ей и нашему духовенству вообще. Оно самый ⟨самое⟩ ученое сословие в России, следственно, самое почтенное. Я выписываю себе много духовных книг по благораспоряжению Комовского и с нового 1832 года углубляюсь в сии неисчерпаемые источники поэзии чистой, независимой, вполне небесной.

До тебя всё еще не дошла из Симб⟨ирска⟩ вторая тетрадь моих новых стихов, а там ее читают, даже списывают, не разбирая руки моей! На днях отправлю туда же и третью. Ты, видно, брат, даешь знать мои стихи Комовс⟨кому⟩, зане он иногда цитирует мне их. Это всё хорошо, да только чтоб он не давал списывать литературным разносчикам и бубенщикам.

Спасибо тебе, что ты подписался на «Европейца». Я не могу приписывать эту честь себе, потому что мои стихи ты и без того получаешь — и лучше, нежели оные печатаются, потому что цензура всё-таки у нас только что censura в одном смысле этого слова: строгость!

Пушкин здесь. Он только и говорит, что о Петре, которого не возлюбляет; он много, дискать, собрал и еще соберет новых сведений для своей «Истории», много, тоже дискать, открыл, уже сообразил, осветил и проч. Стихов написал, кажется, немного; сказки его, сколько я могу судить об них по несколько стихов, им читанных, далеко отстали от Жуковского: это не его род; у Жуковского — точно неподражаемое искусство

рассказывать просто и поэтически приключения самые простые, а это, брат, важная вещь — и иногда главное! В одном из первых №№ «Европейца» ты увидишь его сказку о мышах и лягушках (он ее не кончил и не кончит): посмотри, как всё это прекрасно! Вообще по языку чудо в нашей словесности. Старайся же во благо и честь русского Парнаса распространять «Европейца», следств⟨енно⟩, изящный вкус, лучшую образованность и проч. Пушкин говорит, что он сличил все доныне напечатанные русские песни и привел их в порядок и сообразность, зане ведь они издавались безо всякого толку; но он, кажется, хвастает! Что же наши подвиги! А сказки? Я не знаю, сколько переплатил я до сих пор денег Ширяеву за тебя, но и полно, что за счет, лишь стало бы охоты!

Прощай покуда.

Весь твой *Н. Языков.*

31. А. М. ЯЗЫКОВУ

1832. Января 6. Москва

М. Моно пустила ко мне слух, что ты находишься в Симбирске — я и писал к тебе туда на прошлой почте. Теперь вижу, что это был вздор, не знаю на чем основанный, только не на факте, как объяснило мне письмо Петра. Я было обрадовался этому бла⟨го⟩-словенному известию, подумав и вознадеясь, что твой отказ приехать сюда только шутка, предтеча сладостного сюрприза,— но... и проч. Когда-то же мы свидимся? Благодарю за зеленую книгу: стану пересматривать и поправлять мои прежние стихотворения, продам их, выдам на съедение нашим литературным щелкоперам и пустозвонам — и переменю вовсе образ жизни моей музы. Что ты скажешь о «Европейце»? «Сев⟨ерные⟩ цветы» к тебе едут; они не очень задорны, несмотря на всё старание их издателя Пушкина и на то даже, что это тризна по Дельвиге. Всего лучше в них песнь сего последнего «Как за реченькой Слободушка стоит». А что ж наше собрание русск⟨их⟩ песен? «Европеец» будет разнообразнее впредь: теперь у издателя еще нет заграничных журналов. Пушкин что-то чванится с К⟨иреевским⟩, стихов не дает, а только обещает всего,

всего и проч. и проч. Статья К⟨иреевско⟩го об «Горе от ума» задорит и сердит многих москвичей — и немцев.

Не прислать ли к тебе нов⟨ое⟩ изд⟨ание⟩ соч⟨инений⟩ Державина? Я еще его не видел: говорят, хорошо — да и дешево. «Стрельцы», как мне кажется, вздорное произведение, а Масальский — наследник бездушия и пошлости Булгарина в романе. Жаль, что у нас исторические предметы — и самые важные, своехарактерные и действительные — попадают в руки бесталанных головушек! Но это должно же скоро пройти, потому что пора и потому что есть сильная и благая надежда на Марлинского, который, ей-богу, и пишет лучше и имеет больше таланта романтического, чем все иные-прочие, знаменитые и простые. И «Вечера на Диканьке», слава богу.

Поздравляю тебя с Новым годом, да будет он как можно благословеннее и краше для всех нас и для всей земли Русския, чем многие прежние.

Весь твой *Н. Языков.*

32. П. М. ЯЗЫКОВУ

Февраля 18. 1832. Москва

«Европеец», кажется, прекратится. Его величество сильно разгневался на издателя и на цензора Акс⟨акова⟩ за статью о «Горе от ума», особенно за то, что там говорится о немцах; приказал было изд⟨ателя⟩ привесть в Пет⟨ербург⟩ для садки в Петропавловскую, а цензора водворить на гаупвахту, но, бог весть почему, смягчился, и дело кончится обыкновенным запретом. Жук⟨овский⟩ пишет к Киреевскому, что ежели он, Киреевский, напишет оправдательное письмо к Александру Христофоровичу, то журнал может продолжиться: но что за охота писать, сидя под придирками жандармов. Не знаю, на что решится Киреевский. Нет никакого сомнения, что это штука Булгарина. Здесь прилагается письмо Ком⟨овского⟩. Оно любопытно и для вас. Стихи мои, об которых тут говорится, есть у Дюка. Свербеев сильно перетрусился известием о судьбе «Европейца», ведь его перевод был в 1⟨-м⟩ №. Он вздумал, что всех

участников в сем гибельном деле по крайней мере пересекут или сошлют в монастырь и крепость, если уже не повесят. Такова сила общего мнения.

Я спрашивал Дюка о С. М. С. Он мне ничего не ответил, вероятно, убоявшись почтовой бумаги: напишите об нем, всё, что знаете, с верною оказией. Здесь говорят, что он находится в крайней бедности, и вследствие сего юноша кн. Трубецкой — родной брат того — собирает ему вспоможение; я, вероятно, скоро буду в состоянии участвовать в сем деле богоугодном, зане на днях продам собрание моих стихотворений и разживусь хоть немного!!!

Никифор доставит вам «Историю фр⟨анцузской⟩ революции» Тьерса — книгу, давно обещанную мною Дюку, книгу важную, очень редкую в России и теперь, наконец, даримую переплетенною.

В конце прошлого 1831 года случился в здешнем Английском клубе анекдот вот какой: И. И. Дмитриев сказал, что нет ничего страннее даже самого названия сего клуба: *московский английский клуб!* Пушкин ответил ему: «У нас есть и гораздо страннейшее: *императорское человеколюбивое общество*».

Прощайте покуда.

Весь ваш *Н. Языков.*

33. П. М. ЯЗЫКОВУ

1832. Марта 15. Москва

«Европейца» запретили вот почему: государь император, читая 1⟨-й⟩ № сего журнала, заметил, что в нем говорится о политике, что в статье «XIX век» автор под словом «просвещение» разумеет «свободу», под выражением «искусно отысканная средина» — конституцию и, наконец, в статье о «Горе от ума» под именем иностранцев — русских губерний Лиф⟨ляндской⟩, Кур-л⟨яндской⟩ и проч. Это же сказано в официальном бумагоприслании в здешнюю цензуру из Петер⟨бурга⟩ от Алекс⟨андра⟩ Христофоровича. Цензуре приказано смотреть наистрожайше и за всеми прочими журналами, особенно за «Телеграфом» и «Телескопом», в коих, дискать, тоже замечается направление либеральное. Само собою понятно, что во всей этой штуке участвует

Фаддей. «Телескоп» и «Телеграф» опоздали по причине перепечатания первых № №. Мои стихотворения вышли чрезвычайно окарнанными из-под пера Льва Цветаева: этот Лев — осел! Не знаю уже, почему не пропустил он «Ливонию». Слово «свобода» я должен был везде заменить другим, где было только можно, я ставил «природа» и проч. Сношусь со Смирдиным через Комовского.

Сильно говорят, что С. С. Уваров будет товарищем министра просвещения, а потом и самим министром скоро. У Яковлева я был на днях. Он живет посреди Москвы, как в пустыне, комнаты огромные, уставленные шкапами, полками с книгами, пахнущие кислотами банки, с коими во множестве являются на столах, везде пыль, каминная и проч., а сам хозяин в утреннем коричневом сюртуке, в туфлях, перед сальною свечою, горящею среди бела дня! Он собирается оставить службу, Москву и всю суету мирскую, поселиться в деревне, сделаться агрономом и жить единственно для наук естественных — намерение благое! И дай бог ему счастливого исполнения! Он кланяется тебе, Петр! Обещался на днях начать с тобой переписку, поручил мне покуда спросить у тебя, имеешь ли новое сочинение Броньяра «Tableau и проч.». Оно тебе необходимо для твоей части. Я еще к нему съезжу и понукну снова.

Здешняя цензура получила выговор за то, что позволила напечатать «Вальс» Алексея Кикина: не должно, дискать, пропускать галиматьи, писанной о высочайших особах! Это, вероятно, не понравится нашему любезному родственнику, который особенно теперь чрезвычайно сердит на *всех нас*. Вал⟨уев⟩ расскажет вам, как он выражается.

Через Москву приехал Иакинф. Я познакомился с ним у Погодина, где по сему важному случаю было собрано всё литераторство московское. Он человек чрезвычайно умный, знающий Китай, как «Отче наш»; похож на портрет свой, приложенный к запискам о Монголии. Странно и многим соблазн видеть монаха, вкушающего мясо в пост и курящего трубку и пьющего вино: он еще носит одежду инока. Везет в Петерб⟨ург⟩ огромное собрание рукописей тех стран неизвестных и свой перевод истории Китая в XII томах. Каковы наши! С Иакинфом возвращаются и студенты миссии, они все

научились по-китайски. Замечательно, между прочим, и то, что наши миссионеры, прежде жившие в Пекине, никак не догадывались учиться по-китайски, лет 15, как догадались,— слава богу!

Елизавете Петровне посылаю книги и романсы Мельгунова, у нее есть кому их распевать и разыгрывать!

Вы ошибочно подумали, что я теперь при деньгах: на самом деле вовсе нет, я даже в долгах, потому что, понадеявшись на продажу моих стихотворений, купил книг и проч⟨его⟩, без оной надежды лишнего. Недели через три продажа оная совершится, и всё пойдет своим порядком, и ты, Петр, получишь и Фишера и Ганемана.

Митиньку благополучно удалось нам водворить в пансион Павлова: дело было довольно трудно: я подвигнул Погодина, Максимовича, Свербеева и сам пришел в движение необычайное. Пансион, кажется, хорош, воспитанников комплект 60, Митинька принят сверх комплекта — следствие нашего старания и моего напряжения. Ал. Андр. Кикин сильно бранит Павлова — говорит, кричит, что его пансион запретят, что в нем будут воспитываться молодые люди для 14 декабря. Само собою разумеется, что никто мыслящий не поверит этому пустозвонству, но всё-таки оно чрезвычайно неприятно Павлову и может сбивать с толку людей слабоумных.

Вот какой анекдот случился в Петербурге во время представления трагедии Делявиня «Генрих XI» (на французском театре). Государь был в ложе. Публика громко зарукоплескала стиху, которым духовник короля советует ему «не следовать внушениям его сердца, потому что оно злобно!»

Актер хотел продолжать— снова рукоплескания. Государю это не понравилось. Он встал и, высунувшись перед публикой, взглянул на нее грозным оком, но при сем державном телодвижении раздался снова и снова гром рукоплесканий оглушающий — и государь уехал из театра.

Это тоже одна из причин, действующих на стеснение журналистов.

Мой план приезда в Симбирск расскажет и объяснит вам подробно Валуев. Письмо сие не требует ответа посредством почты: а письмо вам на ухо.

34. В. Д. КОМОВСКОМУ

1833. Апреля 14. ⟨Языково⟩

Наконец плоды благопоспешного труда вашего — мои стихотворения — прибыли в мои объятия. Не знаю, как благодарить вас за многое множество забот и хлопот и разных разностей и всякой всячины — вами столь достославно препобежденных в сем деле разухабистом! Только и могу сказать: хвала, честь и слава долготерпению вашему! Хладнокровно ожидаю, что скажут обо мне «С⟨еверная⟩ пчела», «Телеграф» и «Телескоп». Я наперед знаю, за что и как именно станут бранить меня наши строгие ценители и судьи. Видели ли вы в «Телеграфе» статью Н. Полевого о Жуковском? Взгляните и судите. Здесь получены и стихотворения П. Катенина; Полевой кинется на него, как цепная собака: он всегда бранил Катенина кстати и некстати, прямо и мимоходом: теперь нападет на всё сполна!

Собирание *стихов* производится у нас ревностно и похвально, сообразно требованиям нашего века, от которого так далеко отстал Жуковский, по уверению Полевого.

Прощайте покуда.

Христос воскрес!

Ваш покорнейший *Н. Языков.*

Нельзя ли доставить П. Ал. Катенину экземпляр моих стихотворений: он, Катенин, теперь находится в СПб.

35. А. М. ЯЗЫКОВУ

1833. Июня 2. ⟨Языково⟩

Ты постановил меня в большое затруднение, ввел в обстоятельства тонкие, приделал к делу трудному, важному, собственно твоей голове принадлежащему. Но всё-таки мне очень и очень приятно отвечать тебе на то, чего гораздо скорее мог бы ты доспроситься у самого себя; говорить с самим собою о тебе же и проч. и проч. Будь уверен, что я действую в сем случае вовсе непритворно, как бы перед лицом того, кто видит глубину сердец и слышит движения помышлений.

Вот главное! Тебе надобно перестать сидеть над одними теориями, надобно войти побольше в мир чистой истории и литературы и жить и обращаться в нем, он вполне освежит тебя и развяжет во благо! Кроме того, что это есть мое мнение о потребностях бытия твоего, заметь еще и то, что в нашем любезном отечестве человек мыслящий и пишущий должен проявлять себя не голыми умозрениями, а в образах как можно более ощутительных, очевидных, так сказать, телесных, чувственных, ярких и разноцветных! Мы происхождения восточного, в нас еще жива наследственная любовь к пестроте и пышности! Советую тебе заняться pro primo[1] хоть сочинением повестей или замечаний о странах, тобою виденных и изведанных. Знаю, что ты первым шагом станешь высоко и разом превзойдешь многое множество наших так называемых известных и славных писателей. Я уверен в этом, равно как в том, что ego sum[2]! Решись! Сначала можно пуститься incognito — по обычаю неких царей великих, иногда странствовавших под чужой одеждою для совершения дел истинно царских и после объявлявшихся ради пользы миру и славы имени своему. Обдумай-ка хорошенько, глубоко (как я) это мое предложение — и выходи на делание бодрый, свежий и светлый! И тут, как везде, всего труднее начать: такова природа человеческая! Так в купании, в сем удовольствии наисладчайшем; так в самом пьянстве: усильно бросаешься в воду, долго ломаешься над первою чашей, а потом уже...

Вот тебе ответ на письмо твое еще от 11 апреля. Извини меня, что ты прождал его почти два месяца. Разные недосуги, Карсунская ярманка, невзгоды такие, сякие и проч. меня оправдывают, если это нужно. Прими же мои советы и не отталкивай руки, благословляющей тебя на благие подвиги.

Напрасно время не губи,
Советодателя люби!

* * *

Под именем Брамбеуса, кажется, должно разуметь Сенковского, если не ошибаюсь. Ты до сих пор продолжаешь думать, что мы к тебе не пишем — не понимаю, что это значит? Уж нет ли какой фальши при

[1] во-первых (*лат.*).
[2] я существую (*лат.*).

отдании писем на почту в Карсуне? Справимся. А кому, ей-богу, приятно терпеть упреки, вовсе их не заслуживая?

Прощай покуда,

Весь твой *Н. Языков.*

36. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

⟨3 июня 1833. Симбирск⟩

Получили ли вы мои стихотворения от сочинителя? Великодушно ожидаю, что скажет об них Полевой, сей безумноречивый, хотя громогласный вития! Пушкин некогда обещался отстаивать честь моей музы; если, дискать, нападут на нее литературные ярыжки. Потрудитесь напомнить ему об этом обещании.

В наших краях приволжских появился новый поэтический талант — Ольга Крюкова, превозносимая князем Шаликовым. Я теперь занимаюсь отыскиванием лица и потом займусь воспеванием красот ее — во время летних жаров, когда человек вовсе не способен ни к чему дельному.

Слышно — и здесь даже — что многие *наши* обратились к драме. Дай-то бог! Пора, пора, *рога трубят!*

Эту грамотку вручает вам мой дерптский однокашник и односошник, уже рекомендованный вам А. И. Тургеневым. Примите же, как бы вы меня приняли, в мое воспоминание, и да благословляет он мою поэтическую работу, давшую мне возможность доставить ему честь быть знакому с вами.

Ваш *Н. Языков.*

1833. Июня 3. Симбирск

37. М. А. МАКСИМОВИЧУ

1833. Июля 14-го. ⟨Языково⟩

«Книга Наума о великом божием мире» есть подвиг великий, дело чрезвычайно полезное: вы вполне достигаете своей цели: читается и понимается легко — это я знаю по собственному опыту. Если бы я был президентом Академии наук, то присудил бы автору сей книги Демидовскую награду. Не замедлите же выдать и продолжения: их ждут нетерпеливо и желают читать

скорее. Для книги о православном, великом и сильном государстве русском не забудьте воспользоваться «Журналом министерства внутренних дел» (надобно означить и несколько подробно, в какой губернии какие ярмарки, чем на них торгуют, где какие хлеба преимущественно родятся, какие народы обитают, чем промышляют и проч.). Не правда ли? Не худо бы также Науму составить книжку о земледелии особенную.

На прилагаемые при сем деньги потрудитесь приказать выслать в Карсун Н. М. Я⟨зыкову⟩ 40 экз⟨емпляров⟩ книги Наума. Я буду распространять свет, ею изливаемый, и уже начато это доброе дело.

Ваш покорный *Н. Языков.*

38. И. В. КИРЕЕВСКОМУ

1835 года мая 25 дня. ⟨Языково⟩

Здравствуй, мой любезнейший Иван Киреевский! Паки и паки вопрошаю тебя, что же ты делаешь — почему же ты ничего не делаешь? Вот уже две книжки «М⟨осковского⟩ наблюдателя» вышли без твоего пособия; я ждал, ждал, ждал, наконец вышел из терпения и решился спросить тебя, что же ты, подобно мне? Но я, брат, имею отговорку, я был болен долго, долго — года с два — и только теперь начал лечиться. На днях приезжал ко мне из Пензы в здешних краях знаменитый и даже за морем известный гомеопат Петерсон — и пользует меня. Я жду от него спасения и полного выздоровления. А потом уже...

Видно, у вас в Москве сильно восхищаются драмами Кукольника: это нехорошо, это бестолково. Я следовал за развитием Кукольника, шаг за шаг, читал всё, что он писал — и теперь собираю все его сочинения

Все зажгу
И в это пламя брошу Роксолану!

В его «Ляпунове» мне не нравятся даже те места, которые хвалит сам Шевырев, находя в них что-то шиллеровское! Что же делает Хомяков? У меня к тебе есть просьба: нельзя ли тебе достать от Баратынского стихи его, пропущенные в новом издании — и мне переслать их, для полного удовольствия? Где твой Петр Васильевич? Об его отъезде за границу в газетах объявлено, кажется, недавно. Здесь все читают жадно повесть Павлова

во 2-м № «Московского наблюдателя». Письмо А. И. Тургенева могло бы быть, т. е. должно бы было быть гораздо занимательнее и важнее и литературнее — и проч. В «Моск⟨овском⟩ н⟨аблюдателе⟩» всего лучше критика Шевырева.

Всему вашему семейству мои почтения.

Весь твой *Н. Языков.*

Правда ли, что в пансионе Павлова прибавлена плата за воспитанников? Потрудись спросить, буде можешь, и уведомь меня когда-нибудь.

Дмитрию Ник⟨олаевичу⟩ и Ек⟨атерине⟩ Алекс⟨андровне⟩ поклонись от меня. Где они?

39. М. П. ПОГОДИНУ

Апреля 23 дня 1836 года. ⟨Языково⟩

В начале мая ты получишь от моего брата всю сумму, о которой ты писал ко мне. Будь спокоен по этой части. Я теперь нахожусь, можно сказать, в Армидиных садах: тишина возлюбленная, уединение сладостнейшее, приволье в высочайшей и прекраснейшей степени — всё есть у меня — и я действую. Жди от меня чего-нибудь большого, ежели не великого. Сердечно радуюсь, что в нашей литерат⟨уре⟩ разгорается война — война кровавая, как пишет ко мне брат. Это оживит всю нашу братию и покончит гибельный застой многих знаменитостей пера:

То мир какой-то странный был,
Без неба, света и светил!

Спасибо тебе за Герена — смотри же, не оставь недовершенным этот труд твой, чрезвычайно важный для всей Руси, и напиши еще русскую историю в 4⟨-х⟩ томах — хоть до Екатерины II. Понимаешь?

Прощай покуда.

Твой *Н. Языков.*

Поклонись от меня Надеждину: я читаю всласть «Телескоп» его, желаю ему во всем благого поспешения!

40. Е. М. ЯЗЫКОВОЙ

Апреля 24 дня 1836 года. ⟨Языково⟩

Не знаю, как выразить тебе радость, которая во мне кипит и блещет, когда читаю и перечитываю теперешние

твои письма. Эта радость так сильна и действительна, что я не могу ничего делать, ничто на ум нейдет: весь я занят тобою, все мои помыслы слились в одну благодарственную молитву богу, и предмет этой молитвы — ты, моя милая, добрая моя, голубица моя!

И все наши так веселы, так игривы и бодры — и всё это ты, всё это оживилось тобою, твоим щастием! И за всё это ты должна благодарить Наталью Алекс⟨еевну⟩ — не подыми она вас в Москву, вы бы просидели в Репьевке, Пикоть одна бы не пошла. Поцелуй их за это!

Х⟨омяков⟩ очень понравился Дюку, он от него просто в восторге. Это так и должно быть, этого я ожидал, надеялся и теперь это вижу. И все вы, начиная, как мне кажется, с тебя, моя милая, полюбили его, и я, разумеется, тем паче, что знал его еще прежде, нежели... и тем паче, что... понимаешь! О! Ты, верно, понимаешь все эти точки... Более, нежели понимаешь, ты чувствуешь и проч. Замечательно, что теперь все окружающие тебя забыли обо всем, кроме тебя и Х⟨омякова⟩. Все письма полны этими предметами, всё другое не входит в круг теперешних мыслей, мечтаний и действований всех нас. Это замечательно, утешительно, прелесть!

Ты хочешь, чтоб я отвечал на твои письма подробно. Это вовсе невозможно, моя милая. На теперешние твои письма я так любуюсь, так благодарю за них тебя, что, ей-богу, не могу связать двух мыслей — все они так и кружатся и толкутся в голове — весело, весело и весело!

Это письмо застанет вас возвратившимися из путешествия в Троицкую лавру. Благословляю этот богоугодный ваш подвиг, как понравилось всем вам это место? Я очень люблю его, сам непременно съезжу, когда буду в Москве,— а когда буду я в Москве? Ведь я буду же, моя милая, и, конечно, весел, как никогда, нигде не бывал в трезвом виде.

Погода у вас отличнейшая, как пишет брат Ал⟨ександр⟩ М⟨ихайлович⟩,— стало быть, и эта часть вам благоприятствует, благодарение всевышнему! Гуляйте больше на свежем воздухе, только не простужайтесь, и ты особенно, особенно теперь, я думаю, вовсе не думаешь о здоровье, а это очень нужно, и если бы ты меня спросила: «Для кого же?», и я отвечал бы тебе: «Собственно для меня!»

Прощай покуда. Целую тебя.

Весь твой *Н. Языков.*

Мой поклон Ел⟨изавете⟩ Михайловне.

Хорошо, что вы заманили к себе Кр⟨естьяна⟩ Иван⟨овича⟩. Этому я рад: я его очень люблю, и Хом⟨яков⟩ его любит, и он его.

41. А. Н. ВУЛЬФУ

Апреля 25 дня 1836 года

Вскоре после отправки моего письма к тебе, мой любезнейший Аякс! получил я твое письмо из Старицы — честь и слава тебе, что помнишь меня грешного. Давай же опять вести переписку по-прежнему: нам не подобает и во веки веков, если можно, забывать друг друга.

Ты справедливо заметил, что я деятельно участвую в «Московс⟨ком⟩ наблюдателе»: да, я опять расписался и теперь уже, кажется, надолго. Принимаюсь и за большие труды. Полно мне, так сказать, мелочничать. Впрочем, да не смущается сердце твое — послания у меня всегда будут писаться, только что они будут уже не главным — вот главное! Теперь жизнь моя чрезвычайно благоприятна стихописанию: уединенная как нельзя больше, тихая, привольная и сельская, и — хвала за то провидению! — хозяйство мое так хорошо устроено и так долго шло хорошо, что я совершенно независимо могу предаваться любви своей. Как-то ты действуешь по этой части? Где ты находишься преимущественно — на берегах ли Сороти и в виду двух озер? Это мне нужно знать — пригодится, может быть. Напиши мне подробно обо всем, что ты делаешь, куда стремишься и проч.

Прощай покуда.

Твой *Н. Языков.*

Всем твоим мой поклон и почтение.

42. А. С. ПУШКИНУ

⟨1 июня 1836. Языково⟩

Спасибо вам, что вы обо мне вспомнили в Тригорском... тогда я был легок!.. Ваш «Современник» цветет и красуется: жаль только, что выходит редко; лучше бы книжки поменьше, да чаще. Я пришлю вам сти-

хов.— Что делать мне с «Ж⟨ар⟩-Птицей»? Я вижу, что этот род не может иметь у нас полного развития; я хотел только попробовать себя: теперь примусь за большее.

Я собираюсь в белокаменную, на свадьбу сестры,— повезу туда и всю «Птицу».— Мне пишут, что вы опять будете в Москве — дай бог мне с вами там съехаться. «Наблюдатель» выходит всё плоше и плоше — жаль мне, что я увязал в него стихи мои: его никто не читает.

Ответ на послание кн⟨язя⟩ Вяземского будет скоро — виноват я, грешный, перед ним, но ведь я был немощен и хил — поправляюсь и исправляюсь.

Ваш *Н. Языков.*

Июня 1 дня. 1836

Легенду об Ал⟨ексее⟩ б⟨ожьем⟩ ч⟨еловеке⟩ я послал к брату для передачи вам: это не то, ее должно взять у Петра Киреевского, сличенную со многими списками и потом уже...

43. А. Н. ВУЛЬФУ

⟨12 июля 1837. Языково⟩

Не хочу, потому что никак не могу, оправдываться перед тобою: ты имеешь всё право, ты должен сердиться на меня за мое молчание: и что ты думал обо мне, не получая от меня ни строки так долго, после моего обещания писать к тебе из Москвы, куда я тогда ехал? Вина моя перед тобою непростительна, несносна. Но если может в нас раскаянье живое... и проч.

Много утекло воды с тех пор, как я писал к тебе. Что же делал ты в это время? Хозяйничал ли или женился, подражая твоему соратнику Хомякову? У меня же весь почти этот год прошел в разъездах (это не извинение!). Я был и в Москве довольно долго,— просидел ровно 6 месяцев, именно просидел! — по слабости здоровья моего! Стихов не писал почти вовсе, как ты видишь в журналах,— зато собираюсь опять приняться за что-нибудь большое.

Где ты теперь находишься? Там, где мы некогда гуляли вместе с нашим бессмертным Пушкиным? Горько и досадно, что он погиб так безвременно и от руки какого-то пришлеца! История причин дуэли его чрезвычайно

темна и, вероятно, останется таковою на веки веков. И как мало отделанного нашлось в его бумагах. Его губил и погубил большой свет — в котором не житье поэтам! Поклонись за меня его праху, когда будешь в Святогорском монастыре. Пиши ко мне.

Прощай покуда.

Твой *Н. Языков.*

Июля 12 дня 1837

Всем твоим мое почтение.

Адрес мой: в Карсун Симбирской губернии.

44. А. Н. ВУЛЬФУ

Октября 17 дня 1838 года. Ганау

Прошлого 1837 года, осенью, писал я к тебе из Симбирска, что собираюсь ехать в Москву лечиться, что оттуда извещу тебя, долго ли там пробуду и проч.: я в самом деле собрался было и тогда же в Москву именно, но за день до дня отъезда простудился и так сильно, что пролежал на одре болезни до мая 1838; тогда был *перевезен* в Москву, где медики предписали мне путешествие в Мариенбад и около двух месяцев приготовляли меня к этому подвигу — т. е. к возможности быть везому на далекие целебные воды, в безызвестную! В Мариенбаде пробыл я почти два месяца, пил брунн,[1] купался в воде и грязях и по окончании курса, от которого пользы еще не вижу, отправился в Ганау к знаменитому Копу, где и есмь. Коп обещается поставить меня на ноги и сделать вообще молодцом к осени 1839: в Ганау продержит меня до лета, а летом пошлет купаться в Гаштейн. Вот как скоро судьба бросает меня ныне через горы и долы, из страны в страну! Меня, который так любил и так привык пребывать на одном месте и сидеть сиднем! И как быстро переменился я, можно сказать, с головы до ног Теперь еще не могу порядочно пройти по комнате, взойти на лестницу без провожатого; месяц тому назад не мог прочесть страницы, написать пяти строк, не почувствовав одышки!

Как ты поживаешь, где ты? Дай мне ответ на эти вопросы — я здесь еще успею получить письмо твое. Не сердись на мое молчание: прости мне его больному, как прежде прощал здоровому.

[1] минеральную воду (от *нем.* — der Brunn).

Меня вез в чужие краи и здесь еще со мною находится — мне в утешение — П. В. Киреевский, занимающийся собиранием русских песен и стихов: если у тебя много порожнего времени, то примись-ка записывать с голоса народа русские песни и стихи. Последние чрезвычайно важны во многих отношениях: это легенды, поемые нищими, в них столько поэзии, что мы можем гордиться ими перед Европою — и в них-то истинная, наша, самобытная словесность. Я уверен, что ты не откажешься от этого благого дела.

Прощай покуда.

Весь твой *Н. Языков.*

Всем твоим мои поклоны.

45. РОДНЫМ

Апреля 25 дня 1839. Ганау

Наконец мы дождались хорошей погоды: стало тепло, ясно, пахнет весною. Вчера ездил я за город дышать ароматным воздухом и гулять под каштанными деревьями в Вильгельмсбаде (так называется загородный дворец здешнего князька). То ли дело дома? Здешние сады или леса удивительно пусты в сравнении с нашими; конечно, оттого, что здесь процветает просвещение: звери, зверки, птицы и птички — ловятся на съедение или на чучелы в музеуме; насекомые туда же накалываются на булавки и шпильки, цветы собираются в гербариумы,— а леса и поля немеют и обезукрашиваются. Мая 18 дня предполагаем мы выехать отсюда в Крейцнах. Поедем, по назначению Копа, местами живописнейшими, винограднейшими, в виду рыцарских замков и берегов Рейна. В Крейцнахе пробудем более месяца, в начале июля приедем сюда в Ганау показать меня Копу, откупавшегося в его любимых водах. Потом дается мне месяц времени льготный, на освежение существа моего ездою по берегам Рейна, на услаждение себя видами прелестными, на отдышку от лечения. Потом — осенью уже — в Гаштейн (летом там холодно), где курс продолжится всего-то три недели, а оттуда уже — может быть, и восвояси!

У нас начинаются, кажется, жары. Шьем себе блузы и покупаем соломенные шляпы-блины. В Крейцнахе будем ходить молодцами и вести жизнь вполне

сельскую, потому что жить будем не в городе, а в деревне, так сказать, в самых целебных источниках. Квартира уже нанята: 4 комнаты, 2 в нижнем и две во втором ярусе. И прямо из комнаты — бух в объятия врачующей наяды.

На днях был у нас кн. Вяземский, возвращающийся в Россию, в Питер. Он дал мне 1838 год «Современника», который читаю с большим удовольствием, тем паче что стихи в нем почти все (именно все, кроме Пушк⟨ина⟩ и Рост⟨опчиной⟩) дрянь и прах!! Скоро будет возвращаться в Россию и А. И. Тургенев. Он, вероятно, тоже навестит нас, по обыкновению изобилующий животрепе⟨щу⟩щими новостями всей Европы. С ним, ежели он застанет нас в Ганау, я пришлю тебе какую-нибудь штучку.

Пишите к нам по-прежнему в Ганау — письма ваши будут пересылаться куда следует. Прощайте покуда. Целую вас. Будьте здоровы.

Весь ваш *Н. Языков.*

П. Киреевский обещался писать ко мне много, но молчит, как кажется. Издает ли он р⟨усские⟩ песни?

46. В. А. ЕЛАГИНУ

⟨2 апреля 1840. Ницца⟩

Достойно и праведно благодарю вас за письмо ваше и паче за Ваше воспоминание обо мне: оно освежает, услаждает и утешает вялую, горькую и горемычную жизнь мою под веселым небом юга, в стороне лимонов, олив и лавров и в виду средиземных вод, которые мне уже давно наскучили, как лекарственные. Нетерпеливо жду письма от Петра Васильевича вместе с известием о начале печатания песен: боюсь, чтоб он вовсе их не бросил, углубившись еще и в мир византийский. Как жаль мне, что я теперь не в Москве, что не слышу этих жарких и коренных споров о предметах важных! Воображаю А. И. Тургенева защища⟨ющимся⟩ от наших подвижников! На П⟨етра⟩ В⟨асильевича⟩ надеюсь, что он препобеждает своих противников: я видел меч его, я уверен, что он уже достал себе и щит веры, и камень веры, и пращицу духовную, да отражает и поражает ими латинство и лютерство!

Кстати, получили ли вы посылку из Ганау? Ее обещал отправить к Вам Коп; это было еще в июле прошлого года, Коп надеялся отдать ее кому-нибудь из русских, его посещающих на возвратном пути восвояси. Жаль, ежели он не нашел верной оказии: эта посылка вас бы порадовала! Впрочем, она-таки не пропадет: я буду в Ганау в июле, отсюда, накупавшись в волнах морских, отправлюсь опять в Гаштейн, а оттуда опять к Дицу. Мельгунов съездит⟨?⟩ со мною в Гаштейн: это меня утешает, а там, в Ганау, я, как дома,— почти... В Италии мне скучнее, нежели в Неметчине, и я то и дело раскаиваюсь, что забрался в эту даль: лекаря здесь дрянные, народ подлый, мерзкий и нищий, скука да и только! Стихи на ум нейдут, когда и соберусь писать: всё это не так, как бы на Руси! Жду не дождусь, когда в обратный путь: здоровья, видно, мне уже и во сне не видать, хоть бы домой...

Радуюсь, что Баратынский и Хомяков не оставляют лир своих: не то бы наш Парнас двинулся, как обоз, в котором тысячи немощных калек. Где теперь Баратынский? Если в Москве, то кланяйтесь ему от меня: ведь он, кажется, ездил в Крым!

Прощайте. Будьте здоровы, не ездите на пугливых и бурных лошадях и не встречайтесь с писательницами ⟨?⟩.

Ваш *Н. Языков.*

Алексею Андреевичу мое почтение. Когда соберусь с силами, напишу к нему послание с вод морских о моей жизни заморской. Меченосцу жму руку. Всем вашим мой поклон. Что же И. В. Киреевский и его повести и проч. дела литературные?

Армфельда обнимаю. Крест⟨ьяну⟩ Иван⟨овичу⟩ поклон. Что он с Вин⟨евитиновым⟩? Разобрали ли Вы мои каракули?

Апреля 2 дня 1840. Ницца приморская.

47. А. М. ЯЗЫКОВУ

19 ⟨н. ст.⟩ / 7 сентября ⟨1840⟩. Wildbad Gastein

Отвечаем на письмо твое от 21 июля. Наше пребывание в Гаштейне продолжается благополучно: я стал крепче и бодрее после расслабления и хили, произведенных во мне жаром Италии; здесь пробудем еще около

двух недель: время осеннее, погода становится зяблая, веют бураны, дожди и снега⟨?⟩, пора в Ганау. Не знаем, где придется нам зимовать. Я уверен, что Коп не отпустит меня в Россию: по крайней мере не чувствую сам себя еще к такому щастию достаточно поправленным! Впрочем, что Коп скажет, то важнее собственных предположений! Хорошо бы зимовать в Мангейме или в Гейдельберге — там климат благораствореннее ганавского, болотистого. «Но вам,— сказал мне в Дрездене ⟨в⟩ 1838 ⟨году⟩ доктор Зейлер,— хороший врач нужнее хорошего климата!» И то сказать, к Ганау я уже привык, обжился там и поеду туда, как в приют, так сказать, милый.

Я постараюсь собрать для тебя всё, что писали немцы об уничтожении рабства в З⟨ападной⟩ Европе. Вышла книга очень любопытная и утешительная для поборников Руси: «Erinnerungen aus dem äußeren Leben» von Ernst Moriz Arndt[1]. Я читал из нее отрывки в н⟨емецких⟩ газетах. Арндт был в Питере во время войны 1812 ⟨года⟩, пишет сильно, честно и резко, не щадя немцев, которым он не нравится, напоминая, что их освободили от ига французского русские, а что они сами не смели и пикнуть против своих угнетателей прежде изгнания их из России.

Нынешний приезд наш в Гаштейн, особенно по части знакомств, несравненно лучше прошлогоднего: было много русских и интересных лиц, которые все видны тебе будут в дневнике брата П⟨етра⟩ М⟨ихайловича⟩, являясь там всякие в своем виде и на своем месте и таким образом представляя картину живую, пеструю и весьма любопытную.

От Хомяковых мы давным-давно не получаем ни слова: не знаем, что и подумать? Пикоть пишет к нам, слава богу! У нас опять ⟨нрзб⟩ с нею.

В нем⟨ецких⟩ газетах объявлено о переводе на нем⟨ецкий⟩ «Истории» Устрялова ч. 2-й. Хороша ли? А роман Лермантова мы было начали читать — да нет, както нейдет! Вяло, растянуто, неискусно и незанимательно! О Гоголе ничего не слышно, хотя и писали, что он в Вене. Правда ли, что Жуковский женится и на немке?

Прощай покуда. Нат⟨алью⟩ Ал⟨ексеевну⟩ целую.

Весь твой *Н. Языков.*

---

[1] «Воспоминания о чужеземной жизни» Эрнста Морица Арндта *(нем.)*.

48. А. М. ЯЗЫКОВУ

1841. Сентября 19 дня. Ганау

Мне пришлось еще зиму просидеть в Ганау. Брат П⟨етр⟩ М⟨ихайлович⟩ расскажет тебе, почему, как и для чего это сделалось; он отправился отсюда в Дрезден, а потом и далее в Питер и на Русь, вместе с Гоголем, который провел с нами целый месяц, ожидая решения судьбы моей на будущий год: если бы мне ехать восвояси, то и он пустился бы со мною; вышло иначе!

Сентябрь месяц прошел нынешний тут у меня очень весело: был великий съезд нашей родни в трактир, мною обитаемый. Ел⟨изавета⟩ Петр⟨овна⟩ с детьми, князь Хованский с Катюшею и проч. жили здесь несколько дней. Ел⟨изавета⟩ Петровна пробыла у меня более их, лечась у Копа от расстройства, причиненного ей глупостью врача Эмского. Коп скоро поставил ее на ноги и пустил в ход!

Была здесь и Елагина со своими девицами: она давно отправилась в Россию и теперь, вероятно, уже в Петерб⟨ург⟩ поехала волною морскою! Она привезет в Москву вернейшие обо мне сведения, нежели до сих пор там имелись. Заезжал в Ганау и ко мне заходил и Жуковский, который и приказал мне оставаться до весны под надзором Копа; то же подтвердила или, лучше сказать, утвердила и Авдотья Петр⟨овна⟩. Вот так-то решилась судьба моя! Надеюсь, что это уже последнее зимовье мое в Неметчине: бог поможет, и я еще бодрее, нежели теперь есть, явлюсь в Москву и даже на стогны Москвы!

Гоголь сошелся с нами, обещался жить со мною вместе, т. е. на одной квартире, по возвращении моем в Москву; он, кажется, написал много нового и едет издавать оное: он премилый, и я рад, что брат П⟨етр⟩ М⟨ихайлович⟩ не один пустился в дальний путь, а с товарищем, с которым не может быть скучно и который бывал и перебывал в чужих краях и знает все немецкие обычаи и поверья дорожные. Гоголь обещался приехать пожить к нам в Симбирск, чтобы получить истинное понятие о странах приволжских: это будет нам хорошо.

Я послал тебе два подарка с братом П⟨етром⟩ М⟨ихайловичем⟩: запонки раковинные и тирольскую куртку: она шита в Гаштейне с соблюдением вполне всех достоинств, ей свойственных, местности и

оригинальности — и даже сукна тирольского! Я уверен, что она тебе понравится: прелесть для лета и домашнего, деревенского житья! Дай на фасон и Петру Александровичу.

Старик расскажет тебе много любопытного о Неметчине: увидишь, что не много радости побывать за морем, а жить за морем долго — просто несносно русскому человеку! А наши думают, что как перешагнут за границу — так и в раю! На поверку выходит: славны бубны за горами!.. Имеющий уши слышать — да слышит!

Наталье Алекс⟨еевне⟩ кланяюсь и малюток целую.

Весь твой *Н. Языков.*

Пиши же ко мне по-прежнему: нынешнюю зиму ударюсь в стихописание легче, нежели в прошлую, когда рыжий немец надоедал мне и томил меня крайне.

49. А. М. ЯЗЫКОВУ

⟨1 декабря 1842. Рим⟩

Я получил твое письмо от 3-го октября. Почта от Симбирска до Рима — порядочная даль! — ходит 40 суток. Радуюсь твоему возврату, так сказать, домой, восвояси и сверх того к своим птенцам. Путешествие во время осени вообще сопряжено с неудовольствиями, и приключение, бывшее с вами в пространных степях башкирских, могло случиться и под небом Италии: так помню я, как мы тащились вдоль реки По осеннею дорогою, после дождя. Тут дорога идет премерзкою гатью, какие у нас бывают; нам, в мою каретку, обыкновенно возимую 3 лошадьми, заложили 6, и мы с криком 3 почталионов, со свистом бичей и с опасностию опрокинуть экипаж или изломать колеса, бились несколько часов сряду — хорошо еще, что это было утром; в Церковном же государстве пути сообщения в таком небрежении, что дороги вовсе не исправляются, и через реку, которая разграничивает Папу от Тосканского герц⟨ога⟩, нет и моста, а ездят просто руслом реки по валунам и булыжнику; во время дождей пережидают, пока вода обмелеет! Святый отец не соглашается дать Тосканскому половину денег, потребных на постройку моста!

Гоголь получает отовсюду известия, что его сильно ругают русские помещики: вот ясное доказательство,

что портреты их списаны им верно и что подлинники задеты за живое! Таков талант! Многие прежде Гоголя описывали житье-бытье российского дворянства, но никто не рассерживал его так сильно, как он. Жаль еще, что эти портреты писаны не во весь рост. То ли было бы! Но ведь тогда не можно бы напечатать «М⟨ертвые⟩ д⟨уши⟩». Продолжение «М⟨ертвых⟩ д⟨уш⟩» должно быть важнее по части искусственной и творчества, чем эта первая часть.

Хомякова пишет ко мне: «П⟨етр⟩ М⟨ихайлович⟩ пишет ко мне премилые письма, говорит, что приедет на зиму в Москву, а потом пустится в чужие краи». Что это значит? Я полагаю, что наш старик выражался этими строками прежде, нежели знал, что Ел⟨изавета⟩ Петр⟨овна⟩ явится нынешнею осенью в Россию, а что теперь, при изменении его обстоятельств, он скорее устремится в Питер и там усядется, нежели предпримет дерзновение вдаль, в Италию, за горы и долы!

Она же пишет: «Говорят, что у Дюка славные мальки, крепкие и сильные. Я думаю, они будут забивать мою Машу, когда сюда приедут». Коралловых браслетов могу привезть, но кто их выберет по моде — или это всё равно? Не лучше ли мозаичной работы и разных камней? Этими вещами Рим славится. Жаль, что мне нельзя привезть отсюда вина Алатико — я уверен, что оно понравилось бы у нас, особенно дамам. Мущинам же нашим нейдет, потому что его нельзя кувыркать в горло стаканами, а надобно тянуть по капле, так сказать, жуя, пропуская легонько сквозь губы; оно чисто, как елей, мягко, сладко, как мед, цвету вишневого. Хорошо, если бы мне приехать в Москву в то время, как вы там будете, но об этом после: всё зависит от весны, что она сделает с моим здоровьем.

Прощайте покуда.

Весь твой *Н. Языков.*

Декабря 1 дня. 1842. Рим

50. П. В. КИРЕЕВСКОМУ

⟨Август 1843. Москва⟩

Крепко жму тебе руку, мой любезнейший Петр-пустынник! Наконец возвратился я на родину, на место: в Москву белокаменную, из немецкого люда и быта

Могу сказать, что я вышел на берег с океана вод, по которому пять лет носился, подобно утлой ладье! Намереваюсь усесться здесь порядком, зане бренному здоровью моему необходим постоянный надзор искусного целителя телес человеческих. Найму себе квартиру великолепную: хочу жить роскошно, пышно, если можно, гулять и кутить!

Прощай покуда. Будь здоров.

Твой *Н. Языков*

Ивану Васильевичу Киреевскому мой поклон: я не люблю Ивана Васильевича Грозного, но люблю Ивана Васильевича Киреевского.

51. П. М. БЕСТУЖЕВОЙ

2 декабря 1843. Москва

Милая Пикоть! Получил я твое письмо с деньгами и поручением купить на них четыре сидячки. Это поручение не так-то легко как кажется с первого взгляда. Сильвестр трудно решается купить вещи, ему незнакомые; кроме его поручить мне это дело некому: я ждал, не подъедут ли Хомяковы? Да нет. Кажется, едва ли и к рождеству мы их дождемся. Решился было даже и сам ехать лично купить сидячек, но Иноземцев не велит мне выезжать: пью лекарство, требующее сидения в комнате. Итак, еще не знаю, какие купятся: сегодня едет Сильв⟨естр⟩ снова отыскивать, и дело это чем-нибудь да решится. Помню, каких сидяк прислал я тебе лет 8 тому назад! Но ведь тогда я был на ногах, так сказать, на ходу, в произвольном движении, и кудри мои вились, а не секлись! Я помню и место, где покупал те куклы, но нынче там уже нет игрушечной лавки: с тех пор многое переменилось, много воды утекло.

Я продолжаю ждать к себе нашего старика. Он уже ведь несколько месяцев собирается, всё поджидая дороги. Теперь, слышно, дорога славнейшая. Дюк — другое дело: я его и не ждал прежде, нежели он не переделает дела свои, и не перевезет семейства в Симбирск, и не усадит там порядком свою благоверную! Думаю, что П⟨етр⟩ М⟨ихайлович⟩ прискачет ко мне не иначе, как вместе с Ф. Ив. Ермоловым! И это хорошо бы! Балдин что-то тоже ко мне не торопится.

Теперь в Москве делают много шуму публичные лекции проф. Грановского, который мастерски, как нельзя

лучше, преподает историю средних веков. Съезд огромный, пропасть дам, всё блестящая публика, мущины тоже — не говоря уж о студентах. Вчера ему аплодировали: всех он приводит в восторг. Явление, какого в Москве еще не бывало и которому можно порадоваться! Как жаль, что я не могу его слушать!

Шапки-мурмолки решительно вошли в моду: это подвиг Аксакова; даже Д. Н. Свербеев заказывает себе мурмолку — и справедливо: пора нам перестать все перенимать у французов!! Начало хорошее: с головы! Дай бог успеха далее и далее. Ал⟨ексей⟩ Степ⟨анович⟩ хочет сшить себе святославку и в ней являться всюду, заменяя ею сюртук! Это будет еще важнее, нежели шапка.

Нетерпеливо ждем его в Москву: без него и вечера мои еще не в своей силе: все жалуются, что он не едет оживить беседы и, так сказать, дать голос обществу!

Целую Володьку за приписку ко мне. Спасибо ему, что правильно пишет по-русски. Знание своего языка — главное, а хорошо ли, дурно ли кто выговаривает по-немецки или по-французски — это не важное дело: гремушка для ушей праздных, кимвал бряцаяй! Теперь уже благодаря просвещению никто этим и не восхищается.

Прощай покуда. Сидячек, если можно, уложу в один ящик с мурмолкой: она будет готова через неделю. П⟨етра⟩ Алек⟨сандровича⟩ целую и всех вас. Доехал ли учитель?

Весь твой *Н. Языков.*

Декабря 2 дня 1843. Москва

Адрес мой: в Малом Власиевском переулке, у Иоанна Предтечи, в доме кн. Гагариной.

52. Н. В. ГОГОЛЮ

⟨27 февраля 1844. Москва⟩

Только что я собрался было писать к тебе и уселся с пером в руках, как вот принесли мне твое письмо. Спасибо, трикраты спасибо тебе за неоставление меня твоими воспоминаниями обо мне и советами: советы твои бодрят меня, дают мне какую-то надежду на будущее, на лучшее, которого я так давно ожидаю, но которого ожидаю терпеливее с тех пор, как ты мне его обещаешь. Распоряжение моими утрами — какое ты

велишь — сделаю и даже начну с завтрашнего дня; вижу, предчувствую, т. е. чувствую пользу его!!

Я уже писал тебе, что Бобарыкин — сей английский милорд — не оправдал моих на него надежд по части доставления тебе книг: он не взял их от меня, отозвавшись тем, что едет в дилижансе, а прежде ведь сам вызвался: знай наших! Весною, вероятно, найдутся ездоки надежнейшие: я постараюсь исполнить твое желание еще более, чем тогда было можно; творений святых отцов, перев. Троиц⟨е⟩-Серг⟨иевой⟩ лаврою,— теперь выходит третье издание за прошлый год и «Москвитянина» за 1843 пришлю; там есть отлично-прекрасная проповедь Филарета на осв⟨ящение⟩ храма в оной лавре,— так как в прибавлениях к переводам св. отцов — его же беседа на благовещение и слово в 1-й день пасхи!! Ты их прочтешь с большим удовольствием.

Если ты видишься с Копом, то поклонись ему от меня и поблагодари за всё, что он для меня сделал; он старик препочтеннейший! Скажи ему, что нынешнюю зиму все припадки моей болезни гораздо слабее прежних, несмотря на то, что я сижу взаперти! Весна и некомнатный воздух, конечно подействует на меня благодетельно — и я, авось либо... мне хочется тут сказать «начну писать стихи», да боюсь обмануть самого себя... У нас, брат, теперь стихов пишется вообще несравненно меньше, нежели в прошлые, даже еще недавние годы; вообще литературою занимаются очень немногие, и те крайне вяло и недействительно, или не видя на нее требования, или, может быть, чувствуют, что сами они не могут пробудить его по своей слабости!! Заметно и то еще, что новое поколение пишет по-русски хуже, нежели прежние или даже предшествующее; не умеет выражаться ясно (знак, что оно не имеет в голове мысли ясной), пишет варварским слогом и немецким складом: ему до того чужд дух языка русского, что оно не знает или не хочет знать даже слов его! Плохая надежда на будущее!

На днях увижусь с Шевыревым и попрошу от него книгу, которую ты поручаешь ему вручить мне, и воспользуюсь ею, точно как ты предписываешь.

Сердечно жалею, что тебе не пожилось в Ницце так, как ты предполагал, но ведь ты не просидел же всей зимы бездейственно, т. е. делал *свое* дело — т. е. писал много!!

Надежда Ник⟨олаевна⟩ Шереметева всё еще больна: часто простужается; ведь она не щадит себя для дру-

гих и забывает, что у нас не Италия: теперь же и очень — пошли вдруг сильные морозы, перемежающиеся сильными же оттепелями. Нет ничего легче, как простудиться даже человеку привычному к суровому холоду.

Получил ли ты деньги и письмо мое, посланные в Ниццу в январе по русскому стилю ⟨?⟩

Весь твой *Н. Языков.*

Февр⟨аля⟩ 27 дня. 1844. Москва

Мой поклон Вас⟨илию⟩ Андр⟨еевичу⟩. Что «Одиссея»? Благодарю за «Наль и Дамаянти». «Ундина» лучше, ей-ей!

Получил ли ты собрание слов от брата П⟨етра⟩ М⟨ихайловича⟩?

53. Ел. П. ЯЗЫКОВОЙ

⟨16 ноября 1844. Москва⟩

Сердечно радуюсь, что вам понравились мои стихотворения: в наше время, когда стихов ни писать, ни читать не любят, это еще приятнее, нежели было то у нас на Руси лет тому двадцать назад, когда литература была в большем ходу и деле. Теперь всё хлопочет о прозе, в прозе и во время прозы. Я принадлежу не новому поколению и держусь своего.

Благодарю вас за обещание отыскать обещанный «Марш», жду его нетерпеливо: и подлинник этого стихотворения всегда мне нравился, в нем есть один куплет, блестящий талантом и юмором и делающий честь тому времени, когда он писан, и образу мыслей сочинителя.

Нехорошо, что ваш Гриша опять нездоров; помнится, летом ведь он было очень и очень поправился: знать, на него разрушительно действует дурная или холодная погода! Кто его у вас лечит? Вы, кажется, уж вовсе отступились от гомеопатии и забыли вашего любезного Вольфа? Я продолжаю аллопатствовать и собираю сведения о водолечении: один из моих приятелей, которого имя, конечно, вы знаете, Мельгунов, лечился холодною водою где-то возле Кобленца, и она помогла решительно, он стал молодец молодцом! Так и я думаю... Прощайте покуда.

Ваш *Н. Языков.*

Племянницам и племянникам моим кланяюсь.

Ноября 16 дня. 1844

54. Н. В. ГОГОЛЮ

⟨2 декабря 1844. Москва⟩

Моя новая квартира мне вовсе не нравится; я в ней не усядусь, как бы мне надобно и как бы мне хотелось; предполагаю купить себе дом в Москве; тут я могу расположиться, разобраться, распрост⟨р⟩аниться и раскинуться, как мне будет любо и угодно: а это ведь важное дело для нашего брата — стихотворца и для писателя вообще: привол, простор, вольготность, и из этих трех обстоятельств изливающаяся жизнь тихая и безмолвная — вот главное!

О «Москвитянине» на будущий 1845 ⟨год⟩ я распоряжусь вернее, нежели Погодин на 1844. Я не знаю, как ему не стыдно поступать с тобою так явно неосмотрительно и глупо и грубо. Пог⟨один⟩ теперь находится в горе и отчаянии: у него жена умерла, и эта потеря сильно оцепеняет и убивает его. Жаль его! Мы, холостые словесники и люди, не можем и оценить, как велико его несчастие: на жене его лежала у него вся домашняя жизнь, и весь быт его ученый охранялся ее удивительною деятельностью и добротою: теперь Погодин один под небесами, и на руках у него маленькие дети!!

На днях был у меня М. С. Щепкин; о книгах, которых ты от него требуешь, пишет он к тебе сам, я же с моей стороны сделал в этом деле всё, что мог: я показал ему строки твоего письма, до него касающиеся! Благодарю тебя за это знакомство; я буду стараться сдержать его в должной силе и живости! Вообрази себе, что ⟨я⟩ не видывал Щепкина в «Ревизоре» — и, вероятно, не увижу его уже нигде, кроме моей квартиры.

Я пишу стихи, расписываюсь — пишу стихи и духовные и мирские; прилагаю здесь образчик первого рода. Тебе кланяются Свербеевы: они тебя помнят и любят, как подобает, и чтут воспоминание о твоем бывании на их вечерах. Елагины тоже. У Ив. Киреевского идет работа, и все наши московские собратья ему содействуют. П⟨етр⟩ В⟨асильевич⟩ уехал или заехал к себе в деревню и там уселся и засел и продолжает не издавать свое драгоценное и единственное собрание русских песен, т. е. пребывает с ними, глядит на них, ласкает их и ровно ничего с ними не делает. Это похоже на то, как поступают крысы с серебряными и золотыми вещами: они стаскивают их к себе в подполье, где этих вещей никто

не видит, а сами крысы ими не пользуются. Но ведь крысы не берутся за не свое дело: не провозглашают себя собирателями и обнародывателями своих драгоценных собраний!!

Переводов свят⟨ых⟩ отц⟨ов⟩ вышла и третья часть за 1844 ⟨год⟩, все три части посылаю сегодня же к графу Толстому.

Как идет «Одиссея»?

Твой *Н. Языков*

Декабря 2 дня. 1844. Москва

55. А. М. ЯЗЫКОВУ

⟨6 декабря 1844. Москва⟩

Вот как делалось в здешнем Дв⟨орянском⟩ кл⟨убе⟩ то, о чем в вашем идет такой шум и крик и возня с губернатором: моск⟨овский⟩ Дв⟨орянский⟩ клуб *сам* сначала послал некоторым из здешних полицмейстеров почетные билеты, не баллотировав господ сего рода. Прочие, не получившие этого почета гг. полицейские, желая того же, предложились в члены; их баллотировали: иных выбрали, других прокатили на вороных. Один из московских полицмейстеров — именно Ермолов — о сю пору не может добиться этой чести. Никакая посторонняя власть не вмешивалась в дела клуба. Слова «полиция имеет свободный доступ» нельзя толковать так, что полицейские суть члены клуба: они имеют власть являться в клуб в случае дебоширства яко власть, а не яко общинники ⟨?⟩!

Шестов геройски действует против полицейских доходов: прежде город ежегодно отпускал полиции 40 т⟨ысяч⟩ р⟨ублей⟩ на чищение нужных мест и 30 т⟨ысяч⟩ р⟨ублей⟩ на набивку погребов; теперь Шестов нанимает подрядчиков делать первое за 8 т⟨ысяч⟩ р⟨ублей⟩, а второе за 6 т⟨ысяч⟩ р⟨ублей⟩. Чертовская разница. Он же, заметив, что, несмотря на то, что масло для фонарей поставляет город уже натурою, всё-таки масло крадется и продается полицией на сторону, положил теперь подливать в него терпентинного масла во все бочки — способ, кажется, давно уже употребляемый в наших краях на мельницах,— способ Якова. Только что у нас идет в него не терпентин, а деготь — это еще проще!

Шевырев торжествует! Надобно заметить, что он едва ли не ученее всех профессоров М⟨осковского⟩ ун⟨иверситета⟩. Чтения его так занимательны и сильны, что партия Чадаева и партия Грановского — что почти одно и то же — кричат и вопят, видя его победу и одоление. Герцен и не ходит на его лекции. Дамы — разумеется, что они за чужое, новое и модное — говорят только, что лекции Шевырева слишком патриотически и слишком национальны. Дм⟨итрий⟩ Ник⟨олаевич⟩ не знает, как ему быть, как сохранить неутралитет, когда мнения так резко отделились и выразились, так сказать. Студентство против Шевырева: он не потворствует молодежи, которая желала бы ходить на его лекции только для толкотни и публики! А Гр⟨ановский⟩ давал свои билетики всякому студенту (тот и другой, разумеется, безденежно)!! Акс⟨аков⟩ говорит, что как бы не было драки на лекциях и готовит себя и кулаки свои в защиту православия!! П⟨етр⟩ Ал⟨ександрович⟩ не пропускает ни одной лекции. Такова сила родного чувства!!

Прощай покуда. Будь здоров.

Твой *Н. Языков.*

У Хомяковых горе: скончалась А. Ал. Демидова.

Дек⟨абря⟩ 6 дня. 1844

Прилагаю два мои стихотворения.

56. Н. В. ГОГОЛЮ

⟨14 декабря 1844. Москва⟩

Твое письмо от 2-го декабря обрадовало и утешило меня: ты знаешь, чем обрадовало и как утешило! Оно сделало больше: оно укрепило дух мой, и подняло его, и дало мне самому, так сказать, другой взгляд на мои собственные стихотворения,— и этот взгляд почитаю верным и сердечно благодарю за него Василия Андреевича и тебя, мой судия и богомолец!!

Здесь ходит слух, что у В⟨асилия⟩ А⟨ндреевича⟩ уже готово 10 песней «Одиссеи», и что он написал еще сказку? Наша «Одиссея» перешибет все возможные переводы: это будет памятник, про который можно сказать, что «металлов крепче он и лучше пирамид!»

Я уже писал к тебе о переходе «Мос⟨квитянина⟩» в руки И. Киреевского; это обстоятельство пробудило

много спавших деятельностей и окрылило много перьев, вовсе было помертвевших! Мы пишем, я пишу и проч.

Погодин о сию пору еще не оправился после удара, его поразившего: он всё еще пребывает в каком-то душевном оцепенении! На днях был у него М. Ал. Дмитриев, П⟨огодин⟩ встретил его словами: «Как я рад, что вы меня навестили! Я теперь думал, что я скоро умру, дайте мне слово, что вы будете заботиться о моих детях»! Дм⟨итриев⟩ отвечал ему удовлетворительно: «Обнимите меня и поцелуйте меня». Всё это говорил он, плача, как ребенок!

Памятник, воздвигаемый в Симб⟨ирске⟩ Карамзину, уже привезен на место. Народ смотрит на статую Клии и толкует, кто это: дочь ли Карамзина или жена его? Несчастный вовсе не понимает, что это богиня истории!! Не нахожу слов выразить тебе мою досаду, что в честь такого человека воздвигают эту вековечную бессмыслицу!!

Не прислать ли тебе книгу «Царские выходы»? Хоть она и довольно тяжела, но граф Толстой говорил мне, что это обстоятельство не должно смущать меня.

Я послал к тебе и «Стихотворения» Хомякова и «Гаммы» Полонского. Полонский — малый с талантом; жаль только, что у него направление новомодное, отчаянное, но это, вероятно, пройдет с летами.

Собрание моих стихотворений, то есть всё, что я до сих пор написал после первого, уже пропущено цензурой и скоро поступит в печать. Прилагаю тебе одно из новейших моих альбомных, мирских стихотворений.

Прощай покуда. Будь здоров.

Твой *Н. Языков.*

Декабря 14 дня. 1844. Москва

57. А. М. ЯЗЫКОВУ

⟨27 декабря 1844. Москва⟩

По случаю моих стихов «К ненашим» К. А⟨ксаков⟩ написал стихи «К союзникам», потому что мои стихи «К ненашим» были прочитаны Вигелем в обществе Дмитриева, возбудили там общий восторг — восторг общества, которое в салонном кругу почитается за

неблагородное. Ак⟨саков⟩, как ты и сам заметишь, устремляется тут на личность. первое лицо — Вигель, второе — Коптев, третье — М. А. Дм⟨итриев⟩. Прилагаю и мое послание к К. Акс⟨акову⟩. В нашем кругу теперь волнение чрезвычайное, волны едва не хлещут друг друга. Дм⟨итрий⟩ Ник⟨олаевич⟩ в деревне, но скоро будет в Москву, и ему будет трудно, и его пятницы не знаем, как и будут! Чад⟨аев⟩, даже Ч⟨адаев⟩ колеблется и выходит из себя: лекции Ш⟨евырева⟩ сильно его раздражают и проч. Впрочем, ему и достается за дело: вообрази себе, до чего он избалован поддакиваниями и подтакиваниями его нелепейшим выходкам на всё наше, что на днях, на вечере у Павлова, громогласно назвал Ермолова шарлатаном!! Это его изречение передали мы М⟨арье⟩ В⟨асильевне⟩ О⟨бресковой⟩ и, кстати, передали накануне рождества, когда все в городе к ней съезжались поздравлять ее с праздником. Звон пошел и разнесся по всей Москве!! Вообрази себе... Я пришлю тебе стихи, написанные мною к Ч⟨адаеву⟩. Не правда ли, что этакая его наглость есть оскорбление общенародное, личное всем и каждому!! И что «и почто молчать»?

Деловая бумага, которую ты мне прислал, слаба, и нет в ней ни единого крючка и вовсе нет гражданской смелости!!

О альб⟨оме⟩ Кар⟨амзина⟩ я сношусь с Ш⟨евыревым⟩ и Пог⟨одиным⟩, ведь оный не к спеху: не нужно, чтобы он вышел к самому дню объявления памятника. О немец⟨ких⟩ книгах для чтения детям я о сю пору не могу поговорить с А⟨вдотьей⟩ П⟨етровной⟩. У нее очень болен сын Андр⟨ей⟩, говорят, что у него аневр⟨изм⟩. Теперь всё это семейство в крайнем страхе и истоме сердечной!

Книжку «La Russie» сочинил Вигель. Книгопродавец Дейбнер отказался ее выпустить — немец! — а Северин предлагает желающим ее сколько угодно: он жид и действует беспристрастно, не односторонно!!

Черносливу с П⟨етром⟩ Ал⟨ександровичем⟩ я не послал, но при первой оказии пришлю, уважая и разделяя вполне с тобою твое о нем мнение.

Дек⟨абря⟩ 27. 1844

Поздравляю тебя и Н⟨аталью⟩ Ал⟨ексеевну⟩ и всех вас с Новым годом.

Твой *Н. Языков.*

58. А. М. ЯЗЫКОВУ

〈3 января 1845. Москва〉

В рассуждении моего послания «К ненашим» критики, может быть, и справедливы, но ведь они вовсе не знают, в чем тут дело и что тут вовсе нет пристрастия: мне не нужно было определять то, что знают те, к кому и для кого писано послание. Едва ли можно называть духом партии действие, какое бы то ни было, противу тех, которые хотят доказать, что они имеют не только *право, но и обязанность презирать народ русский* и доказать тем, что в нем много порчи, тогда как эту порчу родило и воспитало и еще рождает и воспитывает именно то, что они называют своими убеждениями!

Лекции Шевыр〈ева〉 возбуждают их злость именно не тем, что он часто обнаруживает непристойные стороны католицизма, а тем, что в этих лекциях ясно и неоспоримо видно, что наша литература началась не с Кантемира, а вместе с самою Россией, что эта литература развивалась совершенно сообразно развитию самой России до Петра. Шев〈ырев〉 в этом смысле просто открыл Америку, а его противники говорят, что они всё это знали прежде: они не знали, не знают, не могут и не хотят знать всего, что было у нас писано до Петра! И проч. и проч. А в защите правого и, могу сказать, чистого и даже святого дела — я никакой низости не вижу, какова бы форма этой защиты ни была: есть бо дух божий и дух льстечь!

Дом Дм〈итриева〉 и дом Павловых поссорились вследствие сплетни, сделанной Кар〈олиной〉 Карл〈овной〉. Покуда они замирились, но Дм〈итриев〉 на днях написал эпиграмму на Кар〈олину〉. Я не знаю сих стихов этой новости, но мысль уже известна: поэт, обращаясь к Кар〈олине〉, говорит, что она прежде искала идеала, а наконец помирилась с судьбою на Жилблазе!! Эта колкая и зацепистая насмешка, вероятно, заденет за живое известную щекотливость Николы Фил〈иπповича〉...

Мои новые стихотворения выйдут в свет не прежде февраля. Печатать будем, кажется, у Семена — не более 600 экз.: в наше время никто почти не читает стихов. Я не забу〈ду〉 послать экземпляр Фуксу и его супруге. Мне же нужно от А〈лександры〉 А〈ндреевны〉

достать ее роман о Пугачеве в Казани, у меня у самого есть виды на этот предмет.

Дело об альбоме едва ли кончится пшиком: я уже писал к тебе, что хочу предложить его Погодину, но что и проч. Теперь я уже сносился с Погодиным: он берется за него и на днях будет у меня для решительного переговора. Вяз⟨емский⟩ едва ли бы взялся сам и едва ли бы нашел человека лучшего!!! Получил ли ты мое стихотворение для «Биб⟨лиотеки⟩ для восп⟨итания⟩»?

Читал ли ты «Баярда» Гр⟨ановского⟩? Вот пшик так пшик. Этим-то хотели убить Ал⟨ексея⟩ Ст⟨епановича⟩ статью о Ф⟨едоре⟩ Ив⟨ановиче⟩!!

Прощай покуда.

Твой *Н. Языков.*

Января 3 дня. 1845

59. Н. В. ГОГОЛЮ

⟨17 января 1845. Москва⟩

Твои два письма, писанные тобою, как ты сам говоришь, под влиянием моего стихотворения «Землетрясенье», доставили мне много удовольствия, услаждения и пользы. Жаль, что их нельзя напечатать: я бы сделал это непременно, не спросившись тебя и взяв ответственность на свою совесть и на свой страх!! Посылаю тебе еще одно из моих стихотворений, *писанных по какому-нибудь поводу*; одно таковое же я отправил к тебе на прошлой неделе. Странно мне, что ты о сю пору не получил книг, давным-давно доставленных мною графу И. П. Толстому. Теперь я в недоумении, что мне делать с другими книгами, мною для тебя приготовленными и дожидающимися только выхода 4-й части переводов святых отцов на 1844 ⟨год⟩? (Она уже объявлена в газетах вышедшею, а подписавшимся еще не выдается!!) Куда пересылать их, когда ты едешь в Италию? Италия велика: в ней есть и Ницца, и Рим, и Неаполь. Разреши мое недоразумение. Воздух благословенного юга, конечно, восстановит твое здоровье: очень естественно, что немецкий воздух действует на тебя разрушительно,— ты русский человек!

Ив. Кир⟨еевский⟩ все еще не успел выдать 1-й № «Моск⟨витянина⟩»; несчастие, поразившее Елагиных, помешало журнальным работам. Как быть? Все

мы под богом ходим! Сверх того и цензура придирается к почтенному (с непочтенными она обходится легче и снисходительнее) и замедляет печатание, устремляясь на всякие мелочи, аки лютый зверь на добычу!

Все наши тебе кланяются; я сегодня же пишу в Рим к Чижову, с которым у меня переписка идет довольно живо. Весною поедет в Рим брат А⟨лександра⟩ Андр⟨еевича⟩, Сергей Андреевич Иванов — архитектор, юноша талантливый, и надежный, и самостоятельный, и ничуть не немец! Он в начале лета будет пользоваться водами, вероятно, в Крейцнахе, а потом уже...

Собрание моих стихотворений выйдет к марту: оно уже печатается. Если ты увидишь Мельгунова, скажи ему, что все мы просим и жаждем от него повестей и статей для «Москвитянина». Не забудь же — для «Москвитянина»!

Если я решусь ехать на водное лечение, то извещу тебя об этом заблаговременно; мы съедемся, посидим вместе и поговорим о том, о сем, о многом! Прощай покуда. Будь здоров. Кланяйся от меня А. И. Тургеневу и Н. Д. Киселеву.

Твой *Н. Языков.*

Января 17 дня. 1845. Москва

60. Н. В. ГОГОЛЮ

⟨17 февраля 1845. Москва⟩

Спасибо тебе за похвалы, которыми ты награждаешь меня за мое стихотворение «К ненашим». Получил ли ты другое в этом же роде — послание к К. С. Акс⟨акову⟩? Оба эти мои детища наделали много разных сплетней и разъединений в обществе, к которому и ты принадлежал бы, если б ты был теперь в Москве, т. е. в том кругу, где я живу и движусь. Некие мужи важные и ученые, старые и молодые, до того на меня рассердились, что дело дошло бы, дескать, до дуэли, если бы сочинитель этих стихов не был болен. Вот каково!! Страсти еще волнуются и кипят, а мои грозные супостаты удовлетворяются тем, что пересылают мои стихи в Питер, в «От⟨ечественные⟩ зап⟨иски⟩», где меня ругают как можно чаще, стихи мои пародируют и печатают эти пародии. Само собою разумеется, что эти на меня устремления и этот беззубый лай нимало не смущают меня, и что я продолжаю свое. А. Ив. Тургенев бранит

меня за стихотворение «К ненашим», полагая, что оно писано против петербургских журналистов. Совсем нет! В нем идет речь о здешних, московских особах, которым не нравятся лекции Шевырева, и потому они и лгут и клевещут на него во всю мочь,— они, которых вся ученость ограничивается берлинскими их тетрадками и всё личное достоинство их поддерживается в глазах так называемого большого света только их презрением ко всему отечественному, чего они вовсе не знают и знать не хотят!

Вышел 1-⟨й⟩ № «Москвитянина», № отличнейший, полный дела, добра и славный! Ты, ежели будешь во Франкфурте, увидишь его, и напиши мне, что об нем подумаешь. Куда же ты едешь из Парижа? Я не знаю, как быть мне теперь с книгами, для тебя у меня готовыми. Граф И. П. Толстой уехал в Петербург и там пребудет! Погодин собирается в Иерусалим; на второй неделе великого поста он пустится отсюда, а на последней будет говеть у Гроба Господня.

Посылаю тебе еще одно мое стихотворение под стать к двум первым; ты догадаешься, к кому оно относится, не давай его списывать: на меня и за него есть гонение — и еще какое? самое неотразимое! — дамское ⟨!⟩

Я еще не знаю моей судьбы на наступающую весну: может быть, что меня опять пошлют на воды, хотя нынешняя зима, так, как и прошлогодняя, мне гораздо сноснее всех прежних заграничных. Но мне всё-таки хочется больше.

Прощай покуда. Будь здоров.

Твой *Н. Языков.*

Февраля 17 дня. 1845. Москва

61. Н. В. ГОГОЛЮ

⟨10 марта 1845. Москва⟩

Вот тебе еще стихотворение под стать тем, которые я посылал к тебе в Париж. А⟨лександр⟩ И⟨ванович⟩ Т⟨ургенев⟩ выписывает из Москвы объяснение на мое послание «К ненашим», и Х⟨омяков⟩ и Дим⟨итрий⟩ Ник⟨олаевич⟩ Сверб⟨еев⟩ послали ему свои комментарии: первый за меня, а другой, вероятно, против того духа, который подвигнул меня на этот подвиг. За стихи к Ш⟨евыреву⟩ осердился на меня и Английский клуб, а

о московских представителях направления «От⟨ечественных⟩ зап⟨исок⟩» и говорить нечего!

Во Франкфурте ты, конечно, видел уже 1-й № «Москвитянина». Каков И. В. К⟨иреевский⟩ ⟨?⟩ Есть надежда, что наш журнал пойдет ходко: с первого № число подписчиков умножилось от 400 до 700. Оно еще вырастет значительно. 2⟨-й⟩ № еще лучше, сильнее, важнее и дельнее, нежели первый. Даже сам П. В. Киреевский выступает на сцену мира сего: пишет опровержение на статью Погодина, напечатанную в 1⟨-м⟩ №. Это восстание московских писателей и всей нашей братии ото сна — дело вовсе русское! У нас всё так: или все притаятся, или, если один примется работать, то и другие, на него глядя, встанут и расходятся. Много может сделать русский человек, когда пошло на задор. Это не зависть, не желание перебить другого — это одно благородное чувство, которое, как электричество, разом потрясает всех держащих друг друга за руку!

У нас о сю пору продолжается зима, то и дело бывает по 15 градусов холоду, а весна уже на дворе по календарю. Едва ли пошлет меня Иноземцев за границу; на днях я переговорю с ним об этом подробнее; он, кажется, хочет пользовать меня холодною водою, и я буду проситься у него съездить летом в Симбирск, в деревню: мне, брат, крайне наскучила столичная жизнь, в уединении мне было бы лучше и как больному и как писателю, если бы я мог только находиться там под надзором хорошего медика. Куда устремишься ты будущим летом? Не во Франкфурте же сидеть тебе? Или на воды? Напиши мне; я буду по-прежнему посылать тебе обычные порции моих каракуль. Прочти в «Моск⟨витянине⟩» все статьи, под коими напечатано К.; во втором № прочти и «Спорт» — это хомяковская штучка.

Будь здоров.

Твой *Н. Языков*.

Марта 10 дня. 1845

62. Н. В. ГОГОЛЮ

⟨10 мая 1845. Москва⟩

Грустно мне было читать твое письмо от 1 мая. Что это с тобою делается? Болезнь и хандра, хандра и болезнь, и ни та, ни эта о сю пору тебя не покидает.

Я было надеялся, что весна отгонит их прочь от тебя, теперь вижу, что не воздух, не слякоть и кись и ⟨нрзб⟩ погоды, а что-то постояннейшее и действительнейшее расстраивает твое тело и томит и сокрушает дух твой. Приписываю это знаешь ли чему? Долговременному пребыванию твоему между немцами, среди чужого языка! Выдь на минуту из себя, взгляни на себя, как на всякого истинно русского человека, живущего и движущегося, положим, уже хоть полгода между шмерцами,[1] и войди беспристрастно и сострадательно в его положение: ты согласишься со мною! Беги скорее от них, беги неоглядкой хоть куда глаза глядят: я уверен, что ты скоро поправишься, победреешь и что болезнь и хандра убегут от тебя обе вместе, видя себе беду неминучую.

Погодин на днях делает консилиум, где решится судьба его на наступающее лето, т. е. ехать ли ему на воды или нет, и если ехать, то куда? Ноге его стало хуже.

Сердечно рад, что «Москвитянин»-таки дошел до тебя. Благодарю за похвалы моим стихотворениям! Ты напрасно думаешь, что Хр⟨ипков⟩ — живописец вроде Мокрицкого; мое послание к Хрипкову я почитаю одним из удачнейших дел моих сего рода: стало быть, меня обманули чувства, что я восхитился дрянью. Нет! Я с тобою не согласен во мнении о моем кавказском пейзажисте. Спроси о нем Жуковского — он, конечно, помнит его и не назовет дрянью. Прискорбно мне еще и то, что ты вовсе ничего не сказал мне о моей элегии, напечатанной во 2⟨-м⟩ № «Моск⟨витянина⟩»; я думаю, что это одна из лучших картин, нарисованных моими стихами; не всякий может оценить ее достоинство, тут нужен взгляд знатока, но ты, мой любезнейший, должен отдать ей должную похвалу, ты, который умеет крепко ограждать себя от надоедников и который истинно-геройски защитился от предмета этой элегии! Помнишь?

С. Т. Аксаков будет на днях писать к тебе, Шевырев тоже; Хомяков и Свербеев тебе кланяются — все мы зовем тебя в Москву; полно тебе кочевать в странах не русских и не православных. Пора тебе домой, и если ты боишься борея, то ведь русская земля не клином

---

[1] страданиями, печалями (от *нем.* — der Schmerz).

сошлась: от Черного моря до Белого много климатов, выбирай любой и живи со своими...

Прощай покуда. Поправляйся же. Я буду писать к тебе еще чаще.

Твой *Н. Языков.*

Мая 10 дня 1845

63. А. А. ИВАНОВУ

⟨19 мая 1845. Москва⟩

Русскому архитектору необходимо узнать как можно подробнее все наши старинные здания, которые есть не только в Москве, но и во многих губернских и уездных городах, даже во многих селах нашей широкой России; ему необходимо всю ее объездить и осмотреть, чтобы видеть, как ему быть и что делать, чтобы самому не сделаться чуждым русскому духу и не быть немцем в своем отечестве!

У меня много надежды на вашего Сергея Андреевича — дай ему бог только здоровья, но да не забывает он, что он принадлежит отечеству и что он не иначе может сильно и самостоятельно действовать на русского человека, как изучив его старину, как сжившись с его давно минувшей жизнию, любя и уважая его предания, поверья и верования!

Жаль, что у меня нет возможности пересылать книги в Рим, а я бы сделал вам прекрасный подарок: это именно «Памятники московской древности». Это, само собою разумеется, $\frac{1}{1000}$ того, что можно издать у нас по этому предмету, но они бы вас порадовали, вы бы сорок раз прочли текст к этим литографиям и полюбили бы нашу добрую, умную и любопытную и своеобразную старую Русь.

Вам, по моему суждению, съездить бы в Крейцнах! Едва ли это не лучше, чем к Присницу — так мне сдается,— прежде посоветовавшись с Копом во Франкфурте. Присниц не помог Розету, который, слышно, ругает его и лечение во всю мочь. Гоголь писал ко мне, что на осень и зиму 1845 года он переселится в Италию, вероятно, в Рим; он то и дело жалуется на расстройство своего здоровья.

Федора Вас⟨ильевича⟩ мы будем беречь как зеницу ока: он обещает в Москву к сентябрю. Получили ли вы деньги, посланные мною к вам еще в марте?

Ваш *Н. Языков.*

Мая 19 дня. 1845. М⟨осква⟩

64. А. М. ЯЗЫКОВУ

⟨29 мая 1845. Москва⟩

На днях был у меня Андр. Егор. Головинский. Он едет в Пензу, а оттуда уже в Симбирск и таким образом завернет к тебе в Станишное. Пишу к тебе мало, потому что жар несноснейший меня томит крайне.

Когда г⟨осударь⟩ и⟨мператор⟩ узнал, что гр. Вор⟨онцов⟩ сказал, что он едет из Питера на Москву затем, чтобы посоветоваться с Ермоловым, то вскричал: «Зачем это? Если бы Ер⟨молов⟩ был мне нужен, я бы вызвал его сюда! В⟨оронцов⟩ будет с ним говорить о моих инструкциях, над которыми Ерм⟨олов⟩ станет смеяться!»

Г⟨раф⟩ Клейнмихель, которого народ русский прозвал Клеймилиным, подражает Потемкину: адъютанту своему Новосильцеву дал он 30 т⟨ысяч⟩ сер⟨ебром⟩ на теперешнее свое путешествие по дорогам, за тем, чтобы оный скакал вперед его и всюду заготовлял ему самые роскошные обеды, завтраки, ужины! Граф любит поесть!

«Москвитянин», кажется, перейдет или, лучше, упадет снова в руки Погодина. Итак, из всего нашего московского напряжения — вышел пшик! Впрочем, Х⟨омяков⟩ еще не отчаивается уладить дело — купить журнал у Погодина и поручить Панову его редакцию.

Прощай покуда.

Твой *Н. Языков.*

Мая 29 дня. 1845. Москва

65. С. Т. АКСАКОВУ

⟨10—15 июня 1845. Москва⟩

По случаю вопроса: как быть нам с Гоголем? я хотел было созвать у себя род веча; но мне не удалось это сделать: Шевырева нет уже в Москве, Погодин

едет к Троице. Сегодня вечером переговорю с Хомяковым и завтра же напишу вам его мнение: ехать ли кому к Гоголю и кому именно? По-моему, ехать необходимо: это одно средство отогнать от него хандру, которая его сокрушает и давит и может задавить до смерти! А на другой вопрос: кому ехать? у меня вовсе нет ответа. Я не знаю, кто из московских друзей Гоголя более люб ему? Погодин, конечно, заходит к вам — посоветуйтесь и с ним. Гоголь должен жить по крайней мере сто лет, и мы должны беречь его для России как зеницу ока, по крайней мере покуда мы живы!!

Сердечно радуюсь поправлению здоровья вашей больной: надеюсь, что деревенский воздух и благословенная деревенская жизнь укрепят и восстановят ее постепенно, более и более, сполна и вовсе.

Сердечно благодарю вас за желание ваше видеть меня в вашем Радонежьи: но увы! я должен сказать подобно Людмиле:

Не видать мне красных дней,
Не цвести душе моей!..

Знаете ли вы, что на московском небе явилась новая звезда или, лучше, явилось новое созвездие? Мельгунов с супругою! Ш⟨евырев⟩ и П⟨огодин⟩ ездили встречать молодых — и хвалят красоту глаз г-жи Мельгуновой, хотя видели только ее половину.

Возвращаю вам письмо г-жи Смирновой: пишет она умно и довольно правильно: но ведь эти достоинства всё-таки не мешают ей быть сиреною, плавающею в прозрачных водах соблазна: так понимает ее и Хомяков.

Жму вам руку крепко-накрепко.

Ваш *Н. Языков.*

Клев вам на рыбу! и всем вашим мои почитания и поклоны.

66. Н. В. ГОГОЛЮ

⟨Июнь—июль 1845. Москва⟩

Где ты, милый? Что с тобою!?

Я давно уже не получал от тебя ни строчки; полагаю, что это время твоего ко мне неписания — время

переезда твоего из Франкфурта в Гаштейн. Я надеюсь, что Гаштейн поправит твои нервы и освежит всё твое бренное тело, и ты снова прибодришься духом и пойдешь твердо и весело по той дороге, на которой все мы и все наши сердечно желаем тебя видеть!! У нас теперь о тебе слухов мало, и те слабые. А. И. Тургенев видел тебя мельком. Аржевитинов не застал тебя во Франкфурте, Заикин видел тебя еще в Париже, а Мельгунова я еще ⟨не⟩ видал. Он возвратился в Москву и, как слышно, молодец-молодцом, процвел телом от водного лечения и расцвел душою, женившись на красавице.

Моя свояченица Ел. П. Языкова, которую ты знаешь, едет в Гаштейн еще в августе; итак она едва ли найдет тебя там, но я всё-таки пошлю тебе с нею что-нибудь.

Я прочел роман Кулиша «Михайло Чарнышенко»: скука и тоска! Не знаю, о каких отрывках его говоришь ты; где ты читал их?

Мельгунов сказывает, что у В⟨асилия⟩ Андр⟨еевича⟩ уже готовы 12 песен «Одиссеи». Каково действует наш парнасский старейшина? А мы что делаем? О, если бы во всех в нас была хоть десятая часть его славной доблести!

Вышли, одною книжкою, 5⟨-й⟩ и 6⟨-й⟩ №№ «Москвитянина». Напрасно восклицал Погодин, что журнал его воскрес: книжка тощая, слабая, еле дышет и говорит много вздору! Погодинскому редакторству сильно вредит нелюбовь к нему молодого поколения московских книжников и литераторов; не знаю, праведна ли эта нелюбовь, но она ясна, как свет божий: все наши юноши решительно отступились от «Москвитянина» с тех пор, как И. Киреевский его оставил, а под редакцию Киреевского шли они ходко и весело, как жених на брак. Панов — юноша тебе знакомый, и дельный, и благонадежный, собирает альманах; не знаю, удастся ли и эта попытка дать сборное место жаждущим движения... Посылаю тебе письмо Н. Н. Шереметевой. Хомяковы, Свербеевы, Елагины и все мы желаем тебе здоровья и бодрости духа.

Прощай покуда.

Твой *Н. Языков.*

Аксаковы переехали в деревню близ Троицкой лавры и занимаются ужением рыбы; у них цветет благоденствие и сладчайшая деревенская жизнь.

67. Н. В. ГОГОЛЮ

⟨18 февраля 1846. Москва⟩

Я послал тебе несколько книг: тут всё, что вышло у нас нового, хотя сколько-нибудь любопытного; ждут появления нового романа Загоскина и нового же романа Кулиша — и их пришлю, когда выйдут они в свет. Наш «Московский литературный сборник» еще не готов — имеет явиться к святой неделе.

Нынешняя зима у нас крайне тиха, чересчур тиха. Елагины в деревне, Вас. Елагин женился. И. В. Киреевский поздоровел, бодрится и собирается писать. П⟨етр⟩ В⟨асильевич⟩ продолжает сидеть над собранием русских песен (которому уже 16-й год!), и он тоже в деревне. Хомяковы в Москве. Ал⟨ексей⟩ Ст⟨епанович⟩ написал еще прекрасную статью — под стать своим прежним, которые ты знаешь; она будет в нашем сборнике. В Питере, по мнению «Отечеств⟨енных⟩ записок», явился новый гений — какой-то Достоевский; повесть его найдешь ты в сборнике Некрасова. Прочти ее и скажи мне твое о ней мнение: я сам не успел прочесть ее, потому что мои здешние благоприятели, читавшие ее, не похваляют ее! На сцене явилась новая драма: «Смерть Ляпунова», соч. Гедеонова, сынка известного директора театров. Говорят, что она, несмотря на свою бесхарактерность и неестественность, всё-таки сильно действует на публику, пробуждая чувство народности. Я пришлю тебе эту драму, когда она будет напечатана. Панов написал биографию покойного Валуева, которую он уже послал тебе. К. Аксаков сочинил водевиль, и петербургская цензура пропустила его на сцену, к нежданной радости автора. И. Аксаков всю зиму был болен, теперь выздоравливает. Получил ли ты его стихи от Жуковского? Мне кажется, что не все мои письма доходят к тебе. И от А. Анд. Иванова я о сю пору не получаю ответа на мой вопрос, получил ли ты от княгини З⟨инаиды⟩ Волконской книгу «Памятники московской древности»?

Будь здоров и не тоскуй.

Твой *Н. Языков.*

Февраля 18 дня. 1846

68. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

〈22 апреля 1846. Москва〉

Сердечно и душевно благодарю вас за ваши стихи для нашего сборника: сборник будет прекрасный и скоро явится в свет. Простите меня, что я не исполнил вашего желания, чтобы я написал стихи для высочайшей особы: не могу, не умею, силы моей не хватает, духу недостает.

У меня до вас просьба: помогите Сергею Николаевичу Глинке в его деле о «Русском вестнике»: первый ратник Московского ополчения служит и русской литературе честно и благородно! Чижову хочется перекупить у него его журнал, который грозятся похерить наши просветители.

Будьте здоровы.

Ваш *Н. Языков.*

Апреля 22 дня. 1846

69. Н. В. ГОГОЛЮ

〈30 апреля 1846. Москва〉

Больно жаль мне, что ты о сю пору не получил книг, посланных мною еще в январе к князю Вяземскому для передачи гр. Вельгурскому, который и отправил бы их в Рим. На днях послал я еще и тем же путем для тебя книги: 3-ю часть «Новоселья» и «Брынский лес». Напишу Вяз〈емскому〉, чтобы эти направить уже во Франкфурт. Недавно был в Москве Чижов: наш журнал, кажется, состоится и пойдет в ход. Но начало ему не прежде 1848 года. Чижову необходимо заготовить по крайней мере на год статей для журнала, своих собственных: на московских писателей и сотрудников он мало надеется — и справедливо! С ними того и жди, что на мель сядешь, а наобещают с три короба.

Вышли лекции Шевырева; я скажу ему, чтобы он послал их тебе: эти лекции — подвиг важный и бессмертный: теперь перестанут думать, что наша словесность началась с Кантемира. Также придет время, когда увидят, что и история наша началась не с Лефорта!!

Ив. Акс〈аков〉 уехал в Калугу, где он служит в палате. На прошлой неделе давали водевиль К. Акс〈ако-

ва⟩ «Почтовая карета». Я пришлю тебе куплет о Питере и об Москве; автор был вызван и осыпан рукоплесканиями.

Прощай покуда. Будь здоров.

Твой *Н. Языков.*

Апреля 30 дня. 1846

70. А. Н. ВУЛЬФУ

⟨17 мая 1846. Москва⟩

Трудно было мне выручить из московского почтамта альбом, возвратившийся из Старицы, но, слава богу, он опять в верных руках и сегодня же едет снова к тебе; смотри же не упусти его, в другой раз едва ли и отдадут его мне назад. У нас ведь всякое сношение с правительственными местами сопряжено со многими неприятностями и пошлостями! Спасибо тебе за намерение навестить меня: приезжай будущею зимою — буду ждать тебя. Да, мой любезнейший Алексей Николаевич! ровно двадцать лет прошло уже с того времени, как мы отправлялись из Дерпта в Тригорское: много с тех пор воды утекло, многого нет, многих нет! мы постарели! Но честь и слава нам, что мы не изменили ни самим себе, ни друг другу!

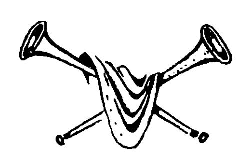
Вези мои поклоны и почтения в Тригорское, всем и каждому, кто меня помнит, и всем местам, кои я помню о сю пору и никогда не забуду.

Я всё еще только собираюсь переехать на дачу: погода не пускает — холодно, сыро, ветрено!

1846 год, кажется, обойдется без весны, по крайней мере до сих пор ее не видно.

Будь здоров. Твой *Н. Языков.*

Мая 17 дня 1846

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящее издание сочинений Н. М. Языкова вошли наиболее характерные и известные стихотворения поэта, его сказки и поэма «Липы», а также избранные письма. Тексты, составляющие каждый из трех разделов сборника, расположены в хронологической последовательности. Стихотворения, сказки и поэма печатаются по изданию: Языков Н. М. Полное собрание стихотворений. Вступ. статья, подготовка текста и примечания К. К. Бухмейер. М. — Л., «Советский писатель», 1964 (большая серия «Библиотеки поэта»). В примечаниях к первым двум разделам учтены также материалы изданий: Языков Н. М. Полное собрание стихотворений. Ред., вступ. статья и комментарии М. К. Азадовского. М.—Л., «Academia», 1934; Языков Н. М. Собрание стихотворений. Вступ. статья, ред. и примечания М. К. Азадовского. Л., «Советский писатель», 1948 (большая серия «Библиотеки поэта»); Языков Н. М. Стихотворения. Сказки. Поэмы. Драматические сцены. Письма. Составление, подготовка текста, вступ. статья и примечания И. Д. Гликмана. М.—Л., Гослитиздат, 1959. К примечаниям приложен словарь мифологических имен, устаревших и малоупотребительных слов, встречающихся в сочинениях и письмах Н. М. Языкова.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ В ПРИМЕЧАНИЯХ СОКРАЩЕНИЙ

ВЕ — «Вестник Европы»

ИВ — «Исторический вестник»

ИРЛИ — Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский дом)

ЛН — «Литературное наследство»

МС — «Москвитянин»

РС — «Русская старина»

ЯА — Языковский архив, вып. 1. Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822—1829). Под ред. и с объяснительными примечаниями Е. В. Петухова. СПб., 1913.

Моя родина (с. 23). *Рона* — река в Швейцарии и Франции. *Альбион*. — древнее название Британских островов. *Арминий* (18 или 16 до н. э. — 19 или 21 н. э.) — вождь одного из германских племен, разгромил римскую армию. *Герой Туискона* — Арминий. (Туискон — в древнегерманской мифологии бог-родоначальник германских племен, в переносном значении — Германия). *Вы, страшные грекам*...— Имеются в виду древнерусские князья, совершавшие походы в Византию. *Наш Арминий* — вероятно, Александр Невский (1220—1263). *Сокрушитель татарских цепей*. — Очевидно, имеется в виду Дмитрий Донской (1350—1389). *Победивший врагов и пустыни* — видимо, Иван IV Грозный (1530—1584) (данная Языковым характеристика соотносится с содержанием поэмы М. М. Хераскова «Россияда» (1779), повествующей о покорении Грозным Казанского ханства).

Песня короля Регнера (с. 24). В основе стихотворения — свободно переработанная Языковым сага о датском короле Регнере Лодброке, возглавлявшем набеги викингов на Англию. *Полночи сыны* — обитатели северных стран.

Языкову А. М., при посвящении ему тетради стихов моих (с. 25).

Языков Александр Михайлович (1799—1874) — средний из братьев Языковых, с которым поэт был особенно близок и под влиянием которого находился. Многосторонне образованный человек, А. М. Языков был тесно связан с литературными кругами, впоследствии увлекался собиранием произведений русского фольклора. *Гибель греческих полков*. — Имеются в виду победы древнерусских князей над византийцами. *Первый родины удар* — Куликовская битва (1380), положившая начало освобождению Руси от татарского ига. *Казнь ужасная татар* — вероятно, покорение Казанского (1552) и Астраханского (1556) ханств Иваном Грозным.

В. М. Княжевичу (с. 28). Отчетливо перекликается с пушкинской «Деревней» (1819), известной в те годы в списках. *Княжевич* Владислав Максимович (1798—1873) — дерптский приятель Языкова, литератор.

Баян к русскому воину при Димитрии Донском, прежде знаменитого сражения при Непрядве (с. 31). *Сражение при Непрядве* — Куликовская битва. *Воейкова* (урожд. Протасова) Александра Андреевна (1797—1829) — жена поэта и журналиста А. Ф. Воейкова (1777—1839), племянница В. А. Жуковского, посвятившего ей балладу «Светлана»; была в дружеских отношениях со многими видными литераторами той поры, оказала влияние на творчество увлеченного ею

в дерптские годы Языкова. Эпиграф — из «Оды российскому воинству. 1813 года генваря 1 дня» второстепенного поэта и переводчика М. Е. *Лобанова* (1787—1846).

Песни. 1. «Полней стаканы, пейте в лад...» (с. 32). *Анакреон* (Анакреонт) (ок. 570—478 до н. э.) — древнегреческий лирик, воспевший любовь, вино, чувственные радости жизни.

5. «Мы пьем — так рыцари пивали...» (с. 35). *...Поет, как Гете приказал.*—Подразумевается «Песнь содружества» (1775) И. В. Гете. *Лифляндские рыцари* — (см. примеч. к с. 50).

6. «Мы любим шумные пиры...» (с. 36). *Наш Август.* — Имеется в виду Александр I (1777—1825). (Август — почетное имя римских императоров, усвоенное затем как титул («августейший») и русскими монархами.)

7. «Счастлив, кому судьбою дан...» (с. 37). *Святой триумвират.*—Речь идет о реакционном Священном союзе (с 1815) монархов Австрии, Пруссии и России. *...в Испании воюют...* — Имеется в виду испанская революция 1820—1823 гг.; в апреле 1823 г. в Испанию, по решению Священного союза, вторглась для подавления революции французская армия.

10. Гимн (с. 39). Пародия на «народный гимн» («Боже, царя храни!»), написанный В. А. Жуковским. Впервые опубликован в лондонской «Полярной звезде» (1859) А. И. Герцена и Н. П. Огарева.

«Скучает воин — без войны...» (с. 39). В одном из списков — под заглавием «Ответ на присланный табак».

Н. Д. Киселеву («В стране, где я забыл мирские насладенья...») (с. 41). Впервые — в «Полярной звезде» (1859), входило в ряд нелегальных сборников. *Киселев* Николай Дмитриевич (1800—1869) — в 1823—1824 гг. один из ближайших друзей Языкова по дерптскому университету; впоследствии крупный дипломат.

Услад (с. 42). Об этом произведении и неосуществленных планах его продолжения см. письмо 7. *Бойцы — смирители болгара* — воины киевского князя Святослава (? — 972), совершавшего походы в Болгарию. *Олег* (? — 912), *Игорь* (? — 945) — киевские князья, совершали походы в Византию. *Цимиский* (Цимисхий) Иоанн— византийский император, выступивший в 971 г. против овладевшего Болгарией Святослава.

К халату (с. 46). Впервые — в «Полярной звезде» (1859). Образцом, вероятно, послужило стихотворение П. А. Вяземского «Прощание с халатом» (1817). *Герострат* — грек, сжегший в 356 г. до н. э. одно из семи чудес света — храм Артемиды Эфесской, чтобы обессмертить свое имя. *Занд* Карл (1795—1820) — немецкий патриот, в 1819 г. убивший кинжалом агента царского правитель-

ства писателя Августа Коцебу. *Лувель* Пьер (1783—1820) — французский рабочий, заколовший в 1820 г. племянника Людовика XVIII — герцога Беррийского.

Ливония (с. 50). Возможно, это стихотворение является предисловием к стихотворной повести «Меченосец Аран» (см. письмо 8). *Ливония* — средневековое название территории Латвии и Эстонии, где в XIII—XVI вв. существовало католическое государство и военная организация завоевавших Ливонию немецких рыцарей-крестоносцев — Ливонский орден (разгромлен русскими войсками в ходе Ливонской войны 1558—1583 гг.). *Рорбах* — см. примеч. на с. 43. ...*Вожди побед, смирители Казани, // Смирялися, бледнея, пред тобой!* — Речь идет о полководцах Ивана Грозного, присоединившего Казанское ханство к России. На втором этапе Ливонской войны русские войска, столкнувшиеся с коалицией враждебных государств, терпели неудачи.

Евпатий (с. 51). *Евпатий* Коловрат — легендарный герой древнерусской «Повести о разорении Рязани Батыем» (XIV в.); упомянут и в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Согласно «Повести», отсутствовал во время нашествия Батыя на Рязань. Вернувшись в разоренный город, собрал небольшой отряд и, догнав ушедшее ханское войско, внезапно напал на него.

Ала (с. 54). *Воины Христовы* — рыцари-крестоносцы. *Магнус* (1540—1583) — датский принц, провозглашенный в Москве королем Ливонии под верховной властью русского царя, впоследствии перешел на службу к польскому королю. Иван Грозный жестоко расправился с защитниками укрывшей Магнуса ливонской крепости Венден. *Паткуль* Иоганн Рейнгольд (1660—1707) — предводитель борьбы ливонского дворянства против шведов. *Удалой король* — шведский король Карл XII (1682—1718).

Катеньке Мойер («Как очаровывает взоры...») (с. 57). *Катенька Мойер* — Е. И. Мойер (род. 1821), дочь дерптского профессора И. Ф. Мойера и М. А. Мойер (ум. 1823), сестры А. А. Воейковой.

А. С. Пушкину («Не вовсе чуя бога света...») (с. 60). Написано в ответ на послание Пушкина от 20 сентября 1824 г. («Издревле сладостный союз...») и было передано Пушкину через А. Н. Вульфа. *Бог света* и *парнасское божество* — Аполлон. *Плешивый косец* — смерть. *Носитель Зевсовых огней* — орел.

Родина (с. 61). *Меченосцы* — рыцари немецкого католического ордена, основанного в 1202 г. в Восточной Прибалтике. Названы по изображению на плащах красного меча с крестом. В 1237 г. слились с рыцарями-тевтонцами, образовав Ливонский орден.

А. А. Воейковой («На петербургскую дорогу...») (с. 62). *Трубадур.* — Выделенное в рукописи, это слово заключало в себе каламбур, понятный окружению поэта (см. письмо 7).

Воскресенье (с. 64). *Рамлер* Карл Вильгельм (1725—1798) — немецкий поэт.

Сон (с. 64). *Сибирская летопись.* — Имеется в виду «Летопись Сибирская, содержащая повествование о взятии Сибирской земли русскими при царе Иоанне Васильевиче Грозном, с кратким изложением предшествующих оному событий» (СПб., 1821).

Новгородская песнь. 1-я. 1170 г. (с. 67). *Ярослав* Мудрый (ок. 978—1054)—новгородский князь, впоследствии киевский великий князь. *Андрей* Боголюбский (ок. 1111—1174) — владимиро-суздальский князь, в 1170 г. пытался подчинить Новгород, но потерпел поражение.

Меченосец Аран (Отрывок) (с. 68). *Меченосец* — см. примеч. к с. 61. *Везер* — река в Германии. *Арминий* —см. примеч. к с. 23. *...Где божий свет крестом преображен...* — Имеется в виду Палестина, место событий, описанных в Библии. *Иордан* — река в Палестине. *Голгофа* — холм в окрестностях Иерусалима, на котором, по преданию, был распят Иисус Христос. *Кедрон* — поток, обтекавший Иерусалим. *Ермон* (иначе Сион) — высочайшая гора Ливана. *Кармил* — гора в Самарии, на которой, согласно преданию, приносил жертву пророк Илия. *Наместник Петра.* — Речь идет о папе римском, считающемся наместником апостола Петра — согласно церковному преданию, первого римского епископа. В этих строках подразумевается благословленный папой крестовый поход. *Магистр* — глава духовно-рыцарского ордена. В данном случае Языков имеет в виду Винно (Винанда) фон Рорбаха.

В альбом Ш. К. (с. 71). *Ш. К.*—вероятно, Шарлотта Карловна фон дер Борг, жена переводчика.

Эпилог (с. 71). Написано в день отъезда А. А. Воейковой из Дерпта в Петербург.

Гений (с. 73). *Елисей* — один из библейских пророков; согласно христианской мифологии, единственный очевидец вознесения своего учителя — пророка Илии, от которого получил в наследие мантию — знак преемственности пророческого духа.

К А. Н. Вульфу («Скажу ль тебе, кого люблю я...») (с. 75). *Вульф* Алексей Николаевич (1805—1881) — в 1822—1826 гг. дерптский студент, в 1829—1833 гг. — гусар, впоследствии помещик. Близкий приятель Языкова и А. С. Пушкина, Вульф содействовал сближению поэтов.

А. Н. Вульфу («Мой брат по вольности и хмелю...») (с. 77). *Дирина Мария* Николаевна (в замужестве фон Рейц) — дерптская знакомая Языкова. В доме Лириных часто собиралась

русская студенческая молодежь. *Моя красавица* — А. А. Воейкова. *Тайный Глинка* — поэт и прозаик Федор Николаевич Глинка (1786—1880), в произведениях которого заметны религиозно-мистические настроения. *Евгений* — Е. А. Баратынский (1800—1844).

Извиненье (с. 78). Написано по поводу вступления на престол Николая I.

Вторая присяга (с. 78). После смерти Александра I как новому императору присягали вначале вел. князю Константину, а после обнародования его отречения — другому брату Александра, Николаю. *Князь-удалец.* — Имеется в виду вел. князь Константин Павлович (1779—1831), известный невыдержанностью характера и пристрастием к военным упражнениям. *Простосердечная присяга.* — Речь идет о стихотворении «Присяга», вписанном Языковым в альбомы Воейковой и Дириной. *...С седла на царство пересесть...* — В царствование Александра I Константин был генерал-инспектором кавалерии.

К Шепелеву («В делах вина и просвещенья...») (с. 82). *Шепелев* Петр Николаевич — товарищ Языкова по дерптскому университету, изучал военные науки. *...Кому работала полгода...* — Здесь и далее речь идет об А. А. Воейковой.

«Не вы ль убранство наших дней...» (с. 83). Написано под впечатлением от казни декабристов (13 июля 1826 г.).

Виленскому (с. 84). *Виленский* Николай — товарищ Языкова по Дерптскому университету.

А. С. Пушкину («О ты, чья дружба мне дороже...») (с. 84). Написано вскоре после возвращения Языкова из имения матери А. Н. Вульфа (П. А. Осиповой) Тригорское, где поэт гостил около полутора месяцев, постоянно общаясь с Пушкиным. Отправлено Пушкину в письме от 19 августа 1826 г. (см. письмо 14). Ответом на это послание стало стихотворение Пушкина «К Языкову» («Языков, кто тебе внушил...»). *Мессина* — город в Сицилии. *Плоды... Мессины* — лимоны. *Наша Геба* — Е. Н. Вревская (Вульф). *Теперь, когда Парнаса воды // Хвостовы черпают на оды...* — Имеются в виду верноподданнические стихотворения, вызванные предстоящей коронацией Николая I. Хвостов Дмитрий Иванович (1757—1835)—поэт и переводчик, эпигон классицизма; его творчество и личность были в те годы обычным объектом сатирических нападок, а имя— синонимом бездарности. *Аспидная доска* — пластинка из черного сланца для записи мелом или грифелем.

К Вульфу, Тютчеву и Шепелеву (с. 85). *Тютчев* Андрей Николаевич (1805—1831) —дерптский приятель Языкова, поэт. *Воинство Христово.* — Имеются в виду рыцари Ливонского ордена. *...Чью душу я боготворил...* — Здесь и далее речь идет об

А. А. Воейковой. *Благоуханными устами* — то есть пахнущими вином. *Теперь, друзья, иное время...* — В 1826 г. Языков начал готовиться к университетскому экзамену. *...Давно ли наши знамена// Освободили полвселенной?* — Имеются в виду Отечественная война 1812 г. и заграничные походы русской армии 1813—1814 гг.

Аделаиде (с. 88). *Аделаида* Турниер — выступавшая в Дерпте цирковая наездница.

Тригорское (с. 88). Одно из высших достижений Языкова в 1820-е гг. «Сейчас видел Ваше «Тригорское»,— писал поэту Пушкин 9 ноября 1826 г.— Спешу обнять и поздравить Вас. Вы ничего лучше не написали, но напишете — много лучшего». *В стране, где вольные живали...*— Речь идет о Псковщине, где расположено Тригорское. Языков имеет в виду древние Новгородскую и Псковскую республики. *Ганза* — торговый и политический союз северонемецких городов, торговавший с Новгородом и Псковом. *...Пока московская гроза // Не пересиливала веча...* — В конце XV — начале XVI вв. Новгород и Псков были подчинены власти московских князей. *...ливонски знамена // Душа геройская водила...* — Видимо, имеется в виду последний магистр Ливонского ордена Кетлер, сражавшийся против России в Ливонской войне. *Стефан* Баторий (1533—1586) — польский король, в 1581—1582 гг. безуспешно осаждал Псков. *Свободный поэт* — Пушкин. *...Там на горе, под мирным кровом...* — то есть в Тригорском. *Жилище граций* — дом в Тригорском, где жили сестры Вульфа.

К Пельцеру (с. 95). *Пельцер* Карл (1801—1863) — товарищ Языкова по университету.

Олег (с. 96). *Олег* (?—912) — киевский князь, совершил победоносный поход в Византию; герой думы Рылеева «Олег Вещий» (1822) и «Песни о вещем Олеге» (1822) Пушкина. *Игорь* (? — 945) — великий князь киевский с 912 г. *Древляне* — союз восточнославянских племен, с конца IX в.—данники Киевской Руси.

Нравоучительные четверостишия (с. 99). Пародии на «Апологи в четверостишиях» (М., 1826) поэта-сентименталиста Ивана Ивановича Дмитриева (1760—1837). По словам А. Н. Вульфа, в создании части пародий принимал участие А. С. Пушкин, но, очевидно, это участие было незначительным.

К П. А. Осиповой (с. 103). *Вдохновенный поэт* — Пушкин. *...один // — Вольтер и Гете и Расин — // Являлся Пушкин знаменитый...*— В период пребывания в Михайловском Пушкин работал над трагедией «Борис Годунов», «Сценой из Фауста», переводил произведения Вольтера, что, вероятно, и послужило основанием для уподобления его сразу трем упомянутым авторам. По наблюдению С. А. Фомичева, выделенные строки содержат намек на записку Пушкина Жуковскому — «Штабс-капитану, Гете, Грею...».

...Мир политических сует... — Речь идет о политических (государственных) науках, изучавшихся Языковым в период подготовки к экзамену.

К няне А. С. Пушкина (с. 105). *Родионовна* — Арина Родионовна Яковлева (1758—1828), няня А. С. Пушкина, с которой поэт особенно сблизился в годы ссылки в Михайловском. *Ареевых наук питомец молодой* — А. Н. Вульф, изучавший военные науки.

Песня («Из страны, страны далекой...») (с. 108). В несколько измененном виде стала одной из популярнейших песен демократического студенчества.

К А. Н. Вульфу («Помнишь ли, мой друг застольный...») (с. 108). Автограф стихотворения датирован 21 апреля (день основания Дерптского университета).

А. Н. Вульфу («Не называй меня поэтом...») (с. 111). Охарактеризовано автором как «послание о журналистах». Вызвано негативным отзывом о Языкове Н. А. Полевого в его журнале «Московский телеграф» (1828, ч. XIX). «Выходка Полевого произвела на меня свое действие: надобно же ознаменовать ее, первую против моей музы, чем-нибудь стиховным,— и вот послание к В⟨ульфу⟩», — писал поэт брату А. М. Языкову 6 июня 1828 г. (ЯА, с. 362). Эпиграф — из оды «К счастью» французского поэта Ж.-Б. Руссо (1671—1741). *Р. А., канастер, вакштаф* — популярные сорта табака. *Киммерион* — мифическая далекая страна, вечно покрытая мраком. Здесь речь идет о планах Языкова переселиться в симбирское имение. *Но где ж она, восторгов сладость...* — Далее речь идет об А. А. Воейковой, уехавшей за границу. *Прежний доброхот* — писатель, литературный критик, историк и журналист Н. А. Полевой (1796—1846), до этого сочувственно отзывавшийся о произведениях Языкова и публиковавший их. *...И возгласил правдиво-смело...* — Далее имеется в виду следующее место рецензии Полевого: «...прозаические напоминания о немецких профессорах, восклицания о вине, табаке, пунше, студенческих беседах, старание выискать новый оборот для старой мысли г-на Языкова ⟨...⟩ — все это, положим, высказанное в самых гладких стихах, но вечно одно и то же, приговорится и прислушается». *«Славянин»* А. Ф. Воейкова, *«Северная пчела»* Ф. В. Булгарина и Н. И. Греча, *«Московский вестник»* М. П. Погодина — периодические издания, в которых печатались стихотворения Языкова. *«Афеней»* («Атеней») — журнал философа, профессора М. Г. Павлова, в 1828 г. напечатавший мелочный критический разбор 4-й и 5-й глав «Евгения Онегина». *«Благонамеренный»* — издававшийся в Петербурге А. Е. Измайловым журнал; был постоянным объектом насмешек писателей пушкинского круга, о его бессодержательности не раз писал и печатавшийся в нем Языков.

А. Н. Вульфу («Прощай! Неси на поле чести...») (с. 113). Стихотворение вызвано известием о предполагаемом участии Вульфа в русско-турецкой войне. *...за свободу // Геллады пламенных сынов...* — Имеется в виду освобождение Греции от турецкого ига. *...Пожар Чесмы, чугун Кагула...* — Речь идет о победных для России сражениях в ходе русско-турецкой войны 1768—1774 гг.

Барону Дельвигу (с. 114). Примыкает к посланию «А. Н. Вульфу» («Не называй меня поэтом...»). Знакомство Языкова с близким другом Пушкина, поэтом А. А. Дельвигом (1798—1831) состоялось в начале 1820-х гг. в Петербурге. Позднее Языков деятельно участвовал в периодических изданиях Дельвига— «Литературной газете», альманахах «Северные цветы» и «Подснежник». *Вдохновенный твой привет.* — Имеется в виду сонет Дельвига «Н. М. Языкову» (1823).

Песня («Пусть свободны и легки...») (с. 116). *Волхов, Тибр и Иппокрена* — в данном случае источники свободы и вдохновения (на реке Волхов расположен Новгород, на реке Тибр — Рим — центры древних республик). *София* — мудрость (греч.); святая София — покровительница вольного Новгорода. Языков обыгрывает в данном случае оба значения слова.

Песня («Разгульна, светла и любовна...) (с. 118). *Марья Петровна* — невеста университетского товарища Языкова.

Отъезд (с. 119). *День великой.* — Имеется в виду день основания Дерптского университета. *...Когда в порфиру облачилась // России новая судьба.* — Речь идет о коронации Николая I. *Герой любви, рапиры и бутылки* — П. Н. Шепелев; после окончания университета он собирался ехать в Персию. *Лихой гусар* — А. Н. Вульф. *Страдалец скуки томной* — А. Н. Тютчев, как и Языков, уехавший из Дерпта, не сдав университетского экзамена. *Ливонские Афины* — Дерпт. *Наставник наш.* — Имеется в виду любимый Языковым профессор Ф. Э. Рамбах (1767—1826), похороненный в Ревеле (Таллин). *...А телом ровня Болеслава...* — Речь идет о польском короле Болеславе I Храбром (967—1025), который, по словам Карамзина, «едва мог двигаться от необыкновенной толщины, но имел дух пылкий и бодрость героя».

К. К. Яниш («В былые дни от музы песнопений...») (с. 123). *Яниш* (в замужестве Павлова) Каролина Карловна (1807—1893) — поэтесса и переводчица, Языков познакомился с нею в 1829 г.

Элегия («Ты восхитительна! Ты пышно расцветаешь...») (с. 124). *Он манием руки // Смиряет конские разбеги и прыжки...* — Следующие строки представляют собой реминисценцию из стихотворения К. Н. Батюшкова «Песнь Гаральда Смелого» (1816).

А. И. (с. 125). Посвящено костромской поэтессе Анне Ивановне Готовцевой (Корниловой).

Пловец («Нелюдимо наше море...») (с. 125). Это произведение, ставшее высшим достижением Языкова 1820-х гг., вызвало восторженные отклики современников. «Поздравляю тебя с «Пловцом»,— писал поэту И. В. Киреевский. — Славно, брат! Он не утонет, В нем все, чего недоставало тебе прежде: глубокое чувство, обнявшись с мыслью. О силе твоих стихов и говорить нечего ⟨...⟩ Это давно известно. Но откуда ты взял такую поэзию чувства и мысли?» (Языков Н. М. Полное собрание стихотворений, М.—Л., 1934, с. 794).

А. Н. Татаринову («Здорово, брат! Поставь сюда две чаши...») (с. 126). *Татаринов* Александр Николаевич (1810—1862) — земляк Языкова и его приятель по Дерптскому университету, автор воспоминаний о поэте. *Наш лучший друг* — В. Ф. Федоров (1802—1855), впоследствии профессор астрономии в Киевском университете, в 1829 г. участвовал в экспедиции на Арарат.

К А. Н. Татаринову («Не вспоминай мне, бога ради...») (с. 128). *...Душа, одетая в черты // Богинь божественной Геллады.*— Имеется в виду А. А. Воейкова.

⟨Дорожные экспромты⟩. Написаны во время пешего путешествия в Троице-Сергиевскую лавру под Москвой, предпринятого Языковым вместе с друзьями.

2. ⟨Село Воздвиженское⟩ (с. 129). *Хованские князья*— отец и сын Хованские, организаторы заговора против царевны Софьи Алексеевны, казнены в 1682 г. *Раупах* Эрнст (1784—1852) — немецкий драматург, автор пьесы «Княгиня Хованская» (1818).

3. ⟨При посылке К. К. Яниш ложки деревянной на колесцах из Троице-Сергиевской лавры⟩ (с. 129). *День чудотворца Николая.* — 9 мая, день именин Н. М. Языкова.

Подражание псалму CXXXVI (с. 130). *В дни плена, полные печали...* — В Библии рассказывается, что вавилонский царь Навуходоносор, захватив и разорив Иерусалим, вывел его население в Вавилон. *Сыны Эдома* — жители враждебной Израилю страны, призывавшие к разрушению Иерусалима; в данном контексте, очевидно, вавилоняне.

Весенняя ночь (с. 135). Вместе с двумя следующими стихотворениями образует цикл, посвященный знаменитой в те годы в Москве цыганской певице Татьяне Дмитриевне Демьяновой (1810—1877) («цыганке Тане»), оставившей воспоминания о Пушкине и Языкове.

«Поэт, вхожу я горделиво...» (с. 137). Стихотворение вписано в альбом близкого знакомого Языкова Ивана Васильевича Киреевского (1806—1856) — известного критика, публициста, пробовавшего силы и в поэзии; впоследствии видного деятеля

славянофильства. *Ты взор и ум трудолюбивый // В дела минувшие вперишь...*— Киреевский служил в ту пору в Московском архиве министерства иностранных дел, но Языков, видимо, имеет в виду его интерес к истории России, проблеме национальной самобытности.

М. А. Максимовичу (с. 138). *Максимович* Михаил Александрович (1804—1873) — литератор, фольклорист и этнограф, профессор ботаники Московского университета, а затем — словесности в Киевском университете, издавал альманах «Денница», в котором принимал участие и Языков.

Пожар (с. 138). *Петерсон* Александр Петрович (род. 1800)— ближайший приятель Языкова в последние годы пребывания в Дерпте, изучал военные науки.

На смерть барона А. А. Дельвига (с. 139). *Олимпа чашница младая* — Геба. *...Душой и лирой древний грек.*— В творчестве Дельвига видное место занимают стихотворения в антологическом роде, античные темы и мотивы. *...Студент и русский человек...* — сам Языков. *И там поэт чистосердечно // Их гимном здравствовал своим...* — намек на сонет Дельвига «Н. М. Языкову». *Бог света* — Аполлон.

Песня («Он был поэт: беспечными глазами...») (с. 141). Посвящено памяти Дельвига.

К. К. Яниш («Вы, чьей душе во цвете лучших лет...») (с. 143). *...Зеленый лавр поэзии чужой...* — Речь идет о переводческой деятельности Яниш, переведшей, в частности, на немецкий язык и несколько стихотворений Языкова.

Воспоминание об А. А. Воейковой (с. 146). *А. А. Воейкова* скончалась 16 февраля 1829 г. в г. Пиза, в Италии.

Камби (с. 151). *Камби* — имение генерала Кноринга под Дерптом, где Языков провел лето 1827 г. *Хранительный мой гений* — А. А. Воейкова.

Пловец («Воют волны, скачут волны...») (с. 152). Об этом стихотворении как о «совершенно шиллеровском» по стихосложению писал А. М. Языкову В. Д. Комовский: «на русском языке я не знаю ничего равного». «Это произведение и высокое наставление «Поэту» ⟨...⟩ — два перла достоинства национального» (24 февраля 1832 г. Неопубликованная переписка А. М. Языкова и В. Д. Комовского, ИРЛИ).

Поэту («Когда с тобой сроднилось вдохновенье...») (с. 154). Одно из программных произведений Языкова начала 1830-х гг. *Саул* — царь израильский; в Библии рассказывается о том, что злой дух, тревоживший Саула, отступал, когда певец Давид играл на гуслях.

В. А. Елагину (с. 157). *Елагин* Василий Алексеевич (1818—1879) — старший сын А. П. Елагиной от второго брака.

А. П. Елагиной (при поднесении ей своего портрета) (с. 158). *Елагина* Авдотья Петровна (урожд. Юшкова, по первому мужу Киреевская, 1789—1877) — мать И. В. и П. В. Киреевских, родственница и друг В. А. Жуковского, переводчица, хозяйка одного из известнейших литературных салонов Москвы. Знакомство Языкова с ней состоялось в 1829 г., в 1830—1831 гг. поэт пробыл в доме Елагиных-Киреевских, где установился культ его творчества, около года. Елагиной посвящен последний сборник Языкова — «Новые стихотворения» (1845). В данном произведении речь идет об известном портрете Языкова в халате работы А. Д. Хрипкова (написан в 1829 г.).

Е. А. Тимашевой (с. 159). *Тимашева* (урожд. Загряжская) Екатерина Александровна (1798—1881) — московская поэтесса, в 1831—1832 гг., как и Языков, принимала участие в альманахе «Северные цветы».

Д. В. Давыдову («Давным-давно люблю я страстно...») (с. 160). Языков и Денис Васильевич *Давыдов* (1784—1839) познакомились в 1831 г. на «девишнике» накануне свадьбы Пушкина и были дружны и в последующие годы. В сопровождении данного послания Языков отправил Давыдову свой сборник стихотворений 1833 г. *...Ты кровью всех врагов России...* — Поэт-воин, прославившийся как герой 1812 года, Давыдов был также участником русско-французской (1806—1807), русско-шведской (1808—1809), русско-турецкой (1809—1810) войн, персидской (в 1826—1827) и польской (1831) кампаний. В 1831 г. окончательно вышел в отставку.

А. Н. Вульфу («Прошли младые наши годы!..») (с. 161). *Прими ж привет, страна родная...* — В 1832 г. Языков вернулся из Москвы на родину, в Симбирскую губернию. *...Вот это пестрое собранье...* — сборник 1833 года, посланный Вульфу в сопровождении этого стихотворения.

Д. В. Давыдову («Жизни баловень счастливый...») (с. 164). Получив это стихотворение, Давыдов писал: «Благодарю — и нет слов у меня довольно возблагодарить вас, любезнейший Николай Михайлович, за поэтический подарок ваш. 〈...〉 Кто противится бессмертию, а вы меня к нему несете, как в поднебесную орел голубя,— мощно и торжественно. Что за стихи! что за прелесть! впрочем, что же не прелесть из произведений ваших?» (РС, 1884, т. XLIII, с. 146). *...Знать, Суворов справедливо // Грудь тебе перекрестил...* — Речь идет о встрече Давыдова с Суворовым в 1793 г., когда полководец благословил будущего поэта и предсказал ему, еще ребенку, блестящее военное будущее. *Удальцов твоих налетом...* — Во время войны 1812 г. Давыдов командовал партизанским кавалерийским отрядом.

П. В. Киреевскому (с. 166). *Киреевский* Петр Васильевич (1808—1856) — младший брат И. В. Киреевского, близкий друг Языкова, собиратель фольклора, историк. *Наследная картина* — село Языково, родовое имение поэта в Симбирской губернии, близ г. Карсун. *...что-нибудь большое.* — В этот период Языков работает над сказкой «Жар-Птица». *...Один, у мыслящей Германии в гостях...* — В 1829—1831 гг. Киреевский слушал лекции в знаменитом в ту пору Мюнхенском университете. *Карлсбад* — Карлови-Вари, известный курорт. *...ты древлерусские обходишь города...* — Изучая историю допетровской России и русский фольклор, Киреевский ездил в Новгород, Старую Руссу и другие города.

Молитва («Моей лампады одинокой...») (с. 168). Посвящено младшей сестре поэта — Екатерине Михайловне Языковой (в замуж. Хомяковой, 1817—1852).

Н. А. Языковой (с. 170). *Языкова* (урожд. Наумова) Наталия Алексеевна — жена А. М. Языкова.

Е. А. Баратынскому (с. 173). Знакомство Языкова с Евгением Абрамовичем *Баратынским* (1800—1844) состоялось в 1824 г. в Петербурге; особенно сближаются поэты в начале 1830-х гг. Баратынский исключительно высоко ценил поэзию Языкова.

Девятое мая (с. 174). *Девятое мая* — день именин Языкова. *...Рюмку синюю твою...* — Рейнские вина пьют из синих прозрачных рюмок. *Висбаден* — курорт в Германии.

Элегия («Здесь горы с двух сторон стоят, как две стены...») (с. 175). *Куранты* — музыкальный механизм. В данном случае, вероятно, шарманка. *...сын Брута или Гракха...* — Речь идет о бродячем актере-итальянце, потомке древних римлян.

Ундина (с. 182). *«Ундина»* — поэма В. А. Жуковского, свободное переложение одноименной прозаической сказки немецкого писателя-романтика Ф. де ла Мотт Фуке (1777—1843); была опубликована полностью в 1837 г.

К Рейну (с. 184). *Погодка верховая* — северо-западный ветер на Волге. *Биармия* — в скандинавских сказаниях VIII — X вв. страна на крайнем северо-востоке Европы, богатая мехом и серебром. *...При звоне синих хрусталей!* — реминисценция из стихотворения К. Н. Батюшкова «Переход через Рейн» (1814) («Вино из синих хрусталей»), подчеркивающая и общую соотнесенность текстов обоих произведений.

Ниццарке (с. 185). *Ниццарка* — жительница Ниццы. *Миньона* — героиня романа И. В. Гете «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1795—1796), по всей видимости, итальянка. Провинцией одного из итальянских государств являлась в 1840 г. и Ницца.

А. А. Елагину (с. 186). *Елагин* Алексей Андреевич (ум. 1846) — муж. А. П. Елагиной. Языков близко сошелся с ним в начале 1830-х гг.

К. К. Павловой («В те дни, когда мечты блистательно и живо...») (с. 187). Ответ на послание К. К. Павловой «Н. М. Языкову» (1840). *В те дни...* — то есть в начале 1830-х гг. *...У Красных у ворот...* — У Красных ворот в Москве находился дом Елагиных, где жил Языков. *Ганау* — старинный город в Германии, курорт.

Песня балтийским водам (с. 188). *...Песню любви удалого Гаральда...* — Имеется в виду древнескандинавская «Песнь Гаральда Смелого», автором которой предание называет норвежского короля Гаральда Смелого (XI в.). В песне говорится о любви Гаральда к его будущей жене — русской княжне Елизавете. Широко известен русский перевод «Песни», принадлежащий К. Н. Батюшкову. *...Почтенно уважили вы // Елагиных...* — Корабль, на котором плыли Елагины, спасся во время бури.

Н. В. Гоголю (с. 189). Знакомство Языкова с Н. В. Гоголем, за творчеством которого поэт внимательно следил с первых его шагов, состоялось 30 июня (н. ст.) 1839 г. в Ганау и вскоре перешло в тесную дружбу. Данное послание написано в ответ на письмо Гоголя от 23 октября 1841 г., в котором он извещал Языкова о своем приезде в Москву и упоминал об имевшемся у писателей плане совместной жизни в этом городе. Стихотворение Языкова пародировано Н. А. Некрасовым («Послание к другу из-за границы», 1845). *Гальм* Фридрих (1806—1871) — австрийский писатель-романтик, на рубеже 1830—1840-х гг. был особенно популярен как драматург. *Ленау* Николаус (1802—1850) — австрийский поэт, представитель революционно-демократического романтизма.

Элегия («В тени громад снеговершинных...») (с. 193). *Постников* Иван Петрович (род. ок. 1814) — молодой врач, сопровождавший Языкова в заграничном путешествии.

Землетрясенье (с. 194). В основу стихотворения положено церковное предание о страшном землетрясении, случившемся в Константинополе в царствование императора Феодосия Младшего (401—450). Согласно легенде, во время всенародного моления, когда землетрясение усилилось, некий отрок был поднят на воздух. Вскоре он невредимо вернулся и рассказал, что слышал ангелов, повелевших ему петь на земле: «Святый боже, святый крепкий, святый бессмертный, помилуй нас». Народ повторил вместе с мальчиком молитву, и землетрясение прекратилось. Стихотворение вызвало восторженный отклик Гоголя, писавшего Языкову 2 декабря 1844 года: «Какое величие, простота и какая прелесть внушенной самим богом мысли!.. Жуковский подобно мне был поражен им и признал его решительно лучшим русским

стихотворением». *...геллеспонтская пучина...* — Геллеспонт — греческое название пролива Дарданеллы.

А. П. Елагиной («Я знаю, в дни мои былые...») (с. 195). В качестве посвящения открывало последний сборник произведений Языкова — «Новые стихотворения» (1845).

А. Д. Хрипкову (с. 196). *Хрипков* Александр Дмитриевич (род. 1799) — художник-пейзажист, товарищ Языкова по Дерптскому университету, был близок поэту и позднее. Автор портрета Языкова (1829). *...муж доблести и боя...* — Речь идет об Алексее Петровиче Ермолове (1777—1861) — ученике Суворова, герое войны 1812 г., в 1816—1827 гг. — командире Отдельного Кавказского корпуса, главноуправляющем Грузией. Фигура неоднозначная, Ермолов благодаря своей независимости и политическому вольномыслию пользовался большой популярностью в декабристских кругах; заподозренный в связях с тайными обществами, был уволен Николаем I в отставку и последние десятилетия жизни провел в опале. Языков состоял в родстве с Ермоловым.

Подражание псалму («Блажен, кто мудрости высокой...») (с. 198). В основу стихотворения положен псалом I.

А. В. Киреевой (с. 199). *Киреева* (урожд. Алябьева) Александра Васильевна (1812—1891) — известная московская красавица.

К ненашим (с. 200). Вызвано обострившейся полемикой между так называемыми славянофилами и западниками (в частности, в связи с публичными лекциями Т. Н. Грановского и С. П. Шевырева), послужило окончательному размежеванию литературно-общественных сил. Распространялось в списках и встретило чрезвычайно резкую реакцию в обществе. Безоговорочно принятое Гоголем («Сам бог внушил тебе прекрасные и чудесные стихи «К не нашим». Душа твоя была орган, а бряцали по нем другие персты».) и М. П. Погодиным, послание Языкова вызвало возмущение Белинского, Некрасова, Герцена, назвавшего его «доносом в стихах» и вспоминавшего в «Былом и думах»: «Умирающей рукой некогда любимый поэт, сделавшийся святошей от болезни и славянофилом по родству, хотел стегнуть нас; по несчастию, он для этого избрал опять-таки полицейскую нагайку» (ч. IV, гл. XXX). Резко реагировали на стихотворение и близкие Языкову люди — А. И. Тургенев, К. С. Аксаков, К. К. Павлова, писавшая в послании «Н. М. Я⟨зыков⟩у»: «Во мне нет чувства, кроме горя, // Когда знакомый глас певца, // Слепым страстям безбожно вторя, // Вливает ненависть в сердца». Важнейшим автокомментарием к этому и следующим полемическим произведениям Языкова являются письма поэта (см. № 60, 61 и др.). В послании автор обрушивается на противников славянофильства. Вероятно, под *«жалким стариком»* подразумевается П. Я. Чаадаев, под

«сладкоречивым книжником» — профессор Московского университета историк Т. Н. Грановский (1813—1855), под *«поклонником темных книг и слов»* — А. И. Герцен, *...русский* бог... *велик.* — Слова, согласно легенде, произнесенные Мамаем после поражения в Куликовской битве; как патриотическая формула получили распространение в манифестах периода войны 1812 г.

Константину Аксакову (с. 201). Продолжает ряд антизападнических посланий. *Аксаков Константин* Сергеевич (1817—1860) — старший сын писателя С. Т. Аксакова, поэт и литературный критик. Видный деятель славянофильства, Аксаков не разрывал, однако, в этот период личных контактов с некоторыми противниками этого течения, отрицательно отнесся к посланию «К ненашим». *...блистательный лакей...* — Имеется в виду Т. Н. Грановский. *Вавилонская блудница* — Париж или, возможно, вся Западная Европа.

К Чаадаеву (с. 202). *Чаадаев* Петр Яковлевич (1794—1856) — одна из влиятельнейших фигур московского общества, знаменитый автор «Философических писем», в которых развивал взгляды, сочетавшие резко критическое отношение к современной России с пессимизмом в отношении к ее прошлому и будущему. *...Ты лобызаешь туфлю пап...* — Намек на приверженность Чаадаева католицизму.

Я. П. Полонскому (с. 203). Написано в ответ на получение от поэта Якова Петровича *Полонского* (1819—1898) его первого сборника стихотворений «Гаммы» (1844).

С. П. Шевыреву (с. 203). *Шевырев* Степан Петрович (1806—1864) — поэт, критик, историк и теоретик литературы, профессор Московского университета, был одним из организаторов журналов «Московский вестник», «Московский наблюдатель», «Москвитянин», в которых участвовал и Языков. В 1840-х гг. заметно усилился консерватизм воззрений Шевырева. Послание Языкова вызвано публичными лекциями Шевырева о древнерусской словесности, задуманными как противовес пользовавшимся огромным успехом лекциям западника Т. Н. Грановского по истории средних веков.

В альбом (с. 204). Обращено к младшей сестре поэта — Е. М. Хомяковой (урожд. Языковой). *1 мая* — день рождения А. С. Хомякова.

Стихи на объявление памятника историографу Н. М. Карамзину (с. 205). Памятник *Н. М. Карамзину* (1766—1826) был открыт 23 августа 1845 г. на его родине в Симбирске. *Тургенев* Александр Иванович (1785—1845) — литературный и общественный деятель, археограф, друг Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, П. А. Вяземского; как Карамзин и Языков, принадлежал к симбирскому дворянству. *Он памятник*

себе воздвиг чудесный, вечный... — Измененная строка из стихотворения Г. Р. Державина «Памятник» (1795), являющегося вольным переложением оды Горация «К Мельпомене». Со стихотворениями подобного типа, утверждающими право писателя на бессмертие (ср. также у Ломоносова, Пушкина) соотносится и вся первая строфа языковского стихотворения, хотя в ней дается не обычная поэтическая самооценка, а характеристика другого автора. *...ясною картиной // В ней обновилась старина.* — Далее текст представляет собой поэтический пересказ «Истории государства Российского», воспринятой Языковым в первую очередь как воскрешающее минувшие эпохи художественное произведение. *...Креста животворящий свет!* — Имеется в виду принятие христианства в качестве официальной религии в России в княжение Владимира (988—989). *...И вот наш Грозный...* — Строки, посвященные Ивану Грозному, вызвали противодействие московской цензуры попыткам опубликовать стихотворение в Москве. *Сын тирана* — Федор Иоаннович (1557—1598). *...тень из гроба восстает...* — Имеется в виду появление самозванца, выдававшего себя за умершего сына Грозного — Дмитрия. *Самозванец новый* — Лжедмитрий II. *Михаил Скопин*-Шуйский (1586—1610) — популярный полководец, освободил Москву от осады Лжедмитрия II. *Братья Ляпуновы* — рязанские дворяне Захарий и Прокопий Ляпуновы, участники борьбы против польской интервенции. *...сотня доблих чернецов...* — Речь идет о знаменитом эпизоде обороны Троице-Сергиевской лавры (1608) от польских войск, ее участниками были и монахи местного монастыря. *...В Москве знамена короля...* — В 1610 г. Москва была захвачена войсками польского короля Сигизмунда III.

И. С. Аксакову (с. 209). *Аксаков* Иван Сергеевич (1823—1886) — сын писателя С. Т. Аксакова, поэт и публицист, впоследствии видный деятель славянофильства. *...Ни кошка-цензура, ни критик-осел.* — Имеются в виду басни И. А. Крылова «Кошка и соловей» (1821—1823) и «Осел и соловей» (1811).

К баронессе Е. Н. Вревской (с. 209). *Вревская* (урожд. Вульф) Евпраксия Николаевна (1809—1883) — сестра А. Н. Вульфа, близкая приятельница А. С. Пушкина, посвятившего ей ряд стихотворений. Летом 1826 г. принимала участие в пирушках Пушкина, Языкова и брата в Тригорском.

К. К. Павловой («В достопамятные годы...») (с. 211). Стихотворение вызвано стремлением Языкова восстановить прежние дружеские отношения с Павловой, испорченные после появления полемических посланий. Однако ответным посланием «Н. М. Я⟨зыков⟩у» Павлова подтвердила свое отрицательное отношение к новой позиции Языкова. *...Долефортовскую Русь...* — Лефорт Франц Яковлевич (1655—1699) — швейцарец, сподвижник Петра I, имевший на него большое влияние и поддерживавший

его западническую ориентацию (что и подчеркивает Языков, полемически называя допетровскую Россию — долефортовской). ...*я ваше // Неизменное копье!* — то есть ваш рыцарь.

Сампсон (с. 212). В основу стихотворения положена библейская легенда о древнееврейском богатыре, сверхъестественная сила которого заключалась в его длинных волосах. Его возлюбленная — филистимлянка Далида — выпытала тайну и остригла волосы спящего Самсона, а затем позвала филистимлян, ослепивших его и заковавших в цепи. За время заключения волосы Самсона отросли, и когда враги привели его в храм, чтобы торжествовать победу, слепой богатырь разрушил здание, под развалинами которого погиб вместе с филистимлянами. *Хомяков* Алексей Степанович (1804—1860) — поэт и публицист, один из крупнейших теоретиков и вождей славянофильства, был другом Языкова, а в 1836 г. женился на его сестре. *Дагон* — верховное божество филистимлян.

«Сияет яркая полночная луна...» (с. 213). Вероятно, к этому, предположительно датируемому стихотворению, относятся слова В. В. Киреевского в письме к А. М. Языкову от 15 июня 1847 г.: «Какое-то неизъяснимо смутное чувство проникает в душу, когда читаешь последние стихи Ник⟨олая⟩ Мих⟨айловича⟩: и отрадно и тяжко. Это хоть не голос умирающего, а что-то прощальное. Поразительно, что его последнее слово и последняя мысль были обращены к отшедшим: к годам студенчества и к Воейковой, как будто он уже подавал голос тому свету» (РС, 1883, № 9).

СКАЗКИ. ПОЭМА

Сказка о пастухе и диком вепре (с. 217). Сюжет заимствован из лубочного сборника «Дедушкины прогулки, или Продолжение настоящих сказок», неоднократно издававшегося в конце XVIII—начале XIX в. *Свербеев* Дмитрий Николаевич (1799—1874) — дипломат, литератор, родственник и друг Языкова. *Нынче мода // На этот род поэзии у нас.* — Начало 1830-х гг. характеризуется обостренным интересом русских писателей к сказочному фольклору, свои произведения в этом жанре создают Пушкин, Жуковский, Даль, Ершов и др. ...*Подобно сфинксу, век пожрет его...* — Согласно греческой мифологии, крылатая полуженщина-полульвица Сфинкс задавала прохожим неразрешимую загадку и затем, не получив ответа, пожирала их.

Жар-Птица (с. 221). Сюжет заимствован из широко известной сказки «О жар-птице и сером волке». *Сократ* (470(469) — 399 до н. э.) — древнегреческий философ, для последующих эпох —

воплощение идеала мудреца. ...*«Авось! Авось!» О, сильно это слово!* — Очевидна перекличка с известным стихотворением И. М. Долгорукого (1764—1823) «Авось» (1798): «О слово милое, простое! ⟨...⟩ Словцо ты русское прямое, // Тебя всем сердцем я люблю!» *Рогер* — вероятно, Рожер II (Roger) (ок. 1095—1154) — первый король Сицилийского королевства, объединивший владения норманов в Сицилии и Южной Италии. *Кизляр-Ага* — главный евнух, одна из высших придворных должностей в старой Турции. Кизляр-ага и *Мустафа* — персонажи драмы Н. В. Кукольника «Роксолана» (1835). *Был чудный царь, великий беспримерно...* — Имеется в виду Петр I. При публикации отрывка из «Жар-Птицы» в 1845 г. этот рассказ был заменен на «Сказку о пастухе и диком вепре», так как отношение Языкова к личности и деятельности Петра стало в это время критическим. ...*Пошел узнать в далеких сторонах...* — Речь идет о заграничном путешествии Петра, предпринятом в 1697—1698 гг., главным образом, для ознакомления с достижениями европейской науки и техники. *Шемякинский суд* — пословичное выражение, обозначающее несправедливый суд, произошло от названия сатирической «Повести о Шемякином суде» (XVII в.). *Кяхта* — город в Бурятии, в XVIII—XIX в. центр русской торговли с Китаем. *Кола* — древний русский город на Кольском полуострове. *Помпеев столб* — колонна, сооруженная римским префектом Помпеем в Египте. *«Кончен, кончен дальний путь...»* — начало известной песни «Казак на родине». *Мельмот* — вечный странник, герой романа английского писателя-романтика Ч. Р. Метьюрина «Мельмот Скиталец» (1820; русский перевод 1833). *Казанова* Джованни Джакомо (1725—1798) — итальянский писатель, герой многочисленных авантюрных приключений. *Дувр* — английский порт на берегу пролива Па-де-Кале. *Сморгонь* — город в Гродненской области, в начале XIX в.— местечко Виленской губернии, известное существовавшим здесь промыслом обучения медведей. Прозванные «учениками Сморгонской академии» дрессированные медведи ходили отсюда с поводырями не только по России, но и по Западной Европе. *Ты сердишься, Юпитер...* — начало древней поговорки: «Юпитер, ты сердишься, значит, ты не прав». *«Лишь только занялась заря...»* — входившая во многие сборники песня XVIII в. ...*Метнем на резвый* — то есть определим, чей черед.

Липы (с. 284). При жизни поэта опубликованы не были. «Московская цензура не только не пропустила моих «Лип», но и сказала, что сочинения подобного духа не должно и представлять в нее», — писал поэт брату А. М. Языкову (РС, 1903, № 3, с. 538). Эпиграф — из предисловия к «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина.

Обширное эпистолярное наследие Н. М. Языкова лишь отчасти известно широкому читателю. Крупнейшими из ныне существующих публикаций писем поэта являются следующие: Письма Н. М. Языкова к Н. В. Гоголю. Публикация В. И. Шенрока (РС, 1896, № 12); Из неизданных стихотворений и писем Н. М. Языкова. Публикация И. А. Бычкова (РС, 1903, № 3); Языковский архив, вып. 1. Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822—1829). Под ред. и с объяснительными примечаниями Е. В. Петухова. СПб., 1913; Н. М. Языков и В. Д. Комовский. Переписка 1831—1833 гг. Публикация М. Азадовского (ЛН, 1935, т. 19—21); Н. М. Языков и Ф. В. Чижов. Переписка 1843—1845 гг. Публикация И. Розанова (Там же); Н. М. Языков. Письма к родным. Публикация А. А. Карпова (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л., 1978) и др. Часть писем известна в отрывках по подборкам Д. Н. Садовникова (Отзывы современников о Пушкине.— ИВ, 1883, № 12) и В. И. Шенрока (Из писем Н. М. Языкова к брату его Александру Михайловичу.— РС, 1903, № 3) и некоторым другим изданиям. В настоящую публикацию включены избранные письма Н. М. Языкова, освещающие наиболее интересные факты жизни и творческой биографии писателя, раскрывающие его мировоззрение, отношение к его постоянным корреспондентам. Значительное число писем печатается впервые.

Все тексты публикуются по автографам, хранящимся: в Институте русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом) (письма к А. С. Пушкину, к родным, к В. А. Елагину, А. А. Иванову, В. Д. Комовскому, М. А. Максимовичу); в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (к А. Н. Вульфу, к А. Н. Очкину); в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина (к Н. В. Гоголю, к М. П. Погодину); в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР (к П. А. Вяземскому, И. В. и П. В. Киреевским). Орфография и пунктуация текстов приближены к современным нормам, за исключением случаев, когда отклонения имеют экспрессивно-смысловой характер либо передают колорит эпохи.

В примечаниях к разделу писем учитывались материалы указанных выше изданий. Имена знакомых и родственников Языкова, не оставивших заметного следа в литературно-общественной жизни той эпохи и лишь упоминаемых поэтом, не комментируются.

1. П. М. Языкову. Впервые: ЯА, с. 7—8. *Языков* Петр Михайлович (1798—1851) — старший из братьев Языковых, известный общественный деятель, геолог и этнограф. *Алексей Андреевич* Ки-

кин — двоюродный дядя Языкова. *Грудев* Геннадий Владимирович (1796—1895) — приятель Языкова, секретарь президента Петербургской Академии наук С. С. Уварова. *...слухи о новой истории...* — Речь идет об известной «норовской истории», произошедшей в Вильно весной 1822 г., когда в ответ на грубость, допущенную великим князем Николаем Павловичем (будущим императором) по отношению к декабристу Василию Сергеевичу *Норову* (1793—1853), другие офицеры лейб-гвардии егерского полка потребовали от Николая дать Норову сатисфакцию, а после отказа решили уйти в отставку. Этот случай был одним из проявлений «вольного духа» в гвардии. *Каратыгин* Василий Андреевич (1802—1853) — ведущий актер-трагик петербургской сцены. 11 марта 1822 г. был заключен в Петропавловскую крепость за несоблюдение субординации (в отношении директора театров Майкова), выпущен через день. *Шаховской* Александр Александрович (1777—1846) — драматург и театральный деятель, некоторое время был наставником покинувшего его затем Каратыгина. *Милорадович* Михаил Андреевич (1771—1825) — военный губернатор Петербурга.

2. А. М. Языкову. Впервые: ЯА, с. 17—20. *Кернер* Теодор (1791—1813) — немецкий поэт, автор романтико-патриотических стихотворений, участник освободительной войны против Наполеона. *«Радогуна»* (1645) — трагедия одного из основоположников французского классицизма Пьера *Корнеля* (1606—1684). *Сидящая на высоте.* — Так Языков называет литературную славу. *Погожев* — близкий знакомый Языкова, литератор-дилетант. *Плавильщиков В. А.* (ум. 1823) — владелец книжного магазина и библиотеки для чтения в Петербурге. *«Прогулки за границу»* — книга писателя-сентименталиста П. И. Сумарокова (ум. 1846). *«Сын любви»* — популярная пьеса немецкого драматурга Августа Коцебу (1761—1819). *Ларив* Жан (1747—1827) — знаменитый французский актер, автор «Курса декламации» (1804—1810). *Семенова* Екатерина Семеновна (1786—1849) — прославленная трагическая актриса. *Катенин* Павел Александрович (1792—1853) — поэт, критик, драматург, переводчик, участник ранних декабристских организаций; в конце 1822 г. за подчеркнутое фрондерство был выслан из Петербурга с запрещением въезда в обе столицы. Крупный театральный авторитет, Катенин был наставником ряда актеров. *Гнедич* Николай Иванович (1784—1833) — поэт и переводчик, под его руководством изучала искусство декламации Е. С. Семенова. *Борг* — Карл Фридрих фон дер Борг (1794—1848), переводчик русских авторов на немецкий язык, в его доме Языков жил некоторое время по приезде в Дерпт. *Озеров* Владислав Александрович (1769—1816) — крупный драматург. *Очкин* Амплий Николаевич (1791—1865) — приятель Языкова, писатель, переводчик, журналист. *...писал... о мальчике...* — Имеется в виду слуга. *«Гаквин».* — Сочинения под таким назва-

нием у Языкова нет. Мысль о подобном произведении возникла, вероятно, при чтении «Введения в историю датскую» Маллета.

3. А. М. Языкову. Впервые: ЯА, с. 29—34. В настоящем издании исключен список книг, приложенный к письму. *...не писать вперед пиитических предуведомлений...* — Речь идет о стихотворении «Языкову А. М., при посвящении ему тетради стихов моих», в котором автор называет возможные темы будущих произведений. *«Нестор».* — Имеется в виду «Нестор. Русские летописи на древлеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные Августом Шлецером. Пер. с нем. Д. Языков». (СПб., 1809—1819). *Перевощиков* Василий Матвеевич (1785—1851) — профессор русской словесности в Дерпте, оказавший поначалу на Языкова значительное влияние; в последние годы пребывания в Дерпте отношение Языкова к филологу-архаисту Перевощикову стало иронически-неприязненным. *Камилл* Марк Фурий (V—IV в. до н. э.) — римский полководец, восстановил разрушенный галлами Рим. *Сленин* Иван Васильевич (1789—1836) — петербургский книгопродавец. *Куницын* Александр Петрович (1783—1840) — юрист, профессор Царскосельского лицея и Петербургского университета (уволен в 1821 г.). *Розенканф* (Розенкампф) Густав Андреевич (1764—1832) — русский юрист, член Комиссии по составлению законов, издал «Труды комиссии составления законов» (СПб., 1804). *История Петра I в 6 томах.* — Речь идет о книге В. Бергмана «Петр Великий как человек и правитель» (т. 1—6). Проспект этого сочинения появился в Дерпте в 1821 г. *Голиков* Иван Иванович (1735—1801) — автор многотомных «Деяний Петра Великого...». *...«История Малороссии» Каменского...* — Имеется в виду «История Малой России» (1822) историка и чиновника Д. Н. Бантыш-Каменского (1788—1850). *...Древние русские стихотворения...* — Имеется в виду неосуществленное издание «Дух русской поэзии, или Собрание старинных русских стихотворений, заслуживающих внимания или по содержанию или по изложению своему», объявление о котором было помещено крупным фольклористом и этнографом Н. А. *Цертелевым* (1790—1869) в 1822 г. в журнале «Северный архив». *...издание оных Калайдовича...* — Речь идет о сборнике «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым» (М., 1818). Это этапное в истории русской фольклористики издание было подготовлено историком и археографом К. Ф. Калайдовичем (1792—1832). *Пришли поскорее «Цида»...* — Имеется в виду «Сид. Трагедия в пяти действиях. Сочинение П. Корнеля. Перевод с французского Павла Катенина». СПб., 1822. *Альманах.* — Вероятно, подразумевается альманах А. А. Бестужева и К. Ф. Рылеева «Полярная звезда». *...Таппе сокращенного Карамзина...* — Имеется в виду «Сокращение Российской истории Н. М. Карамзина», изданное А. Таппе на немецком и французском

языках. *«К войне»* — стихотворение Пушкина «Война» (1821), напечатанное позднее под названием «Мечта воина». *Протасова* (урожд. Бунина) Екатерина Афанасьевна (1771—1848) — сестра В. А. Жуковского, мать А. А. Воейковой. *Кто играл в «Циде» Шимену? неужели Семенова?* — Имеется в виду первое представление «Сида» в переводе Катенина, состоявшееся 14 декабря 1822 г. в бенефис Каратыгина. Роль Химены была исполнена актрисой Валберховой. Вопрос Языкова связан с тем, что Семенова, враждебно относившаяся к Каратыгину, отказывалась играть вместе с ним. *Очкин* Петр Николаевич (1806—1884) — брат А. Н. Очкина, чиновник. *Бахтин* Николай Иванович (1796—1869) — литературный критик, друг П. А. Катенина, сослуживец А. М. Языкова.

4. А. М. Языкову. Впервые: ЯА, с. 52—53. *...я не вступил в университет...* — Языков откладывал поступление в университет из-за недостаточного знания немецкого языка, на котором, главным образом, читались лекции. Поступление состоялось 17 мая 1823 г. *Где победить легко, там не славна победа!* — цитата из трагедии Корнеля «Сид». *Илличевский* Алексей Демьянович (1798—1837) — лицейский товарищ Пушкина, незначительный поэт. *«История» Сегюра* — «Сокращенная всеобщая история древняя и новая, для употребления юношества» (СПб., 1818—1820) французского историка Л.-Ф. Сегюра. *Дмитрий Николаевич* — Д. Н. Свербеев, вернувшийся из заграничной поездки.

5. Обоим братьям. Впервые: ЯА, с. 87—90. *Парот* (Паррот) Георг Фридрих (1767—1852) — знаменитый дерптский профессор физики. *Эверс* Иоганн Филипп Август (1781—1830) — профессор русской истории, затем положительного государственного права и политики, ректор Дерптского университета. *...жду... Карамзина...* — Посвященные царствованиям Федора Иоанновича и Бориса Годунова X и XI тома «Истории государства Российского» вышли в 1824 г. *Грей* Томас (1716—1771) — английский поэт, популярный в России в начале XIX в. *...либеральные мысли во время татарского ига...* — Имеется в виду «Песнь барда во время владычества татар в России». *С буквою Д. ...* — Речь идет о М. Н. Дириной. *...повесть о самозванцах.* — Имеется в виду «Краткая повесть о бывших в России самозванцах» (1774) М. М. Щербатова. *...замечания цензора на стихи Олина...* — Речь идет о стихотворении Валерьяна Николаевича *Олина* (ок. 1788—1841) «Стансы к Элизе» (1822—1823), не пропущенном в печать печально известным цензором А. И. Красовским, который усмотрел в этом абсолютно невинном с цензурной точки зрения произведении насмешки над религией. «Стансы» распространялись в списках вместе с возражениями Красовского как свидетельство невежества и мракобесия цензуры. *Запрещенная книга* — вероятно, упоминаемый в других

письмах «Заговор против русского правительства девяноста шести польских, шотландских, шведских и французских дворян...» (Париж, 1821; 2-е изд.— 1822).

6. А. М. Языкову. Впервые: ЯА, с. 111—113. *«Прибавления» к «Инвалиду»* — приложение к журналу А. Ф. Воейкова «Русский инвалид» — «Новости литературы». *Булгарин* Фаддей Венедиктович (1789—1859) — журналист и писатель, в начале 1820-х гг. был в близких отношениях с некоторыми передовыми литераторами, после 1825 г. перешел на крайне реакционные позиции. На протяжении 1820-х гг. между Языковым и Булгариным существовали лишенные неприязни деловые отношения, резкое изменение в них происходит на рубеже 1820—1830-х гг. *«Литературные листки»* — приложение к журналу Булгарина «Северный архив». Во 2-м номере «Литературных листков» за 1824 год Булгарин писал: «Мы с удовольствием прочли отрывки из поэмы «Боян» (название стихотворения «Услад» в первой публикации.— *А. К.*), соч. г. Языкова. Этот юный поэт весьма много обещает, и его опыты превосходят многие и зрелые труды некоторых старых поэтов». *Пируша* — домашнее прозвище сестры поэта Прасковьи Михайловны Языковой (в замужестве Бестужевой, 1807—1862), *«Мнемозина»* — близкий декабристскому движению альманах, издавался в Москве В. К. Кюхельбекером и В. Ф. Одоевским. Языков сотрудничал в этом издании. *...у Булгарина откроется война с Вяземским...*— В «Известиях о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева», приложенных к сборнику «Стихотворения И. И. Дмитриева» (СПб., 1823), П. А. Вяземский ставил этого писателя как баснописца выше И. А. Крылова. С этой оценкой и спорил Булгарин в своей рецензии на издание сочинений Дмитриева (Литературные листки, 1824, № 2). *«Соревнователь»* — петербургский журнал «Соревнователь просвещения и благотворения». *...нашим куратором будет великий князь Михаил...*— Этот слух не оправдался.

7. Обоим братьям. Впервые: ЯА, с. 117—121. *Пусть всё идет своим порядком...* — цитата из стихотворения Вяземского «Мои желания» (1823). *...коротенькие басенки...* — небольшие басни и апологи И. И. Дмитриева, пародированные впоследствии Языковым (см. с. 99), до своего отдельного издания печатались в альманахе «Полярная звезда» и в «Новостях литературы» Воейкова. *...перевод Жуковского...*— Имеется в виду опубликованный в «Полярной звезде» на 1823 год отрывок из трагедии Шиллера *«Орлеанская дева». «Иванов вечер».* — Речь идет о балладе Жуковского «Замок Смальгольм, или Иванов вечер» (1822), являющейся переводом «Кануна Иванова дня» В. Скотта. Попытка опубликовать это стихотворение вызвала противодействие цензуры, усмотревшей в нем «кощунственное» соединение любовной темы с темой

Иванова вечера — кануна народного праздника, переосмысленного церковью как праздник рождения Иоанна Крестителя. Балладу удалось напечатать лишь в 1824 г., изменив «Иванов день» на «Дунканов день» — несуществующий шотландский праздник. *«Литературные прибавления»* — приложение к журналу Н. И. Греча «Сын отечества». *Голдшмит* (Голдсмит) Оливер (1728—1774) — английский писатель и драматург. *«Баян».* — Речь идет о стихотворении «Услад». *Лебо* Шарль (1701—1778) — французский историк, автор «Истории Восточной Римской империи». *Гиббон* Эдуард (1737—1794) — английский историк, автор «Истории упадка и разрушения Римской империи» — истории Рима и Византии. *...разбор «Истории государства Российского» Лелевеля...* — Имеются в виду критические статьи польского историка и политического деятеля Иоахима *Лелевеля* (1786—1861) («Северный архив», 1822, 1823). *...писем киевского жителя...*— Речь идет о «Письмах от киевского жителя к другу» журналиста, видного историка М. Т. Каченовского (1775—1842), содержавших критику общих исторических взглядов Карамзина и скептические суждения об источниках древней русской истории вообще. *«Валленштейн»* — драматическая трилогия *Ф. Шиллера,* посвященная эпохе Тридцатилетней войны; в центре ее — трагическая и противоречивая фигура исключительного героя. *Кальдерон* де ла Барка Педро (1600—1681) — крупнейший испанский драматург, интерес к его творчеству усилился в России в эпоху романтизма. *Гелти* (Гёльти) Людвиг Генрих Христоф (1748—1776) — немецкий поэт-лирик. *Плетнев* Петр Александрович (1792—1865) — критик, журналист, второстепенный поэт. *Туманский* Василий Иванович (1800—1860) — известный в 1820-х гг. поэт-элегик. *...отечества и дым нам сладок и приятен!* — цитата из стихотворения Г. Р. Державина «Арфа» (1798). *...перевод «Пустынника» Даленкурова...* — Речь идет о романе «Пустынник» французского писателя Виктора д'Арленкура (1789—1856).

8. Обоим братьям. Впервые: ЯА, с. 123—126. *...отправил... небольшую пьесу с посвящением Елизавете Петровне Ивашевой...*— Речь идет, очевидно, о стихотворении «Ливония», опубликованном в альманахе «Мнемозина» (1825) с посвящением Е. П. Языковой (урожд. Ивашевой, род. 1805) — жене (в 1824 г. — невесте) П. М. Языкова. *Мишо* Жозеф-Франсуа (1767—1839) — французский историк. *...перевод Жуковского «Орлеанской девы»...* — опубликован в издании сочинений Жуковского в 1824 г. *Параша* — П. М. Языкова (Бестужева). *«Енеида»* («Энеида») — эпическая поэма римского поэта Вергилия (70—19 до н. э.), классический образец эпопеи. *Кикин* Петр Андреевич (1775—1834) — двоюродный дядя Языкова, сенатор, статс-секретарь по принятию прошений на высочайшее имя. *Кислотвор* — иначе «кислород»; намекая на влюбленность брата

в Е. П. Ивашеву, Языков, очевидно, имеет в виду свойство кислорода поддерживать горение.

9. А. М. Языкову. Впервые: ЯА, с. 157—159. *«Онегин» мне очень, очень не понравился...* — Речь идет о первой главе «Евгения Онегина», вышедшей 15 февраля 1825 г. с кратким предисловием и стихотворением «Разговор книгопродавца с поэтом» в качестве введения. *Валуев* Александр Дмитриевич — муж старшей сестры Языкова Александры Михайловны. *Клейн.* — Вероятно, имеется в виду немецкий теолог-протестант Ф. А. Клейн (?—1823), несколько книг которого были изданы в Германии в конце 1810-х — начале 1820-х гг. *Об Пукевиле...* — Речь идет о запрещенной в России «Истории возрождения Греции, содержащей в себе обзор событий от 1740 до 1824 г.» (Париж, 1824; 2 изд. — 1825) французского литератора и путешественника Ф.-Ш. *Пуквиля* (1770—1838).

10. П. М. Языкову. Впервые: ЯА, с. 159—160. *Языковская контора* — то есть семья Языковых.

11. А. М. Языкову. Впервые: ЯА, с. 205—206, где неверно датировано 12 сентября 1825 г. *Шихматов.* — Имеется в виду поэт-архаист С. А. Ширинский-Шихматов (1783—1837). В статье «Разбор поэмы князя Шихматова «Петр Великий» (1825) В. К. Кюхельбекер, высоко оценивая творчество поэта, отмечал «решительное сходство» Шихматова и Кальдерона. *Грис* — переводчик Кальдерона на немецкий язык, подготовил шеститомное издание Кальдерона, которое и читал Языков. *Елизавета Петровна* — Е. П. Языкова. *Катуша* — прозвище Е. М. Языковой (Хомяковой). *Тик* Людвиг (1773—1853) — немецкий писатель-романтик. *Аладьин* Егор Васильевич (1796—1860) — писатель, издатель «Невского альманаха», в котором участвовал Языков.

12. П. М. Языкову. Впервые: ЯА, с. 237—238. *Эх, Петр Михалыч, дурно, брат!* — Перефразированные слова Фамусова из 2-го действия «Горя от ума». *Татаринов* Николай Ильич — симбирский помещик, отец А. Н. Татаринова. *Семенов Степан* Михайлович (1789—1852) — знакомый Д. Н. Свербеева, чиновник, секретарь Коренной управы Союза Благоденствия (с 1819), впоследствии член Северного общества; 2 января 1826 г. заключен в крепость, затем выслан на службу в Сибирь. *...Очкины оба...* — А. Н. и П. Н. *Очкины,* после событий 14 декабря привлекавшиеся к допросу по подозрению в принадлежности к тайному обществу; освобождены после того, как обнаружилась их непричастность к декабристским организациям. *Елисавета Петровна* — Е. П. Языкова.

13. А. М. Языкову. Впервые: ЯА, с. 248—250. *Веллингтон* Артур Уэлсли (1769—1852) — английский полководец и государственный деятель; в 1826 г. был послан в Россию для поздравления Николая I с восшествием на престол. *...Карамзин... отправился*

в Италию... — Н. М. Карамзин начал болеть в конце 1825 г., скончался 22 мая 1826 г. в Петербурге. Для предполагавшегося вначале путешествия за границу Карамзину был предоставлен фрегат «Елена» и назначена крупная пенсия. *«Венцеслав»*—трагедия Ж. Ротру (1609—1650), переведенная А. А. Жандром. *«Гражданское мужество»* — запрещенная цензурой ода К. Ф. *Рылеева* (1823), распространялась в списках. *Амплий* — А. Н. Очкин. *...речь Магницкого в Казани...* — Имеется в виду произнесенная 15 сентября 1825 г. речь попечителя Казанского учебного округа реакционера и гонителя просвещения М. Л. *Магницкого* (1778—1844), в которой тот восхвалял свою деятельность.

14. А. С. Пушкину. Впервые: РС, 1903, № 3, с. 483—484. Написано после возвращения из Тригорского, где Языков гостил в семье Осиповых-Вульф. *...один мой приятель...* — Видимо, речь идет об А. Н. Очкине, однако не исключено, что Языков имеет в виду Н. И. Бахтина, также собиравшегося издавать альманах на 1827 г. *Прасковья Александровна* — П. А. Осипова.

15. П. М. Языкову. Впервые: ЯА, с. 260—261. *...судьба несчастных возмутителей...* — Речь идет об осужденных декабристах. *А нечего сказать: смягчение наказаний...* — Согласно приговору уголовного суда пять декабристов были приговорены к смертной казни четвертованием, тридцать один человек — к отсечению головы, остальные осуждены на вечную каторгу или разные сроки каторжных работ. Николай I, утверждая приговор, заменил четвертование повешением, отсечение головы — вечной каторгой; соответственно были несколько уменьшены и сроки каторжных работ. *Анна Иоанновна* (1693—1740) — русская императрица, годы ее царствования были одним из самых мрачных периодов русской истории. *Ирод* — властолюбивый и жестокий иудейский царь, которому христианской мифологией приписывается «избиение младенцев» при известии о рождении Христа. *Наколай Ильич.* — Речь идет о Н. И. Татаринове.

16. П. М. Языкову. Впервые: ЯА, с. 289—291. *Пушкин в большой милости у государя...*— Стремясь воздействовать на общественное мнение, Николай I вернул Пушкина в сентябре 1826 г. из ссылки и разыгрывал роль покровителя поэта. *Дюк* — семейное прозвище А. М. Языкова.

17. А. Н. Вульфу. Полностью впервые в кн.: Языков Н. М. Стихотворения. Сказки. Поэмы. Драматические сцены. Письма. М.—Л., 1959, с. 437—438. *...я уже не студент...* — Языков вышел 18 января 1827 г. из состава студентов и начал подготовку к университетскому экзамену. *...в одном сословии с тобою...*— Вульф окончил университет в 1826 г. *...известия о нашем Бейроне.*— Речь идет о Пушкине. *«Московский вестник».*— Этот журнал был основан при активном участии Пушкина, привлекшего к сотрудничеству и Языкова. *Адеркас* Ф. В.— профессор военных наук

в Дерпте. *Вурм* Альберт (1783—1834) — немецкий актер, гастролировавший в России в 1819 и 1827 гг. *...там, где живешь теперь.*— Речь идет о Тригорском.

18. А. Н. Вульфу. Впервые: РС, 1903, № 3, с. 486—487. *...здесь носится молва...* — см. с. 400. *...Тютчев готовится со мною вместе предстать к Иисусу...*— Речь идет о намерении сдавать университетский экзамен.

19. А. М. Языкову. Впервые: ЯА, с. 379—380. *«Дом сумасшедших»* — знаменитая сатира А. Ф. Воейкова на современных литераторов, дополнявшаяся автором на протяжении многих лет.

20. А. Н. Очкину. Впервые: РС, 1903, № 3, с. 484—485. *Что ты думаешь о «Выжигине»...*— Речь идет о нравственно-сатирическом романе Ф. В. Булгарина «Иван Выжигин» (1829), имевшем при выходе успех. *Судя по объявлению Греча...*— Сообщая о выходе «Выжигина», компаньон Булгарина писатель и журналист Н. И. Греч писал о нем как о первом русском романе, оригинальном, независимом от иностранных образцов произведении, и предрекал «Выжигину» читательский успех («Северная пчела», 1829, № 37, 26 марта). *Нарежный* Василий Трофимович (1780—1825) — автор нравственно-сатирических романов, один из которых — «Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова» (1814). *Сомов* Орест Михайлович (1793—1833) — писатель, критик, журналист, помощник Дельвига в его издательских предприятиях.

21. М. П. Погодину. Отрывки из письма в издании: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. 3. СПб., 1890, с. 71. Полностью публикуется впервые. Датируется на основании упоминаний о Пушкине и близком окончании эпидемии холеры в Москве. *Погодин* Михаил Петрович (1800—1875) — историк и археограф, профессор Московского университета, писатель, журналист, известный пропагандист идеи славянского единства, занимал консервативные общественные позиции. Знакомство Языкова с Погодиным состоялось в 1829 г. *«Марфа»* — трагедия Погодина «Марфа Посадница». Отпечатанная и пропущенная цензурой в августе 1830 г., она вследствие политических причин поступила в продажу лишь в конце 1831 г. *Трейтер* Вильгельм Иоганн Готтлоб (Василий Васильевич) (1781 — от 1855 до 1857) — московский врач, литератор-дилетант, пользовался известностью среди русских писателей. Из контекста языковского письма неясно, что имеет в виду автор. Возможно, речь идет об активной деятельности Третейра во время эпидемии холеры в Москве в 1830 году. *Алексей Андреевич* — А. А. Елагин. *Кара небесная.* — Имеется в виду эпидемия холеры 1830 г.

22. А. М. Языкову. Отрывки из письма см.: ВЕ, 1897, т. 6, с. 601; ИВ, 1883, № 12, с. 530—531; ЛН, 1952, т. 58, с. 107 (неточно). Полностью публикуется впервые. *Ивашевы* — родные Е. П. Ивашевой (Языковой). *Петр Андреевич* — П. А. Кикин. *...тризна по Дельвиге...* — А. А. Дельвиг скончался в Петербурге 14 января 1831. *«Яр»* — ресторан в Москве. *«Литературная газета»* — орган писателей пушкинского круга, выходила под редакцией Дельвига, а после его смерти — О. Сомова; ее сотрудником был и Языков. *...предпринимают... издавать... журнал.* — Эти планы остались в тот момент не осуществлены. *...пуще...* — то есть более пустая. *Недоумка* — искаженное Надоумко псевдоним Н. И. Надеждина (1804—1856), профессора эстетики Московского университета, литературного критика, издателя журнала «Телескоп» и еженедельного приложения к нему — «Молвы». *Загоскин* Михаил Николаевич (1789—1852) — писатель, драматург; Языков имеет в виду его исторический роман «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году». *«Петр Выжигин»* — роман Булгарина «Петр Иванович Выжигин» (1831). *...на берега пустынных вод, в широкошумные дубравы...* — неточная цитата из стихотворения Пушкина «Поэт». *...то, для чего я в Москве...* — Языков намеревался сдавать экзамен в Московском университете. *Греф* (Грефф) В. — петербургский книгопродавец. *Петр Никифорович* — П. Н. Ивашев, отец Е. П. Языковой. Далее речь идет о П. М. Языкове и его свояке Ю. С. Хованском.

23. П. М. Языкову. Впервые: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л., 1978, с. 176. *«Ориктография Москвы».* — Книга профессора естественной истории Московского университета Г. И. Фишера фон Вальдгайма (1771—1853) «Ориктография Московской губернии» (М., 1830—1837). *Великое бедствие.* — Имеется в виду эпидемия холеры. *...у Пушкина был девишник...* — На «девишнике» у Пушкина присутствовали также Е. А. Баратынский, П. А. Вяземский, И. В. Киреевский и др. *Иван Чухломской* — крепостной слуга Языкова. *Вильмен* Абель-Франсуа (1790—1870) — французский политический деятель, историк и литературный критик. В письме речь идет о статье «Христианское красноречие в IV веке. Из Вильменя» («Телескоп», 1831, № 13).

24. А. М. Языкову. Впервые: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год, с. 177—178. *Тьерс* (Тьер) Адольф (1797—1877) — французский политический деятель и историк, автор «Истории французской революции» (1823—1827). *Архив.* — Речь идет об Архиве иностранных дел. *...Погодин, кажется, оставит университет...* — Эта мысль возникла у Погодина из-за натянутых отношений с коллегами. Его намерение, однако, не осуществилось. *...да наша троица прославит спасенный чудом уго-*

лок! — Ср. в послании Пушкина «К Языкову» («И наша троица прославит // Изгнанья темный уголок») и в поэме «Бахчисарайский фонтан» («Спасенный чудом уголок»). *«Денница»* — альманах М. А. *Максимовича. Погодин написал... критику на 2 том «Истории русского народа».*— Речь идет о негативной рецензии Погодина на «Историю русского народа» Н. А. Полевого.

25. А. М. Языкову. Отрывок из письма см.: РС, 1903, № 3, с. 529. Полностью публикуется впервые. *...стихи мои...*—Речь идет о «Хоре, петом в Московском благородном собрании по случаю прекращения холеры в Москве». *Семен* Август Иванович — московский книгоиздатель и книгопродавец.

26. А. М. Языкову. Отрывок из письма в кн.: Языков Н. М. Полн. собр. стихотворений. М. — Л., 1934, с. 67. Полностью публикуется впервые. *Ильинское* — одно из живописных мест Подмосковья, где была расположена дача Елагиных-Киреевских. *...жду весенней прохлады...*— Вероятно, описка и следует читать «осенней». *«Рославлев»* — исторический роман М. Н. Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 году» (1831). *«Новик»* — исторический роман И. И. Лажечникова (1792—1869) «Последний Новик» (опубликован в 1831—1833 гг.) *Цшокке* Генрих (1771—1848) — швейцарский писатель, один из популярнейших в те годы зарубежных прозаиков. Языков имеет в виду издание «Повести Генриха Цшокке. Перевод с немецкого, ч. 1—3» (СПб., 1831), объединившее переводы, помещенные ранее в «Сыне отечества». *Главное и единственное занятие и удовольствие составляют мне теперь русские песни.*— Речь идет о начале работы над знаменитым собранием песен П. В. Киреевского, ставшем крупнейшим достижением русской фольклористики XIX в. Одним из инициаторов, а впоследствии активных участников предприятия Киреевского был Языков, привлекший к сбору фольклора и многих своих родных и друзей. *...в краях, тобою теперь посещаемых...*— Речь идет об Уфимской губернии.

27. П. М. Языкову. Публикуется впервые. *...я служу царю и отечеству...*— В сентябре 1831 г. для получения необходимого в глазах тогдашнего общества хотя бы первого чина Языков поступил на службу в Межевую канцелярию. Служба была чисто номинальной. *Яковлев* Алексей Александрович (1795—1868) — химик, двоюродный брат А. И. Герцена, брат по отцу Н. А. Герцен (Захарьиной).

28. А. М. Языкову. Отрывок из письма, ошибочно датированного 1830-м годом, см.: ЛН, т. 19—21, с. 52. Полностью публикуется впервые. *Комовский* Василий Дмитриевич (1803—1851) — чиновник Главного цензурного управления, переводчик, брат лицейского товарища Пушкина, близкий приятель А. М. Языкова. Знакомство с ним Н. М. Языкова состоялось, вероятно, в начале

1820-х гг.; в 1831—1833 гг. Комовский активно содействовал публикации первого сборника произведений поэта. *...просьбы Киреевского об журнале...* — Речь идет о планах издания журнала «Европеец». *Повесть в стихах.*—Возможно, речь идет о поэме «Домик в Коломне» (1830); летом 1831 г. Пушкиным была написана «Сказка о царе Салтане...». *...и выиграю заклад.*—Речь идет о пари, заключенном Языковым с А. А. Елагиным. *Котел*—одно из домашних прозвищ Е. М. Языковой (Хомяковой). *Авдотья Петровна* — А. П. Елагина. *Гермес* Богдан Андреевич (1758 или 1759—1839) — сенатор, директор Межевой канцелярии.

29. А. М. Языкову. Публикуется впервые. *Мерзляков* Алексей Федорович (1778—1830) — поэт, литературный критик, профессор Московского университета. *Давыдов* Иван Иванович (1794—1863) — философ, математик, литератор, с 1831 г. профессор словесности Московского университета. *...важнейшее той тени, которую знамена наши отбросили на стены Константинополя...* — Имеется в виду победоносная для России война с Турцией (1828—1829), в ходе которой русские войска подошли к Константинополю. Любопытна близость этой фразы началу статьи И. В. Киреевского «Обозрение русской словесности 1829 года». *Алексей Кикин напечатал свою галиматью...* — Речь идет о стихотворении «Хор для вальса во время всерадостного присутствия их императорских величеств в Москве» (М., 1831), написанном родственником Языкова с тем, чтобы снискать благосклонность царя. *«Записки» Шишкова* — «Краткие записки адмирала А. Шишкова, веденные им... в бывшую с французами в 1812-м и последующих годах войну» (СПб., 1831). *«Записки» Данилевского* — «Воспоминания. Из записок 1815 года» (СПб., 1831) военного историка А. И. Михайловского-Данилевского *...статьи издателя...* — Имеются в виду статьи И. В. Киреевского «Девятнадцатый век», «Обозрение русской литературы за 1831 год», «Несколько слов о слоге Вильменя». *Степанов* Александр Николаевич — филолог, дерптский товарищ Языкова. *«Горе от ума» здесь играют...* — Премьера комедии состоялась в Москве 27 ноября 1831 года. *Щепкин* Михаил Семенович (1788—1863) — великий русский актер.

30. А. М. Языкову. Отрывки из письма см.: ИВ, 1883, № 12, с. 533—534; ЛН, т. 19—21, с. 48, 56, 58. Полностью публикуется впервые. *Мочалов* Павел Степанович (1800—1848) — крупнейший русский актер, представитель романтизма. *«Горе без ума»* — водевиль П. А. Каратыгина (1805—1879), направленный, по свидетельству автора, против одного из петербургских театральных критиков, а не Н. А. Полевого, как считает Языков. *Орлов* Александр Анфимович (1791—1840) — московский писатель, автор бульварных произведений, из коммерческих соображений выпустивший несколько сочинений, по теме продолжающих романы Булгарина.

Это и было использовано Пушкиным, уравнявшим Булгарина с Орловым в памфлете «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов» (1831, под псевдонимом «Феофилакт Косичкин»). Существовали планы использования Орлова и в борьбе писателей пушкинского круга против Н. А. Полевого. *Сумароков* Панкратий Платонович (1765—1814) — поэт, журналист, автор произведений самого разного характера, в том числе — написанных с чисто коммерческой целью. *Костров* Ермил Иванович (сер. 1750-х—1796) — поэт и переводчик, герой многочисленных анекдотов о Кострове как о вечно пьяном и бесконечно добром бедняке-поэте. *Милонов* Михаил Васильевич (1792—1821) — поэт, большую часть жизни провел в нужде, опустился, пристрастился к водке. *«Известно, что у пьяной рожи огонь пылает из-за кожи».* — Из притчи Александра Петровича Сумарокова (1717—1777) «Пьяница трус». *...купил логику Бахмана...* — Имеется в виду русский перевод (1831) «Системы логики» (1828) немецкого философа К. Ф. Бахмана (1785—1855), осуществленный секретарем духовной цензуры, преподавателем духовной академии Вершинским. *...ты увидишь его сказку о мышах и лягушках...* — Речь идет об опубликованной во втором номере «Европейца» «Войне мышей и лягушек» Жуковского. Ее источником послужила древнегреческая сатирическая поэма. До этого Жуковским были написаны «Сказка о царе Берендее...» и «Спящая царевна». *Ширяев* Александр Сергеевич (ум. 1841) — московский книгоиздатель и книгопродавец.

31. А. М. Языкову. Отрывок из письма см.: ЛН, т. 58, с. 106—107. Полностью публикуется впервые. *Зеленая книга* — рукописный сборник произведений Языкова. *«Северные цветы»* — альманах «Северные цветы» на 1832 год, изданный по инициативе Пушкина в память о Дельвиге и в пользу его семьи; участником альманаха был и Языков. *«Стрельцы»* (СПб., 1832) — исторический роман писателя, переводчика, журналиста Константина Петровича *Масальского* (1802—1861). К моменту написания данного письма Языкову был известен отрывок из «Стрельцов», помещенный в журнале «Московский телеграф».

32. П. М. Языкову. Пересказ заключительного абзаца см.: ИВ, 1883, № 12, с. 536. Полностью публикуется впервые. *Издатель* — И. В. Киреевский. *Цензор Аксаков* — писатель Сергей Тимофеевич Аксаков (1791—1859). *...особенно за то, что там говорится о немцах...* — Имеются в виду критические суждения об иностранцах, ищущих в России свое счастье, но оставшихся чужими этой стране. Они были истолкованы как выпад против николаевских сановников-иностранцев. *Александр Христофорович* — шеф корпуса жандармов А. Х. Бенкендорф. *...это штука Булгарина.* — Булгарина, сердитого на И. В. Киреевского за резко отрицатель-

ный отзыв о романе «Иван Выжигин», подозревали в составлении анонимного доноса на журнал «Европеец». *Дюк* — А. М. Языков. *С. М. С.* — С. М. Семенов.

33. П. М. Языкову. Публикуется впервые. *Фаддей* — Ф. В. Булгарин. *Мои стихотворения...* — Речь идет о готовящемся к печати сборнике «Стихотворения Н. Языкова». *Цветаев Лев* Александрович (1777—1835) — профессор Московского университета, цензор. *Смирдин* Александр Филиппович (1795—1857) — петербургский книгоиздатель и книгопродавец. *Уваров* Сергей Семенович (1786—1855) — литератор, переводчик, консервативный государственный деятель, президент Академии наук; в апреле 1832 г. назначен товарищем министра народного просвещения, с 1834 г. — министр. *...сочинение Броньяра «Tableau и проч.»* — работа французского геолога Александра Броньяра (1770—1847) «Tableau des terrains qui composent l'écorce globe (1829). *Иакинф* (Никита Яковлевич) Бичурин (1777—1853) — китаевед, в течение 14 лет возглавлял русскую духовную миссию в Пекине. *Елизавета Петровна* — Е. П. Языкова. *Мельгунов* Николай Александрович (1804—1867) — писатель, музыкальный критик, композитор, знакомый Языкова. В 1832 г. были изданы его романсы и песни на слова Пушкина, Дельвига, Хомякова. *Ганеман* (Ханеман) Самуэль (1755—1843) — немецкий врач, основатель гомеопатии; в письме, вероятно, речь идет о его работе «Хронические болезни» (1828—1830). *Митинька* — племянник Языкова Дмитрий Александрович Валуев (1820—1845), впоследствии известный историк и статистик. *Делявинь* (Делавинь) Казимир (1793—1843) — французский поэт и драматург, в творчестве которого получили выражение антидеспотические мотивы. В письме Языкова, вероятно, речь идет о его трагедии «Людовик XI».

34. В. Д. Комовскому. Впервые: ЛН, т. 19—21, с. 100. *...мои стихотворения...* — сборник «Стихотворения Н. Языкова» (СПб., 1833). *...стихотворения Катенина...* — сборник «Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина» (ч. 1—2. СПб., 1832), единственный вышедший при жизни писателя. *Собирание стихов...* — Речь идет о духовных стихах, богато представленных в собрании П. В. Киреевского.

35. А. М. Языкову. Отрывок из письма (ошибочно датированного 1 июля) см.: Языков Н. М. Полн. собр. стихотворений. М.—Л., 1934, с. 711—712. Полностью публикуется впервые. *Напрасно время не губи...* — Неполная цитата из послания Д. И. Хвостова «Николаю Михайловичу Языкову» (1827). *Сенковский* Осип Иванович (1800—1858) — писатель, литературный критик, редактор журнала «Библиотека для чтения», выступал под псевдонимом «барон Брамбеус». *Карсун* — уездный город Симбирской губернии, близ него находилось село Языково.

36. П. А. Вяземскому. Отрывок из письма (с неточностями) см.: ЛН, т. 58, с. 112. *...мои стихотворения...* — Речь идет о сборнике 1833 г. *Крюкова Ольга* Петровна (1817—1885) — писательница, в 1833 г. сотрудничала в «Дамском журнале» *П. И. Шаликова* (1767—1852). *Пора, пора, рога трубят!* — цитата из «Графа Нулина» Пушкина.

37. М. А. Максимовичу. Впервые: Листування М. О. Максимовича та Н. М. Язикова (роки 1829—1846).— Литература, 1928. *«Книга Наума о великом божием мире»* (М., 1833) — выдержавшая много изданий научно-популярная книга для народа М. А. Максимовича. *Демидовская награда* — наиболее почетная научная премия тогдашней России, присуждалась за опубликованные труды по науке, технике, искусству. *Для книги о православном, великом и сильном государстве русском...* — Речь идет об одной из книг, якобы написанных Наумом, которые обещает издать Максимович.

38. И. В. Киреевскому. Публикуется впервые. *«Московский наблюдатель»* — двухнедельный журнал, в 1835—1837 гг. издавался при участии Баратынского, И. Киреевского, Хомякова, Шевырева, Языкова и др. *Кукольник* Нестор Васильевич (1809—1868) — поэт, прозаик, драматург; в 1830-х гг. его произведения пользовались большим успехом. *Все зажгу // И в это пламя брошу Роксолану!* — финал драмы Кукольника «Роксолана» (1835). *Петр Васильевич* — П. В. Киреевский. *...стихи его, пропущенные в новом издании...* — Имеется в виду сборник «Стихотворения Евгения Баратынского» (М., 1835). *Повесть Павлова.* — Речь идет о повести Н. Ф. Павлова «Маскарад». Обостренное внимание к этому произведению связано с шумным успехом книги Павлова «Три повести», вышедшей незадолго перед тем. *Письмо А. И. Тургенева...* — В 1-й и 2-й частях «Московского наблюдателя» были напечатаны письма А. И. Тургенева из-за границы. *...в пансионе Павлова...* — Речь идет о М. Г. Павлове. *Дмитрию Николаевичу и Екатерине Александровне...* — Имеются в виду супруги Свербеевы.

39. М. П. Погодину. Отрывки из письма см.: МС, 1846, ч. 6, с. 256; Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. 4, с 353. Полностью публикуется впервые. *Армидины сады* — чудесные сады волшебницы Армиды, героини поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим» (1580). *...в нашей литературе разгорается война...* — Речь идет, очевидно, о выступлениях в «Телескопе» В. Г. Белинского и Н. И. Надеждина против критика «Московского наблюдателя» С. П. Шевырева и о возражениях последнего. *То мир какой-то странный был, // Без неба, света и светил!* — Измененная цитата из поэмы Байрона «Шильонский узник» в переводе В. А. Жуковского (1822). *Спасибо тебе за Герена...* — Имеются в виду «Лекции профессора Погодина по Герену о политике,

связи и торговле главных народов древнего мира» (ч. 1. М., 1835), представляющие собой извлечения из труда немецкого историка А. Герена (1760—1842); вторая часть книги Погодина вышла в 1837 г.

40. Е. М. Языковой. Отрывок из письма см.: ВЕ, 1897, т. 6, с. 609. Полностью публикуется впервые. Вызвано известиями о предстоящем браке сестры поэта Е. М. Языковой и А. С. Хомякова (заключен в июне 1836 г.). *Наталья Алексеевна* — жена А. М. Языкова (урожд. Наумова). *Репьевка* — имение сестры поэта П. М. Бестужевой в Сызранском уезде Симбирской губернии. *Пикоть* — семейное прозвище П. М. Бестужевой (Языковой).

41. А. Н. Вульфу. Впервые: PC, 1903, № 3, с. 488. *Аякс* — прозвище, данное Вульфу в студенческие годы. (Аякс — имя двух героев Троянской войны, персонажей «Илиады» Гомера). *...большие труды.* — Речь идет о драматической сказке «Жар-Птица». *...на берегах ли Сороти...* — то есть в Тригорском.

42. А. С. Пушкину. Впервые: Шляпкин И. А. Из неизданных бумаг А. С. Пушкина. СПб., 1903, с. 234—235. Ответ на пушкинское письмо, посланное 14 апреля 1836 г. из Тригорского и содержащее приглашение участвовать в «Современнике». *Ответ на послание кн. Вяземского...* — Речь идет о стихотворении Вяземского «К Языкову», опубликованном еще в 1834 г. Ответное послание «Князю П. А. Вяземскому» было написано Языковым лишь в 1844 г.

43. А. Н. Вульфу. Впервые: PC, 1903, № 3, с. 488—489.

44. А. Н. Вульфу. Впервые: PC, 1903, № 3, с. 490—491. *Мариенбад* (Марианске-Лазне) — курорт в Чехии. *Коп* (Копп) Иоганн Генрих (1777—1858) — знаменитый немецкий врач. *Гастейн* (Гаштейн) — долина близ Зальцбурга (Австрия), где расположены известные курорты.

45. Родным. Отрывки из письма см.: ВЕ, 1897, т. 6, с. 617, 618. Полностью публикуется впервые. *Крейцнах* — курорт минеральных вод в Пруссии. *Ростопчина* (урожд. Сушкова) Евдокия Петровна (1811—1858) — поэтесса. *Издает ли он русские песни?* — Первая публикация материалов собрания П. В. Киреевского была осуществлена уже после смерти Языкова — в 1848 г.

46. В. А. Елагину. Публикуется впервые. *Петр Васильевич* — П. В. Киреевский. *...не слышу этих жарких и коренных споров...* — Речь идет о завязавшихся в этот период дискуссиях между славянофилами и западниками. *Диц* — владелец гостиницы в Ганау. *Алексей Андреевич* — А. А. Елагин. *Меченосец.* — Имеется в виду П. В. Киреевский. *Армфельд* Александр Осипович (1806—1868) — медик, профессор Московского университета, знакомый Языкова по Дерпту. *Крестьян Иванович* — К. И. Герке, близкий знакомый семьи

поэта Д. Веневитинова. Далее речь идет, вероятно, об А. В. Веневитинове — московском чиновнике, знакомом Языкова.

47. А. М. Языкову. Публикуется впервые. Датируется на основании пометки о получении. *Наше пребывание...* — Языков жил в это время вместе с братом П. М. Языковым. *Арндт* Эрнст Мориц (1769—1860) — немецкий писатель и историк. *Устрялов* Николай Герасимович (1805—1870) — профессор истории Петербургского университета. *А роман Лермантова...* — Речь идет о «Герое нашего времени», вышедшем отдельным изданием в апреле 1840 г. *Правда ли, что Жуковский женится и на немке?* — В 1841 г. 58-летний В. А. Жуковский женился на юной дочери своего друга, немецкого художника Рейтерна — Елизавете.

48. А. М. Языкову. Отрывки см.: Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя, т. 3. М., 1895, с. 351—352. Полностью публикуется впервые. *Елизавета Петровна* — Языкова. *Елагина* — А. П. Елагина. *Петр Александрович* — муж П. М. Бестужевой (Языковой) П. А. Бестужев. *Старик* — прозвище П. М. Языкова. *Наталья Алексеевна* — Н. А. Языкова. *...рыжий немец...* — утомлявший Языкова докучливый посетитель, изображенный в «Элегии» («Есть много всяких мук — и много я их знаю...»).

49. А. М. Языкову. Отрывок из письма см.: ЛН, т. 19—21, с. 369. Полностью публикуется впервые. *...в Церковном же государстве...* — в возглавлявшемся папой теократическом государстве (иначе — Папская область). *Елизавета Петровна* — Е. П. Языкова.

50. П. В. Киреевскому. Публикуется впервые. Датируется на основании упоминания о возвращении в Москву.

51. П. М. Бестужевой. Публикуется впервые. *Сильвестр* — слуга Языкова. *Иноземцев* Федор Иванович (1802—1869) — известный врач, знакомый Языкова по Дерпту. *Балдин* (Болдов) Иван Денисович — управляющий имениями Языковых, принимал участие в записи народных песен. *...публичные лекции проф. Грановского...* — Пользовавшийся успехом курс Грановского произвел поначалу большое впечатление и на таких представителей славянофильства, как Хомяков и П. В. Киреевский, которые и могли поделиться своими впечатлениями с Языковым, не имевшим возможности посещать лекции из-за болезни. *Шапки-мурмолки решительно вошли в моду...* — Старорусская одежда воспринималась славянофилами как внешний признак самобытности, естественности, следования национальному началу. *Аксаков* — К. С. Аксаков. *Петр Александрович* — П. А. Бестужев.

52. Н. В. Гоголю. Впервые: РС, 1896, № 12, с. 617—618. Является ответом на письмо Гоголя от 15 февраля (н. ст.) 1844 г., в котором тот рекомендует поэту посвящать часть каждого утра чтению религиозной литературы. *Боборыкин* Николай

Николаевич (1812—1888) — стихотворец, цензор, знакомый Гоголя. *Филарет* (1782—1867) — митрополит московский и коломенский. *...книгу, которую ты поручаешь ему вручить мне...* — Речь идет о сочинении немецкого средневекового мистика Фомы Кемпийского (1380—1471), русский перевод которого (изд. 4, СПб., 1844) Гоголь рекомендовал Языкову читать по утрам. *Шереметева* (урожд. Тютчева) Надежда Николаевна (1775—1850) — знакомая Гоголя и Языкова, тетка поэта Ф. И. Тютчева. *Василий Андреевич* — В. А. Жуковский. *Что «Одиссея»?* — В 1842—1849 гг. Жуковский переводил «Одиссею» Гомера. *«Наль и Дамаянти»* — изданная в 1844 г. повесть Жуковского, переложение отрывка древнеиндийского эпоса «Махабхарата». *...собрание слов...* — Речь идет о записях областных слов, которые П. М. Языков делал для Гоголя по его просьбе.

53. Е. П. Языковой. Публикуется впервые. *...мои стихотворения...* — Сборник «56 стихотворений Н. М. Языкова» (М., 1844). *«Марш».* — О каком стихотворении идет речь, неизвестно. *Гриша* — сын П. М. и Е. П. Языковых.

54. Н. В. Гоголю. Впервые (со значительными пропусками): РС, 1896, № 12. *«Москвитянин»* — научно-литературный журнал, издававшийся в Москве М. П. Погодиным в 1841—1856 гг. *Образчик первого рода* — стихотворение «Землетрясенье». *У Ив. Киреевского идет работа...* — Речь идет о передаче редактирования «Москвитянина» из рук Погодина И. В. Киреевскому, ставшему во главе журнала в конце 1844 г. Киреевский предполагал привлечь к сотрудничеству людей различных взглядов, однако из-за разногласий с Погодиным был вынужден оставить журнал после выпуска 3-го номера за 1845 г. *Петр Васильевич* — П. В. Киреевский. *Толстой* — знакомый Языкова Иван Петрович Толстой (1810—1873).

55. А. М. Языкову. Отрывок из письма (с неточностями) см.: ВЕ, 1897, т. 6, с. 644. Полностью публикуется впервые. *Шестов* Андрей Петрович (1783—1847) — купец, с 1843 г. московский городской голова. *Шевырев торжествует!* — Речь идет об имевших успех лекциях Шевырева (см. с. 407). *Дмитрий Николаевич* — Д. Н. Свербеев. *Аксаков* — К. С. Аксаков. *Петр Александрович* — П. А. Бестужев.

56. Н. В. Гоголю. Впервые: РС, 1896, № 12, с. 627—628. Является ответом на письмо Гоголя от 2 декабря, содержавшее восхищенный отзыв о «Землетрясенье» Языкова, разделенный и Жуковским *...«металлов крепче он и лучше пирамид!»* — Из стихотворения Г. Р. Державина «Памятник». *Дмитриев* Михаил Александрович (1796—1866) — поэт, консервативный литературный критик. *Народ смотрит на статую Клии...* — Памятник Карамзину в Симбирске (по проекту скульптора С. И. Гальберга) представляет

собой фигуру музы истории Клио на высоком постаменте, на одной из сторон которого помещен бюст Карамзина. *«Царские выходы»* — книга П. М. Строева «Выходы государей, царей и великих князей Михаила Федоровича, Алексия Михайловича, Феодора Алексиевича» (М., 1844). *«Стихотворения» Хомякова* — сборник «24 стихотворения» (М., 1844). *Собрание моих стихотворений...* — Речь идет о сборнике «Новые стихотворения Н. М. Языкова» (М., 1845).

57. А. М. Языкову. Публикуется впервые. *Вигель* Филипп Филиппович (1786—1856) — чиновник, литератор, пользовался дурной репутацией в обществе. *Дмитриев* — М. А. Дмитриев. В своем дневнике А. И. Герцен дает следующую характеристику круга Вигеля — Дмитриева: «Это свой круг стариков, изживших все бедное умственное достояние, непризнанных, отсталых, с ненавистию встречающих каждую мысль...» (запись 17 декабря 1844 г.). *Коптев* Дмитрий Иванович (1821—1867) — литератор. *Дмитрий Николаевич* — Д. Н. Свербеев. *Павлов* Николай Филиппович (1805—1864) — писатель, литературный критик, хозяин литературного салона, муж К. К. Павловой. *...назвал Ермолова шарлатаном!* — Речь идет об А. П. Ермолове. *Марья Васильевна Обрескова* — родственница Языковых и А. П. Ермолова, одна из влиятельных особ московского общества. *Авдотья Петровна* — А. П. Елагина. *Северин.* — Вероятно, речь идет о Д. П. Северине (1792—1865), крупном дипломате, знакомом с Вигелем еще по обществу «Арзамас».

58. А. М. Языкову. Отрывки из письма см.: ВЕ, 1897, т. 6, с. 645—646, 647. Полностью публикуется впервые. *Кантемир* Антиох Дмитриевич (1708—1744) — один из основоположников новой русской сатирической поэзии. *Павловы* — К. К. и Н. Ф. Павловы. *Жилблаз* (Жиль Блаз) — герой знаменитого плутовского романа французского писателя Лесажа «История Жиль Блаза из Сантильяны» (1715—1735). В данном случае под Жиль Блазом подразумевается Н. Ф. Павлов — сын дворового, в прошлом актер, бедный литератор, ставший после женитьбы на К. К. Яниш богатым московским барином. *...экземпляр Фуксу и его супруге.* — Речь идет о профессоре Казанского университета К. Ф. Фуксе (1776—1846) и его жене поэтессе Александре Андреевне (1805—1853). *...мое стихотворение...* — возможно, «Отрок Вячко», опубликованный в 1845 г. в журнале «Библиотека для воспитания». *«Баярд»* — статья Т. Н. Грановского «Рыцарь Баярд» (Библиотека для воспитания, 1845, ч. 2). *...статью о Федоре Ивановиче!* — Речь идет об историческом очерке А. С. Хомякова «Царь Федор Иоаннович» (Библиотека для воспитания, 1844, кн. 1).

59. Н. В. Гоголю. Впервые (с пропуском): РС, № 12, с. 629—630. *...еще одно из моих стихотворений, писанных по ка-*

кому-нибудь поводу... — Речь идет о послании «Константину Аксакову». *...несчастие, поразившее Елагиных...* — смерть сводного брата И. В. Киреевского Андрея Алексеевича Елагина. *Чижов* Федор Васильевич (1811—1877) — известный деятель русского просвещения, профессор математики, журналист, переводчик, впоследствии крупный финансист, в 1840-е гг. стал одним из наиболее близких Языкову людей. *Сергей Андреевич Иванов* (1822—1877) — брат художника А. А. Иванова.

60. Н. В. Гоголю. Впервые: РС, 1896, № 12, с. 631—632. *...дело дошло бы... до дуэли...* — «Стихи Языкова с доносом на всех нас привели к объяснениям, которые, с своей стороны, чуть не привели к дуэли Грановского и Петра Киреевского», — писал А. И. Герцен (дневниковая запись от 10 января 1845 г.). *...где меня ругают как можно чаще...* — Речь идет о статьях В. Г. Белинского «Взгляд на русскую литературу 1844 года» и «И. А. Крылов», в которых затрагивалось творчество Языкова и пародировался его поэтический стиль. *...стихи мои пародируют...* — Вероятно, имеется в виду пародия Н. А. Некрасова «Послание к другу из-за границы» («Литературная газета», 1845, № 5, 1 февраля). *Посылаю тебе еще одно мое стихотворение...* — Речь идет о послании «К Чаадаеву».

61. Н. В. Гоголю. Впервые: РС, 1896, № 12, с. 632—633. *...опровержение на статью Погодина...* — Речь идет о статье П. В. Киреевского «О древней русской истории. (Письмо к М. П. Погодину)» (опубликована в 3-м номере «Москвитянина» за 1845 год), в которой автор выступал против истолкования русского национального характера, предложенного Погодиным в статье «Параллель русской истории с историей западных европейских государств». *...статьи, под коими напечатано К. ...* — то есть статьи И. В. Киреевского, активно печатавшегося в этот период в «Москвитянине». *«Спорт».* — Имеется в виду опубликованная анонимно статья А. С. Хомякова.

62. Н. В. Гоголю. Впервые: РС, 1896, № 12, с. 635—636. *Благодарю за похвалы моим стихотворениям!* — Имеется в виду отзыв Гоголя о стихотворениях Языкова, напечатанных в 1—2-м номерах «Москвитянина» за 1845 г.: «Твои стихотворения, мне неизвестные, к Полонскому, второе к Киреевой и к какому-то живописцу (вероятно, в роде Мокрицкого), прочел с удовольствием» (письмо от 1 мая н. с.). *Мокрицкий* Аполлон Николаевич (1811—1871) — товарищ Гоголя по Нежинской гимназии, художник. *...о моей элегии...* — Речь идет об «Элегии» («Есть много всяких мук — и много я их знаю...»). См. также примеч. к письму 48.

63. А. А. Иванову. Публикуется впервые. Иванов Александр Андреевич (1806—1858) — выдающийся художник, автор

картины «Явление Христа народу», над которой работал более двадцати лет. Его знакомство с Языковым состоялось в 1842 г. в Риме, где Иванов жил с 1830 по 1858 год. *Сергей Андреевич* — брат Иванова — архитектор. *«Памятники московской древности».* — Имеются в виду «Памятники московской древности с присовокуплением очерка монументальной истории Москвы и древних видов и планов древней столицы. Сочинение Ив. Снегирева, с 3 планами и 23 картинами, по рисункам академика Солнцева...» (М., 1842—1845). *Присниц* Винцент (1799—1851) — основатель водного лечения. *Розет* (Россет) Аркадий Осипович (1812—1881) — знакомый Пушкина и Гоголя. *Федор Васильевич* — Ф. В. Чижов.

64. А. М. Языкову. Публикуется впервые. *Станишное* — приволжское имение А. М. Языкова. *Воронцов* Михаил Семенович (1782—1856) — с 1844 г. наместник Кавказа и главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом. *Клейнмихель* Петр Андреевич (1793—1869) — главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями, был известен бесчеловечным отношением к рабочим. *Потемкин* Григорий Александрович (1739—1791) — государственный и военный деятель, фаворит Екатерины II. *Панов* Василий Алексеевич (1819—1849) — писатель-славянофил, редактор «Московских сборников» 1846 и 1847 гг.

65. С. Т. Аксакову. Впервые: Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. Т. 1. Под ред. В. В. Гиппиуса. М. — Л., 1936, с. 158—159. *Радонежье.*— Речь идет об усадьбе Аксаковых Абрамцево, расположенной недалеко от древнего города Радонежа и Троице-Сергиевой лавры, основанной Сергием Радонежским. *Людмила* — героиня баллады Жуковского «Людмила» (1808). Далее следует неточная цитата из этого произведения. *Смирнова* (урожд. Россет) Александра Осиповна (1809—1882) — писательница, близкий друг Гоголя, находилась в дружеских отношениях и с другими писателями.

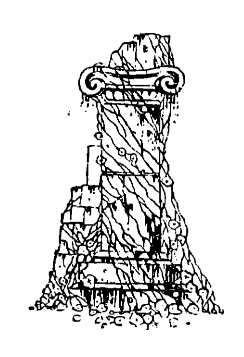
66. Н. В. Гоголю. Впервые: РС, 1896, № 12, с. 643—646, где неверно датировано 1846 г. В настоящем издании датируется на основании сообщения о выходе сдвоенного номера «Москвитянина» и того факта, что в письме А. П. Ермоловой от 3 августа 1845 г. Гоголь уже ссылается на это письмо. *«Михайло Чарнышенко»* — роман украинского писателя и ученого Пантелеймона Александровича *Кулиша* (1819—1897) «Михайло Чарнышенко, или Малороссия восемьдесят лет назад» (ч. 1—3; 1843). *Василий Андреевич* — Жуковский. *Панов... собирает альманах...* — «Московский литературный и ученый сборник», объединивший писателей-славянофилов. В нем было опубликовано стихотворение Языкова «Сампсон».

67. Н. В. Гоголю. Впервые: РС, 1896, № 12, с. 640—641. *Роман Загоскина* — «Брынский лес» (1845). *Роман Кулиша* — исторический роман «Черная рада, хроника 1663 года» (1845—1857). *Петр Васильевич* — П. В. Киреевский. *...повесть его найдешь ты в сборнике Некрасова.* — Речь идет о «Бедных людях» Ф. М. Достоевского, помещенных в «Петербургском сборнике» (1846) Н. А. Некрасова. *Гедеонов* Степан Александрович (1818—1878) — историк, драматург. *К. Аксаков сочинил водевиль...* — Речь идет о водевиле «Почтовая карета» (1845). *Волконская* Зинаида Александровна (1792—1862) — писательница, с 1829 г. жила в Риме.

68. П. А. Вяземскому. Публикуется впервые. *...сборник будет прекрасный...* — Речь идет о «Московском литературном и ученом сборнике» (М., 1846), для которого Вяземский предоставил три стихотворения. *Сергей Николаевич Глинка* (1775—1847) — писатель, журналист, издатель «Русского вестника» (1808—1820, 1824).

69. Н. В. Гоголю. Впервые: РС, 1896, № 12, с. 642—643. *Вельгурский* (Виельгорский) Михаил Юрьевич, граф (1788—1856) — знакомый Гоголя, композитор-дилетант. *«Новоселье»* — альманах, издававшийся в Петербурге А. Ф. Смирдиным. *...наш журнал, кажется, состоится...* — Мысль о создании журнала под редакцией Ф. В. Чижова была у Языкова в последние годы постоянной, на его издание поэт завещал 30 тысяч рублей, но эти планы реализованы не были. *...лекции Шевырева...* — Речь идет о книге «История русской словесности, преимущественно древней», первый том которой вышел в 1845-м, а второй — в 1846 году.

70. А. Н. Вульфу. Впервые (с пропуском): РС, 1903, № 3, с. 495—496. *...альбом, возвратившийся из Старицы...* — Имеется в виду альбом Е. Н. Вревской (Вульф), куда Языковым было вписано стихотворение «К баронессе Вревской».

СЛОВАРЬ

МИФОЛОГИЧЕСКИХ И УСЛОВНО-ПОЭТИЧЕСКИХ ИМЕН И НАЗВАНИЙ, УСТАРЕВШИХ И МАЛОУПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ СЛОВ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В СОЧИНЕНИЯХ И ПИСЬМАХ Н. М. ЯЗЫКОВА

Агава — южное многолетнее растение с большими листьями и множеством душистых цветов.

Аквилон (*лат.*; *греч.* — борей) — сильный ветер северных направлений.

Амврозия (амброзия; *греч. мифол.*) — пища богов, дающая бессмертие и вечную юность.

Аполог — краткое нравоучительное произведение, построенное на аллегорическом изображении животных и растений.

Аргамак — старинное название породистой верховой лошади.

Арей (*греч. мифол.*) — бог войны.

Багряница — надевавшаяся в старину в торжественных случаях царская одежда из дорогой ткани багряного цвета; порфира.

Бард — древнекельтский певец, прославляющий богов и героев; в русской литературе начала XIX века — синоним слова «поэт».

Бахус — см. Вакх.

Баян — легендарный поэт, упоминаемый в «Слове о полку Игореве», нарицательное обозначение древнерусского певца.

Божница — дом, где совершаются религиозные обряды.

Борей — см. аквилон.

Брашно — пища, еда.

Бурсак (от *лат.* bursa; *нем.* Bursch) — студент, член студенческой корпорации.

Вакх (*греч. мифол.*; *рим. мифол.* — Бахус) — одно из имен Диониса, бога плодородия, виноградарства и виноделия.

Вепрь — старинное название кабана.

Вертеп — пещера, ущелье.

Весь — деревня, селение.

Виссон — в священном писании драгоценная ткань, из которой делались великолепные одежды.

Втуне — напрасно, впустую.

Геба (*греч. мифол.*) — богиня вечной юности, подносившая на пирах богам нектар и амброзию.

Геликон (*греч. мифол.*) — одна из трех гор — мест обитания муз (Геликон, Пинд, Парнас).

Гера (*греч. мифол.*; *рим. мифол.* — Юнона) — царица богов, жена Зевса. Отличается властностью, жестокостью, ревнивым нравом.

Гордовый — из гордовины (черной калины).

Грации — см. Хариты.

Демагог — в старом значении слова — революционер, предводитель народного движения.

Денница — утренняя заря, звезда.

Зане́ — так как, потому что.

Иакинф — гиацинт, родиной которого является Греция.

Иппокрена (*греч. мифол.*) — священный источник вдохновения у подножия горы Геликон.

Кавалерский — рыцарский.

Камены (*рим. мифол.*) — музы.

Кастальский источник (*греч. мифол.*) — родник на Парнасе, дарующий вдохновение священный источник Аполлона и муз.

Квестор — в Древнем Риме помощник консула в финансовых и судебных делах.

Кимвал — древний музыкальный инструмент в виде медных тарелок.

Киприда (*греч. мифол.*) — одно из имен богини любви и красоты Афродиты.

Клирос — место для певчих в христианской церкви, возвышение у алтаря.

Клия (Клио; *греч. мифол*) — муза истории.

Коловратно — изменчиво.

Комплот — заговор.

Лель — по бытовавшим в начале XIX века представлениям, божество любви и брака у древних славян.

Ленивка — лежанка у печки.

Лета (*греч. мифол.*) — река забвения в подземном царстве.

Ливанон — Ливан.

Лила, Лилета — условные поэтические имена.

Лития — христианский обряд отпевания усопшего.

Мокой — крупная рыба семейства акуловых.

Мрежи (мрежи) — рыболовные сети.

Мурмолка — старинная русская шапка с плоским верхом.

Н а я д ы (*греч. мифол.*) — божества — обитательницы рек, ручьев, озер.

Н и о б а (Ниобея; *греч. мифол.*) — фиванская царица, гордившаяся многочисленным потомством; навлекла на себя и свой род кару богов, поразивших всех ее детей.

О д и н (*сканд. мифол.*) — бог войны и верховный бог.

О р е с т (*греч. мифол.*) — сын царя Агамемнона, связанный нерасторжимой дружбой с Пиладом; в переносном значении — верный друг.

О т ж е н и — отгони.

О т ъ е з ж и е п о л я — отдаленные от жилья и пашен пустоши, используемые для охоты.

П а ж и т ь — пастбище.

П а ш а л ы к — в султанской Турции — провинция или область, находящаяся под управлением высшего должностного лица — паши.

П е н а т ы (*рим. мифол.*) — боги — хранители домашнего очага; в переносном значении — родной дом.

П и щ у х а — небольшая птица из отряда воробьиных.

П о ж е н у т ь — истребить, уничтожить.

П о л н о ч н ы й — северный.

П р а в е ж — в Древней Руси принудительное взыскание долга, сопряженное с ежедневными телесными наказаниями в течение некоторого срока.

П р а в о с л а в н ы й — в словоупотреблении Языкова часто в значении «истинный» либо «подлинно русский».

П р о з е л и т — новообращенный в какую-либо веру, учение; новый и горячий поклонник.

П р о з я б а т ь — расти, произрастать.

Р а з н о б о я р щ и н а — нечто разнородное, не отличающееся единством.

Р а з ы м ч и в ы й — сильно опьяняющий.

Р а и н ы — тополя.

Р а м е н á — плечи.

С и д я ч к и — куклы.

С и н к л и т — собрание высших сановников.

С и о н — священная гора в Иерусалиме; в переносном значении — весь Иерусалим.

С к а л ь д — древнескандинавский певец.

Скрижали (*библ. мифол.*) — каменные доски с «десятью заповедями»; в переносном значении — то, куда заносятся памятные события, священные тексты и т. д.

Собачеи — псовые охотники.

Станица — стая, отряд.

Стигийская тень (*греч. мифол.*) — тень умершего, обитающая на берегах подземной реки Стикс.

Стогна — площадь, широкая улица.

Талия (*греч. мифол.*) — одна из муз, покровительница комедии.

Терпентин — смолистое вещество, выделяющееся из порезов хвойных деревьев.

Тимпан — древний музыкальный инструмент, род тарелок.

Тоня — участок водоема, предназначенный для ловли рыбы неводами.

Торжище — торговая площадь.

Трефоль — настойка на болотном растении трефоле.

Улисс — название Одиссея у римлян.

Ундина (*герм. мифол.*) — нимфа — обитательница рек, ручьев, озер.

Феб — одно из имен Аполлона.

Феникс — сказочная птица, по представлениям древних, в старости сжигавшая себя и возрождающаяся из пепла молодой; символ вечного обновления, возрождения.

Фиал — чаша.

Филистимляне — древний народ, войны которого с иудеями отражены в Библии; на студенческом жаргоне — все не студенты, обыватели.

Фузея — кремневое ружье.

Хариты (*греч. мифол.*; *рим. мифол.* — грации) — три богини красоты и изящества.

Цевница — музыкальный инструмент, род флейты.

Церера (*рим. мифол.*) — богиня плодородия и земледелия.

Эвтерпа (*греч. мифол.*) — муза лирической поэзии и музыки.

Эдем (*библ. мифол.*) — страна, где до грехопадения обитали Адам и Ева; синоним рая.

Юнона — см. Гера.

Яко пруги — церковнославянское выражение, означающее «как саранча».

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

В указатель вошли имена знакомых Н. М. Языкова, а также современных ему русских литературных и общественных деятелей. Имена, встречающиеся только в текстах Языкова или только в примечаниях к ним, в указатель не включены. Номера страниц, относящихся к разделу «Примечания», набраны курсивом.

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

СКАЗКИ. ПОЭМА

ПИСЬМА

Языков Н. М.

Я41 Сочинения / Сост., вступ. статья, примеч. А. А. Карпова.— Л.: Худож. лит., 1982.— 448 с., 1 л. портр.

В книгу вошли наиболее известные стихотворения, поэма «Липы», стихотворные сказки, а также письма поэта.

Я $\frac{4702010100\text{-}078}{028(01)\text{-}82}$ 37-82 ББК 84.Р1

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ
ЯЗЫКОВ

СОЧИНЕНИЯ

Редактор *А. Славинская*

Художественный редактор
В. Куприянов

Технический редактор
Н. Литвина

Корректор *А. Борисенкова*

ИБ № 2510

Сдано в набор 26.02.82. Подписано в печать 20.09.82. М-19151. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. 23,52+вкл. 0.05 = 23,57 усл. печ. л. 23,99 усл. кр.-отт. 24,47+1 вкл.=24,51 уч.-изд. л. Тираж 100 000 экз. Изд. № ЛII—25. Заказ № 90. Цена 2 р. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература», Ленинградское отделение. 191186, Ленинград, Д-186, Невский пр., 28. Ленинградская типография № 2 головное предприятие ордена Трудового Красного Знамени Ленинградского объединения «Техническая книга» им. Евгении Соколовой Союзполиграфпрома при государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 198052, г. Ленинград, Л-52, Измайловский проспект, 29.